3 1761 06381268 9

Чтецъ-Декламаторъ.

Художественный сборникъ стихотворенiй, монологовъ и разсказовъ.

Для чтенiя въ дивертисментахъ, на драматическихъ курсахъ, литературныхъ вечерахъ и т. п.

I. Declamatorium.

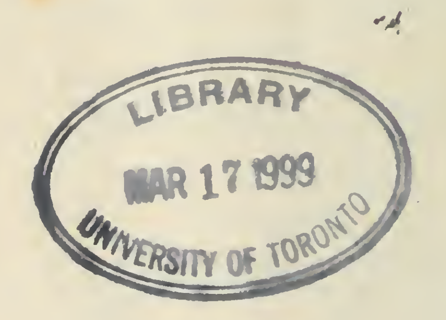
проза и стихи.

II. Сатира и юморъ.

Съ портретами писателей и артистовъ Моск. Художеств. и Императорскихъ театровъ.

Изданiе 4-ое исправлен.

Томъ II-ой



КІЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ „ПЕТРЪ БАРСКІЙ", КРЕЩАТИКЪ № 40.
1909.

Declamatorium: проза и стихи.

Нѣтъ сомнѣнія, что хорошій чтецъ можетъ и долженъ стараться ярче выставить достоинства произведенія, которое онъ читаетъ и, напротивъ, скрыть его недостатки; но только съ условіемъ, чтобы онъ самъ прочувствовалъ эти достоинства и самъ убѣдился въ этихъ недостаткахъ.

Легуве.

Антонъ Чеховъ.

Святою ночью.

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣчонку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Въ воздухѣ было тепло и тихо...

Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло вразсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой, суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома!—сказалъ я.

— А пора ему быть,—отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаешься парома?

— Нѣтъ, я такъ...—зѣвнулъ мужикъ:—люминаціи дожидаюсь. Поѣхалъ бы, да, признаться, пятачка на паромъ нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пятачокъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно... Ужо на этотъ пятачокъ ты за меня тамъ въ монастырѣ свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я и тутъ постою. Скажи на милость, нѣтъ парома! Словно въ воду канулъ!

— Іеронимъ! Іерон-и-имъ!

Точно въ отвѣтъ на его крикъ, съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой низкой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христосъ воскресъ!—сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Іерон-и-мъ!— послышался глухой, протяжный крикъ.

— Съ того берега кричатъ,—сказалъ мужикъ.— Значитъ, и тамъ нѣтъ парома. Заснулъ нашъ Іеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я уже началъ терять терпѣніе и волноваться, но вотъ, наконецъ, вглядываясь въ темную даль

я увидѣлъ силуэтъ чего-то, очень похожаго на висѣлицу. Это былъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такой медленностью, что если бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бы подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй! Іеронимъ!—крикнулъ мой мужикъ.—Баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачнулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канатъ, стоялъ высокій человѣкъ—въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего такъ долго?—спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите Христа ради,—отвѣтилъ тихо Іеронимъ.—Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Іеронимъ взялся обѣими руками за канатъ, изогнулся въ вопросительный знакъ и крякнулъ. Паромъ скрипнулъ и покачнулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня,—значитъ, паромъ поплылъ. Іеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась „люминація“, которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но далѣе въ стороны и позади нихъ, откуда несся бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета: она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво!—сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ Іеронимъ. —Ночь такая, господинъ! Въ другое вре-

мя и вниманія не обратишь на ракеты, а нынче всякой суетѣ радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ... радостный день нынче... — продолжалъ Іеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорятъ выздоравливающіе больные.—Радуется и небо, и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь. Только скажите мнѣ, господинъ хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можетъ скорбей своихъ забыть?

Мнѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызывалъ меня на одинъ изъ тѣхъ, „продлинновенныхъ", душеспасительныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хорошій, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь: въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродьяконъ Николай...

— Что жъ, это Божья воля!—сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ. — Всѣмъ умирать нужно. По моему, вы должны еще радоваться... Говорятъ, что кто умретъ подъ Пасху, или на Пасху, тотъ непремѣнно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И писаніе ясно указываетъ на суету скорби, и размышленіе,—прервалъ молчаніе Іеронимъ:—но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Іеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро:

— Умри я, или кто другой, оно бы, можетъ, и незамѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Никто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его

ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Стою я тутъ на паромѣ и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ мнѣ съ берега голосъ свой подастъ. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай! Спаси, Господи, его душу!

Іеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый!—сказалъ онъ пѣвучимъ голосомъ.—Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ вотъ сейчасъ будутъ пѣть въ заутрени: „О, любезнаго, о, сладчайшаго твоего гласа!“ Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ?—спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно ввѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акаѳисты писать.. — сказалъ онъ.—Чудо, господинъ, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отецъ архимандритъ у насъ изъ московскихъ, отецъ намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ, есть у насъ и іеромонахи разумные, и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродьяконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо! Истинно чудо!

Іеронимъ всплеснулъ руками и, совсѣмъ забывъ про канатъ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Отецъ намѣстникъ затрудняется проповѣди составлять; когда исторію монастыря писалъ, то всю братію загонялъ и разъ десять въ городъ ѣздилъ, а Николай акаѳисты писалъ! Акаѳисты! Это не то что проповѣдь, или исторія!

— А развѣ акаѳисты трудно писать?—спросилъ я.—

— Большая трудность...—покрутилъ головой Іеронимъ.—Тутъ и мудростью и святостью ничего не

подѣлаешь, ежели Богъ дара не далъ. Монахи, которые не понимающіе, разсуждаютъ, что для этого нужно только знать житіе святого, которому пишешь, да съ прочими акаѳистами соображаться. Но это, господинъ, неправильно. Оно конечно, кто пишетъ акаѳистъ, тотъ долженъ знать житіе до чрезвычайности, до послѣдней самомалѣйшей точки. Ну и соображаться съ прочими акаѳистами нужно, какъ гдѣ начать и о чемъ писать. Къ примѣру сказать вамъ, первый кондакъ вездѣ начинается съ „возбранный“ или „избранный“... Первый икосъ завсегда надо начинать съ ангела. Въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему, ежели интересуетесь, онъ начинается такъ: „Ангеловъ творче и Господи силъ“, въ акаѳистѣ къ Пресвятой Богородицѣ: „Ангелъ предстатель съ небесе посланъ бысть“, къ Николаю чудотворцу: „Ангела образомъ, земнаго суща естествомъ“ и прочее. Вездѣ съ ангела начинается. Конечно, безъ того нельзя, чтобы не соображаться, но главное вѣдь не въ житіи, не въ соотвѣтствіи съ прочимъ, а въ красотѣ и сладости. Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтобъ въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго, или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова; „Радуйся, неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима!“ Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: „Радуйся, древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи, радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози!“

Іеронимъ, словно испугавшись чего-то или застыдившись, закрылъ ладонями лицо и покачалъ головой.

— Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное...—пробормоталъ онъ.—Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ

одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно: „Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ“...—сказано въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ! Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобъ каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго. И всякое восклицаніе нужно такъ составить, чтобъ оно было гладенько и для уха вольготнѣй. „Радуйся, крине райскаго прозябенія!“—сказано въ акаѳистѣ Николаю Чудотворцу. Не сказано просто: „криче райскій“, а „крине райскаго прозябенія!“ Такъ глаже и для уха сладко. Такъ именно и Николай писалъ! Точь-въ-точь такъ! И выразить вамъ не могу, какъ онъ писалъ.

— Да, въ такомъ случаѣ жаль, что онъ умеръ,—сказалъ я.—Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаемъ...

Іеронимъ спохватился и побѣжалъ къ канату. На берегу начали перезванивать во всѣ колокола. Вѣроятно, около монастыря происходилъ уже крестный ходъ, потому что все темное пространство за смоляными бочками было теперь усыпано двигающимися огнями.

— Николай печаталъ свои акаѳисты?— спросилъ я Іеронима.

— Гдѣ жъ печатать? — вздохнулъ онъ. — Да и странно было бы печатать. Къ чему? Въ монастырѣ у насъ этимъ никто не интересуется. Не любятъ. Знали, что Николай пишетъ, но оставляли безъ вниманія. Нынче, сударь, новыя писанія никто не уважаетъ!

— Съ предубѣжденіемъ къ нимъ относятся?

— Точно такъ. Будь Николай старцемъ, то, пожалуй, можетъ, братія и полюбопытствовала бы, а то вѣдь ему еще и сорока лѣтъ не было. Были, которые смѣялись и даже за грѣхъ почитали его писаніе.

— Для чего же онъ писалъ?

— Такъ, больше для своего утѣшенія. Изъ всей братіи только я одинъ и читалъ его акаѳисты. Приду къ нему потихоньку, чтобъ прочіе не видѣли, а онъ и радъ, что я интересуюсь. Обнимаетъ меня, по головѣ гладитъ, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя маленькаго. Затворитъ келью, посадитъ меня рядомъ съ собой и давай читать...

Іеронимъ оставилъ канатъ и подошелъ ко мнѣ.

— Мы вродѣ какъ бы друзья съ нимъ были,— зашепталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами. —Куда онъ, туда и я. Меня нѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а все за то, что я отъ его акаѳистовъ плакалъ. Вспоминать трогательно! Теперь я все равно какъ сирота или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простого званія. Говорятъ всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучатъ, шумятъ, кашляютъ, а Николай говорилъ завсегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ, или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка, или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Іеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно вплывали въ заколдованное царство, полное удушливаго дыма, трещащаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, ужъ ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ...— сказалъ Іеронимъ, а Николая нѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церкви?
— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...
— Но развѣ васъ не смѣнятъ?
— Не знаю. Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ! А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...
— Вы монахъ?
— Да-съ... то-есть я послушникъ.

Паромъ врѣзался въ берегъ и остановился. Я сунулъ Іерониму пятачокъ за провозъ и прыгнулъ на сушу.

Нѣсколько шаговъ я сдѣлалъ по грязи, но далѣе пришлось идти по мягкой, свѣжепротоптанной тропинкѣ. Эта тропинка вела къ темнымъ, похожимъ на впадину, монастырскимъ воротамъ сквозь облака дыма, безпорядочную толпу людей, распряженныхъ лошадей, телѣгъ, бричекъ. Все это скрипѣло, фыркало, смѣялось, и по всему мелькали багровый свѣтъ и волнистыя тѣни отъ дыма. Сущій хаосъ! И въ этой толкотнѣ находили еще мѣсто заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

„Какая безпокойная ночь!—думалъ я.—Какъ хорошо!“

Безпокойство и безсонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной темноты и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неугомонная борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди снуютъ съ мѣста на мѣсто, слоняются и какъ будто чего-то ищутъ. Волна идетъ отъ входа и бѣжитъ по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвъ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безпардонномъ шатаніи и толкотнѣ.

Та же необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служенiи. Царскiя врата во всѣхъ придѣлахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей. Чтенiй не полагается никакихъ; пѣнiе суетливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждыя десять минутъ.

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденiемъ, было невыносимо больно за Iеронима. Отчего его не смѣнятъ? Почему бы не пойти на паромъ кому-нибудь менѣе чувствующему и менѣе впечатлительному?

„Возведи окрестъ очи твои, Сiоне, и виждь...— пѣли на клиросѣ:—се бо прiидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя".

Я поглядѣлъ на лица: На всѣхъ было живое выраженiе торжества; но ни одинъ человѣкъ не вслушивался и не вникалъ въ то, что пѣлось, и ни у кого не „захватывало духа". Отчего не смѣнятъ Iеронима? Я могъ себѣ представить этого Iеронима, смиренно стоящаго гдѣ-нибудь у стѣны, согнувшагося и жадно ловящаго красоту святой фразы. Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, упился бы до восторговъ, до захватыванiя духа, и не было бы во всемъ храмѣ человѣка счастливѣе его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своемъ умершемъ братѣ и другѣ.

Я вышелъ изъ церкви. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть мертваго Николая, безвѣстнаго сочинителя акаѳистовъ. Я прошелся около ограды, гдѣ вдоль стѣны тянулся рядъ монашескихъ келiй, заглянулъ въ нѣсколько оконъ и, ничего не увидѣвъ, вернулся назадъ. Теперь я не сожалѣю, что не видѣлъ Николая; Богъ знаетъ, быть можетъ, увидѣвъ его, я утратилъ бы образъ, который рисуетъ теперь мнѣ

мое воображеніе. Этого симпатичнаго поэтическаго человѣка, выходившаго по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпавшаго свои акаѳисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, непонятаго и одинокаго, я представляю себѣ робкимъ, блѣднымъ, съ мягкими, кроткими и грустными чертами лица. Въ его глазахъ, рядомъ съ умомъ, должна свѣтиться ласка и та едва сдерживаемая, дѣтская восторженность, какая слышалась мнѣ въ голосѣ Іеронима, когда тотъ приводилъ мнѣ цитаты изъ акаѳистовъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ воды вѣяло холодомъ и суровостью. Когда я прыгнулъ на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщихъ. Канатъ, влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христосъ воскресъ! Больше никого нѣтъ?— спросилъ тихій голосъ.

Я узналъ голосъ Іеронима. Теперь ночныя потемки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій, узкоплечій человѣкъ, лѣтъ 35, съ крупными округлыми чертами лица, съ полузакрытыми, лѣниво глядящими глазами и съ нечесаной клиновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили?—удивился я.

— Меня-съ?—переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь.—Теперь уже некому смѣнять до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту сейчасъ разговляться пойдутъ-съ.

Онъ да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха, похожей на липовки, въ которыхъ

продаютъ медъ, поналегли на канатъ, дружно крякнули, и паромъ тронулся съ мѣста.

Мы поплыли, безпокоя на пути лѣниво подымавшiйся туманъ. Всѣ молчали. Iеронимъ машинально работалъ одной рукой. Онъ долго водилъ по насъ своими кроткими, тусклыми глазами, потомъ остановилъ свой взглядъ на розовомъ, чернобромъ лицѣ молоденькой купчихи, которая стояла на паромѣ рядомъ со мной и молча пожималась отъ обнимавшаго ее тумана. Отъ ея лица не отрывалъ онъ глазъ въ продолженiе всего пути.

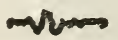
Въ этомъ продолжительномъ взглядѣ было мало мужского. Мнѣ кажется, что на лицѣ женщины Iеронимъ искалъ мягкихъ и нѣжныхъ чертъ своего усопшаго друга.

Антонъ Чеховъ.

* * *

Угрюмый темный день холодными глазами
Въ окно замерзшее безжизненно глядитъ,
И тянутся часы неслышными шагами,
И жизнь въ душѣ моей замкнулась и молчитъ...
А ночью снится мнѣ широкая дорога.
Открытый путь ведетъ куда-то далеко,
Гдѣ свѣтлой радости, гдѣ солнца много-много,
Гдѣ дышется такъ полно и легко.
Задумчивыхъ лѣсовъ мнѣ снятся очертанья...
Ступени синихъ горъ уносятъ въ высоту—
Въ лазурь небесную—мою тоску желанья,
Мою свободную и вѣчную мечту!..

Г. Галина.



В. Башкинъ.

Родина.

Поле раскинулось ровное,
С тихими, скудными нивами.
Зрѣютъ овсы низкорослые;
Рѣчка заснула подъ ивами.
Между плетней повалившихся
Вьется дорога изрытая.
Грѣться на солнце осеннее
Вышла деревня забытая.
Избы, соломою крытыя,
Словно ослабли отъ голода.
Клѣти и риги понурыя
Жмутся другъ къ дружкѣ отъ холода.
Важною, медленной поступью
Съ берега гуси спускаются.
Ветхія, старыя яблони
По вѣтру тихо качаются.
Бѣлое дымное облако
Къ синему югу уносится.

Сердце, тоской утомленное,
Грустно вослѣдъ ему просится.
Мука здѣсь давняя, мертвая,
Горе слѣпое, огромное,
Словно какъ въ ночь непогодную
Небо беззвѣздное, темное.

В. Башкинъ.

Сумерки.

Въ сумеркахъ я подхожу къ окну,
Тишина за мной недвижно встала.
Все вокругъ глубоко воспріяло,
Какъ живую душу, тишину.
Есть восторги жизни у предметовъ:
Часто слышу я, когда одинъ,
Голоса портретовъ и картинъ;
Съ книжныхъ полокъ—музыку поэтовъ.
И одни лишь сумерки полны
Видимой, зеркальной тишины.
Вся беззвучность, но не бездыханность,
Тишина стоитъ, сомкнувъ уста,
И въ ея безмолвьи разлита
Сумерекъ загадочная странность;
Какъ печаль, они плывутъ извнѣ,
Заливаютъ рѣзкость очертаній
И дрожатъ и таютъ на окнѣ
Трепетомъ послѣднихъ угасаній.
Все молчитъ. Лишь скорбь поетъ во мнѣ
Роковую пѣснь воспоминаній.

А. Ѳедоровъ.

* * *

Далекіе міры, какъ огненныя зерна,
Мерцаютъ надъ землей спокойно по ночамъ,
И мы на нихъ глядимъ и страстно и упорно,
И тайнамъ ихъ дивясь, мы учимся мечтамъ.
Мнѣ говорятъ они: „воздушною стезею
Безъ цѣли мы плывемъ, какъ грезы божества.
Ты—слабый человѣкъ, ты—скованный землею,
Но и тебѣ, какъ намъ, даны свои права!"
Волшебная мечта, таинственная дума—
Не тѣ же ли міры? Твой духъ, какъ небеса,
Въ нихъ тайны вѣчныхъ сновъ текутъ какъ мы, безъ шума
И тихія свои свершаютъ чудеса.
Мы смотримся въ тебя, какъ ты въ эфиръ надзвѣздный
Мы проникаемъ въ глубь и сердца и ума...
И вѣчность насъ страшитъ загадочною бездной
И мнится намъ: въ тебѣ не вѣчность ли сама?

К. Фофановъ.

Зимняя ночь.

Лазурь еще свѣтла и алостью прощальной
Пушистые снѣга мерцаютъ на зарѣ,
А ночь уже идетъ дорогою хрустальной,
Вся въ голубыхъ тѣняхъ и въ звѣздномъ серебрѣ.
Застыли облака. Бѣлѣя въ бѣлой нишѣ,
Покоится луна безстрастнымъ божествомъ.
О, ночь! Моя печаль загадочнѣй и тише,
Мнѣ сладко быть одной въ безмолвіи лѣсномъ.
Алмазный, снѣжный сонъ... Обвѣянная тайной
Расширилась душа, покорная мечтѣ,
И тянется въ просторъ зовущій и безкрайный,
Къ непознаннымъ мірамъ, къ предвѣчной красотѣ.

Мнѣ сладко быть одной, о призракъ снѣжнокрылый,
Исполненная чаръ, недышащая ночь!
Какъ будто отъ земли безвластной и унылой
Въ заоблачную даль я уплываю прочь...
Какъ будто я средь звѣздъ, въ лазури небосклона,
Гдѣ вспыхнулъ нѣжный блескъ тріады золотой,
И въ грудь мою скользятъ съ лучами Оріона
Безгорестная тишь, забвенье и покой.

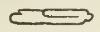
М. Пожарова.

Въ туманѣ.

Темень улицы тоскливой выдаетъ мнѣ домъ за
домомъ.
Городъ смотритъ незнакомымъ, страшно вечеромъ
идти.
Всюду камень, мертвый камень—словно кто-то тяж-
кимъ ломомъ
Между скалъ пробилъ проходы, скалы бросивъ на
пути,
И вершины скалъ застыли убѣгающимъ изломомъ,
И сомкнулись тамъ, въ туманѣ, и въ туманѣ нѣтъ
пути.
Кто-то встрѣтится, исчезнетъ. Воздухъ умеръ. Лу-
жи, слякоть.
Сердцу хочется заплакать, не любить и не прощать.
Все чужое, все не нужно. Небу скучно стало пла-
кать.
Скучно стало краснымъ трубамъ въ небо дымами
дышать.
Перекличкамъ дальнихъ конокъ надоѣло вѣчно
звякать,
И усталому гиганту нечѣмъ въ сумракѣ дышать.
И гигантъ усталый смотритъ въ небо отсвѣтомъ
багровымъ.
И въ туманѣ нездоровомъ утонули фонари.
Сколько жалкихъ, сколько блѣдныхъ—не подъ ти-
химъ, теплымъ кровомъ—

Въ этомъ мертвенномъ туманѣ будетъ бредить до
зари...
Сколько сдавленныхъ проклятій, сколько сновъ о
мірѣ новомъ.
Сколько мыслей и желаній въ немъ возникнетъ до
зари...
Тѣни смутныя мелькаютъ, исчезаютъ въ мутныхъ
безднахъ.
Параллели рельсъ желѣзныхъ убѣгаютъ вмѣстѣ прочь.
Сколько жизней разноцѣнныхъ, міру нужныхъ,
безполезныхъ
Будетъ зачато въ туманѣ въ эту пасмурную ночь...
Сколько жизней пережитыхъ догоритъ въ простран-
ствахъ звѣздныхъ,
Сколько жизней нерасцвѣтшихъ будетъ смято въ
эту ночь...

Евг. Тарасовъ.



* * *

Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу ихъ
вернуть,
Свѣтъ Луны они забыли, потеряли Млечный путь.
Развѣнчавъ Царицу-Воду, отрекаясь отъ Огня,
Измѣнили всю Природу, замокъ Ночи, праздникъ Дня.
Въ тюрьмахъ думъ своихъ, въ сцѣпленьи зданій-скле-
повъ, словъ-могилъ
Позабыли о теченьи Чиселъ Вѣчности, Свѣтилъ.
Но качнулось коромысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звѣзды-Числа, брызнувъ, свѣтятъ здѣсь
въ словахъ.
Здѣсь мои избрали строки, пали въ мой журчащій
стихъ,
Чтобъ звенѣли въ немъ намеки всѣхъ колодцевъ
неземныхъ.
Чтобъ къ Стихіямъ людямъ блѣднымъ показалъ я
свѣтлый путь,
Чтобъ вновь, стихомъ побѣднымъ, въ Царство Солн-
ца всѣхъ вернуть.

К. Д. Бальмонтъ.

Запустѣніе.

...Домой я шелъ по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ, берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣлъ осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,—кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ.
Но вотъ на перевалѣ, за лощиной,
Фруктовый садъ листвою закраснѣлъ,
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостиной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я въ кресло сѣлъ къ окну и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены у балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качалися въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и горестно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,

Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ,
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ...
Пора свести послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень позднюю въ Россіи,
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія,
Любилъ стальную сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ напѣвала русскую тоску.
Но дни идутъ—наскучило ненастье,
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья!

Томитъ меня нѣмая тишина.
Томитъ гнѣзда родного запустѣнье.
Я выросъ здѣсь. Но смотритъ изъ окна
Заглохшій садъ. Надъ домомъ рѣетъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ.
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ,
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ...
Часы стучатъ, и старый домъ беззвучно
Мнѣ говоритъ: „Да, безъ хозяевъ скучно!

„Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все глохнетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!

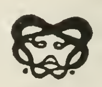
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ.
Я изнемогъ, и мертвый стукъ часовъ
Въ молчанiи осенней долгой ночи
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи!"

Иванъ Бунинъ.

* * *

Помнишь, мы надъ тихою рѣкою
Въ раннiй часъ шли дѣтскою четой,
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.
И вездѣ, гдѣ взоръ мой замедлялся,
И вездѣ, куда глядѣла ты,
Мiръ, огнемъ сверкая, загорался,
Выростали бѣлые цвѣты.
Люди шли, рождались, умирали,
Ихъ пути намъ были далеки,
Мы, склонясь надъ берегомъ, внимали
Тихимъ сказкамъ медленной рѣки.
Если тьма дышала надъ землею,
Мы боролись съ злою темнотой:
Я—моею огненной тоскою,
Ты—своею бѣлою мечтой.
И теперь, когда уходятъ годы,
Узкiй путь къ закату насъ ведетъ,
Гдѣ насъ ждутъ не меркнущiе своды.
Гдѣ намъ вѣчность пѣснь свою поетъ.
Мы, какъ встарь, идемъ рука съ рукою
Для людей непонятой четой:
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.

Allegro.



Allegro [П. Соловьева].

Иней.

Помню, вчера надъ замерзшей землей
Сумракъ густѣлъ чернотою безбрежной,
Кто же навѣялъ ночною порой
Темному городу сонъ бѣлоснѣжный?

Въ сумракѣ стѣнъ, вдоль рѣшетокъ рѣзныхъ,
Кто уронилъ эту пыль кружевную,
Кто и съ камней и съ деревьевъ нагихъ
Снялъ дуновеніемъ тяжесть земную?

Иней въ полночи на землю слеталъ,
Иней хотѣлъ, чтобы чудо свершилось,
Тихо молитву свою прошепталъ,
Слышалъ Господь—и земля измѣнилась.

Такъ надъ моей потемнѣвшей душой
Чудо свершаетъ полетъ свой незримый,
Слышу, вздыхаетъ во тьмѣ надо мной
Свѣтлой молитвою голосъ любимый.

Пусть же подъ бѣлымъ сплетеньемъ вѣтвей
Путь мнѣ откроется новый и ясный,
Дымомъ серебрянымъ жизнь мнѣ овѣй,
Иней души моей, иней прекрасный!

Allegro.

Раздумье.

Вышелъ теплый туманъ въ поле низкое
И курчавится бѣлой овечкою...
И опять все родное и близкое—
Дремлетъ старая церковь надъ рѣчкою...

Деревенская улица въ лужахъ вся...
Сторонятся насъ избы безвѣстныя...
За деревнею ласточки кружатся—
Говорливыя дѣтки небесныя.

Рожь шумитъ... Ходятъ ровныя полосы...
Вѣетъ влагой зерна ароматнаго...
У тебя золотистые волосы
Золотятся отъ солнца закатнаго.

Отдалъ сердце тебѣ безпріютное,
А беру твое сердце богатое,
И находитъ раздумье минутное,
Не вернуть ли обратно все взятое.

То, мечтѣ довѣряя застѣнчивой,
Твои дѣвичьи грезы лелѣю я,
То боюсь, что въ судьбѣ перемѣнчивой
Быть опорой тебѣ не сумѣю я.

Бьется сердце мое все поспѣшнѣе,
Отъ тревогъ и отъ радости пьяное...
Ты такая безшумная, здѣшняя,
Погруженная въ солнце багряное.

В. Башкинъ.

Бѣды.

Въ этомъ мірѣ, гдѣ случайный
Мы нашли себѣ пріютъ,
Вмѣстѣ съ нами тихо, тайно
Бѣды злобныя живутъ.

Ихъ не видно. Но собака
Двѣ-три ночи напролетъ
Воетъ горько среди мрака:
Бѣды ходятъ у воротъ.

Горьки стоны совъ угрюмыхъ
Въ башняхъ брошенныхъ церквей,
И рыдаетъ кто-то въ трюмахъ
Обреченныхъ кораблей.

Въ темный часъ, полны тревоги,
Жмутся лошади къ кустамъ:
То за вами на дорогѣ
Бѣды ходятъ по пятамъ.

Въ каждомъ домѣ, гдѣ случайный
Вы нашли себѣ пріютъ,
Вмѣстѣ съ вами, тихо, тайно
Бѣды злобныя живутъ.

Ихъ не видно. Словно мыши,
Бѣды прячутся въ углахъ,
Но вся жизнь подъ этой крышей,
Всѣ судьбы—у нихъ въ рукахъ.

Ихъ не видно. Имъ удобно;
И весь день, какъ тайный врагъ,
Бѣды пристально и злобно
Сторожатъ вашъ каждый шагъ.

Бѣды мудры: тотъ, кто боленъ,
Кто испуганъ, какъ овца,
Кто унылъ и богомоленъ,
Пусть спокойно ждутъ конца,—

Ихъ не тронутъ; горькой казнью
Бѣды мстятъ лишь тѣмъ изъ насъ,

Кто доволенъ, кто боязнью
Не встрѣчаетъ каждый часъ.

Тотъ, кто счастливъ, тотъ, кто молодъ,
Кто, смѣясь, глядитъ впередъ,—
Пусть боится: скрытый молотъ
Завтра счастье разобьетъ.

Счастье шумно, счастье пышно,
Счастье въ праздничныхъ вѣнкахъ;
Бѣды движутся неслышно,—
Вѣдьмы старыя въ туфляхъ.

Зимней ночью, словно въ сказкѣ,
Въ старомъ домѣ пиръ шумитъ,
Лица бодры, полны ласки,
Льется пѣнье, вальсъ звучитъ...

Мчатся пары въ легкомъ строѣ...
Но, считая ходъ минутъ,
Въ верхнемъ запертомъ покоѣ
Бѣды прячутся и ждутъ.

Конченъ праздникъ. Смолкло пѣнье.
Люди спятъ спокойнымъ сномъ...
И скрипятъ съ тоской ступени:
Бѣды сходятъ въ старый домъ.

Жуткой, тихой вереницей
Обойдутъ его кругомъ,
Зорко всматриваясь въ лица
Всѣхъ, что спятъ спокойнымъ сномъ,

Рядъ морщинъ на нихъ проводятъ.
А когда пѣтухъ поетъ,
Ихъ ужъ нѣтъ, онѣ уходятъ.
Завтра—кто-нибудь умретъ.

Т. Ардовъ.

Старыя мысли.

Хожу, брожу понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ—весна.

А мнѣ—какое дѣло?
Брожу одинъ, забытъ.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучитъ.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ—въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмуривъ брови,
Ей въ сотый передамъ,—
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ...

И снова будетъ сладко,
И тихо, и тепло.
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло...

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводитъ
Веселенькую нить?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ!

Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ!

Лицо мое блѣднѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна ..
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она...

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?.,
Но можно ли сказать?..

И что ей молвить—нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

Александръ Блокъ.

Двѣ пѣсни.

Я полями иду на чужой сторонѣ;
Ярко звѣзды горятъ въ голубой вышинѣ...
Вотъ, въ душистыхъ садахъ у широкой рѣки,
Замигали одинъ за другимъ огоньки...
Кто-то тихо плыветъ
По уснувшей рѣкѣ.
Громко пѣсню поетъ
На чужомъ языкѣ.
Я полями иду, и томительно мнѣ,
И тоскуетъ душа на чужой сторонѣ...
Но когда присмотрюсь: тотъ же сводъ надо мной,
Что на родинѣ, блещетъ вечерней красой,
Тѣ же звѣзды горятъ въ вышинѣ
На чужой сторонѣ...
А какъ вслушаюсь въ пѣсню, что льется волной
За зеленымъ холмомъ надъ зеркальной рѣкой,—
Много звуковъ знакомыхъ услышу я въ ней,

Много звуковъ изъ пѣсенъ родимыхъ степей:
Такъ же льются они, такъ же страстью дрожатъ
И, печали полны, о любви говорятъ...
И смущенной душой
Слышу я вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.
Я иду и мечтаю во svракѣ ночномъ:
„Тѣ же звѣзды вверху, тѣ же люди кругомъ...
„Ихъ огни вдалекѣ и манятъ, и зовутъ...
„Такъ же любятъ они, такъ же пѣсни поютъ...
„Этимъ людямъ чужимъ въ незнакомомъ краю
„Я привѣтную пѣсню спою".
Я полями иду къ задремавшей рѣкѣ,
Громко пѣсню пою на родномъ языкѣ—
Страстно льется она и тоскою звучитъ
И, отчизной полна, о любви говоритъ.
Я пою... И притихъ на рѣкѣ за холмомъ
Одинокій пѣвецъ и не плещетъ весломъ...
И смущенной душой
Слышитъ онъ вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.

Юрій Свѣтогоръ.

На Волгѣ.

За изгибомъ, надъ песками встали старые утесы.
Наклонились. Спятъ иль дремлютъ? Сказку видятъ или быль?
Равнодушенъ тихій голосъ полусоннаго матроса.
Торопливыя колеса сѣютъ радужную пыль.
Вновь изгибы. Берегъ круче.
Намъ навстрѣчу мчатся тучи.

То довѣрчивый, то злобный—громче дробный стукъ
колесъ:
„Буря близко. Ждать недолго.
Будетъ бурѣ рада Волга.
Слишкомъ много горя стало. Слишкомъ много въ
Волгѣ слезъ“!
Вьются чайки въ темныхъ тучахъ. Тише ходъ въ
опасномъ мѣстѣ.
Выше, сумрачнѣй утесы на нагорномъ берегу.
Смотрятъ—хмурятся сурово: получили злыя вѣсти,
Или думаютъ о мести вѣковѣчному врагу?
Солнце въ тучахъ утонуло.
Злобно молнія сверкнула.
То крикливый, то напѣвный—громче гнѣвный стукъ
колесъ:
„Ждали бури слишкомъ долго.
Будетъ бурѣ рада Волга.
Слишкомъ душно стало людямъ. Слишкомъ много
въ Волгѣ слезъ“.

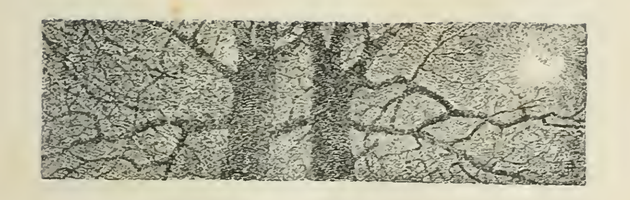
Евг. Тарасовъ.

Изъ сказки.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣетъ,
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ.
И солнце мутное Жаръ-Птицей
Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

Иванъ Бунинъ.



Въ толпѣ.

Ужель ты думаешь, что я въ ревнивой мукѣ
Не радъ твоей любви и счастью твоему,
Когда, соединивъ ласкающія руки,
Ты съ нимъ въ толпѣ идешь, довѣрившись ему?

Ужель ты думаешь, что я тебя ревную
Въ тотъ самый свѣтлый мигъ, въ тотъ радостный
твой мигъ,
Когда, почуявши кругомъ толпу чужую,
Твой станъ къ его рукѣ довѣрчиво приникъ?

О, нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши...
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
О, какъ ты счастлива, къ нему дрожа прильнувши,
Забывшая себя, принявшая любовь.

Ужель ты думаешь, что мнѣ тогда досадна
Святая страсть твоя, и я ее кляну
Лишь потому, что самъ мучительно и жадно
Люблю души твоей нетлѣнную весну?

Я вижу васъ въ толпѣ, я вижу отовсюду.
Онъ выше всѣхъ въ толпѣ—ликующій орелъ.
И всюду вмѣстѣ васъ всегда я видѣть буду...
О, если бъ хоть на мигъ онъ отъ тебя ушелъ!

Лишь чтобъ открыть тебѣ рыдающую муку,
Все изступленіе, что я несу любя...
Но ты проходишь съ нимъ, склоненная на руку,
На руку мощную, держащую тебя.

О, этотъ тонкій станъ, къ нему дрожа прильнувшій,
О, этотъ тонкій станъ слабѣе стебелька!..
Но нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши,
И радостно душа—душѣ твоей близка.

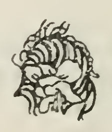
И не ревную я. Не надо мнѣ участья.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прикословь.
Останься счастлива, извѣдавшая счастье,
Забывшая меня, принявшая любовь!

Викторъ Гофманъ.

Въ сумеркахъ.

Догорая, костеръ чуть дымится въ травѣ.
Тихо блѣдныя тучи сползаютъ,
Много мыслей неясныхъ въ больной головѣ,
Сердце бьется и смутно страдаетъ.
Чуть видны очертанья синѣющихъ горъ,
Огонекъ замигалъ въ отдаленьѣ
И погасъ... Тщетно ищетъ усталый мой взоръ
Первыхъ трепетныхъ звѣздъ появленье.
Впереди непроглядная, долгая ночь,
Чуть замѣтно туманъ серебрится,
Нѣтъ желанья, нѣтъ силы тоску превозмочь...
Догорѣвшій костеръ не дымится.

Allegro.



Бойцу.

Остеръ твой мечъ и крѣпокъ щитъ,
Одѣта грудь въ кольчугу.
Безстрашный взоръ огнемъ горитъ,
На бой врага онъ пламенитъ,
Вселяетъ бодрость другу.
Въ бою съ врагомъ ты закаленъ,
Ты слабость презираешь...
Ты гордъ и смѣлъ, рукой—силенъ,
Для боя ты судьбой рожденъ...
Я не таковъ—ты знаешь...
Мнѣ мало силъ судьба дала,
Въ доспѣхахъ отказала...
Она огонь въ груди зажгла,
Но въ жизни кругъ меня звела
Безъ брони и забрала.
Я для иныхъ побѣдъ рожденъ,
Иныхъ утѣхъ достоинъ...
Пусть въ бой идетъ, кто закаленъ,
Покрытъ броней, вооруженъ...
Но я—пѣвецъ, не воинъ.
Я разовью звенящихъ сагъ
Причудливую ленту...
И знай: меня замѣтитъ врагъ—
Я понесу твой бѣлый стягъ,
Я буду пѣть сирвенту.
Но я не воинъ,—я пѣвецъ.
Я—царства грезы житель...
Я красоты и правды жрецъ,
Я жизни новой—не кузнецъ,
А вѣстникъ и прозритель.

Викторъ Стражевъ.

* * *

Холодное, какъ смерть, равниной бездыханной
Болото мертвое раскинулось кругомъ,
Пугая робкій взоръ безбрежностью туманной,
Зловѣщее въ своемъ молчаньи ледяномъ.
Болото курится, какъ дымное кадило,
Безгласное, какъ трупъ, какъ камень мостовой.
Дитя моей любви, не для тебя ль могилу
Готовитъ здѣсь судьба незримою рукой!
Избушка ветхая на просѣкѣ угрюмомъ
Тебя, изгнаницу святую, пріютитъ,
И старый боръ печально строгимъ шумомъ
Въ глухую ночь невольно усыпитъ.
Но чуть разсвѣтъ затеплится надъ боромъ,
Прокрякаетъ чирокъ въ надводномъ тростникѣ,
Болото мертвое намѣреннымъ просторомъ
Тебѣ напомнитъ вновь о смерти и тоскѣ.

Николай Клюевъ.

* * *

Затуманились степи въ предутренней мглѣ,
Пыльно-бѣлою тканью затянуты дали.
Я иду по упругой, росистой травѣ.
Нѣтъ во мнѣ ни тоски, ни огня, ни печали,
Пыльно-бѣлою тканью затянуты дали.

И все жду я, что сонный туманъ задрожитъ
Въ свѣтоносныхъ лучахъ пробужденнаго неба
И волокнами знойными вдаль побѣжитъ,
Словно пыль золотая созрѣвшаго хлѣба,
Въ свѣтоносныхъ лучахъ пробужденнаго неба.

Я иду... И безрадостно-свѣтелъ мой путь,
И свѣтлы предо мной пыльно-бѣлыя дали,
И свѣтлы, и мертвы... И все ждетъ моя грудь.
Чтобы новыя въ ней пробудились печали!
Но мертвы предо мной пыльно-бѣлыя дали.

Наталія Крандіевская.

Алтея.

I.

Въ башнѣ древняго аббатства, члены рыцарскаго
братства,
Мы сидѣли и молчали возлѣ Круглаго стола.
Надъ окрестностью суровой разливался свѣтъ багровый
Сквозь узорчатыя грани красноватаго стекла.
Свѣтъ багровый разливался, шорохъ странный раздавался...
Мы сидѣли и молчали возлѣ Круглаго стола.

II.

Въ тускломъ свѣтѣ ветхой залы рдѣли въ кубкахъ,
какъ кристаллы,
Драгоцѣнные напитки монастырскихъ погребовъ.
Рядомъ съ нами въ тѣсномъ кругѣ наши милыя подруги
Робко ждали нѣжныхъ взглядовъ, нѣжныхъ словъ
отъ жениховъ,
Но сурово мы молчали; было тихо въ мрачной залѣ
И не видно было взглядовъ, и не слышно было
словъ...

III.

Мы смотрѣли на Артура, на красавца трубадура,
Съ боязливымъ подозрѣньемъ мы смотрѣли на него.
Сжавъ чело свое руками, сумасшедшими глазами
Онъ смотрѣлъ передъ собою и не видѣлъ ничего;
Онъ, казалось, былъ въ испугѣ. Безъ красавицы
подруги
Онъ покинулъ древній замокъ, замокъ дѣда своего...

IV.

И воскликнулъ я, блѣднѣя: „Гдѣ жъ прекрасная
Алтея,
Наша радость, наше солнце, солнце Круглаго стола?
Гдѣ, Артуръ, твоя невѣста? Отчего свободно мѣсто

Въ башнѣ славнаго аббатства возлѣ Круглаго
стола?"
И отвѣтилъ онъ, блѣднѣя: „Я не знаю, гдѣ Алтея.
Я не знаю, гдѣ Алтея, солнце Круглаго стола!..

V.

Мнѣ, однако, говорили, что лежитъ она въ могилѣ,
Пораженная коварно вѣроломною рукой;
Въ древнемъ замкѣ, въ темномъ склепѣ, вся закованная въ цѣпи,
Вся завернутая въ саванъ, въ блѣдный саванъ гробовой,
Цѣпенѣя, холодѣя, спитъ прекрасная Алтея,
Плачетъ жалобно и стонетъ, и качаетъ головой..."

VI.

И, сверкая гнѣвнымъ взоромъ, мы воскликнули съ укоромъ:
„Ты убилъ, убилъ, безумецъ, это нѣжное дитя!"—
Посмотрѣвши съ удивленьемъ, онъ отвѣтилъ намъ съ презрѣньемъ:
„Да, товарищи, убито это нѣжное дитя.
Я убилъ свою Алтею, но невиненъ я предъ нею,—
Не убійца вѣроломный, а суровый мститель я!.."

VII.

Онъ замолкъ; полны печали, мы чего-то ожидали.
Въ ветхой башнѣ замирали горделивыя слова;
Пламя свѣчекъ трепетало, ночь томительно молчала,
Только гдѣ-то, какъ ребенокъ, тихо плакала сова...
Вдругъ толпа пошевельнулась, занавѣска колыхнулась,
Дверь качнулась, изъ-за двери показалась голова,
Съ мертвой блѣдностью камеи, съ нѣжнымъ профилемъ Алтеи,
Показалась изъ-за двери роковая голова!

VIII.

И, отъ ужаса блѣднѣя, мы сидѣли, цѣпенѣя,—
И вошла сама Алтея, въ бѣломъ саванѣ своемъ,
Оставляя слѣдъ кровавый, обвитая цѣпью ржавой,
И сказала: „Ты—убійца!.. но простила я!.. Пойдемъ!.."

И, шатаясь, тихо всталъ онъ, тихо вышелъ и пропалъ онъ,
И таинственно пропалъ онъ въ блѣдномъ сумракѣ ночномъ.

IX.

Въ башнѣ стараго аббатства, члены рыцарскаго братства,
Часто, часто мы пируемъ возлѣ Круглаго стола.
Надъ окрестностью суровой тускло льется свѣтъ багровый
Сквозь узорчатыя грани красноватаго стекла.
Свѣтъ багровый тускло льется, шорохъ странный раздается...
Мы сидимъ и ждемъ Артура возлѣ Круглаго стола.

X.

Но напрасно,—нѣтъ Артура, нѣтъ красавца трубадура,
Не придетъ онъ въ нашу башню съ тихой пѣснью о быломъ...
Въ древнемъ замкѣ, въ темномъ склепѣ, обхвативъ руками цѣпи,
На колѣняхъ предъ Алтеей спитъ Артуръ тяжелымъ сномъ...
Тѣни ихъ надъ нами вѣютъ, и печально сиротѣютъ
Два незанятыя мѣста за покинутымъ столомъ.

В. Голиковъ.

Предчувствіе.

Неспокойно сердце бьется, въ домѣ все живое спитъ,
Равномѣрно, безучастно мѣдный маятникъ стучитъ...
За окномъ темно и страшно, вѣтеръ въ бѣшенствѣ слѣпомъ

Налетитъ съ разбѣга въ стекла,—звякнутъ стекла,
вздрогнетъ домъ,

И опять мертво и тихо... но въ холодной тишинѣ
Кто-то, крадучись, незримый, приближается ко мнѣ.
Я лежу похолодѣлый, руки судорожно сжавь,
Дикій страхъ сжимаетъ сердце, давитъ душу, какъ
удавъ...

Кто неслышными шагами въ эту комнату вошелъ?
Чьи бѣлѣющія тѣни вдругъ легли на темный полъ?
То вошелъ проклятый Ужасъ. Онъ пришелъ меня
терзать,
Онъ уродливымъ кошмаромъ сѣлъ, незваный, на
кровать.

Я лежу похолодѣлый, сердце бѣшено стучитъ,
Въ домѣ страшно, въ домѣ тихо, въ домѣ все жи-
вое спитъ...
И подъ вой ночного вѣтра, и подъ бой стѣнныхъ
часовъ

Изъ слѣпого мрака слышу тихій шопотъ вѣщихъ
словъ:
„Быть бѣдѣ непоправимой; оборвешься, упадешь,
И къ вершинѣ заповѣдной ты вовѣки не дойдешь“.
Ночь и Ужасъ сговорились: „быть несчастью, быть
бѣдѣ!“
Этотъ шопотъ нестерпимый слышенъ въ воздухѣ
вездѣ,

Онъ изъ щелей выползаетъ, онъ выходитъ изъ ча-
совъ—
И подъ это предсказанье горько плакать я готовъ!..
Но блестятъ глаза сухіе и упорно въ тьму глядятъ,
За окномъ неугомонно ставни жалобно скрипятъ
И причудливыя тѣни пробѣгаютъ по окну.
Я сегодня до разсвѣта глазъ усталыхъ не сомкну.

А. Гликбергъ.

Леонидъ Андреевъ.

Марсельеза.

Это было ничтожество: душа зайца и безстыдная терпѣливость рабочаго скота. Когда судьба насмѣшливо и злобно бросила его въ наши черные ряды, мы смѣялись, какъ сумасшедшіе: вѣдь бываютъ же такія смѣшныя, такія нелѣпыя ошибки. А онъ—онъ, конечно, плакалъ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка, у котораго было бы такъ много слезъ и онѣ текли бы такъ охотно—изъ глазъ, изъ носа, изо рта.—Точно губка, пропитанная водою и зажатая въ кулакъ. И въ нашихъ рядахъ я видѣлъ плачущихъ мужчинъ, но ихъ слезы были—огонь, отъ котораго бѣжали дикіе звѣри. Отъ этихъ мужественныхъ слезъ старѣло лицо и молодѣли глаза: какъ лава, исторгнутая изъ раскаленныхъ нѣдръ земли, они выжигали неизгладимые слѣды и хоронили подъ собою цѣлые города ничтожныхъ желаній и мелкихъ заботъ. А у этого, когда онъ поплачетъ, только краснѣлъ его носикъ да намокалъ платочекъ. Вѣроятно, онъ сушилъ его потомъ на веревочкѣ, иначе, откуда набралъ бы онъ столько платковъ?

И во всѣ дни изгнанія онъ таскался къ начальникамъ,—ко всѣмъ начальникамъ, какіе толь-

ко были и какихъ онъ могъ придумать,—кланялся, плакалъ, клялся въ своей невиновности, умолялъ пожалѣть его молодость, давалъ обѣщанія всю жизнь не открывать рта иначе, какъ для просьбъ и славословій. И тѣ смѣялись надъ нимъ, какъ и мы, и называли его „маленькая несчастная свинья“, и кричали ему:

— Эй ты, маленькая свинья!

И онъ послушно бѣжалъ на зовъ: онъ думалъ каждый разъ услышать вѣсть о возвращеніи на родину, а они только шутили. Они знали, какъ и мы, что онъ невиновенъ, но его муками они думали напугать другихъ маленькихъ свиней,—какъ будто и такъ недостаточно трусливы онѣ!

Приходилъ онъ и къ намъ, гонимый животнымъ страхомъ одиночества; но суровы и замкнуты были наши лица, и тщетно онъ искалъ ключа. Теряясь, онъ называлъ насъ милыми товарищами и друзьями, а мы качали головой и говорили:

— Смотри! Тебя услышатъ.

И онъ позволялъ себѣ глядѣть на дверь,—эта маленькая свинья. Ну развѣ можно было сохранить серьезность! И мы смѣялись отвыкшими отъ смѣху голосами, а онъ, ободренный и утѣшенный, присаживался ближе и разсказывалъ, и плакалъ о своихъ любимыхъ книжечкахъ, оставшихся на столѣ, о своей мамашѣ и братцахъ, о которыхъ онъ не знаетъ,—живы ли они,или умерли отъ страха и тоски.

Подъ конецъ мы его выгоняли.

Когда началась голодовка, его охватилъ ужасъ,—невыразимо-комичный ужасъ. Вѣдь онъ очень любилъ покушать, бѣдная свинья, и онъ очень боялся милыхъ товарищей и очень боялся начальниковъ: растерянно бродилъ онъ среди насъ и часто вытиралъ платкомъ лобъ, на которомъ выступило что-то—слезы или потъ. И нерѣшительно спросилъ меня:

— Вы долго будете голодать?

— Долго,—сурово отвѣтилъ я.

— А потихоньку вы ничего не будете ѣсть?

— Мамаши будутъ присылать намъ пирожковъ,—серьезно согласился я. Онъ недовѣрчиво посмо-

трѣлъ на меня, покачалъ головою и, вздохнувъ, ушелъ. А на другой день заявилъ, зеленый отъ страха, какъ попугай:

— Милые товарищи! Я тоже буду голодать съ вами.

И былъ общій отвѣтъ:

— Голодай одинъ.

И онъ голодалъ! Мы не вѣрили, какъ не вѣрите вы, мы думали, что онъ ѣстъ что-нибудь потихоньку, и такъ же думали надсмотрщики. И когда подъ конецъ голодовки онъ заболѣлъ голоднымъ тифомъ, мы только пожали плечами: бѣдная маленькая свинья! Но одинъ изъ насъ,—тотъ, что никогда не смѣялся, угрюмо сказалъ:

— Онъ нашъ товарищъ. Пойдемъ къ нему.

Онъ бредилъ; и жалокъ, какъ вся его жизнь, былъ этотъ безсвязный бредъ. О своихъ любимыхъ книжечкахъ говорилъ онъ, о мамашѣ и братцахъ; онъ просилъ пирожковъ,—холодныхъ, какъ ледъ, вкусныхъ пирожковъ, и клялся, что не виновенъ, и просилъ прощенія. И родину онъ звалъ, звалъ милую Францію,—о, будь проклято слабое сердце человѣка! Онъ душу раздиралъ этимъ зовомъ: милая Франція!

Мы всѣ были въ палатѣ, когда онъ умиралъ. Сознаніе вернулось къ нему передъ смертью, и тихо онъ лежалъ, такой маленькій, слабый, и тихо стояли мы, его товарищи. И всѣ мы, всѣ до единаго, услышали, какъ онъ сказалъ:

— Когда я умру, пойте надо мною „Марсельезу".

— Что ты говоришь!—воскликнули мы, содрогаясь отъ радости и закипающаго гнѣва. И онъ повторилъ:

— Когда я умру, пойте надо мною „Марсельезу".

И впервые случилось такъ, что сухи были его глаза, а мы—мы плакали, плакали всѣ до единаго, и, какъ огонь, отъ котораго бѣгутъ дикіе звѣри, горѣли наши слезы.

Онъ умеръ, и мы пѣли надъ нимъ „Марсельезу". Молодыми и сильными голосами пѣли мы великую пѣсню свободы, и грозно вторилъ намъ океанъ, и на

хребтахъ валовъ своихъ несъ въ милую Францію и блѣдный ужасъ, и кроваво-красную надежду. И навсегда сталъ онъ знаменемъ нашимъ,—это ничтожество въ тѣломъ зайца и рабочаго скота—и великою душою человѣка. На колѣни передъ героемъ, товарищи и друзья!

Мы пѣли. На насъ смотрѣли ружья, зловѣще щелкали ихъ замки, и острыя жала штыковъ угрожающе тянулись къ нашимъ сердцамъ,—и все громче, все радостнѣе звучала грозная пѣсня; въ нѣжныхъ рукахъ бойцовъ тихо колыхался черный гробъ.

Мы пѣли „Марсельезу"!

Леонидъ Андреевъ.

Вербы.

Распустились вербы мягкія, пушистыя,—
Маленькіе, сѣрые звѣрки.
Стебли темно-красные, блестящіе, чистые
Тянутся къ небу, безпомощно-тонки.
На деревьяхъ облакомъ влажнымъ виситъ
Теплая, мягкая паутина, сонная...
Небо надъ садомъ блѣдное, зеленое,
Небо весеннее о чемъ-то груститъ.
Въ бѣлой церкви звонятъ. Колоколъ качаютъ...
Люди проходятъ усталой толпой.
Кто-то въ бѣлой церкви свѣчи зажигаетъ
Слабой, несмѣлой, дрожащей рукой...
Плачьте, люди, плачьте! Васъ услышатъ мглистыя,
Вешнія сумерки съ далекой высоты!
Все поймутъ весенніе, маленькіе, чистые,
Грустные цвѣты!

Наталія Крандіевская.

Къ молодости.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботъ и нуждъ опутала меня,
И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ, какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ,—
Томитъ меня боязнь и ожиданье:
Что юность дастъ? Что завтра принесетъ?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастьи всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь міръ—твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,—
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
—Бокалъ тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ, разбиться въ шумномъ бѣгѣ!—
И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный міръ скорбей,
Когда бъ не вы, зеленые побѣги,
Поросшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?

Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь—огонь, который жжетъ до боли,
Любовь—вампиръ, сосущій сердца кровь!
Народу въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы любя,
И отъ него не ждете воздаянья...
—О молодость! я вѣрую въ тебя!

Одинъ твой взглядъ—и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...

Я молодъ вновь... Забылъ, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревущихъ водъ.
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою,
Крича: „Впередъ, товарищи, впередъ!"

Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что буду чтить я свято до могилы,
Что, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить...
То—память ихъ, что въ битвѣ съ жизнью пали...
—Вѣрь въ свѣтъ иной, мечемъ инымъ борись,
Но,—кто стезей страданья и печали
Шелъ до тебя,—предъ тѣми преклонись!

П. Я.

О красномъ плющѣ.

Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...
Въ мрачномъ саду скорбно никнетъ бесѣдка нагая,—
Пурпурный плющъ ее бросилъ одну, увядая.
Зябнетъ. Тоскуетъ. Шлетъ красному другу упрекъ.

Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...

Печь веселится, искритъ пересвѣтомъ обои.
Въ мрачномъ саду умираютъ покорно левкои.
Грустный паукъ вьетъ послѣднiй лучистый мотокъ.

Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...

Нѣтъ его... Нѣтъ... Согрѣвалъ, но огня не дождался.
Краснымъ усталъ быть... Ушелъ... Поблѣднѣвъ, оторвался.
Сердце тоскуетъ. Шлетъ дальнему другу упрекъ...

Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...

Любовь Столица.

Кинжалъ.

Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ...
Лермонтовъ.

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей—вѣчно сестры.
Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые.
Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.
Но чуть заслышалъ я завѣтный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона.
Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ,
Какъ прежде, пробѣжалъ по этой вѣрной стали,
И снова я съ людьми—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

Валерій Брюсовъ.

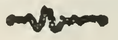
Откровеніе Дьявола.

Онъ сказалъ мнѣ: „Внимай. Я откроюсь тебѣ:
Духъ обратнаго творчества я.
Все живое пускай изнываетъ въ борьбѣ:
Въ раздвоеньи—краса Бытія.

„Я—хула и разладъ. Я—таинственный мечъ,
Отпаденье и дерзкій полетъ;—
Мнѣ дано было въ мірѣ единство разсѣчь
И низы отдѣлить отъ высотъ.
„Я нарушилъ покой и порядокъ началъ,
Надъ равниною поднялъ утесъ,
Ураганамъ свой смѣхъ и отчаянье далъ
И провалами горы обнесъ.
„Я заставилъ волнами роптать океанъ
И потоку далъ бѣшенство струй,
Я могилой обвѣялъ цвѣтущій обманъ,
Жаждой смерти проникъ въ поцѣлуй.
„И вдохнулъ Я смятенье, заразу и тлѣнъ
Въ круговое вращенье планетъ,
Выпускаю изъ тьмы череду перемѣнъ
И на „да“ возстающее „нѣтъ“.
„И познанья запретнаго свѣточъ зажегъ
Я за гранью міровъ и временъ.
На исканіе умъ человѣка обрекъ,
Разогналъ его дѣвственный сонъ“...

И шепталъ мнѣ Злой Духъ: „Возставай, возставай.
По разрушеннымъ храмамъ иди!
Золотыми плодами потерянный Рай
Изъ-подъ терній встаетъ впереди.
Человѣка я къ цѣли мятежной веду
Черезъ ужасъ, сомнѣнье и смерть,
Я вложилъ ему въ сердце печаль и вражду,
Ополчилъ на небесную твердь.
На обломкахъ и трупахъ мнѣ строится храмъ,—
Вавилонская башня растетъ...
Изъ неволи и праха, грозя небесамъ,
Поднимись, человѣческій родъ!
Поднимись и Лазурные своды порви!—
Заключится Великій Союзъ,—
И потонетъ Вражда въ Океанѣ Любви.
И навѣки я съ Богомъ сольюсь“.

С. Головачевскій.



М. А. Лохвицкая [Жиберъ].

Разбитая амфора.

Гдѣ снѣгомъ увѣнчаны горы
И солнце палитъ горячо,
Подъ гнетомъ тяжелой амфоры
Устало нагое плечо.

Въ пути изнемогшая рано,
Отъ дышащихъ зноемъ полей
Спѣшила я въ царство тумана,
Неся драгоцѣнный елей.

И вслѣдъ мнѣ напрасно звучали
Напѣвы родныхъ голосовъ;
Стремилась я къ новой печали,
На грезъ неизвѣданныхъ зовъ.

Стремилась къ невѣдомой цѣли,
Къ видѣньямъ, тонувшимъ вдали.
Лазурные своды зардѣли,
Лиловыя тѣни легли.

И тихо, въ мечтаньи цвѣтистомъ,
Провидя грядущіе сны,
Склонилась я къ лиліямъ чистымъ,
Къ нарцисамъ Саронской страны.

Раздался упавшей амфоры
Глухой и надтреснутый звонъ...
Умолкли незримые хоры,
Песками мой путь занесенъ...

О, еслибъ хоть вѣтеръ пустыни,
Мой вздохъ подхватилъ и домчалъ
Туда, гдѣ, спокойны и сини,
Вздымаются призраки скалъ!

Гдѣ лижутъ прохладныя волны
Незнающій жажды гранитъ,
Гдѣ ночи сіянія полны
И полдень огнемъ не томитъ.

Гдѣ чайки семьей беззаботной
Для моря забыли утесъ...
О, если бъ хоть вѣтеръ залетный
Мой вздохъ подхватилъ и донесъ!

И слезы туманятъ мнѣ око.
Я вижу вверху надъ собой—
Два голубя, взвившись высоко,
Порхнули въ просторъ голубой.

И скрылись... И пара другая
Взлетѣла,—и, слѣдомъ за ней,
Какъ снѣжные хлопья, мелькая,
Помчались стада голубей.

О, голуби, свѣтлыя птицы,
Несите вы скорбную вѣсть,
Что сонъ мнѣ смежаетъ рѣсницы
И грезы готовы отцвѣсть!

Что меркнутъ усталые взоры,
И жизнь догораетъ моя.
Изъ жерла разбитой амфоры
Янтарная плещетъ струя.

Скажите приморскому краю,
Что пролитъ безцѣнный елей,
Что, падая, я умираю
Средь лилій Саронскихъ полей!

М. Лохвицкая.

Отзывы.

„Тайный!“—звала моя сила: „Откликнись, если
ты сущій!“
Нѣкто: „Откликнись, коль ты—сущій“—отвѣт-
ствовалъ мнѣ.
И повторилъ мнѣ: „Ты—сущій!..“ И звалъ я, ра-
достный: „Вотъ я!“
Радостный, кто-то воззвалъ: „Вотъ я!“ и смолк-
нулъ. Я ждалъ.
Гнѣвъ мой вскричалъ: „Тебя нѣтъ!“—„Тебя нѣтъ!“—
прогремѣлъ мнѣ незримый
И презрѣньемъ отзывъ запечатлѣлъ: „Тебя
нѣтъ!“..
„Маску сними!“—мой вызовъ кричалъ; и требовалъ
кто-то:
„Маску сними!“—отъ меня. Полночь ждала.
Я нѣмѣлъ.
„Горе! я кличу себя!“—Обрѣло отчаянье голосъ:
И, безнадежный, сказалъ кто-то: „Я кличу
себя!..“

Вячеславъ Ивановъ.

Разсвѣтъ.

Свѣтаетъ. Но кругомъ пока еще темно.
И только вдалекѣ полоска тучъ алѣетъ:
Тамъ ночь своимъ крыломъ уже закрыть не смѣетъ
Зари блестящее окно...

Задумчивая тѣнь, блѣднѣя, исчезаетъ,
За ней спѣшатъ толпой предутренніе сны,—
Восходитъ новый день надъ царствомъ тишины...
Свѣтаетъ...

Г. Галина.

Мостъ вздоховъ.

Изъ Т. Гуда.

Еще несчастливая
Устала дышать,
Ушла, торопливая,
Лежитъ, чтобъ не встать.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой.

Глядите, покровами,
Какъ будто суровыми
Могильными тканями,
Покрыта она;
Какъ будто съ рыданьями
Къ ней льнула волна.
Не тронь проклинаньями
Безмолвіе сна,—
Она молода и нѣжна.

Не съ мрачнымъ презрѣніемъ,—
Съ тоской, съ сожалѣніемъ
Склонись человѣчески къ ней:
Нѣтъ больше въ ней темнаго
Лишь чары въ ней скромнаго,
Въ ней женственность стала нѣжнѣй.

Брось думу пытливую—
Мятежна ль она;
Душа торопливую
Судить не должна;
Исчезло все черное,
Все стерлось позорное,
И какъ она въ смерти нѣжна!

Ея заблужденія
Достойны прощенія,—
Дочь Евы прости.
Съ устъ, полныхъ забвенія,

Сотри загрязненіе,
И волосы ей поспѣши заплести
Каштаново-темные:
Длинна ихъ волна.

Вопросы встаютъ безполезно-нескромные:
Откуда она?
Кто былъ ей отецъ? Кто родимая?
Иль, можетъ быть, братъ былъ у ней?
Сестра? Иль подруга любимая?
Иль кто нибудь ближе, тѣснѣй
Съ ней связанный,
Сердцемъ указанный,
Кто всѣхъ былъ желаннѣе ей?

О, гдѣ милосердіе?
Какъ рѣдко оно!
Нѣтъ въ сердцѣ усердія,
И сердце темно.
Подумать, что людными
Столица домами полна,—
Но съ мыслями трудными
Была безъ пріюта она!
Что матерью звалося,
Отцомъ нарекалося,
Что братомъ звалось и сестрой,
Все, вдругъ измѣненное,
Разсталось съ душой:
Любовь оскорбленная
Осталась одной...

Какъ будто отъ самыхъ Небесъ отчужденная,
Стояла она надъ волной.
И лампы, дрожащія
Вдоль темной рѣки,
И всюду горящіе
Тамъ въ окнахъ огни, огоньки
Съ громадою темною
Тяжелыхъ домовъ
Давили бездомную,
Ее, что утратила кровъ.
Подъ вѣтромъ пронзительнымъ

Дрожала она;
Потокомъ стремительнымъ
Рѣка убѣгала, темна,
Но ей не страшна:
Всей повѣстью жизни обманута,
И тайною смерти притянута,
Спѣшитъ она въ пропасть и въ ночь,—
И силы вдругъ прибыло...
Куда бы то ни было,
Скорѣе, скорѣе, куда бы то ни было,
Но только изъ міра ужаснаго прочь!

Безъ удержу ринулась,—
Что холодъ воды!
Въ безвѣстность откинулась
Отъ здѣшней бѣды!
Ты, съ волей желѣзною,
Ты, взявшій свое,
Ты можешь надъ бездною
Представить ее?
Коль знаешь, какъ зыбкою
Явилась вода,—
Пей воду съ улыбкою,
Въ ней мойся тогда.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой.
Мечтою послушною
Щадите безмолвіе сна,—
Она молода и нѣжна.
Еще не застывшее,
Несчастно любившее,
Сложите, какъ слѣдуетъ, тѣло ея,
Закройте безсонные
Глаза ослѣпленные,
Упорно хранящіе горе свое.

Сквозь плѣсень холодную,
Сквозь грязь эту водную,
Такъ страшно глядитъ неотступный тотъ взоръ;
И нѣтъ въ немъ раскаянья,

Въ немъ только отчаянье,
Въ немъ дерзкая смѣлость и горькій укоръ.
Убитой мученіемъ,
Жестокимъ презрѣніемъ,
Бездушьемъ людскимъ,
Горящимъ безумьемъ своимъ,—
Сложите ей руки: какъ будто съ моленіемъ,
Какъ будто она со смиреніемъ
Лежитъ, утомившись борьбой...
Да будетъ ей вѣчный покой!

К. Д. Бальмонтъ.

Въ грустный день.

Въ грустный день сѣдой туманъ клубится,
Старый дубъ печалится и дремлетъ,—
Молчаливо стонамъ рѣчки внемлетъ;
Съ плачемъ рѣчка мутная струится.

И, волнуясь, трепетная нива
Тихо проситъ ласки и участья,
И въ тревогѣ смутно ждетъ ненастья,
И дрожитъ колосьями пугливо.

И въ саду поникшими листами
Сонный вѣтеръ нехотя колышетъ.
Умирая, кто-то тихо дышетъ,
Кто-то плачетъ горькими слезами.

Въ грустный день я вижу образъ милый,
Слышу голосъ ласковый и нѣжный,
Утомленный битвою мятежной,
Унесенный раннею могилой.

В. Башкинъ.

Швея.

Нынче праздникъ. За стѣною
Разговоръ безпечный смолкъ.
Я одна съ моей иглою,
Вышиваю красный шелкъ.

Всѣ ушли мои подруги
На веселый свѣтъ взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь какъ-нибудь.

Мнѣ веселости не надо,
Что мнѣ шумъ, и что мнѣ свѣтъ!—
Въ праздникъ вся моя отрада,
Чтобъ исполнить мой обѣтъ.

Все, что юность мнѣ сулила,
Все, чѣмъ жизнь меня влекла,
Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.

— Шей нарядныя одежды
Для изнѣженныхъ госпожъ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай ихъ злую ложь!

И въ покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Словно гордое: возстань!

Бѣлымъ шелкомъ красный мѣчу,
И сама я въ грозный бой
Знамя вынесу навстрѣчу
Рати вражеской и злой.

Өедоръ Сологубъ.

Цвѣты.

Отрывокъ.

Однажды Кесарь новую поэму
Читалъ у Максимиллы; тѣсный кругъ
Ея друзей и молодыхъ подругъ
Внималъ стихамъ, написаннымъ на тему:
„Capacen parturiens“. Онъ читалъ
И съ каждою строкой одушевлялся;
Подъ льстивый шопотъ сдержанныхъ похвалъ
Гекзаметръ, какъ волна, переливался;
Вдругъ, на одной изъ самыхъ сильныхъ фразъ,
Раздался храпъ заснувшаго Генгита!
Приличье, страхъ—все было позабыто,
И громкій хохотъ общество потрясъ.
Заслушавшись стиховъ поэмы чудной,
Британецъ спалъ спокойно, непробудно.
Въ душѣ Нерона вспыхнула гроза;
Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;
Подъ бѣшено-нахмуренною бровью
Метнули искры впалые глаза,
И замеръ на устахъ оледенѣлыхъ
До половины вылившійся стихъ.—
И вздрогнулъ кругъ гостей оцѣпенѣлыхъ...
Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
„Живи во вѣки!“ молвитъ Максимилла:
„Напрасно, Кесарь, разсыпаешь ты
Предъ варваромъ поэзіи цвѣты:

Въ немъ духа мощь убила плоти сила!..."
Неронъ смѣялся, варвара обнялъ,
И тутъ же всѣхъ присутствующихъ звалъ
Къ себѣ на пиръ...

Въ разгарѣ пиръ. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣченная посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой,
Прельщая вкусъ и удивляя взоры.
Обходятъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя патэры и амфоры,
Безцѣнные и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо храненнымъ.
Спокойное фалернское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хіосскимъ благовоннымъ,
Хіосское—ѳазосскимъ золотымъ,
Ѳазосское—коринѳскимъ вѣковымъ.
Шумнѣе пиръ, смѣлѣе разговоры,
Нескромнѣй смѣхъ, живѣй огонь очей...
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ сомнѣніе, забота
И тайный страхъ... Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ—
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли...
Межъ тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый родъ менадъ гостей забавитъ,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славитъ,
Красавицу, богиню изъ богинь...
Ужъ за полночь... Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ все внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, нахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,

Безмолвно опершись на Тигеллина;
И двери затворилися за нимъ...
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости по уходѣ властелина...
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышнолиственная роза...
За ней другая, третья... словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры расплелась
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершилась очевидно: съ высоты
Лилися внизъ дождемъ благоуханнымъ
Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ нежданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья.
Но—минулъ краткій мигъ оцѣпенѣнья—
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
„Живи во вѣки, Кесарь нашъ великій!
Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!..“
Ликуютъ снова гости молодые,
И снова смѣхъ и чашъ веселый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки!
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки:
Плетутся вязи длинныя фіалокъ,
Нарциссовъ, гіацинтовъ, васильковъ...
„Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина! Вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагиръ,
Чѣмъ заключить достойнѣе нашъ пиръ!“

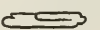
Всѣ девять Музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усѣяны, усыпаны цвѣтами...
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой.
Генгитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,

И пса толкнулъ могучею пятой;
Рванулся песъ, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ... И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады...
Кой-гдѣ погасли пирныя лампады...
Веселый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры...

И падаютъ и падаютъ цвѣты,
И сыплются дождемъ неудержимымъ...
Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты
Селянки загорѣлыя и дѣти...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущенныя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, копнами; ароматъ
Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ:
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ
Отъ жара и несносной духоты...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты...
Напрасенъ крикъ пирующихъ: „Пощады!
Мы умираемъ!“ Падаютъ цвѣты—
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампады...
Въ отвѣтъ на вопль предсмертный и на стонъ
Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри,
И за дверями хохоталъ Неронъ.
Еще мгновенье—
Растворились двери:
Великодушный Кесарь забывалъ
Обиду, нанесенную поэту...

Впослѣдствіи, припомнивъ шутку эту,
Позвалъ на пиръ гостей Гельогабалъ;
Но тѣмъ гостямъ плачевнѣй жребій выпалъ:
Помѣшанный цвѣтами ихъ засыпалъ...

Л. А. Мей.



Двѣ Пѣсни.

Женскій голосъ поетъ и звеня, и маня:
„Въ этотъ день только небо нѣжнѣе меня,
Мелодичнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ,—
Такъ полна моя грудь голубого огня,
Такъ полны мои грезы жемчужныхъ зарницъ"...

Голосъ юноши вторитъ, смѣясь и дразня:
„Въ этотъ день только солнце богаче меня,
Беззаботнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ,—
Такъ полна моя грудь золотого огня,
Такъ полны мои думы веселыхъ зарницъ"...

Женскій голосъ его обрываетъ летя:
„Солнце нѣжитъ меня, бархатъ щекъ золотя;
Теплый вѣтеръ играетъ прядями волосъ;
Серебристый ручей, шелкомъ травъ шелестя,
Мнѣ поклоны отъ стараго лѣса принесъ"....

Голосъ юноши снова ликуетъ дразня:
„Только быстрыя тучи свободнѣй меня;
На раскрытой груди моей солнце горитъ
И, какъ младшему брату, восторгомъ звеня,
О безбрежныхъ степяхъ вѣтеръ мнѣ говоритъ".

В. Башкинъ.

Въ вагонѣ.

Снова дорога... и съ силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохотъ, носильщики, свѣтъ электрическій,
Крики, прощанья, свистки, суетня...
Снова вагоны, едва освѣщенные...
Тусклыя пятна тѣней...
Лица склоненныя
Спящихъ людей...

Мѣрный, вѣчный,
Безконечный,
Однотонный
Шумъ колесъ...
Ропотъ вѣчный,
Шопотъ сонный
Въ міръ бездонный
Мысль унесъ...
Жизнь... работа...
Гдѣ-то, кто-то
Все стучитъ...
Ти́-та... то́-та...
Вѣчно что-то
Мысли сонной
Говоритъ...
Такъ вотъ въ ушахъ и долбитъ, и стучитъ это:
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...
Съ шумомъ колесъ мои мысли сливаются,
Поѣздъ летитъ, перегнать ихъ старается...
Чудится, ѣду въ Россіи я...
Тысячи верстъ впереди...
Ночь непріютная... темная...
Станція въ полѣ... Огни ея—
Глазки усталые, темные—
Шепчутъ: „Иди"...
Страхъ это? горе? раздумье? иль что-жъ это?
Новое близится, старое прожито...
Прожито-отжито... выпито, выпито...
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...
Чудится степь безконечная...
Поѣздъ по степи идетъ...
Въ вихрѣ рыданій и стоновъ
Слышится пѣсенка вѣчная...
Скользкія стѣны вагоновъ
Дождикъ сѣчетъ...
Пѣсенкой этой все въ жизни кончается...
Ею же новое вновь начинается...
И безконечно звучитъ и стучитъ это:
Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...
Странникомъ вѣчнымъ
Въ пути безконечномъ,

Странствуя цѣлые годы,
Вѣчно стремлюсь я.
Вѣрую въ счастье.
Но лишь въ ненастье
Въ шумѣ ночной непогоды
Вѣетъ родимою Русью...
Мысли съ рыданьями вѣтра сплетаются,
Съ шумомъ колесъ однотоннымъ сливаются...
И безнадежно звучитъ и стучитъ это:
Ти́ та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...

Макс. Волошинъ.

Во снѣ.

Мнѣ снилось: я былъ прикованъ... Мнѣ снилось, что я былъ прикованъ къ скалѣ.

Свободное море привольно неслося къ далекимъ, далекимъ странамъ. А я былъ прикованъ и тщетно въ порывѣ безумнаго гнѣва цѣпями звенѣлъ. При каждомъ движеньи острыя цѣпи впивались, врѣзались мнѣ въ плечи до ранъ. И руки свободнымъ и гордымъ движеньемъ борца поднимая, я морю кричалъ:—„Свобода! Спаси!"

Летящія птицы смѣялись коварно надъ крикомъ безумнымъ моимъ. Его заглушая, волшебныя пѣсни, звенящія пѣсни запѣли онѣ:

— О, море, не слушай ты стоновъ раба... Зачѣмъ тебѣ слушать мольбы о свободѣ, зачѣмъ тебѣ знать о страданьяхъ людей... Споемъ тебѣ пѣсни, гдѣ грезы и розы сплелись въ безмятежной красѣ... Споемъ тебѣ пѣсни о нашихъ мученьяхъ, прозрачныхъ и нѣжныхъ,—о нашихъ мечтахъ мы споемъ безмятежныхъ. А люди... Пусть люди страдаютъ и рвутся въ тяжелыхъ оковахъ своихъ. И пусть ихъ призывы къ борьбѣ раздаются, и пусть замираютъ... Не нужно намъ ихъ! Въ нашемъ покоѣ привѣтно и

нѣжно пѣсни несутся о грезахъ и снахъ, и о кудряхъ разметавшейся тучки, и о росѣ, задремавшей въ цвѣтахъ!

Бурному морю пѣли такъ птицы. Бурному морю я изъ темницы снова и снова кричалъ. Цѣпью тяжелой своей потрясая, образъ свободы святой вызывая, бурному морю кричалъ:

— Птицъ ты не слушай, свободное море, цѣпи съ меня ты сними... Минутъ невзгоды, уйдетъ, море, горе: пѣсни спою я свои. Въ пѣсняхъ моихъ пронесется стальною радугой радость моя. Въ пѣсняхъ моихъ засверкаетъ красою наша родная земля. Съ дивною силой польются напѣвы счастья земли... Море, о море свободное!—только цѣпи съ меня ты сними.

Мирэ.

* * *

О, если бъ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ вамъ шелъ:
Молился я, чтобъ васъ такою же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашелъ,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи;
Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучалъ,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщалъ;
Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастливой,
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужъ слышенъ отдаленный...
И объ одномъ еще молился я, смущенный,
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!

Н. М. Минскій.

Артистка М. Ф. Андреева.

Сонъ.

Мнѣ снится: съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ недвижимъ;
Событія міра, картиной живой,
Мѣняясь идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ...
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной, могучей рукой,—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой...

Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, Креста,
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ...

Средь стоновъ, проклятій „Te Deum“ гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезенгера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви...
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.

Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ ѳиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ, идетъ по волнамъ.
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

Н. В. Симборскій.

Орлы.

На черный уступъ молчаливой и мертвой скалы
Одинъ за другимъ опускались сѣдые орлы,

Садились на камни и когти острили о нихъ
И громко сзывали товарищей младшихъ своихъ.

Тяжелъ, но увѣренъ былъ крыльевъ размѣренный взмахъ,
И гнѣвная сила сверкала въ горящихъ глазахъ.

И вновь прилетавшаго крикомъ встрѣчали они:
„Товарищъ! не медли! Приходятъ желанные дни!“

В. Башкинъ.

Изъ поэмы „Геѳсиманская ночь“.

Возставъ отъ вечери послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣнивши знойный день, струилася вкругъ нихъ,
И спящій міръ въ тотъ часъ прекрасенъ былъ и тихъ.
Блѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ,
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ расцвѣлъ и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкши созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты!
. . . .

И вотъ, ужъ миновавъ Іосафатъ пустой,
Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
Какъ вдругъ, изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
Явился злобный духъ, и дерзкою пятой
Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ вселенной.
И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись,
И, слѣдуя за нимъ, шепталъ онъ: „Оглянись!
Прекрасна ночь—и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горитъ,
И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
Надъ спящимъ городомъ паритъ.
Грудь ищетъ страстно груди знойной,
Горятъ уста и взоръ погасъ...
Куда, мечтатель безпокойный,
Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?
. . . .
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье дамъ!“
Такъ злобный духъ шепталъ. И горестный Учитель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:
„Молитесь! Близко искуситель“.
И сталъ молиться самъ. Но, только слезный взоръ
Онъ поднялъ вверхъ, согнувъ дрожащія колѣни,

Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ,
И чистый слухъ язвилъ злорѣчіемъ нечистымъ.
„Смотри—коварный духъ сказалъ:—
Встаютъ видѣнья дней грядущихъ.
Ты видишь пиршественный залъ,
Гостей хохочущихъ и пьющихъ?
Ихъ тѣсенъ кругъ. Сѣдой старикъ—
Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной,
Вотъ онъ щекой своей румяной
Къ груди красавицы приникъ.
То—дочь его: лишь преступленье
Осилить можетъ пресыщенье.
Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!
Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,
Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,
Какъ сынъ его, отца достойный,
Радушно потчуетъ гостей,
Торопитъ шуткой пиръ усталый
И цѣдитъ самъ вино въ бокалы
Рукой предательской своей.
Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ, кто въ силахъ...
Бѣгутъ къ дверямъ, ползутъ назадъ...
Кричатъ, упавъ: „Измѣна! Ядъ!“
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятья сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ
Его злорадства дикій крикъ...
Кто жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ хранитель;
Онъ—высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти...
Гляди жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятье приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю

Доставить силу и почетъ,
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
Вернись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
Вернись! Ты не спасешь ихъ жертвою своей!"
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
—Да идетъ чаша эта мимо!..—
И вновь злой генiй говоритъ:
„Вотъ площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царитъ.
Въ трибунѣ той—старикъ безстрастный,
Какъ нищiй, въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ,
Недвиженъ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревущая окрестъ,
Вблизи него хранитъ молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застылъ, какъ рока изваянье!
И вдругъ—о, чудо!—по лицу
Улыбка легкая мелькнула...
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?
Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествiе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ...
Средь черныхъ рясъ, въ рубахахъ бѣлыхъ,
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжiе слѣды
Горятъ на лицахъ помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталъ. На возвышеньи
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ,
Подъ стоны жертвъ, подъ пѣнье хора,
Подъ тяжкiй вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди:
Не сводитъ огненнаго взора
Съ огня, дыханье затаивъ.

Онъ молодъ сталъ, онъ сталъ красивъ;
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ—ты слышишь?—онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что сгорѣли...
Тебя прославилъ онъ огнемъ,
За души грѣшниковъ предстатель...
Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
О кроткомъ имени твоемъ
Моря изъ крови заструятся,
Свершится безконечный рядъ
Злодѣйствъ ужасныхъ, освятятся
Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
И будутъ дикія проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди, именемъ распятья,
Другъ друга будутъ распинать.
И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви
твоей..."
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
—Да идетъ чаша эта мимо!...—
А демонъ хохоталъ:
„Взываетъ къ небесамъ
И чашу горькую ко рту подноситъ самъ!
Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ и себѣ?
Ужъ не ошибся ль я въ тебѣ?
И, вмѣсто истины, не жаждешь ли ты славы?
О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.
Я вижу: нравъ толпы глубоко ты постигъ.
Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
Но правды идоловъ, святыни алтарей.
Толпѣ дай образы лишь рѣзче да пестрѣй,
Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
Чтобъ было вкругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
И воздухъ воплями безумно потрясать.
Вотъ отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ,
Прекрасное лицо и скорби выраженье.

И терніи, и кровь, и воины кругомъ
Глубоко поразятъ толпы воображенье!
Легенды создадутъ—стозвучный бредъ молвы—
И будутъ жить въ вѣкахъ... но вѣчно ли? Увы!"

. . . .

Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно,
И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.
Душа скорбѣла въ немъ смертельно,
Съ чела катился потъ кровавою струей,
И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
Недвижно замерла, молчала и ждала...
Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣвшей
Свершалось таинство борьбы добра и зла!..
И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,
Настало царство тишины.
И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ черной,
Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдругъ одинъ изъ нихъ съ поспѣшною тревогой
На землю ринулся...
Когда, по скорби многой,
Другъ міра поднялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ
Съ очами, полными надежды и испуга,
Безгрѣшной красотой сіявшій серафимъ.
И долго, грустные, глядѣли другъ на друга.
И ангелъ пѣлъ:
„Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.
„Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь—одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.
„Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, любя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?
„Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожитъ,

Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ..."
И прояснилися Скорбѣвшаго черты,
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
„Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты!"
И шопотъ радости промчался по вселенной...
Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: „Часъ мой наступаетъ".
И, чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружья долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ;
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ—съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Іуда...

Н. Минскій.

Утрата.

Смирись! Молчи! Забудь! Врачуетъ время раны.
И день за днемъ—цѣлительный бальзамъ.
Ты слышишь?—Близится весенній вѣтеръ пьяный.
Ты видишь?—Даль небесъ открылась вновь глазамъ.

Что значитъ боль твоя, когда безмѣрны дали,
Когда душѣ открылся кругозоръ
Иныхъ надеждъ, невѣдомой печали,
И манитъ, и зоветъ тоскующій просторъ.

Дай вѣтру прошумѣть въ вѣтвяхъ березы старой
И стукнуть въ ставни опустѣлыхъ дачъ.
И слушай, затаясь, и, если хочешь, плачь,
Смиренно преклонясь предъ неизбѣжной карой.

Александръ Койранскій.

Артистъ А. И. Южинъ [Сумбатовъ].

„Ecce homo!"

Оставь отца и мать... Не строй себѣ гнѣзда—
Будь одинокъ... И пусть заглохнутъ навсегда
Въ твоей душѣ людскія страсти!
Будь святъ, будь недоступенъ ты
Соблазнамъ женской красоты,
Любви, богатства, славы, власти.
И, сердце чистое храня въ своей груди,
Весь пылъ его отдай безъ раздѣленья
Несчастнымъ братьямъ на служенье:
Гдѣ слышишь стонъ—туда иди!
Иди, дѣли съ рабомъ его труды, страданья,
Страдай больнѣе всѣхъ... Раздай свои стяжанья,
Останься нищъ и нагъ... И будешь ты великъ,
И страшенъ будетъ злу твой ясный, кроткій ликъ!
Ты міръ смутишь своимъ упрекомъ!
Пройдетъ изъ края въ край могучій голосъ твой,
И прогремитъ надъ злобой и порокомъ
Пророческая рѣчь нежданною грозой—
Да все неправое, поникнувъ головой,
Объято ужасомъ, дрожитъ передъ пророкомъ!
Но знай: въ землѣ своей пророку чести нѣтъ...
За подвигъ твой святой тебя осудитъ свѣтъ,
Найдется ученикъ, тебя предать готовый,

Лукавый фарисей сплететъ вѣнокъ терновый,
И повлекутъ тебя къ пропретору они...
И, надъ тобой ругаясь въ изступленьи,
Толпа возопіетъ о мщеньи,
Крича: „Распни его, распни!“
Судья, изъ выгодъ и боязни,
Тебя присудитъ къ лютой казни—
И, опозоренный, умрешь отъ палачей,
Какъ врагъ народа, какъ злодѣй...
Но протекутъ года... Могучее зерно
Тобой посѣяно на почвѣ благодатной:
Придетъ пора—взойдетъ оно
И возрастетъ, дастъ плодъ стократный!
Тогда воскреснешь ты: міръ вспомнитъ о тебѣ,
Восплачетъ о твоей страдальческой судьбѣ,
Пойметъ, какою ты горѣлъ къ нему любовью,
Какую жертву ты принесъ своею кровью...
Тебѣ, казненному, воздвигнутъ алтари,
Терновому вѣнцу поклонятся цари,
Устроютъ торжества въ твое вспоминанье,
Раздастся братское лобзанье
При кликахъ радости о чудѣ изъ чудесъ:
„Воскресъ учитель нашъ, во-истину воскресъ!“

А. Л. Боровиковскій.

Русалка.

Ты—русалка, русалка, я знаю давно,
Я въ глазахъ у тебя увидалъ,
Въ глубинѣ, гдѣ темно, моря скрытое дно
И волны набѣгающій валъ.
Я недаромъ видалъ, какъ изъ темныхъ волосъ
Выбирала обрывки ты травъ;
Въ нихъ узорчатыхъ раковинъ много вплелось,
Къ кольцамъ косъ твоихъ страстно припавъ...
Оттого-то въ тебѣ все капризный порывъ
И желанья твои такъ вольны,

Оттого-то твой смѣхъ такъ пѣвучъ и красивъ,
Точно плескъ разсѣченной волны.
Ты—русалка, ты моря коварная дочь—
Я недаромъ тебя стерегу,
Весь дрожа, чуть дыша, ужъ не первую ночь
Стерегу на морскомъ берегу.
Я видалъ—ты, плескаясь, плыла между скалъ,
Озаренная блескомъ ночнымъ,
И мечтательный мѣсяцъ влюбленно дрожалъ,
И улыбкой мѣнялась ты съ нимъ.
Я видалъ, какъ вчера заблудившійся челнъ
Ты схватила, тихонько приплывъ,
И, смѣясь, отдала его бѣшенству волнъ,
И разбилъ его бурный приливъ.
Какъ обманные ты зажигала огни
Тамъ, гдѣ бездна чернѣй и страшнѣй:
Шли туда корабли и погибли они,
Подъ ударами острыхъ камней.
Какъ манила прохожихъ призывами глазъ,
Трепетаньемъ порывистыхъ плечъ,
Чтобъ затѣмъ за собою въ полуночный часъ
Ихъ въ пучину морскую увлечь,
Чтобы тамъ ихъ ласкать, чтобы тамъ ихъ терзать,
Погубить, утопить, задушить,
Чтобы лунною полночью выплыть опять,
Чтобы снова прохожихъ манить...
Ты меня не зови, ты меня не мани,—
Безъ того я пойду за тобой...
Переливчатымъ смѣхомъ побѣдно звени!
О, русалка, русалка, я твой!
Я пойду въ глубь бездонныхъ морей,—
Не боюсь я подводной глуши,
Если хочешь, убей меня лаской своей,
Истерзай, утопи, задуши!
О, коварнаго моря коварная дочь!
О, русалка съ блестящей косой!
Я теперь уже твой, ибо въ эту же ночь
Я пойду, я пойду за тобой.

Викторъ Гофманъ.

Мюргитъ.

I.

Проснувшись рано, всталъ Жако, шагнулъ черезъ заборъ.
Заря окрасила едва вершины дальнихъ горъ.
Въ травѣ кузнечикъ стрекоталъ, жужжалъ пчелиный рой,
Надъ міромъ благовѣстъ гудѣлъ—и плылъ туманъ сырой.
Идетъ Жако и пѣснь поетъ. Звенитъ его коса,
За нимъ подкошенныхъ цвѣтовъ ложится полоса.
И слышитъ онъ въ густой травѣ хрустальный голосокъ:
—„Жако, Жако! иль ты меня подкосишь, какъ цвѣтокъ?"
Взглянулъ Жако:—сидитъ въ травѣ красавица Мюргитъ,
Ощнѣми кудрями ея роскошный станъ прикрытъ.
Два крупныхъ локона, чернѣй вороньяго крыла,
Какъ рожки, вьются надо лбомъ... какъ мраморъ, грудь бѣла...
Темнѣй фіалки лепестковъ лиловые глаза...
Сама рыдаетъ,—а съ рѣсницъ не скатится слеза!
Уста—румяныя, какъ кровь, въ лицѣ—кровинки нѣтъ,
Вокругъ руки свилась змѣя—и блещетъ, какъ браслетъ.
—„Кой чортъ занесъ тебя сюда?"—смѣясь, спросилъ Жако.
—„Везла я въ городъ продавать сыры и молоко.
Взбѣсился осликъ и сбѣжалъ—не знаю, гдѣ найти.
Дай мнѣ накинутъ что-нибудь, прикрой и пріюти".
—„Э, полно врать!—вскричалъ Жако.—Какіе тамъ сыры?
Кто ѣздитъ въ городъ нагишомъ до утренней поры?
Тутъ, видно, дѣло не спроста. Разсмотрятъ на суду,
Чтобъ мнѣ души не погубить—къ префекту я пойду".

—„Тебѣ откроюсь я, Жако,—заплакала она,—
Меня по воздуху носилъ на шабашъ Сатана.
Тамъ въ пляскѣ время провели, потомъ запѣлъ пѣтухъ,—
Меня домой черезъ поля понесъ лукавый духъ.
Вдругъ снизу колоколъ завылъ,—метнулся Сатана...
Въ траву, какъ пухъ, слетѣла я. Вотъ вся моя вина!
О, горе мнѣ! То—не заря, то—мой костеръ горитъ!
Молчи, Жако! Не погуби красавицу Мюргитъ".

II.

Гудятъ-поютъ колокола, плыветъ могучій звонъ,
Вельможи, чернь—и старъ и младъ—спѣшатъ со всѣхъ сторонъ.
Всѣ лавки заперты: на казнь глазѣть пошли купцы.
Бѣжитъ молва, разноситъ вѣсть, несетъ во всѣ концы.
Несется радостная вѣсть, сплочается народъ.
За Маргариту молитъ клиръ и пѣвчихъ хоръ поетъ.
Во всѣхъ приходахъ за нее по сотнѣ свѣчъ горитъ...
„Во славу Бога" нынѣ жгутъ красавицу Мюргитъ.
—„Эй, разступись, честной народъ!"—Расхлынула волна.
Монахи съ пѣніемъ кадятъ и между нихъ—она
Идетъ. Спадаетъ грубый холстъ съ лилейнаго плеча;
Дымясь, въ рукахъ ея горитъ пудовая свѣча.
Доносчикъ тутъ же; вслѣдъ за ней, какъ быкъ, реветъ Жако;
—„Прости, прости меня, Мюргитъ,—и будетъ мнѣ легко!
Души своей не загубилъ,—суду про все донесъ,
А что-то сердцу тяжело и жаль тебя до слезъ!"
Лиловымъ взоромъ повела красавица Мюргитъ:
—„Отстань, дуракъ!—ему она сквозь зубы говоритъ.—
Не время плакать и тужить, когда костеръ готовъ.
Хоть до него мнѣ не слыхать твоихъ дурацкихъ словъ"!
Но все сильнѣй вопитъ Жако и съ воплемъ говоритъ:

„Эхъ, что мнѣ жизнь! Эхъ, что мнѣ свѣтъ, когда
въ немъ нѣтъ Мюргитъ!
Скажу, что ложенъ мой доносъ—и вырву изъ огня!
Я за тебя на смерть пойду—лишь поцѣлуй меня!"
Блеснула жемчугомъ зубовъ красавица Мюргитъ,
Зардѣлся макомъ блѣдный цвѣтъ нетронутыхъ
ланитъ,
Въ усмѣшкѣ гордой, зло скривясь, раздвинулись
уста—
И стала страшною ея земная красота.
—„Я душу дьяволу предамъ и вѣчному огню,
Но міра жалкаго рабомъ себя не оскверню!
И никогда, и никогда, покуда свѣтъ стоитъ,
Не цѣловать тебѣ вовѣкъ красавицу Мюргитъ!"

М. Лохвицкая.

Одиночество.

Въ кругу людей—я средь чужихъ,
Мнѣ въ этомъ мірѣ не до нихъ,
Какъ имъ, въ борьбѣ и шумѣ дня,
Нѣтъ въ жизни дѣла до меня...

Въ дорогѣ дальней имъ, какъ мнѣ,
Тужить-блуждать наединѣ;
Мнѣ въ мой просторъ, въ мою тюрьму,
Входить на свѣтѣ—одному...

Пока въ пути не встанетъ грань,
Намъ всѣмъ томительную ткань,
Рукою сирой въ мірѣ ткать,
Душою замкнутой алкать...

Одинъ и тотъ же стонъ и смѣхъ
Звучитъ по разному у всѣхъ;
На всѣхъ ткачей одинъ станокъ,—
Но каждый сиръ и одинокъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Для богини моей я построилъ бы храмъ...
И широко вкругъ храма того
Вознестись повелѣлъ бы волшебнымъ стѣнамъ,
Чтобы горю земному и дольнимъ слезамъ
Никогда не достичь до него.
Я взростилъ бы сады въ тѣхъ волшебныхъ стѣнахъ,
Чтобы говоръ немолчный вѣтвей,
Чтобъ веселое пѣніе птицъ въ деревахъ,
Чтобы плескъ и журчаніе въ звонкихъ ручьяхъ
Стонъ и крикъ заглушали людей.
Я бъ землѣ нашепталъ: разступися, земля,
Вкругъ жилища богини моей,
Чтобы врагъ, злобный умыселъ въ мысляхъ тая,
Чтобы зависти черной лихая змѣя
Не дерзнули приблизиться къ ней.
Пуще зависти черной и злобныхъ враговъ,—
Чтобы образъ людской нищеты,
Вѣковѣчныхъ страданій и лютыхъ трудовъ,
Въ безобразьи своемъ и могучъ, и суровъ,
Не явился очамъ красоты.

А не то на признанья и пѣсни мои
Она скажетъ, тоской омрачась:
„Какъ не стыдно тебѣ напѣвать о любви?—
Люди гибнутъ въ бѣдѣ, люди тонутъ въ крови,
Злоба, голодъ и гибель вкругъ насъ!
Погоди, чтобъ настали счастливые дни,
Чтобы братьевъ утихнулъ раздоръ,
Чтобы подали руки другъ другу они,
Чтобы крови и слезъ пересохли ручьи,
Чтобъ намъ въ счастьи не слышать укоръ!“
Что сказать на ту рѣчь, что мнѣ дѣлать тогда?..
Посмѣяться ль надъ дѣтской мечтой,
Иль всю правду ей бросить въ лицо безъ стыда,—
Что тѣ дни не придутъ никогда, никогда...
Иль съ поникшей молчать головой?...

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Время битвы.

Наше злое время—время лютой битвы.
Прочь кимвалъ и лиру! гимновъ не просите,
Золотыя струны на псалтири рвите!
Ненавистны пѣсни, не къ чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте кличъ суровой чести,
Кличъ, въ которомъ слышенъ голосъ кровной мести,
Кличъ, въ которомъ дышитъ сила огневая.

Пѣсни будутъ спѣты только послѣ боя,
Въ лагерѣ побѣды,—тамъ огни зажгутся,
Тамъ съ гремящей лиры звуки понесутся.
Тамъ польется пѣсня въ похвалу героя.

Надъ тѣлами жъ мертвыхъ, ночью послѣ сѣчи,
Будетъ пѣть да плакать только вѣтеръ буйный
И, плеща волною рѣчки тихоструйной,
Поведетъ съ лозою жалобныя рѣчи.

Ѳедоръ Сологубъ.

Грезы.

Тянутся грезы, сонныя грезы, какъ длинныя нити скользящаго жемчуга... Тянутся грезы... Душная ночь за окномъ притаилась, льетъ мнѣ отраву свою—въ сердце мое... Это сердце разбилось, прокляло жизнь и судьбу.

Грезы мои улетаютъ, влетаютъ, тихо скользя... Ночь, притаившись, мнѣ шепчетъ коварно: „Жить такъ нельзя! Сбрось же ты путы земного страданья, горя, любви... Съ ласковой нѣгой нѣмого лобзанья устъ моихъ сладко умри. Словно сестра твоя, я обойму тебя... Тихо умрешь! И безъ страданья, безъ крика, безъ боли къ смерти уйдешь".

Тянутся грезы мои прихотливыя, чертятъ узоры въ душѣ... Нити жемчужныя, нити красивыя тихо дрожатъ въ полуснѣ. Ночь, притаившись, безшумно смѣется тамъ, за окномъ. Грезы летятъ, улетаютъ и вьются—въ горѣ нѣмомъ.

Ночь приближается, грезы мѣняетъ, къ жизни зоветъ: снова о жизни, о силѣ, о правдѣ съ вѣрой поетъ.

— Ты погляди на людскія страданья... Сколько ихъ льется вокругъ! И малодушіе, и колебанія ты отгони, милый другъ! Вѣря въ себя, укрѣпляйся надеждой, муки души заглуши... Свѣтлой и твердой желѣзной одеждой сердце отъ бурь защити... Въ дѣтствѣ тебѣ улыбалось свѣтлое солнце съ небесъ. Взглядъ ты отъ солнца потомъ отвратила: солнце—безъ силъ и чудесъ. Люди, идущіе стройно, шеренгами, грозно позвали тебя въ ихъ ряды: шла ты—не вѣрила, въ мукахъ невѣрія скоро ты ихъ потеряла слѣды. И не ищи ты теперь, боязливая, этихъ забытыхъ слѣдовъ: сердце свое прихотливое въ жизнь понеси безъ оковъ.

Тянутся грезы мои одинокія, въ ночи безлунной, какъ жемчугъ, блестя... Звѣздъ потухающихъ очи глубокія съ неба ночного глядятъ на меня. Ночь удаляется съ шелестомъ ласковымъ темныхъ одеждъ... Утро приблизится съ цѣпью сверкающей свѣтлыхъ

надеждъ... Тянутся грезы мои прихотливыя, тянутся, тихо звенятъ. Птицы ночныя изъ сердца, пугливыя, съ ночью моей улетятъ.

„Слово „свобода" твердя, какъ молитву, смѣло иди ты на битву!" ночь, улетая, мнѣ гордо поетъ.

Утро зоветъ.

Мирэ.

Что съ ней?

Когда изъ пеленъ порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Растлѣнная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

И въ лучшіе дни, какъ цвѣла красота,
Мечты ея вяли и вяли;
Ни ласковыхъ словъ не шептали уста,
Ни дѣтскихъ молитвъ не шептали.

Пытливымъ огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
Мерцая, въ ней мысль загоралась,—
Въ тѣ дни много-много запретныхъ страницъ
Въ безсонныя ночи читалось...

Ее жажда правды томила до слезъ...
На Западѣ бури шумѣли,
И къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ,
Какъ вѣтеръ, свистя въ наши щели...

Отъ этого вольнаго вѣтра спасти
Нельзя лицемѣрной морали,
Когда люди свято велятъ намъ блюсти
Все то, что они попирали...

И духъ отрицанья ее посѣтилъ—
Онъ понялъ, какая въ ней сила:

Онъ юную душу настолько плѣнилъ,
Насколько душа та изныла;

Науку, семью, государство, права,
Религію, геній, искусство,—
Все, все превратилъ онъ въ пустыя слова,
Насилуя разумъ и чувство.

„Иди, говорилъ онъ, иди вслѣдъ за мной,
„И будетъ твой путь—путь свободный,
„И скоро среди мастерскихъ мы съ тобой
„Сойдемся на тризнѣ народной.

„На каждой верстѣ—будетъ общій дворецъ;
„За трудъ—будетъ плата любовью;
„И будетъ тогда отрицанью конецъ,—
Согрѣетъ—политое кровью".

И эти туманныя рѣчи она
При насъ горячо повторяла;
Ея слабый голосъ дрожалъ, какъ струна,
Въ немъ гордая вѣра звучала.

А время все шло,—шло и много надеждъ,
Имъ грубо задѣтыхъ, сломалось.
Чадясь, погасали восторги невѣждъ,—
И мысль на вѣтру колебалась.

Поблекло лицо ея, въ темныхъ глазахъ
Мысль робкимъ огнемъ чуть мелькала,
И ужъ не улыбка на блѣдныхъ устахъ,—
Тѣнь прежней улыбки блуждала.

Ея предреканьямъ послушный кружокъ
Давно позабылъ ея грезы:
У каждаго путь свой—и свой уголокъ
Нашелся для грезъ и для прозы.

И тотъ, кто взялъ дань съ ея сердца, и тотъ
Пошелъ ужъ другою дорогой,
Ей бросивши на руки много заботъ
И грудь познакомивъ съ тревогой...

И вотъ, чтобъ друзей не осталось слѣда,
Нужда въ ея дверь постучалась...

И билась она, и искала труда...
И гдѣ теперь? Что съ нею сталось?

Ушла ли на Западъ она, въ край чужой,
Гдѣ жатва давно ужъ созрѣла,
И все, что не смято въ ней братской враждой,
Для новой вражды уцѣлѣло?

Ушла ли она въ наши степи,—туда,
Гдѣ нѣтъ ни конца, ни начала,
Гдѣ требуетъ время иного труда
И вѣры иного закала?

Или, изможденная страшной борьбой,
Въ чаду, въ тѣснотѣ еле дышитъ,
И, чуткая, слышитъ бредъ жизни хмѣльной
И—Боже! неужели слышитъ,—

Какъ духъ отрицанья глумится надъ ней,
И даже ее отрицаетъ,
Ее,—кто ему въ жертву несъ радость дней
И ради его погибаетъ!?

Ожесточенная, врядъ ли пойметъ,
Что въ безднѣ людскихъ заблужденій
Лишь только поэтъ искры сердца найдетъ,
А искры ума—только геній.

Я. П. Полонскій.

Артистъ Я. Тинскій.

Гротъ „Bove Marino", на островѣ Капри.

Разбиваясь объ утесы, мчится пѣнистый прибой
Въ гротъ морского чародѣя, въ царство сказки водяной.
Тамъ заклятіе безвластно, тамъ витаетъ колдовство...
Все таинственно-прекрасно и обманчиво-мертво.

Какъ открытая гробница—мшистой арки глубина.
Въ ней песковъ изборожденныхъ золотая пелена.

Фантастическія глыбы. Стонъ и бѣшенство валовъ.
Прихотливые изгибы нависающихъ зубцовъ.

И, средь отблесковъ мерцанья, дрожь измѣнчивыхъ тѣней,
Черно-синихъ и тягучихъ, словно цѣпь сплетенныхъ змѣй...

Если хочешь вѣдать тайны, жгучимъ сномъ упиться въявь,
Въ часъ лазурный новолунья свой челнокъ сюда направь.
Пусть чешуйчатыя волны, въ искрахъ луннаго огня,
Зашипятъ, смятенья полны, негодуя и стеня;

И, грозясь изъ дикихъ впадинъ, пусть, не зная торжества,

Хищный Страхъ, безсильно-жаденъ, шепчетъ смутныя слова.

Заглуши его угрозы! Непреклонный, смѣло жди! —
Неразгаданныя грезы улыбнутся впереди.

Что-то дрогнетъ въ полумракѣ... что-то вспыхнетъ, какъ алмазъ...
Ты уловишь на мгновенье льдистый блескъ зовущихъ глазъ,

Чей-то смѣхъ прозрачно-нѣжный донесется—и замретъ,
Кто-то грудью бѣлоснѣжной на поверхности мелькнетъ,

И, охваченная страстью, влюблена, упоена,—
Засверкаетъ, заиграетъ набѣжавшая волна

И одѣнетъ въ брызги пѣны, въ златоцвѣтную фату,
Выплывающей сирены неживую красоту...

М. Пожарова.

Въ ожиданьи.

...А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса...
Недвижный нашъ корабль стоитъ, какъ изваянье;
Раскинувшись надъ нимъ, синѣютъ небеса
Въ бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньи;
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита, но мертвая, нѣмая...
Сознанье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
Ложится на душу; и сердце, замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ...
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ! Повисли паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ,—и въ сердцѣ злоба зрѣетъ!

И тишь, и блескъ кругомъ... Галлюцинацій рядъ,
Терзая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вотъ, волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ,
И мчатся, сжатыя крутыми берегами.
Вонъ, вкругъ убогихъ селъ убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью...
И вся желанная, далекая земля,
Какъ-будто, тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ и любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса;
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулся бъ къ нимъ скорѣе!
Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и злоба все сильнѣе...
Нѣтъ пытки тяжелѣй: стоять передъ врагомъ,
Съ нимъ реаться въ бой и знать, что тщетны всѣ усилья,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать израненныя крылья!
Близка стремленья цѣль: въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой
И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый;
Ужъ, слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,—
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!
И рвется сердце вонъ... Роятся и кипятъ
Мечты въ разрѣзъ всему, что видится на дѣлѣ.
Гдѣ вѣруютъ въ тебя, гдѣ только мига ждутъ
Идти рука съ рукой съ тобою къ общей цѣли—
Туда, закованъ, слабъ, ты можешь лишь душой
Стремится на призывъ, съ мученьемъ сознавая
Безсиліе свое и, въ ярости слѣпой,
Затишье и себя, и море проклиная!..
Бездушно надъ тобой сверкаютъ небеса,
Отъ моря вѣетъ вкругъ нѣмымъ покоемъ гроба,
И вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ,—недвижны паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и въ сердцѣ злоба, злоба!..

Н. В. Симборскій.

Мысль.

Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распинали,
Въ темницѣ томили и жгли на кострахъ,
И псамъ на́ съѣденье бросали.

То пошлость, то глупость людская стѣной
Повсюду ей путь заграждала,
Но въ тайныя щели, какъ день золотой,
Какъ воздухъ, она проникала.

Изъ мрака неволи, изъ пепла костровъ,
Сильна и прекрасна, вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ,
И спящихъ отъ сна пробуждала.

И сѣяла правду она межъ людей,
Средь лжи вѣковой и разврата,—
Но бури раздоровъ шумѣли за ней,
И братъ поднимался на брата,

И правда для нихъ оставалась нѣма:
Ихъ душу лучи ослѣпляли,
И свѣтомъ казалась имъ прежняя тьма,
И свѣтъ они тьмой называли...

— *Д.* —

Гусляръ.

Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ,
Про веселье чистой трелью говорятъ.
Мысли-пѣсни напѣваю я струнамъ,
Вольный вѣтеръ ихъ разноситъ по полямъ.
Гусли-мысли да веселыхъ пѣсенъ даръ
Далъ въ наслѣдство мнѣ мой батюшка-гусляръ.

Гусляромъ быть доля выпала и мнѣ,—
Сѣять пѣсни по родимой сторонѣ.
Я иду, накинувъ бѣдный мой нарядъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ.
Прохожу по полямъ, по горамъ,
Напѣваю я пѣсни вѣтрамъ,

А какъ выйду на Волгу-рѣку,
Отдохнуть прихожу къ кабаку;
Тамъ по праздникамъ пьетъ и поетъ,
Веселится рабочій народъ.
Какъ ударю я въ струны мои,
Замолчатъ надъ рѣкой соловьи;
Разливаются пѣсни кругомъ
Серебромъ.

Солнце выйдетъ, смѣясь, изъ-за тучъ.
А народъ-то, какъ солнце, могучъ!
Цѣловальникъ мнѣ цѣдитъ вина,
Да душа и безъ чарки полна!
Только мѣдныя струны звенятъ—
Говорятъ:
Коли пить—пей ковшемъ,
Бить—такъ бей кистенемъ!

Вѣдь всегда тому честь,
Кто во всемъ будетъ весь!
Эхъ, какъ громко струны мѣдныя звенятъ,
Слышитъ ихъ владѣлецъ каменныхъ палатъ,—
На душѣ его осенняя пора,
И зоветъ онъ молодого гусляра:
„Ты сыграй-ка, пѣсню грустную запой,
Чтобъ омылъ я душу грѣшную слезой;

Успокой ты совѣсть нѣжную мою;
Я тебя и накормлю, и напою!
Пусть о томъ, что я народу добрый братъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!"

Я вхожу во дворецъ къ богачу
И ковры дорогіе топчу.
Полны скуки, тоски и мольбы,
Тамъ живутъ сытой жизни рабы.

Я пою имъ, шутя и смѣясь:
„На душѣ у васъ копоть и грязь!

Не спою я вамъ пѣсни такой,
Чтобы васъ очищала собой!
Пусть лежитъ у васъ на сердцѣ тѣнь!..
Пѣснь моя не понравится вамъ:
Зазвенитъ она, словно кистень
По пустымъ головамъ!
Земля у насъ истощена:
Чего просить у ней?
Бурьянъ сухой родитъ она
И ядовитыхъ змѣй!
Вотъ я змѣей вползаю къ вамъ
И пѣсней жалю васъ;
Я только ядъ и раны дамъ,
А муки Богъ вамъ дастъ!
Я къ вамъ явился возвѣстить:
Жизнь казни вашей ждетъ!
Жизнь хочетъ вамъ нещадно мстить—
Она за мной идетъ!...“
Ахъ, не кончилъ эту пѣсенку гусляръ.
Не приходитъ онъ на людный, на базаръ,
Не видать его въ царевомъ кабакѣ,
И не слышно звонкихъ пѣсенъ на рѣкѣ.
Только видно: у тюремныхъ, у воротъ
Каждый вечеръ собирается народъ;
А изъ башни пѣсни льются-говорятъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ.

Скиталецъ.

Черви.

Мнѣ страшно этой глупой тьмы,
Всосавшейся въ людей.
Не знаемъ мы, не видимъ мы,
Забыли мы, забыли мы,
Что каждый, каждый изъ людей
Есть всемогущій чародѣй,

Есть чародѣй.
Да, чародѣй!

У насъ есть крылья дикихъ птицъ,
А мы лишь червяки.
Для насъ есть небо безъ границъ
Свобода, счастье безъ границъ,
А мы живемъ на днѣ рѣки,
Живемъ, какъ злые червяки,

Какъ червяки,
Да, червяки.

Безумны, горды, хороши
Душа и дикій умъ,
Но мы сдавили крикъ души,
И крикъ ума, и крикъ души;
Освобожденныхъ крыльевъ шумъ
Пугаетъ нашъ унылый умъ,

Унылый умъ,
Ничтожный умъ.

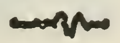
Мы въ Бога вѣрить не хотимъ,
Въ того, что въ насъ самихъ,
И мы другихъ боговъ творимъ,
Уродовъ-идоловъ творимъ.
А Богъ, живущій въ насъ самихъ,
Кричалъ намъ долго и затихъ.

Давно затихъ,
Навѣкъ затихъ.

И мы лежимъ на днѣ рѣки
И молимся богамъ.
И жизнь, святые дураки,
Беремъ, боясь, какъ червяки.
И свѣтъ, летящій къ небесамъ,
Кому-то свѣтитъ, но не намъ,

Не намъ, не намъ,
Не намъ, не намъ.

Иванъ Рукавишниковъ.



Первыя встрѣчи.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
Эгу бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,

Всѣ слова, какія мучатъ воспаленныя уста
Въ часъ, когда безстыдству учатъ темнота и нагота!

Изъ восторговъ и уныній я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ родной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышатъ тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновеній вновь былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользающихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный взглядъ...
Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ.

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность! лишь любовь!

Валерій Брюсовъ.

Артистка М. Н. Ермолова.

Странникъ.

Въ лохмотьяхъ жалкихъ подъ кустомъ,
Усталый, сѣлъ онъ у дороги...
Сума убогая на немъ,
Въ крови его босыя ноги.
Полудня зной—томленье, адъ!
Нигдѣ ни тѣни, ни потока.
Померкъ тупой и робкій взглядъ...
—„Вставай, старикъ, еще далеко!“

Подъ солнцемъ дремлетъ онъ... на грудь
Поникъ сѣдою головою.
Чуть дышитъ... знать, не легокъ путь!
Рука опущена съ клюкою.
Кругомъ просторъ и тишина!
Весь міръ раскинулся широко...
Сіяетъ небо... даль ясна...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!“

Откуда ты? Въ Соловкахъ былъ?
Иль, съ баркой плавая Двиною,
Скотомъ рабочимъ въ лямкѣ ньілъ,
Скотомъ съ безсмертною душою?
Въ поту ворочалъ ли весломъ?
Приказчикъ былъ на баркѣ—дока:

Кормилъ не хлѣбомъ—кулакомъ...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!"

Какъ волъ, трудясь, больной, босой,
Съ открытой грудью въ непогоду,
Ты уцѣлѣлъ, хотя весной
Пощады не было народу:
Однихъ голодныхъ тифъ разилъ.
Другой тонулъ,—въ рѣкѣ глубоко!...
Ты только силу сохранилъ...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!"

На пристань барку принесло—
Допѣта пѣсня хоровая,
Которой водитъ, какъ весло,
Страды и муки пѣснь родная!
И, предъ иконою склонясь,
Одинъ, безъ словъ, въ тоскѣ глубокой,
Старикъ, ты всѣмъ простилъ, молясь...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!"

А дома—жалкая семья
Мякину ѣсть и, голодая,
Кормильца ждетъ... Вотъ казнь твоя!
Что принесешь ты имъ? Родная,
Прости!—Онъ силы не жалѣлъ.
У насъ нужда—не дочь порока.
Рабочій, жалокъ твой удѣлъ!...
—„Вставай, старикъ, еще далеко!"

Вставай, старикъ! не слышишь ты?
Или забылся, отдыхая?..
Какъ рѣзки блѣдныя черты!
Съ натугой дышитъ грудь больная!
Ты видишь сонъ: семьѣ твоей
Открылся вдругъ просторъ широко:
То пѣсня, звонкій смѣхъ дѣтей...
—„Вставай, старикъ, еще далеко!"

Вставай, старикъ! Очнись, старикъ,
Возьми суму,—и въ путь тяжелый!
Такъ лживъ блаженныхъ сновъ языкъ,
Обманчивъ ихъ миражъ веселый!

Всю жизнь ты былъ рабомъ труда
И нищимъ былъ по волѣ рока;
Слабѣли руки, шли года...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!“

Вставай, старикъ! Недвиженъ ты...
Уста сомкнулись... Грудь не дышитъ,
Опали блѣдныя черты...
Погасла жизнь... Старикъ не слышитъ.
Съ какой покорною тоской
Глядитъ померкнувшее око!...
Раскрылось небо надъ тобой...
—„Вставай, старикъ, ужъ не далеко!“

День уходилъ... Его вѣнцомъ
Заря казалась золотая.
Багрянцемъ, чернью и огнемъ
Кругомъ, отъ края и до края,
Степь убиралася. Въ кустахъ
Роса алмазная сверкала.
О, еслибъ тамъ на небесахъ
Заря измученныхъ встрѣчала!

Вас. Немировичъ-Данченко.

Весной.

Межъ листьевъ нищеты растетъ цвѣтокъ свободы,
Въ корняхъ безправія гнѣздится червь борьбы,
Пылинки разума вихрь знанья сыплетъ въ годы,
Росинки горя слезъ дрожатъ въ вѣтвяхъ мольбы.
Но злыя тучи бурь полны громовъ презрѣнья,
И въ вешнихъ ручейкахъ вода кипитъ враждой,
А въ молніяхъ громовъ—огонь освобожденья
И первые лучи надъ темною нуждой!

R. D.

Перелетъ.

Шумъ могучій,
Шумъ пѣвучій
Наполняетъ небеса.
Въ хорѣ дивномъ,
Непрерывномъ
Всѣ смѣшались голоса.

Тонкій, пестрый,
Звонкій, острый,
Неумолчный, вѣчный гамъ
Такъ и льется,
Такъ и вьется
По песчанымъ берегамъ.

То станицы
Вольной птицы
Привели свой караванъ
Въ нашъ беплодный
Край холодный
Изъ далекихъ южныхъ странъ.

Легкокрылой,
Дружной силой
Прилетѣла эта рать
У мятежной
Вьюги снѣжной
Царство въ тундрѣ отбивать.

Строй за строемъ
Дружнымъ роемъ
Мчится весело впередъ,
И надъ чащей,
Мирно спящей,
И надъ свѣжей грудью водъ,

Полдень яркій,
Слишкомъ жаркій,
Краткій отдыхъ имъ даритъ,
Но съ закатомъ,

Какъ съ вожатымъ,
Ихъ походъ опять открытъ.

Чтс за ночи!
Тщетно очи
Ищутъ тьмы въ привычный часъ.
Отблескъ алый
Запоздалый
До разсвѣта не угасъ.

Что за ночи!
Спать нѣтъ мочи...
Стоголосый звучный хоръ
Такъ и манитъ,
Такъ и тянетъ,
Такъ и гонитъ на просторъ.

Только вышелъ,
Чуть услышалъ
Тотъ ликующій привѣтъ,
Самъ, какъ птица,
Хочешь взвиться;
Сердце рвется птицамъ вслѣдъ.

Рвется прыгнуть,
Чтобъ настигнуть
Вереницу рѣзвыхъ стай,
И безпечно,
Быстротечно,
Съ ними мчаться въ вольный край;

Крыльевъ проситъ,
Хочетъ бросить
Многолѣтній скучный плѣнъ.
Ропщетъ, страждетъ,
Буйно жаждетъ
Незнакомыхъ перемѣнъ.

Танъ.

Піанино.

Изъ Ж. Роденбаха.

Піанино въ сумеркахъ задумчиво мечтаетъ
Въ своемъ углу и ждетъ невѣсты блѣдныхъ рукъ;
Ихъ перстень золотой коснуться не дерзаетъ,
Ихъ нѣжные персты легко пробудятъ вдругъ
Печальнаго вдовца отъ долгаго молчанья,—
И зазвучатъ опять въ его груди рыданья.
На счастье новое надежду онъ таитъ,
Года безмолвія и тайнаго страданья
Его эбеновый покровъ въ себѣ хранитъ!..
О, если бъ радостной, весеннею порою
Невѣста, полюбивъ безмолвіе тоски,
Въ немъ пробудила вновь искусною игрою
Напѣвы скрытые дрожаніемъ руки!
Вновь распустились бы гирлянды смятыхъ лилій
Надъ блѣдной влагою, и лебедей стада
За Лоэнгриномъ вновь послушно бы проплыли,
Вновь отразила бы прозрачная вода
Доспѣхи въ лунный свѣтъ!
Увы, повито мглою,
Оно безмолствуетъ, объятое тоскою;
Спустилась ночь, свѣжо... никто не подойдетъ.
Ужъ розы лепестокъ послѣдній умираетъ,
Піанино въ сумеркахъ свои мечты смиряетъ,
Но все надѣется и все чего-то ждетъ!

Эллисъ.

В. В. Вересаевъ.

Передъ завѣсою.

Началось это подъ-вечеръ, послѣ обѣда. На террасѣ дачи играли квартетъ Гайдна: „Семь послѣднихъ словъ Христа“. Мы сидѣли на скамейкѣ подъ соснами; пахло смолою, окрестный боръ тихо шумѣлъ, и казалось, что надъ головами медленно волнуется огромное сухое море. А за поляною, на крутомъ берегу Оки, сѣрѣлъ въ дымкѣ городокъ; надъ скученными, маленькими домиками высоко поднимались бѣлыя церкви.

Въ звукахъ, несшихся съ террасы, росла и развертывалась огромная драма. Чуялось близкое вѣяніе смертныхъ мукъ, великая душа боролась съ ихъ унижающею силою, побѣждала ее и вновь изнемогала; на фонѣ сухихъ, колющихъ звуковъ пиччикато звучало скорбное: „жажду!“—и послѣдній смертный вопль тонулъ въ грохотѣ землетрясенія, въ содроганіи ужаснувшейся природы передъ гибелью творящей жизнь силы, которую жизнь же уничтожала.

— Еще! Еще разъ!

Они начали снова. И снова развертывалась жуткая драма, и она казалась теперь еще глубже и значительнѣе. Кругомъ становилось все тише, сухое

море въ вершинахъ сосенъ волновалось все медленнѣе. Стало странно-тихо; какъ будто воздухъ съ растущимъ вниманіемъ вслушивался въ то, что разсказывали звуки.

„Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со мною въ раю!“—начали скрипки... И вдругъ какіе-то чуждые, широкіе звуки стройно и торжественно влились со стороны въ мелодію. Это было неожиданно и удивительно. Что это, откуда? Воздухъ ли вдругъ таинственно ожилъ и откликнулся и, пораженный тѣмъ, что услышалъ, заговорилъ, самъ не замѣчая, въ одно со скрипками? „Бо-омъ! Бо-омъ!“—продолжалъ звучать воздухъ, и только теперь становилось понятнымъ: въ городкѣ зазвонили къ вечернѣ, и это звучалъ колоколъ,—звучалъ мѣрно, увѣренно, какъ разъ въ тактъ и въ тонъ музыкѣ.

И вотъ, что-то странное произошло со мною: передъ глазами какъ будто распахнулась какая-то невидимая завѣса. Все кругомъ вдругъ одухотворилось, природа и люди слились въ единую жизнь, и огромная тайна почуялась въ этой общей, проникающей все жизни. Звуки колоколовъ, дрожа, плыли въ даль,—и тихое, просторное небо наклонялось къ нимъ и ласково принимало въ себя, и даль тянулась имъ навстрѣчу, и въ чащѣ бора что-то прислушивалось и пряталось въ зеленую тьму. Люди смѣялись и пошло острили, но на ихъ лицахъ тоже лежалъ отсвѣтъ этой одухотворившейся общей жизни.

Все жило вокругъ. Но что было мучительно,—этой ключемъ забившей отовсюду жизни я не могъ серьезно принять ни умомъ, ни чувствомъ. А между тѣмъ что-то въ глубинѣ души страстно тянулось къ ней и принимало ее жадно, всю цѣликомъ. И стремленіе это росло изъ глубины, вздымалось, какъ дымъ изъ расщелины скалы; оно пьянило и властно охватывало душу... Да почему я долженъ принимать то, что мнѣ предписываетъ умъ? Пусть онъ бунтуетъ, пусть разъѣдаетъ все; его трезвая правда—это лживая правда бѣлаго дня; есть высшая правда которой жива вѣчно-обманывающая и вѣчно-чару-

ющая ночь. Умъ холодно говоритъ: „нѣтъ живой цѣлости и общности всего, все раздѣльно и самостоятельно; только мертвая, слѣпая энергія переливается въ безконечныхъ пространствахъ и творитъ разнообразныя формы жизни. Живое же единство міра—лишь въ твоей головѣ, оно—лишь отвлеченіе и комбинированіе полученныхъ ощущеній"... И завѣса запахивается, міръ обезцвѣчивается и распадается на милліоны отдѣльнаго; тускнѣютъ люди и природа.

Но почему же такъ неудержимо рвется къ этому единству душа? Почему хочется широко раскрыть руки передъ міровымъ просторомъ и сказать: да, ты живъ, живъ не собраніемъ жизней, а единою, могучею жизнью, способною на великую мысль, на великую радость и скорбь; и въ этой общей жизни братья мои—и тотъ мужикъ, который пашетъ тамъ за погостомъ, и его лошадь, и дубъ надъ оврагомъ, и облачко на небѣ; и въ этой общей жизни—оправданіе жизни и ея цѣль. Падаютъ, сами собою рѣшаясь, самыя ея непонятныя и тяжкія загадки. Какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться, видя, что твоя „свободная душа"—только тѣнь, бросаемая на землю неподвластною тебѣ жизнью? Все становится радостно-понятнымъ, потому что нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ... Да, здѣсь, и только здѣсь, правда, потому что она даетъ душѣ жизнь.

Огненно-красное солнце уходило въ буро-сѣрую муть горизонта, и эта муть клочьями въѣдалась снизу въ ясный дискъ. Съ сѣвера медленно росла желто-сѣрая туча,—странная, сверху рѣзко отчерченная отъ неба, а сама вся ровная, безъ тѣней, безъ контуровъ внутри, какъ усыпанная желтоватымъ пепломъ пустыня. Солнце скрылось, въ сухомъ, темнѣвшемъ воздухѣ носился вѣтеръ и покрывалъ своими теплыми поцѣлуями травку, жнивья, деревья и меня. Я стоялъ и смотрѣлъ, охваченный

раскрывшимися передо мною таинствомъ, чувствомъ великой общности со всѣмъ, всѣмъ, что было кругомъ. И какъ могъ я раньше быть такъ слѣпъ, чтобъ не видѣть этой проникающей все жизни? А въ дѣтствѣ я ее чувствовалъ; я ночью подходилъ къ окну и смотрѣлъ въ садъ: въ смутномъ сумракѣ таинственно дремали кусты сирени, на блѣдномъ фонѣ неба шевелились странно-живыя вѣтки, и все жило своею особенною, загадочною жизнью. Отбившійся, забредшій въ сторону, я теперь возвращался къ ней, къ этой, недоступной уму, но покорявшей душу свѣтлой тайнѣ жизни.

Великое свершилось въ душѣ: міръ коснулся ея своею безконечною душою и поглотилъ ее, какъ свѣтъ солнца поглощаетъ дневной свѣтъ звѣзды. И не было уже между ними границы, и всѣ мы, съ нашими разными мыслями и чувствами, были одно.

Назавтра утромъ я вышелъ на крыльцо постоялаго двора. Изъ сѣраго неба лилъ холодный дождь, у канавы болѣзненно-ярко зеленѣли мокрые лопухи; два мужика въ намокшихъ зипунахъ угрюмо шли къ коноплянникамъ. Поля и небо вдали сливались въ сырую муть, далеко на дорогѣ бились подъ вѣтромъ придорожныя ивы. Я смотрѣлъ и, какъ проспавшійся пьяный, съ чуждымъ, отказывающимся чувствомъ вспоминалъ вчерашняго себя. Что это вчера было?...

Дождь тупо и однообразно шумѣлъ по травѣ, по листьямъ и по моему клеенчатому плащу. Я шелъ по разсклизшей, глинистой дорогѣ, скользя сапогами на промоинахъ. Вдали дороги, въ просвѣтахъ полуоголенныхъ ивъ, надъ полями,—вездѣ шевелилась та же сырая муть. Гдѣ она здѣсь, вчерашняя таинственная, общая жизнь? Вѣтеръ съ мертвымъ шумомъ проносился по жнивьямъ, иззябшія ивы клонились подъ нимъ,—чуждыя ему, ушедшія въ себя: мокрыя, порыжѣлыя былинки на краю дороги были такія явно-мертвыя. Ничему ни до чего нѣтъ дѣла, и мнѣ нѣтъ дѣла до этого мертваго, сырого простора, охватывающаго милліоны маленькихъ,

одинокихъ, ушедшихъ въ себя жизней. „Высшая правда“ обмана... Неужели я хоть на минуту могъ стать такимъ рабомъ, чтобъ подчиниться этой унижающей правдѣ? Изъ безсознательной глубины души рвутся запросы,—значитъ, имъ непремѣнно должно существовать и удовлетвореніе? И вотъ на мѣсто высшей правды становится обманъ, а боящаяся своей самостоятельности человѣческая душа рабски молчитъ...

И глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту: да, я сумѣю принять ее такою, какая она есть, со всѣмъ холоднымъ ужасомъ ея пустоты и со всею завлекательностью этого ужаса; не сумѣю,—умру; но не склонюсь передъ тою правдою, которая только потому правда, что жить съ нею легко и радостно.

В. Вересаевъ.

Смирна.

Алмазъ и жемчугъ, четки янтарей,
Узорный стихъ на стали ятагана,—
Нѣтъ ничего богаче и пестрѣй
Роскошной Смирны, дочери Корана.

Причудливо, плѣнительно и странно
Все дремлющимъ Востокомъ дышетъ въ ней—
Верблюдъ въ тѣни прохладнаго фонтана
И у мечети крылья голубей.

Клинокъ сверкаетъ, кованый въ Дамаскѣ,
Кальянъ дымится въ зелени шатра
И говоритъ Шехерезада сказки.

Здѣсь жизнь сама, волшебна и пестра,
Сплетаетъ свой узоръ, цвѣты и краски
Пышнѣй и ярче смирнскаго ковра.

В. А. Шуфъ.

Мемфисскій жрецъ.

Когда я былъ жрецомъ Мемфиса
Тридцатый годъ,
Меня пророкомъ Озириса
Призналъ народъ.

Мнѣ дали жезлъ и колесницу,
Воздвигли храмъ,
Мнѣ дали стражу, дали жрицу,—
Причли къ богамъ.

Во мнѣ народъ искалъ защиты
Отъ золъ и бѣдъ;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лѣтъ.

Клянусь! клянусь безсмертнымъ Фтою,—
Широкій Нилъ,—
Такой красавицы волною
Ты не поилъ.

Когда, молясь, она стояла
У алтаря,
И краснымъ свѣтомъ обливала
Ее заря;

Когда, склонивъ свои рѣсницы,
И вся въ огнѣ,
Она, по долгу первой жрицы,
Кадила мнѣ,

Я долго думалъ: царь во власти,
Я господинъ
Своей тоски и гордой страсти
Моихъ сѣдинъ.

Но я сознаъ, блестя въ коронѣ,
Съ жезломъ въ рукѣ,
Свой приговоръ въ ея поклонѣ,
Въ моей тоскѣ.

Разъ какъ-то я, тотъ взглядъ встрѣчая,
Не могъ смолчать,

И перстень свой сронивъ, вставая,
Велѣлъ поднять.

Я ей сказалъ: „къ началу ночи
Взойдетъ звѣзда;
Всѣ лягутъ спать; завѣсивъ очи,
Придешь сюда“.

Заря, кончаясь, трепетала
И умерла,
А ночь съ востока набѣгала,
Пышна, свѣтла;

И купы звѣздъ въ себѣ качая,
Зажегся Нилъ;
Въ своихъ садахъ благоухая,
Мемфисъ почилъ.

Я въ храмъ пришелъ. Я ждалъ свиданья,
И долго ждалъ;
Горѣла кровь огнемъ желанья—
Я изнывалъ.

Зажглась румяная денница
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица—
Ты не была...

Тогда, на завтра, въ жертву мщенью
Я, какъ пророкъ,
Тяжелой пыткѣ и сожженью
Ее обрекъ...

И я смотрѣлъ, какъ исполнялся
Мой приговоръ,
И какъ, обуглясь, разсыпался
Ея костеръ!

К. К. Случевскій.

Наполеонъ.

Да! на дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неподвижный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ.
Не могъ ты не ступать глубоко:
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно—въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало наконецъ вселенной
Не въ моготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился, и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,

Гдѣ на раздольи одичаломъ
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала.

В. Брюсовъ.

Артистъ Ю. Э. Озаровскій.

Быть утромъ.

Тотъ, кто хочетъ, чтобы тѣни, ускользая, пропадали,
Кто не хочетъ повтореній и безцѣльностей печали,
Долженъ властною рукою безполезность бросить прочь,
Долженъ сбросить то, что давитъ, долженъ самъ себѣ помочь.
Міръ — бездончость, ты — бездонность, въ этомъ свойствѣ вы едины,
Только глянь орлинымъ окомъ,—ты достигнешь до вершины.
Міръ есть пропасть, ты есть пропасть, въ этомъ свойствѣ вы сошлись,
Только вздумай подчиниться,—упадешь глубоко внизъ.
О, глубоко видитъ око! О, высоко ходятъ тучи!
Выше тучъ и глубже взоровъ свѣтъ сознанія могучій.
Лишь пойми, скажи— и будетъ. Захоти сейчасъ, сейчасъ,—
Будешь свѣтлымъ, будешь сильнымъ, будешь утромъ въ первый разъ!

К. Бальмонтъ.

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его,—душонка, точно изъ морщинъ.
Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно.
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный, гробъ сердецъ;
Можешь карты, можешь мысли передернуть—осторожно.
Явно грабить неразумно, но—стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:—
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ конца,
Звѣрь несчастный, существуетъ отъ обѣда до обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.—

Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на крючокъ.
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ сонный,—
О, когда бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ!

К. Бальмонтъ.

Кузнецъ.

Изъ Э. Верхарна.

Гдѣ выѣздъ въ поле, гдѣ конецъ
Жилыхъ домовъ, сѣдой кузнецъ—
Старикъ угрюмый и громадный,
Съ тѣхъ поръ, какъ, ярость затая,
Легла руда подъ молотъ жадный,
Съ тѣхъ поръ, какъ дымъ взошелъ надъ горномъ—
Куетъ и правитъ лезвія,
Взнося удары надъ огнемъ упорнымъ...
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Своимъ терпѣніемъ великъ.

И знаютъ жители селенья,
Тѣ, что поблизости живутъ
И въ сжатыхъ кулакахъ таятъ ожесточенье,
Зачѣмъ онъ принялъ этотъ трудъ
И что даетъ ему терпѣнье
Сдавить свой гнѣвный крикъ въ зубахъ!
А тѣ, живущіе въ равнинѣ, на поляхъ,
Чьи тщетныя слова—лай предъ кустомъ безъ звѣря,
То увлекаясь, то не вѣря,
Скрываютъ страхъ,
И съ недовѣрчивымъ вниманьемъ
Глядятъ въ глаза, манящіе молчаньемъ.

Кузнецъ стучитъ, старикъ куетъ
За днями день, за годомъ годъ.
Въ свой горнъ онъ бросилъ крикъ проклятій
И гнѣвъ глухой и вѣковой.
Холодный вождь незримыхъ ратей,
Въ свой горнъ, горящій, золотой,
Онъ бросилъ ярость, горесть,—злобы
И мятежа гудящій ревъ,
Чтобъ дать имъ яркость молній, чтобы
Имъ дать закалъ стальныхъ клинковъ.
Вотъ онъ,
Сомнѣній чуждъ и чуждый страха,
Склоненный надъ огнемъ, внезапно озаренъ,

И пламя передъ нимъ, какъ рядъ живыхъ коронъ.
Вотъ, молотъ бросивши съ размаха,
Его вздымаетъ онъ, упрямъ и напряженъ,
Свой молотъ вольный и блестящій,
Свой молотъ, изъ руды творящій
Оружіе побѣдъ,
Тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ!
Предъ нимъ всѣ виды золъ, безсчетныхъ, всевозможныхъ:
Голоднымъ бѣднякамъ—подарки словъ пустыхъ;
Слѣпцы, ведущіе увѣренно другихъ;
Желчь отвердѣвшая—въ рѣчахъ пророковъ ложныхъ;
Надъ каждой мыслью—робости рога,
Предъ справедливостью—условій баррикады;
И руки рабскія, не ждущія награды
Ни въ шумѣ городскомъ, ни тамъ, гдѣ спятъ луга
И села, скошенныя тѣнью,
Что падаетъ серпомъ отъ сумрачныхъ церквей;
И весь народъ, привыкшій къ униженью,
Упавшій ницъ подъ нищетой своей,
Не мучимый раскаяньемъ напраснымъ,
Сжимающій клинокъ, который станетъ краснымъ;
И право жить, и право быть собой—
Въ тюрьмѣ законности, толкуемой невѣрно;
И пламя радости и нѣжности мужской,
Погасшее въ рукахъ морали лицемѣрной;
И отравляемый божественный родникъ,
Въ которомъ жадно пьетъ сознанье человѣка;—
И послѣ всякихъ клятвъ, и послѣ всѣхъ уликъ,
Все то же вновь и вновь, донынѣ и отъ вѣка!

Кузнецъ, не вѣря въ договоры,
Давно замолкъ, давно молчитъ.
Онъ изступленный, тотъ, который
Вернется со щитомъ иль упадетъ на щитъ!
Онъ гордость, даръ мужчины, смѣло
Зубами воли сжавъ, не отдавалъ назадъ;
Онъ можетъ раздробить алмазы всѣхъ преградъ
Однимъ хотѣніемъ, не знающимъ предѣла,
Способнымъ въ глубинѣ вѣковъ
Творить законы для міровъ!

И слушая, какъ снова, снова
Струятся слезы всѣхъ сердецъ,—
Невозмутимый и суровый,
Сѣдой кузнецъ,
Онъ вѣритъ пламенно, что злобы неизмѣнной,
Глухихъ отчаяній безмѣрная волна
Однажды повернетъ къ иному времена
И золотой рычагъ вселенной!
Что должно только ждать съ оружіемъ въ рукахъ,
Когда родится Мигъ въ чернѣющихъ ночахъ!
Что должно подавлять преступный крикъ разлада
Вокругъ знаменъ, что вѣтеръ споровъ рветъ;
Что меньше надо словъ, но лучше слушать надо,
Чтобъ Мига различить во мракѣ мѣрный ходъ;
Что знаменьямъ не быть ни на землѣ, ни въ небѣ,
Но что безмолвные возьмутъ свой жребій!

Онъ знаетъ, что толпа возвысивъ голосъ свой,
(О, сила страшная, чей яркій лучъ далеко
Сверкаетъ на челѣ торжественнаго Рока),
Вдругъ выхватитъ безжалостной рукой
Какой-то новый міръ изъ мрака и изъ крови,
И счастье выраститъ, какъ на поляхъ цвѣты,
И станетъ сущностью и жизни, и мечты!
Все будетъ радостью, все будетъ вновѣ!

И ясно предъ собой онъ видитъ эти дни,
Какъ если бъ, наконецъ, уже зажглись они:
Когда содружества простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ миръ, а жизни—свѣтлый строй;
Не будутъ люди, злобны и жестоки,
Какъ волки, грызться межъ собой;
Сойдетъ Любовь, чья благостная сила
Еще невѣдома въ послѣднихъ глубинахъ,
Съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла;
И брешь пробьетъ въ пузатыхъ сундукахъ
(Гдѣ дремлетъ золото, хранимое напрасно),
День справедливости, несдержанной и красной;
Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнутъ въ дни, когда умрутъ гордыни;
И люди, лишь себя величащіе нынѣ,
Себялюбивые слѣпцы,

Всѣмъ братьямъ расточатъ свои живые миги;
И будетъ жизнь людей проста, ясна;
Слова (ихъ угадать еще не могутъ книги)
Все разъяснятъ, раскроютъ все до дна,
Что кажется теперь запутаннымъ и темнымъ;
Причастны Цѣлому, съ своимъ удѣломъ скромнымъ
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть можетъ, явятъ тайну Божества...

. . . .

За днями день, за годомъ годъ,
Кузнецъ стучитъ, старикъ куетъ,
За гранью города, въ тиши,
Какъ будто лезвія души.
Надъ краснымъ горномъ наклоненъ,
Во глубь столѣтій смотритъ онъ,
И ихъ сверканьемъ озаренъ,—
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Тотъ, что молчаніемъ великъ.

Валерій Брюсовъ.

Курды.

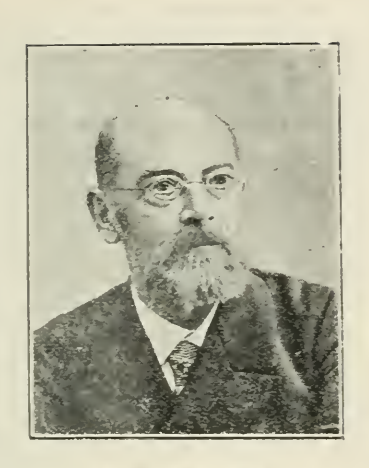
Въ кофейнѣ Смирны выкуривъ кальянъ,
Смотрѣли мы на море, минареты,
На городъ, солнцемъ пламеннымъ согрѣтый.
Вдругъ подошли къ намъ трое мусульманъ.

То были Курды. Башлыки надѣты
На головѣ ихъ были, какъ тюрбанъ.
За поясомъ съ насѣчкой пистолеты,
Кинжалы и зейбегскій ятаганъ.

Что говорить,—народъ совсѣмъ не смирный...
Они, сверкнувъ бѣлками черныхъ глазъ,
Кинжалы въ столъ воткнули подлѣ насъ.

Мой спутникъ—турокъ, знавшій нравы Смирны,
На столъ револьверъ выложилъ тотчасъ,—
То былъ „селямъ“, обычай Курдовъ мирный.

В. А. Шуфъ.



К. К. Случевскій.

* * *

Край, лишенный живой красоты,—
Въ немъ намеки одни да черты!
Все неясно въ немъ, полно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей:
Если плачутъ—печаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка;
Вялъ и медленъ неискренній трудъ,
Складъ всей жизни изношенъ и худъ,
Вѣчно смутенъ, тревоженъ ихъ взглядъ,
Всѣ какъ будто о чемъ-то молчатъ...
Откровенной улыбки въ нихъ нѣтъ,
Ласки странны, двусмысленъ совѣтъ...
Эта блѣдность породы людской
Родилась изъ природы самой:
Цѣпи мелкихъ, пологихъ холмовъ,
Непривѣтныя дебри лѣсовъ,
Рѣки, льющія волны сквозь сонъ,
Вѣчно сѣрый, сырой небосклонъ...

Тяжкій холодъ суровой зимы,
Дни, безсильные выйти изъ тьмы,
Гладь нѣмая безбрежныхъ равнинъ—
Рядъ не конченныхъ кѣмъ-то картинъ...
Кто-то думалъ о нихъ, рисовалъ,
Бросилъ кисти и самъ задремалъ...

К. К. Случевскій.

Сонъ на морѣ.

И море, и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ—
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.
Я въ ха́осѣ звуковъ леталъ, оглушенъ,
Надъ ха́осомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ;
Сады, лабиринты, чертоги, столбы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ,
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской.
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалися тѣни ревущихъ валовъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Утро.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
Холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ и всюду свѣтъ проникъ,
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
Какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.
И весь прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
Весь—трепетъ юности!... Какъ будто въ этотъ мигъ,
Не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
Изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ!
Свѣтаетъ. Но во мглѣ еще неуловимы
Границы береговъ; ихъ склоны еле зримы.
Сквозными кажутся вершины горъ вдали,
И струи озера блестятъ, какъ хрустали...
И таютъ, чуть дрожа, какъ розовые дымы,
Въ прозрачностяхъ небесъ прозрачности земли.

Сергѣй Маковскій.

* * *

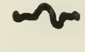
Изъ В. Гюго.

Спросили *они*: „какъ въ летучихъ челнахъ
Намъ бѣлою чайкой скользнуть на волнахъ,
Чтобъ насъ сторожа не догнали?“
— Гребите!—*онѣ* отвѣчали.

Спросили *они*: „какъ забыть навсегда,
Что въ мірѣ юдольномъ есть бѣдность, бѣда,
Что есть въ немъ вражда и печали?“
— Засните!—*онѣ* отвѣчали.

Спросили *они*: „какъ красавицъ привлечь
Безъ чары: чтобъ сами, на страстную рѣчь,
Онѣ намъ въ объятія пали?“
— Любите!—*онѣ* отвѣчали.

Л. А. Мей.



* * *

Можно женщину пылко и страстно любить,
Въ затаенныхъ глазахъ настроеніе пить,
Такъ глубоко ее презирая,
Ради блеска очей, ради страстныхъ рѣчей,
Ради тихаго шороха платья,
За волосъ ароматъ, за вползающій взглядъ,
За томящую цѣпкость объятья.

Можно Истину пылко и страстно любить
И исканію Истины жизнь посвятить,
Такъ глубоко ее презирая,
И безумно желать уловить, разгадать
Неотвязно манящую тайну,
Разгадать темноту, уловить пустоту
Тамъ, гдѣ все неразумно, случайно.

Можно жизнь, непроглядную жизнь полюбить
И съ какой-то отчаянной жаждою жить,
Такъ глубоко ее презирая,
За восторгъ перемѣнъ, за властительный плѣнъ
Быстро тающихъ жгучихъ волненій,
За ироніи блескъ и гармоніи всплескъ,
Ради тихой струи настроеній.

Н. Васильевъ.

Свиданье.

Подберу я платье осторожно,
Я платочкомъ волосы накрою.
Выйду торопливо и тревожно,
И закрою двери за собою.

Скользкій сумракъ, освѣщенный бѣдно
Тусклымъ рядомъ фонарей пугливыхъ...
Я пройду неслышно, незамѣтно
Вдоль домовъ угрюмо-молчаливыхъ.

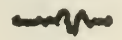
И туманъ лицо мое закроетъ
И обниметъ холодомъ и мглою.
А душа—проснется и заноетъ
Запоздалой, горькою тоскою.

Свѣтятъ окна ясно, молчаливо...
Дѣвочкой смущенной и несмѣлой
Я въ окно чуть слышно и пугливо
Постучу рукою неумѣлой.

Удивленный выйдешь ты на встрѣчу.
На тебя взглянуть я не посмѣю;
На твои слова я не отвѣчу:
Ничего сказать я не сумѣю.

Ты въ глаза пытливо мнѣ заглянешь.
И лицо закрою я руками...
Утѣшать, ласкать меня ты станешь,
Какъ ребенка, тихими словами.

М. Гентцельтъ.



Скорбь.

„Есть скорбь прекрасная“...
Надсонъ.

Сынъ мятелей и вьюгъ, сынъ снѣговъ серебристо-
алмазныхъ,
Сынъ дремучихъ лѣсовъ и безбрежно-широкихъ по-
лей,
Я люблю свою скорбь,—свое солнце,—
Я молюсь только ей...
Бѣлымъ, нѣжнымъ цвѣткомъ, ароматнымъ и дѣв-
ственно-чистымъ
Расцвѣтала она въ истомившемся сердцѣ моемъ
Подъ рыдающій хохотъ мятели,
Подъ тюремнымъ окномъ.
Шла со мною она и въ мучительный холодъ изгнанья,
Шла со мною она и въ загадочный мракъ рудниковъ,
Согрѣвала усталую душу
Въ темномъ царствѣ оковъ.
И въ молчаньи ночномъ все шептала красивыя сказки,
Пѣла тихія пѣсни о сладости познанныхъ мукъ,
Какъ посланница добраго Бога,
Какъ невѣдомый другъ.
Сынъ мятелей и вьюгъ, сынъ снѣговъ серебристо-
алмазныхъ,
Сынъ дремучихъ лѣсовъ и безбрежно-широкихъ
полей,
Я люблю свою скорбь,— свое солнце,—
Я молюсь только ей...

Г. Вяткинъ.

Артистка О. Л. Книпперъ.

У моря.

Пеленою темносинею,
Безконечною пустынею
Море стелется вдали;
Кое-гдѣ, какъ чайки бѣлыя,
Перелетныя и смѣлыя,
Чуть бѣлѣютъ корабли...
Величавое, безбрежное,
Въ бури грозное, мятежное
И спокойное въ тиши,
Море—это отраженіе
Ощущеній и волненія
Человѣческой души...
Море—съ вѣчными приливами,
Ураганами, отливами,
Съ прихотливою красой,
То чарующее ласками,
Заколдованными сказками,
То грозящее бѣдой—
Я люблю его въ ласкающемъ
Блѣдно-аломъ и мерцающемъ
Свѣтѣ утреннихъ лучей;
Я люблю его и сонное,
Луннымъ свѣтомъ озаренное
Въ мягкомъ сумракѣ ночей...

Но когда валы сердитые
Бьются, пѣною покрытые,
У подножія камней,
И, какъ свѣточи огнистые,
Блещутъ молніи змѣистыя,—
Я люблю его сильнѣй.

О. Чюмина.

Два голоса.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчатъ въ вышинѣ;
Подъ вами могилы, молчатъ и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги:
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердецъ...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!—
Надъ вами безмолвные звѣздные круги,
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердецъ.
Кто ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ...

Ѳ. И. Тютчевъ.

Тьма.

Изъ Г. Байрона.

Я видѣлъ сонъ,—но все ли сномъ въ немъ было?!—
Погасло солнце, безъ лучей средь тьмы
Въ пространствѣ вѣчномъ сонмы звѣздъ блуждали;
Въ безлунной ночи мерзлая земля
Вращалась чернымъ шаромъ!... День кончался,
Ночь проходила, наступало „Завтра“,
Но свѣтлый день съ собой не приводило...
Всѣ люди, страсти въ ужасѣ забывъ,
О свѣтломъ днѣ молитвы возсылали
Къ померкнувшимъ суровымъ небесамъ,—
И всѣ сердца людей обледенѣли!..
И жили всѣ, вокругъ костровъ блуждая,
Предавъ огню и пышные чертоги,
И свѣтлые дворцы, царей престолы,
И хижины голодныхъ бѣдняковъ,—
Сложивъ вездѣ сигнальные костры...
Не стало городовъ, и безнадежно
Вокругъ своихъ пылающихъ домовъ
Толпились люди и въ лицо другъ другу
Въ послѣднiй разъ старались заглянуть.
И ликовали тѣ, кто поселился
Близъ кратеровъ вулкановъ раскаленныхъ,
Вблизи вершинъ, свѣтящихся, какъ факелъ...
И снизошло ужасное прозрѣнье!..
Лѣса горѣли, съ трескомъ упадали
Стволы деревъ, пылающихъ вокругъ,
И тьма весь мiръ покрыла пеленою;
При каждой вспышкѣ языки огня
Людей дрожащихъ лица озаряли.
Но ихъ чело являло выраженье
Нездѣшнее; иные пали ницъ
И плакали, скрывая слезъ потоки;
Другiе, опершися подбородкомъ
На кулаки, сидѣли неподвижно
Съ улыбкой безнадежной на устахъ;
Иные съ безконечною тревогой

Металися, напрасно разжигая
Огонь костровъ, вперяя взоры въ небо.
Но небо было мрачно, словно саванъ
Безжизненной, безчувственной земли...
Тогда, въ безуміи зубами скрежеща,
Они на землю хладную взирали
И жалобно вопили о пощадѣ;
Услышавъ стонъ, имъ громкимъ крикомъ вторя,
Рой хищныхъ птицъ, кружася, падалъ наземь
И крыльями въ безсильи билъ о землю...
Стада звѣрей въ испугѣ небываломъ
Безвредные блуждали межъ людей,
И змѣи, вкругъ со свистомъ извиваясь,
Служили пищей лакомой для нихъ...
И, наконецъ, ужасная война,
Дремавшая дотолѣ, возгорѣлась,—
И стала кровь цѣною каждой пяди.
И каждый сѣлъ особнякомъ, сердито
Смотря вокругъ, во мракѣ насыщаясь.
Навѣкъ любовь исчезла изъ сердецъ,
И мысль одна царила надо всѣмъ,
Мысль о позорной, неизбѣжной смерти.
И голодъ сталъ терзать людей утробы.
Вокругъ костей несхороненныхъ груды
И кучи тѣлъ валялись и сгнивали;
Живой скелетъ глодалъ изсохшій трупъ,
Голодныя собаки забывали
Своихъ хозяевъ и терзали ихъ...
Межъ нихъ была одна: у трупа сидя,
Она его, ворча, оберегала
Отъ птицъ, звѣрей и отъ людей голодныхъ,
Что, рыская вокругъ, искали труповъ,
И челюсти съ усильемъ разверзали...
Но вѣрный песъ забылъ мечты о пищѣ
И съ жалобнымъ и непрерывнымъ визгомъ
Лизалъ, увы, безчувственную руку...
Такъ палъ и онъ... Вокругъ толпы людей
Отъ голода въ мученьяхъ умирали...
Отъ двухъ враждебныхъ городовъ осталось
Лишь двое жителей: бродя во мракѣ,
Вдругъ встрѣтились они предъ алтарями,

Гдѣ были всѣ святыни сожжены,
Накопленныя для позорныхъ цѣлей...
Тогда, дрожа отъ стужи, легкій пепелъ
Они въ испугѣ стали разгребать
И раздувать дыханьемъ слабымъ пламя;
Но, вспыхнувши насмѣшливо на мигъ,
Оно угасло... старые враги,
Они сразились и погибли оба,
И не узналъ въ лицо врага убійца...
Міръ опустѣлъ. Великій, людный міръ
Сталъ комомъ глины безъ деревъ зеленыхъ,
Цвѣтущихъ травъ, людей и шумной жизни,
Безъ осени, зимы, весны и лѣта;
И снова сталъ на немъ царитъ хаосъ.—
Моря, озера, рѣки: все умолкло,
И замерла бездонная ихъ глубь.
Въ моряхъ суда застыли безъ движенья,
Лишенные на вѣкъ искусныхъ кормчихъ;
Беззвучно мачты въ воды упадали,
И волны были мертвы и недвижны,
Забывъ свои приливы и отливы,—
Ихъ чудная владычица—луна
Давно, давно погасла въ небесахъ...
Затихнулъ вѣтеръ: воздухъ онѣмѣлъ...
И облака развѣялись во мракѣ,—
И мракъ одинъ царилъ надъ всей вселенной...

Эллисъ.

Пчелки.

Мы—бѣдныя пчелки, работницы пчелки.
И ночью, и днемъ все мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.
Мы солнца не видимъ, мы счастья не знаемъ.
Закончимъ работу и вновь начинаемъ

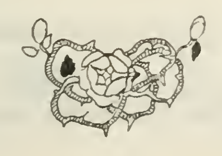
Съ покорной тоскою въ сердцахъ.
Былъ праздникъ недавно, — чужой — насъ не звали,
Но мы потихоньку туда прибѣжали
Взглянуть на веселье другихъ.
Гремѣли оркестры на пышныхъ эстрадахъ,
Кружилися трутни въ богатыхъ нарядахъ,
Въ шитьѣ и камняхъ дорогихъ.
Мелькало роскошное платье за платьемъ,
И каждый стежекъ въ нихъ былъ нашимъ проклятьемъ,
И мукою — каждая нить!
Мы долго смотрѣли безъ вздоха, безъ слова...
Такой красоты и веселья такого
Мы были не въ силахъ простить!
Чѣмъ громче лились ликованія звуки,
Тѣмъ ныли больнѣе усталыя руки
И жить становилось не въ мочь!
Мы видѣли радость, мы поняли счастье,
Безпечности смѣхъ, торжество самовластья...
Мы долго не спали въ ту ночь.
Въ ту ночь до разсвѣта мелькала иголка:
Сшивали мы полосы краснаго шелка
Полотнищемъ длиннымъ, прямымъ...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будемъ таить его долгіе годы,
Но мы не разстанемся съ нимъ!
Все слушаемъ мы—не забьетъ ли тревога,
Не стукнетъ ли жданный сигналъ у порога—
Намъ чужды и жалость, и страхъ!..
Мы,бѣдныя пчелки, работницы пчелки,
Мы ждемъ... и проворно мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.

Тэффи.

Не обвиняй.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть можетъ, онъ неправъ,
Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ травъ,
И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно:
И Міръ Ночной, и Міръ Дневной идутъ къ тебѣ на дно.
Ты потонулъ. Ты здѣсь уснулъ. И встать не можешь ты.
Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, растутъ и царствуютъ цвѣты
На мѣстѣ томъ, гдѣ ты лежишь, какъ трупъ ты долженъ быть.
Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣздья не любить.
Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,
Что обвиненьемъ все равно не повредишь ему,
А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и больнымъ.
И, если вправду онъ неправъ, сравняешься ты съ нимъ.
А если то не случай былъ, что онъ забылъ цвѣты?
А если то не случай былъ, что небо видишь ты?
Какъ взглянешь ты, когда онъ вдругъ въ тюрьмѣ откроетъ дверь,
Отворитъ дверь, что заперта, закована теперь?
Я знаю, больно ждать того, что только можетъ быть,
Но счастливъ тотъ, кто даже боль сумѣетъ полюбить.
Я знаю все. Мнѣ жаль тебя. Но чу!—Цвѣты цвѣтутъ.
Мой братъ, я—духъ того, кто былъ въ твоей тюрьмѣ—вотъ тутъ.

Д. К. Бальмонтъ.



Родописъ.

Тамъ, далеко, далеко, далеко, гдѣ нависъ очарованный лѣсъ,
Гдѣ купается розовой лотосъ въ отраженной лазури небесъ,
Есть преданье о нѣжной Родописъ, приходившей тревожить волну,
Погружать истомленное тѣло въ голубую, какъ день, глубину.
И орелъ, пресыщенный звѣздами, покидая заоблачный путь,
Засмотрѣлся на кудри Родописъ, на ея лебединую грудь;
И сандалію съ ножки чудесной отыскавъ межъ прибрежныхъ камней,
Близъ Мемфиса, въ сады фараона полетѣлъ онъ съ добычей своей.
Подъ вѣтвями кокосовой пальмы раззолоченный высился тронъ,
Гдѣ свой судъ предъ толпой раболѣпной самовластно творилъ фараонъ.
И орелъ надъ престоломъ владыки на минуту помедлилъ, паря,
И безцѣнную легкую ношу уронилъ на колѣни царя...
И царицею стала Родописъ, и любима была—потому,
Что такой обольстительной ножки не приснилось еще никому...
Это было на радостномъ Югѣ, въ очарованномъ мірѣ чудесъ,
Гдѣ купается розовой лотосъ въ синевѣ отраженныхъ небесъ.

М. А. Лохвицкая.

М. Арцыбашевъ.

Смерть Ланде.

Отрывокъ.

Ночью, въ началѣ осени, когда воздухъ былъ уже рѣдокъ и холоденъ, Ланде тихо вышелъ изъ дому, одѣтый въ черный, старый, купленный у монаха подрясникъ, и съ мѣшкомъ за спиной.

„Такъ легче и проще будетъ итти"... думалъ онъ.

Тихо и пусто было во всемъ городѣ. На небѣ была непроглядная пелена блѣдныхъ тучъ. Не было луны, не было звѣздъ. Медленно уходили назадъ темные дома, съ запертыми, слѣпыми окнами, и холодныя деревья, облѣпленныя черной тьмой. Скоро Ланде вышелъ въ поле. Вѣтеръ рванулъ полы его подрясника и зашумѣлъ въ ушахъ протяжно и уныло. Пусто, широко и холодно раскинулось вокругъ безконечное поле. Тучи шли, казалось, еще дальше, еще выше. На темныхъ буграхъ уныло качалась сухая трава. Въ душу Ланде вошло необъятное чувство

простора, и вмѣстѣ съ нимъ вошло и отчетливое сознаніе, что ему не дойти. Но вошло оно безъ сомнѣнія, безъ тоски и отчаянія, напротивъ, ему стало легко и свободно, какъ будто именно этимъ онъ сталъ на прямой путь, наконецъ уже прямо ведущій къ цѣли, и сердце его сладко сжалось, точно въ предчувствіи свѣтлой радости.

Но это было только сознаніе, а не мысль. Въ мысли его стоялъ только образъ больного, страдающаго человѣка, къ которому онъ шелъ, и онъ не думалъ, что́ съ нимъ самимъ будетъ впереди, какъ не чувствовалъ жалости и печали о томъ, что оставлялъ. Въ сердцѣ его было свѣтло и оттого вездѣ было свѣтло. Легкими, быстрыми шагами, точно упругая земля сама отталкивала его ноги, шелъ онъ впередъ, по широкой, мягкой дорогѣ, радостно и удивленно оглядываясь кругомъ и радостно прислушиваясь ко всякому звуку степи, приносимому уныло шумящимъ вдоль дороги, одинокимъ вѣтромъ.

Настало утро, потомъ день, опять ночь и опять утро. Пять дней онъ шелъ деревнями и ночевалъ у мужиковъ, смотрѣвшихъ на него недовѣрчиво и угрюмо и неохотно пускавшихъ его къ себѣ. Съ нимъ мало кто говорилъ, потому что мало кто его понималъ, хотя онъ просто и легко заговаривалъ со всѣми. Старухи, подперевъ высохшія щеки рукою, спрашивали, откуда онъ идетъ и не отъ Серафима ли; а мужики только косились и отмалчивались. На пятый день огромный, черный мужикъ, съ черной, точно вырубленной топоромъ бородой и злыми глазами, сказалъ ему угрюмо:

— Проходи, проходи, а то и къ уряднику недолго... Много васъ тутъ шляется!

И было въ этомъ что-то такое недружелюбное, непонимающее, чужое, что Ланде стало страшно и жалко. Широко раскрытыми глазами онъ всматривался въ деревню, и она проходила мимо, такая же обособленная, непонятная и убогая, и богатая жизнью, какъ тѣ огромныя, пестрыя стада, которыя медленно поворачивали къ нему рогатыя, могучія головы и провожали его таинственными, большими глаза-

ми, когда онъ проходилъ мимо. Съ любовью и умиленіемъ смотрѣлъ Ланде на этихъ людей, похожихъ на воловъ, и на этихъ воловъ, похожихъ на какихъ-то странныхъ людей, и чувствовалъ себя еще далекимъ, еще ненужнымъ и непонятнымъ имъ. Было грустно и мечтательно хотѣлось заглянуть куда-то вдаль. Но взоръ былъ тупъ и безсиленъ, и было тяжело. Только когда въ полѣ было совсѣмъ пусто и солнце на всемъ необъятномъ просторѣ свѣтило, казалось, для него одного, Ланде было совсѣмъ весело, хорошо и легко. Но это было рѣдко, потому что по всѣмъ направленіямъ, въ безсчетномъ количествѣ, какъ муравьи, копошились люди.

И когда ему указали ближайшую дорогу черезъ лѣсъ, и лѣсъ выступилъ передъ Ланде зубчатой стѣной, и онъ вошелъ въ его торжественную и тихую зелень,—ему стало радостно, и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ облегченіе оттого, что не было здѣсь нигдѣ озабоченнаго, затаеннаго, непонятнаго человѣческаго лица.

Цѣлый день онъ шелъ по чуть намѣченнымъ, заросшимъ лѣснымъ колеямъ, и цѣлый день вокругъ него стояли только высокія, задумчивыя деревья и во всѣ стороны углублялась ихъ прозрачная, зеленая глубина. Беззвучныя птицы неслышно перепархивали вокругъ него, какъ будто притворяясь, что не замѣчаютъ человѣка. Гдѣ-то трещали вѣтки, точно по лѣсу шелъ кто-то, не человѣкъ.

Потомъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, потянуло сыростью и еще непонятной, но ясно ощутимой силой, что-то заблестѣло между деревьями. Это была большая, глубокая, многоводная рѣка. Только у самыхъ береговъ росла зеленая осока, таинственно раскачивающая надъ глубиной узкими, какъ зеленыя острыя сабли, листьями; а огромная масса воды, полной и свободной, медленно и гладко текла, чистая и широкая. На той сторонѣ стоялъ сплошной стѣной такой же темно-зеленый лѣсъ, и сзади надвигались молчаливыя деревья, вытягивая къ рѣкѣ узловатыя вѣтви, точно колдуя надъ темной глубиной.

Было пусто, и долго было пусто, и Ланде за-

думчиво сидѣлъ на берегу. Потомъ вдоль берега неслышно заскользилъ челнокъ, такой же зеленоватый, сырой и дикій, какъ стволы деревьевъ, а въ немъ стоялъ на колѣняхъ мокрый и тоже зеленый, корявый мужикъ. Онъ не нарушалъ покоя рѣки и лѣса, а сливался съ ними, такъ что глазъ не останавливаясь скользилъ по немъ, какъ и по осокѣ, и по водѣ, и по небу.

— Дѣдушка! крикнулъ Ланде, вставая на берегу.

На той сторонѣ, въ лѣсу, кто-то прокричалъ тоненькимъ, страннымъ, гулкимъ голоскомъ:

— У... а—а! И смолкъ гдѣ-то страшно далеко, точно подхватилъ рѣдкіе звуки и быстро унесъ ихъ въ глубину лѣса.

Мужикъ положилъ весло на колѣни, поперекъ челнока, и челнокъ долго скользилъ самъ, оставляя за собой узкую серебристую ниточку, звенѣвшую, какъ стеклянная.

— Ась! отозвался мужикъ.

— А-а!... акнулъ въ лѣсу подкравшійся, и опять торопливо убѣжалъ въ чащу...

Потомъ мужикъ долго гребъ черезъ рѣку, а Ланде сидѣлъ на носу челнока, длинной, черной полоской отражаясь въ водѣ.

— Далече ли идешь? спрашивалъ мужикъ глуховатымъ, лѣснымъ голосомъ.

— Далеко, охотно отвѣтилъ Ланде.

Мужикъ посмотрѣлъ на него маленькими, быстрыми, лѣсными глазками.

— Такъ... сказалъ онъ, пересталъ грести и смотрѣлъ въ воду.

— Сказываютъ, въ Сибири много вольготнѣе... заговорилъ онъ неожиданно, какъ будто то, что сказалъ Ланде, было въ связи съ его долгой, упорной думой.—Такъ-то вотъ, ходитъ народъ искать, гдѣ лучше... Оно точно, податься некуда, а только ни къ чему это... Правды искать идутъ, а правды-то нигдѣ нѣтъ... Все одно, здѣсь ли тамъ ли, а только ты себѣ живешь, вотъ какъ я, къ примѣру, въ лѣсу... думаешь, окромя Бога надъ тобой никого нѣтъ... Все отъ Бога, и ты самъ къ Богу, помощи

больше никто не подастъ; анъ нѣтъ, придетъ незнамо кто, незнамо зачѣмъ и беретъ... Народъ темный, не зна, можетъ, и надо такъ, кто его знатъ!... Думка-то есть, да кто ее скажетъ!.... Такъ-то вотъ, вѣкъ спину гнешь, напираешь, глядишь, только-только вздохнулъ, Бога вспомнилъ, разъ!—и нѣтъ ничего!... А опосля того въ кабакъ, потому невозможно... Правды нѣтъ, милый человѣкъ, нѣтъ... А тутъ, тамъ, все едино, земля вездѣ одна!.. говорилъ мужикъ убитымъ, монотоннымъ голосомъ, съ той скрытой страстью, которая безъ крика кричитъ объ изстрадавшейся въ конецъ душѣ.

— Правда въ самомъ человѣкѣ, скорбно сказалъ Ланде,—а не въ землѣ. Надо любить и жалѣть прежде всего другъ друга, а остальное потомъ все будетъ!

Мужикъ мрачно усмѣхнулся.

— Знаемъ мы, милый человѣкъ, что будетъ!—какъ будто не придавая этому значенія, какъ неизбѣжному, какъ тому, что завтра непремѣнно будетъ день, сказалъ онъ.—А теперь какъ жить, вотъ ты что скажи!.. Любить, говоришь... Гдѣ ужъ тутъ любить, когда иной разъ за корку хлѣба, скажемъ, глотку бы перервалъ!.. Вотъ.

Мужикъ замолчалъ и съ затаенной ненавистью прибавилъ:

— Господамъ-то оно хорошо говорить... Господамъ да попамъ! Нѣтъ, ты вотъ тутъ правду-то поищи! злобно заговорилъ онъ и, вмѣстѣ съ весломъ, ткнулъ къ Ланде свою корявую, мозолистую, сплошь изъѣденную рыбьей солью руку.

— Такъ-то... другимъ голосомъ, тихимъ и печальнымъ, помолчавъ, заговорилъ онъ.—Богу-то виднѣй, куда дѣло идетъ!.. Тѣмъ и живемъ, а то бъ... Нѣту на свѣтѣ правды, а можетъ, въ томъ-то и дѣло все: Богу-то правда нужнѣй сытости, затѣмъ люди и муку принимаютъ, что черезъ нее правда на землѣ идетъ!.. Такъ ли, милый человѣкъ?

— Такъ, такъ!.. радостно отвѣтилъ Ланде, кивая головой.—Все, что на свѣтѣ есть, и науки всѣ,

и дѣла всѣ, и мысли всѣ,—все двигается страданіемъ... Не будь муки, остановилось бы все и душа бы умерла!

Челнокъ ткнулся о берегъ. Ланде медленно и нерѣшительно вылѣзъ наверхъ. Мужикъ остался внизу. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Что-то крѣпкое и сильное протянулось между ними, и были въ эту минуту они и близки, и далеки другъ другу, какъ два конца туго натянутаго каната; чувствовалось жгучее и властное желаніе что-то сказать, что-то важное, соединяющее; но ничего нельзя было выразить, потому что не было словъ, одинаково сильныхъ и одинаково понятныхъ для обоихъ—мужика и Ланде.

— Прощай, дѣдъ! грустно сказалъ Ланде.

Мужикъ угрюмо пробормоталъ что-то непонятное, оттолкнулся отъ берега и опять заскользилъ по рѣкѣ, корявый, зеленый и мокрый, какъ водяной корень. Ланде долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ беззвучно не уплылъ за поворотъ и пока не сгладилась на широкомъ водномъ зеркалѣ длинная серебристая полоска. Опять стало Ланде тяжело, грустно и опять захотѣлось уйти въ зеленую чащу.

Къ вечеру онъ сбился съ дороги, набрелъ на старый, брошенный шалашъ и остался въ немъ ночевать.

Ночь была холодная, колющая, и Ланде плохо спалъ отъ холода и усталости.

Туманъ, который всю ночь густой, бѣлой пеленой стоялъ между неподвижными, высокими деревьями, тронулся къ утру и посѣрѣлъ. Что-то неуловимое дрогнуло въ воздухѣ, и все проснулось легко и быстро, точно по уговору. Какая-то птица слабо чирикнула, будто спрашивая кого-то о чемъ-то. Ворона, тяжело снявшись съ отсырѣвшей вѣтки и неуклюже цѣпляясь мокрыми отъ росы крыльями за тоненькія вѣточки, полетѣла между деревьями, не погружаясь внизъ, въ туманъ. Вздрогнула трава и шевельнулись листья, и вдругъ сразу стало радостно свѣтлѣть. Туманъ рѣшительно заколыхался

вверхъ и внизъ, будто волнуясь, и вытянулся въ легкіе колеблющіеся столбы, торопливо и неслышно заходившіе между стволами деревьевъ, какъ таинственные воздушные призраки между колоннъ высокаго, холоднаго храма. Съ неслышнымъ звономъ разлились въ воздухѣ нѣжные, розовые отблески.

Ланде вылѣзъ изъ шалаша, и его тонкая, черная фигура вытянулась надъ блѣдно-зеленымъ папоротникомъ, какъ черный зигзагъ въ бѣлой мглѣ. За ночь онъ сильно продрогъ, и лицо у него было блѣдное, сѣрое, измятое. Онъ оглянулся кругомъ, и въ первую минуту ему показалось странно и одиноко въ колышащейся мглѣ.

Но утро все больше и больше свѣтлѣло. Туманъ безслѣдно и покорно таялъ. Блѣдные и прозрачные призраки неслышно убѣгали куда-то отъ настигающихъ розовыхъ стрѣлъ. Близко и далеко начался невидимый, могучій хоръ лѣсной жизни. Верхушки деревьевъ вспыхнули густымъ, розовымъ огнемъ, а надъ ними ярко заголубѣло небо. И Ланде весь проникся живымъ тепломъ и свѣтомъ, разливающимся повсюду.

Ему не хотѣлось итти отсюда. Онъ сѣлъ возлѣ шалаша на землю и сидѣлъ тихо, напряженными, радостными глазами наблюдая кругомъ.

День подымался. Его яркій, безконечно-могучій и живой свѣтъ грѣлъ сердце. Ланде то сидѣлъ, то лежалъ подъ деревомъ, съ котораго на него сыпались легкіе золотые листья, и жадно слѣдилъ за новой для него, таинственной жизнью лѣса. И ему казалось, что смутно началъ онъ постигать ее.

Все глубже охватывалъ его радостный покой и все больше слабѣло тѣло.

Онъ замѣтилъ эту слабость и поѣлъ; но ѣда не шла въ горло, и послѣ ѣды онъ ослабѣлъ еще больше. Ланде всталъ на ноги, но итти не могъ: странная, истомная слабость дрожала у него въ колѣняхъ, голова чуть кружилась, была тяжела, а сердце билось тихо и рѣдко.

„Я нездоровъ“... подумалъ Ланде, безъ страха

и удивленія, какъ будто ждалъ этого, и ему казалось, что онъ, точно, ждалъ и зналъ. „Должно быть, ночью простудился,—машинально сообразилъ онъ,— надо остаться здѣсь.“

Смутная покойная радость тихо стала подыматься въ его душѣ.

„Чему я радъ?“ улыбаясь самъ себѣ, спросилъ Ланде. „Тому ли, что надо еще оставаться здѣсь, или чему-то другому?... Не знаю... а только, какъ свѣтло, тихо, какъ хорошо“!..

Цѣлый день онъ безъ опредѣленныхъ мыслей, весь въ созерцательномъ, ласковомъ чувствѣ, смотрѣлъ передъ собою.

Такъ было много свѣта, красокъ, прозрачности и жизни, что счастье и умиленная тоска жгли его глаза.

Гулъ лѣсныхъ голосовъ непрестанно шелъ по лѣсу; но кромѣ молчаливыхъ птичекъ съ зелеными хвостиками Ланде не видалъ никого. Въ самый полдень уже, изъ лѣсу, по ту сторону папоротниковъ, вышелъ худой всклокоченный медвѣдь. Маленкіе черные глазки его смотрѣли на Ланде внимательно и серьезно. Онъ сѣлъ на заднія лапы, слегка повелъ шеей, вздохнулъ и опять уставился на Ланде. Все кругомъ было тихо и ясно. Какая-то птица тихо ворошилась вверху, между зелеными, сквозившими на небѣ, вѣтками.

— Господи, какъ хорошо! повторилъ себѣ Ланде, и глаза у него стали мокрыми.

Медвѣдь издалъ странный, точно всхлипывающій звукъ и опять повелъ шеей.

— Милый! сказалъ Ланде, и ему страшно захотѣлось подойти и приласкать медвѣдя по бурой, облѣзшей клоками, шерсти. Но онъ побоялся испугать его.

То, что медвѣдь можетъ бросится на него, не приходило ему въ голову, потому что въ душѣ его было такъ тихо и кротко, что ничто грубое, жестокое и злое не входило въ нее.

„Хлѣба ему дать?“ подумалъ Ланде, и самъ засмѣялся этой мысли.

Медвѣдь тяжело и протяжно вздохнулъ, посмотрѣлъ своими черными глазами, всталъ и, легко переваливаясь, пошелъ въ лѣсъ. Ланде было грустно и весело смотрѣть, какъ онъ уходилъ между высокими, какъ колоны, деревьями.

„Тутъ бы и умереть"... подумалъ вдругъ Ланде съ теплыми слезами.

И мысль о смерти, съ отчетливымъ, круглымъ сознаніемъ ея близости, властно, но спокойно вошла въ его душу.

„А Вася?" вспомнилъ онъ; но мысль эта тихо вспыхнула и растворилась въ радостномъ, могучемъ сіяніи дня, точно ушла къ кому-то властному,

---

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и по всему лѣсу шелъ долгій, непрестанный шумъ. Иногда казалось, что вблизи, за кустомъ кто-то всхлипываетъ и плачетъ тоненькимъ, серебристымъ плачемъ. А потомъ становилось слышно, что то вода звенитъ.

Ланде лежалъ въ шалашѣ. Мокро, душно и непроницаемо-темно было вокругъ. Иногда ему казалось, что онъ лежитъ въ безконечной пустотѣ; тогда Ланде съ трудомъ поднималъ горячую, дрожащую руку, у самаго лица натыкался на невидидимыя, намокшія, тяжелыя вѣтви, и на его лицо падали крупныя холодныя капли. Голова горѣла, страшный ознобъ рвалъ все тѣло, и Ланде безсильно корчился на землѣ, напрасно стараясь согрѣться подъ мокрымъ подрясникомъ. Передъ открытыми глазами во мракѣ сыпались огненныя искры и крутились золотые круги. Физическая тоска сжимала сердце.

„Я умираю"... Подумалъ Ланде. „Такъ... Господи, да будетъ воля Твоя!"

Отъ холода, отъ боли онъ плакалъ. Одинокія, никому незримыя, капали горячія слезы на мокрую землю, попадали въ ротъ, на судорожно колотившіеся зубы.

— Господи, Господи!... тихо позвалъ онъ, и этотъ одинокій звукъ былъ такъ страненъ во мра-

кѣ и лѣсу, что ему самому показалось, будто все стихло на мгновеніе; стихло и прислушивалось; а потомъ еще сильнѣе, и близко, и далеко, зашумѣлъ по лѣсу дождь и захлюпала вода.

Ланде забылся, неподвижно скорчившись на землѣ, колѣнями въ подтекшей холодной лужѣ. Былъ бредъ.

Изъ мрака выглянула большая заячья голова. Длинныя уши были прижаты назадъ и красные глаза въ упоръ смотрѣли на Ланде. Что-то ужасное, насмѣшливое и злое было въ этой молчащей головѣ. Она тихо, медленно, чуть замѣтно, кивала Ланде. Вдругъ все вокругъ освѣтилось желтымъ свѣтомъ, точно гдѣ-то близко, за спиной, стала невидимая лампа, и при ея странномъ свѣтѣ Ланде, какъ будто со стороны, увидѣлъ свое тѣло, скорченное въ лужѣ, безобразное и жалкое, облипшее мокрымъ чернымъ подрясникомъ, грязное, несчастное, какъ червь. Страшная мука и страхъ приблизились къ сердцу Ланде. Съ дикимъ, нелѣпымъ крикомъ онъ сѣлъ, стукнувшись головой о вѣтки. Цѣлыя струи холодной воды полились на него, но онъ не очнулся. Масса знакомыхъ лицъ, живыхъ, блестящихъ глазами, безконечной лентой, уходящей вдаль, стали приближаться къ нему. Они подходили, наклонялись къ нему, смотрѣли и отходили, а за ними шли новыя. Лампа уже не стояла за спиной Ланде, а какъ будто отъ него самаго шелъ слабый, но ясный свѣтъ и ложился на наклоняющіяся къ нему лица все дальше и дальше, во всѣ стороны. Стало тихо и хорошо. А потомъ опять засвѣтилась лампа, и опять корчилось черное, какъ раздавленный червякъ, тѣло и опять чуть-чуть кивала заячья голова.

Не мысль и не бредъ, и не чувство, а яркій свѣтъ какого-то чудеснаго проникновенія пронизалъ воспаленный мозгъ Ланде, и въ ту же минуту вся жизнь его раскололась на-двое: будто что-то громадное, свѣтлое и чудесное въ своей непонятности, что онъ дѣлалъ всю жизнь, отошло отъ него и медленно расплылось, наполняя все вокругъ; а

острое страданіе, одинокое, непобѣдимое и послѣднее, схватило его, впустило острые когти и страшно придавило къ землѣ.

— А... а!.. слабо и тоненько прокричалъ во мракѣ Ланде.

Рязанскіе мужики, плотники, пробираясь на родину, въ лѣсу, далеко отъ жилья, наткнулись на мертваго человѣка.

Трупъ лежалъ въ шалашѣ, набросанномъ изъ сухихъ и вялыхъ вѣтокъ, поджавъ ноги и скрючивъ пальцы рукъ. Голова, на длинной, тонкой шеѣ, подвернулась такъ, что лица не было видно. На немъ былъ черный подрясникъ, слежавшійся въ грязныя комья; одна нога почему-то была босая. Отъ трупа шелъ тяжелый мертвый запахъ и странно и страшно мѣшался съ тонкимъ и сладковатымъ запахомъ вянущаго папоротника, которымъ поросло это мѣсто.

Одинъ изъ плотниковъ, рыжій, высокій мужикъ потрогалъ ногу трупа носкомъ сапога. Мертвая ступня чуть-чуть шевельнулась и замерла.

— Померши... глубокомысленно проговорилъ мужикъ, почесалъ затылокъ, постоялъ, и вдругъ, съ исказившимися отъ страха и непонятной ему самому мучительной злобы лицомъ, дернулъ и потащилъ трупъ изъ шалаша за ногу. Голова закачалась и запрыгала по землѣ, руки шлепнулись на землю, какъ будто тяжело всплеснули, и поволоклись, ковыряя пыль. И сразу пахнуло такимъ ужаснымъ, омерзительнымъ запахомъ, что мужиковъ шатнуло.

— О, чортъ! удивленно сказалъ рыжій мужикъ, какъ будто этого никакъ нельзя было ожидать.

Мужики стояли и смотрѣли.

Горько и одиноко лежалъ трупъ, прямо передъ собой глядя въ далекое небо мертвыми, мутными, какъ будто отъ тяжкихъ слезъ, глазами. Холодный и нѣмой, съ навсегда сжатыми губами, безъ словъ говорящими о страшной тайнѣ, онъ какъ будто распространялъ вокругъ себя, вмѣстѣ съ тяжелымъ

запахомъ, скорбное молчаніе. На груди у него разорвалась черная матерія, желтѣла изсохшая, какъ глина, кожа, къ которой плотно налипли сухіе листья и сѣрая грязь, и казалось, что это земля ужъ охватила его своими сѣрыми щупальцами и медленно и неуклонно уже тянетъ въ себя.

Долго стояли мужики и смотрѣли, какъ будто не находя того, что было нужно. Наконецъ, сѣдой и величавый мужикъ вздохнулъ, снялъ шапку и перекрестился. Перекрестился разъ, подумалъ, сказалъ:—Вѣчная, значитъ, память!.. и перекрестился еще два раза. И всѣ мужики, поспѣшно, точно сваливая съ себя страшную, томительную тяжесть, посдергивали шапки и замелькали въ воздухѣ пальцами,

Потомъ пошли гуськомъ, не глядя назадъ.

И имъ еще долго казалось, что желтый лѣсъ и солнечный свѣтъ, трава и высокое небо, какъ будто невидимымъ чернымъ налетомъ, скованы тяжелымъ молчаніемъ. Но на самомъ дѣлѣ все было радостно, свѣтло сверкало и переливалось въ свѣтѣ солнца вѣчно живой, свѣжей и веселой въ самой смерти своей зеленью.

Шедшій сзади всѣхъ мужикъ украдкой обернулся и далеко уже позади, изъ-за куста, золотого и яркаго, увидѣлъ блѣдный силуэтъ изсохшей, неподвижной ноги.

На этомъ мѣстѣ, изъ года въ годъ, особенно густо и радостно росъ папоротникъ.

М. Арцыбашевъ.

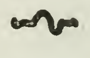
К. Н. Льдовъ.

Облака.

Въ лазури таетъ сизый дымъ,
Пронизанъ солнцемъ золотымъ...
Хрустальный замокъ тонетъ въ немъ,
Охваченъ розовымъ огнемъ,
А тамъ, взлетѣвъ на небеса,
Въ туманѣ рѣютъ паруса
Воздушно-алыхъ кораблей...
Въ дыму лазуревыхъ полей
Трепещутъ крылья дивныхъ птицъ,
Сквозятъ черты прекрасныхъ лицъ.
Сквозятъ и манятъ въ синеву—
Любить и грезить наяву.
Поэтъ, учись у облаковъ!
Имъ нѣтъ покоя, нѣтъ оковъ;
Какъ блескъ живого серебра,
Неистощима ихъ игра;
Но ихъ свободною игрой,
Какъ міромъ, правитъ божій строй.

И ты будь воленъ и пытливъ,
Восторгомъ душу окрыливъ,
Ищи небеснаго пути,
Но трепетъ сердца воплоти
Въ такія свѣтлыя черты,
Чтобъ въ нихъ сквозили: Богъ и ты.

К. Н. Льдовъ.



* * *

Пойми же, наконецъ, пойми: я не хочу,
О женщина, признать твоей жестокой власти.
Возненавидѣть гнетъ безумной, дикой страсти
И презирать тебя я сердце научу.
Нѣтъ, я не дамъ тебѣ смѣяться надо мною,
Какъ воду, пить струи моихъ горячихъ слезъ
И съ рѣзвымъ хохотомъ небрежною рукою
Ощипывать цвѣты моихъ завѣтныхъ грезъ.
Ты слышишь ли?—Топтать тебѣ я не позволю
Все, что есть лучшаго и честнаго во мнѣ:
Я сброшу цѣпь твою, и вырвусь я на волю,
И выкупаю грудь въ божественномъ огнѣ;
Туда, гдѣ больше нѣтъ твоей палящей бури,
Гдѣ правда и добро въ побѣдный гимнъ слились,—
Туда, по ступенямъ сіяющей лазури,
Я подымусь въ эфиръ на солнечную высь...
Чего, скажи, чего ты отъ меня хотѣла?..
Въ тебѣ мнѣ гадко все: улыбка, жемчугъ зубъ
И жгучій ароматъ изнѣженнаго тѣла,
И знойный мракъ волосъ, и пурпуръ влажныхъ губъ.
О, я сорву съ тебя презрѣнную личину!
За милліоны жертвъ, за муки, смерть и зло
Я въ это наглое, прекрасное чело
Проклятье бѣшеное кину!..

...Потухъ мой гнѣвъ, безумный, дѣтскій гнѣвъ:
Все время я себя обманывалъ напрасно...

Что жъ дѣлать мнѣ? Увы! восторженный напѣвъ
Изъ груди просится такъ пламенно и страстно.
Наперекоръ всему, въ проклятіи моемъ
Тебѣ, о женщина, одна любовь звучала.
И даже въ злобный мигъ при имени твоемъ
Мятежная душа отъ счастья трепетала.
И вотъ—я снова твой... зачѣмъ таить любовь?
Какъ будто не тебѣ отдалъ я жизнь и кровь,
Какъ будто въ сѣрой мглѣ подъ бременемъ страданья
Влачу я темный вѣкъ не для тебя одной?
Когда гляжу я въ даль съ улыбкой упованья,
Какъ будто не тебя я вижу предъ собой?..
Ты—вдохновеніе, ты—творческая сила,
Ты—все: полна тобой полуночная тишь,
Въ благоуханьи розъ со мной ты говоришь,
И сумракъ дней моихъ ты свѣтомъ напоила.
Позволь мнѣ только лечь у ногъ твоихъ, въ пыли,
Чтобъ гордый взглядъ ловить, надѣясь и ревнуя.
Въ тебя я вѣрую, тебя боготворю я.
Молюсь тебѣ одной, владычица земли!
Измучь меня тоской, обидой и позоромъ,—
Я не дерзну роптать, но лишь упиться дай
Твоимъ загадочнымъ, твоимъ глубокимъ взоромъ
И ядомъ ласкъ твоихъ, гдѣ—жизнь, и смерть, и рай.
Я слышать не хочу про всѣ твои пороки:
Ты сдѣлаешь мнѣ знакъ—и ницъ я упаду.
Кто бъ ни былъ ты, о сфинксъ, холодный и жестокій,
Богиня—женщина, люблю тебя и жду!
Хвала тебѣ, хвала—за сладкое мученье,
За радость и печаль, за подвиги и зло...
Неумолимое, прекрасное чело,
За все—прими благословенье!

Д. С. Мережковскій.

***

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни—и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ.
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Дѣвушкой невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый, степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотритъ на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье —
Юности и счастья первая весна!

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,—
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы и мечты блѣднѣютъ...
Счастье обмануло молодость мою...
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни былые, какъ мечты, люблю,—
Я былымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и съ тоскою шлю!

Иванъ Бунинъ.

Колыбельная пѣсня.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой—какъ я.

Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.

Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ, умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.

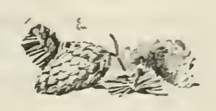
Словно рѣчь безсвязная—
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива, какъ мы!

И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!

Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая—
Вся любовь моя!

Валерій Брюсовъ.



Сказка-быль.

Мой край родной!.. во тьмѣ изнемогая,
Ты жаждешь солнечныхъ лучей.
Подъ звонъ оковъ и свистъ бичей
Тебѣ приснилась сказка золотая..
И вѣрь: пусть падаетъ ударъ
Вслѣдъ за мучительнымъ ударомъ,—
Ты вспыхнешь яростнымъ пожаромъ...
Но не сожжетъ тебя пожаръ...
Онъ истребитъ обломки черныхъ лѣтъ,
Предѣлъ положитъ мраку и насилью,
Прольетъ во всѣ углы желанный свѣтъ...
И станетъ сказка—былью!..

Яковъ Годинъ.

Старыя книги.

Въ потертой кожѣ, съ желтыми листами,
Хранящими вѣковъ ушедшихъ ароматъ,
Съ закладкой, вышитой поблекшими цвѣтами,
Вы, книги прежнихъ дней, влечете мысль назадъ.

Кошмаромъ вымысловъ вдругъ овладѣвши ею,
Волнуете мой умъ забытою мечтой,
И я, читая васъ, невольно сожалѣю
О томъ, что спитъ давно подъ пылью вѣковой.

Загадки странныя, рядъ образовъ ужасныхъ
Вы воскрешаете передо мной въ тиши...
И жутко рады вы, въ страданіяхъ напрасныхъ,
Подслушать жалобы испуганной души.

Вотъ, буквы черныя оскаливъ, вы словами
Грызете жадно мозгъ, въ него вливая ядъ...
О, книги старыя съ поблекшими листами,
Хранящія вѣковъ ушедшихъ ароматъ!

Б. Диксъ.

Артистъ П. П. Орленевъ.

Незваные гости.

Подъ легкій смѣхъ и тайный разговоръ
Проходятъ маски вереницей длинной...
Сіяетъ залъ... И вотъ, съ высокихъ хоръ
Томительно полился вальсъ старинный...

Къ печальной нимфѣ съ лиліей въ кудряхъ
Подходитъ рыцарь съ спущеннымъ забраломъ
И, вмѣстѣ съ ней, смѣшался съ карнаваломъ,
Воздушный станъ ея обнявъ.

— „Красавица, съ вами я вижусь впервые,
Но взглядъ вашихъ грустныхъ и пламенныхъ глазъ
Невольно напомнилъ мнѣ годы былые,
Свиданья въ полуночный часъ...
На ту, о которой, безумно тоскуя,
Ни ночью, ни днемъ позабыть не могу я,
Есть что то похожее въ васъ.“—

—„Нѣтъ, рыцарь, то вальсъ такъ волнуетъ мечтанья;
Вѣдь та, о которой ни ночью, ни днемъ
Забыть вы не въ силахъ,—позоръ и страданья
На днѣ позабыла рѣчномъ...
Оставимъ же мертвымъ покой и забвенье;

Подъ вальса манящее тихое пѣнье
      Такъ сладко кружиться вдвоемъ!..“ —

И длится вальсъ; томительно и нѣжно
Звучитъ его ласкающій мотивъ.
Вотъ Мифестофель, съ граціей небрежной,
Въ полупоклонъ свой гибкій станъ склонивъ,
Уводитъ маску въ бѣломъ покрывалѣ
И съ четками у пояса; одна,
Вдали отъ всѣхъ, на этомъ шумномъ балѣ
      Была покинута она.

— „Сударыня, васъ ли въ простомъ одѣяньи
Смиренной монахини вижу теперь?
Надѣетесь, вѣрно, что ключъ покаянья
      Отворитъ вамъ райскую дверь?
Ха, ха! Ну, туда-то васъ пустятъ едва ли:
Не смоется съ ручекъ невинная кровь...
Повѣрьте, навѣки насъ вмѣстѣ сковали
Судьба и преступная наша любовь...
Меня не узнали ль?—Сообщникъ вашъ нынѣ
Нежданно предсталъ въ мефестофельскомъ чинѣ
      Предъ вашими взорами вновь!

Вы думали, тайну сокроетъ могила.
Но, видите, здѣсь я!.. я съ вами опять!..
Теперь ни земная, ни адская сила
Меня не заставитъ добычу отдать!
Повѣрьте, небесъ не смягчить вамъ мольбою,
Слезами, и бдѣньемъ, и долгимъ постомъ,—
Ужъ мѣсто для васъ приготовлено мною
      Въ таинственномъ царствѣ моемъ...
Теперь же, да здравствуетъ мигъ упоенья!
Подъ вальса манящее тихое пѣнье
      Такъ сладко кружиться вдвоемъ!“

И длится вальсъ...—„Мой другъ, мнѣ страшно стало!—
Хозяйка дома мужу говоритъ.
— О, прекрати забаву карнавала...
Моя душа и ноетъ, и болитъ!..
Нездѣшнія и странныя все лица
Подъ масками сокрыты у гостей...

О, скоро ли проглянетъ лучъ денницы?...
Тоска и страхъ въ груди моей!..“
Смѣется мужъ... И длится вальсъ старинный,
Его напѣвъ несется съ темныхъ хоръ,
И пляшутъ маски медленно и чинно,
Подъ легкій смѣхъ и тайный разговоръ...

М. Лохвицкая.

* * *

Не кори ты наше племя,
Не вини во всемъ нашъ вѣкъ:
Милый другъ, въ былое время
Былъ не лучше человѣкъ!

Такъ же онъ грѣшилъ, какъ нынѣ,
Такъ же падалъ и страдалъ,
Такъ же онъ своей святынѣ,
Безразсудно измѣнялъ.

Тѣ же страсти и сомнѣнья
Повторялись вновь и вновь,
Тѣ же вѣдалъ онъ мученья,
Ту же чувствовалъ любовь.

Но всегда въ туманѣ міра
Сердцемъ онъ распознавалъ
Ложь житейскаго кумира,
Вѣчной правды идеалъ.

И повѣрь, наступятъ годы:
И полнѣе и сильнѣй
Чувства правды и свободы
Оживутъ въ сердцахъ людей.

Гайдебуровъ.

* * *

Полюби въ себѣ безъ спора
Духъ мятежный, духъ раздора,
Бойся ровнаго блаженства:
Счастье чуждо совершенства
И въ довольствѣ нѣтъ простора.

Нѣтъ простора, нѣтъ исканья;
Ни сомнѣнья, ни признанья,
Нѣтъ невѣрія, ни вѣры,
Но любовь границъ и мѣры,
Страхъ возможнаго страданья.

Нѣтъ противнѣй жизни сытой,
Безопасной и укрытой
Отъ волненій думъ тревожныхъ
Броней мыслей осторожныхъ,
Незамѣтной, не забытой.

Убѣжденье въ правдѣ вѣчной,
Благородной, безупречной
И увѣренность, и твердость,
И презрительная гордость
Съ добродѣтелью безпечной,

Нѣтъ уродливѣй и гаже!
Заблужденья, страсти, даже
Прегрѣшенья и пороки
Не противны, не жестоки,
Какъ умѣренность на стражѣ

Чувствъ и мыслей, и хотѣній,
Безразсудныхъ дерзновеній,
Беззастѣнчивыхъ ошибокъ,
Безбоязненныхъ улыбокъ,
Безполезныхъ разсужденій...

Жаждать нужно и томиться,
Волноваться и стремиться,
Заблуждаться безпредѣльно,
И любить другихъ безцѣльно,
И съ собою не мириться...

Сергѣй Рафаловичъ.

Приливъ.

Какъ глухо, какъ грозно, подъ пологомъ мглы,
Закрывшей далекій восходъ,
Ревутъ, и грохочутъ, и стонутъ валы
На лонѣ разгнѣванныхъ водъ!
Тамъ сыплются брызги сквозь влажный туманъ,
Подъ вѣтра назойливый вой.
Загадочный, буйный, сѣдой океанъ
Сердито трясетъ головой.

Здѣсь въ гавани тихо, какъ въ рамкѣ пруда,
Какъ въ скучномъ, уныломъ гробу.
Косматая буря снаружи сюда
Свою не доноситъ борьбу.
Здѣсь воды застыли въ оградѣ нѣмой,
Какъ чаша литого свинца,
И старыя барки съ прогнившей кормой
У ржаваго дремлютъ кольца...

Корабль нашъ оконченъ. Онъ—чудо-краса,
На зависть безумныхъ враговъ,
Какъ бѣлыя чайки, его паруса
У сонныхъ взвились береговъ.
Въ него мы вложили свой трудъ и досугъ
И знаній холодный разсчетъ,
Мы до крови руки истерли объ стругъ,
Отъ вѣчныхъ изсохли заботъ.
Зато мы достигли работы конца:
Не даромъ у насъ торжество.
Корабль нашъ прекрасный достоинъ вѣнца,
Никто не обгонитъ его...

Бока мы красиво срубили ему
Изъ бѣлыхъ, нарядныхъ березъ,
Изъ бука связали крутую корму,
И выгнули лебедемъ носъ.
И сталью одѣли широкую грудь,
И пушки поставили въ рядъ,
И, прежде чѣмъ флагъ въ вышинѣ развернуть,
Мы въ каждую вбили зарядъ.

И геній Свободы стоитъ на носу,
Онъ факелъ вознесъ, какъ маякъ.
Тотъ факелъ на море кладетъ полосу
Лучей, разгоняющихъ мракъ.
И вѣщее имя на правомъ борту
Кудрявую выплело вязь.
То имя скрываетъ святую мечту,
Даруетъ намъ братскую связь,
То имя смиряетъ усталость и боль
И дышитъ отрадой живой.
То имя—Надежда: нашъ смѣлый пароль,
Торжественный кличъ боевой...
Здѣсь въ гавани мелко. Съ неровнаго дна
Торчитъ вереница камней.
И бурая тина повсюду полна
Останками тлѣющихъ пней.
Какъ выйти отсюда на пѣнистый путь
Безбрежной равнины морской?
Какъ плѣнъ свой разрушить и смѣло стряхнуть
Тупой, ненавистный покой?
Закованъ цѣпями нашъ страстный порывъ;
Напрасно реветъ ураганъ...
Проснись же, могучій, стихійный приливъ!
На помощь иди, океанъ!..

Встань, приливъ! Твой часъ урочный
Ужъ давно пробилъ.
Просвѣтлѣлъ туманъ восточный...
Дольше ждать нѣтъ силъ.

Этотъ гнетъ безсильной боли
Горше, чѣмъ позоръ.
Помоги же изъ неволи
Выйти на просторъ!

Закипи живой отвагой,
Радостью взыграй!
И пролейся шумной влагой
Чрезъ плотины край.

Затопи безслѣдно мели,
Камни съ мѣста срой,

Вольный путь къ завѣтной цѣли
Кораблю открой!..

Поскорѣй бы намъ увидѣть
Первую волну:
Мы устали ненавидѣть
Тьму и тишину.

Жажда жизни и движенья
Насъ зоветъ впередъ...
Встань, приливъ, создай теченье!
Мы, не медля ни мгновенья,
Двинемся въ походъ!..

Танъ.

* * *

Есть лица странныя: въ нихъ смутно выраженье,
Ихъ не ваялъ рѣзецъ губительныхъ страстей
И пламенной души живое отраженье
У нихъ не свѣтитъ изъ очей.

Но что-то къ нимъ влечетъ. Таинственной загадкой
Исполнены, какъ сонъ, неясныя черты,
И вѣетъ мнѣ отъ нихъ какой-то нѣгой сказки,
Какой-то нѣгой красоты.

И долго я смотрю, слѣжу пытливымъ взоромъ
Подъ блѣднымъ обликомъ—иной, прекрасный ликъ,
И сердце, смущено безмолвнымъ разговоромъ,
Изобрѣтаетъ свой языкъ.

И какъ-то станетъ вдругъ такъ памятно, что были
Мы родственны уже въ невѣдомомъ краю,
Какъ будто на землѣ мы снова пережили
Любовь небесную свою...

К. Н. Льдовъ.

Сказка.

Мы вамъ непонятны, мы—витязи моря,
Мы – дѣти таинственной вамъ глубины.
Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ: мы—голосъ волны.

Не знаемъ мы страха: ударъ вашей стали
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлую вѣчность титаны ковали,
Мы всѣ—закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы—гордыя дѣти царя Океана;
Суровъ онъ и страшенъ въ коронѣ изъ слезъ.

И сквозь изумрудные синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды,
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, луннымъ сіяніемъ ночи
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы,
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ.
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя...
Мы чужды и странны, мы—витязи моря,
Мы—вольныя дѣти морского царя!

Скиталецъ.

Артистка В. Ѳ. Комиссаржевская.

Нимфы.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ съ верху до низу.

Прозрачно синѣло надъ ними южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: „Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—„Умеръ великій Панъ!“

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:— Умеръ великій Панъ!“

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны протяжные, жалостные возгласы:—Умеръ! Умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня.— „Что если и я кликну кличъ?“

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ: —„Воскресъ! воскресъ великій Панъ!“

И тотчасъ же, о чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!“ шумѣли молодые голоса.—Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

И. С. Тургеневъ.

* * *

Весна, опять весна на родинѣ моей!...
Веселые грачи и вербы цвѣтъ пушистый,
И мелкій листъ березъ, дрожащій и душистый,
И влажная земля проснувшихся полей...
Весна, опять весна... Но будутъ ли встрѣчать
Въ поляхъ ея приходъ надежды и молитвы?
Спятъ крѣпко пахари въ крови послѣдней битвы...
И не проснуться имъ, и никогда не встать...
Родное солнышко надъ ними не блеснетъ
Весенней радостной румяною зарею,
Ихъ грудь придавлена чужой сырой-землею
И сонъ ихъ стережетъ холодный небосводъ...

Г. Галина.

Не страшно.

Боль сердечныхъ ранъ
И тоска растетъ.
На поляхъ—туманъ.
Скоро ночь сойдетъ.

Ты уйдешь, а я
Буду вновь одинъ...

И пройдетъ, грозя,
Межъ лѣсныхъ вершинъ
Великанъ сѣдой;
Закачаетъ лѣсъ,
Склонъ ночныхъ небесъ
Затѣнитъ бѣдой.

Страшенъ мракъ ночной,
Коли нѣтъ огня...

Посиди со мной,
Не оставь меня!..

Буйный вѣтеръ спитъ.
Ночь летитъ на насъ...

Андрей Бѣлый.

Сказка.

Подъ темной сосною
Росъ блѣдный цвѣтокъ.
Ихъ вмѣстѣ весною
Ласкалъ вѣтерокъ.
Ихъ въ лѣтнія ночи
Кропила роса...
Но холодъ съ полночи
Дохнулъ на лѣса.

Въ далекія страны
Журавль улетѣлъ,
Сгустились туманы—
Цвѣтокъ захирѣлъ.
Къ землѣ онъ устало
Приникъ въ тишинѣ,
И жаль его стало
Могучей соснѣ.
Средь полночи мглистой,
Участья полна,
Вершиной иглистой
Качнула она,
И голосъ побѣдный
Раздался изъ тьмы:
— „Не бойся, другъ бѣдный,
Холодной зимы!
Утѣшься въ кручи́нѣ
Примѣромъ моимъ:
Встрѣчала донынѣ
Я множество зимъ.
Прошли эти зимы;
Иныя пройдутъ,
Мои жъ невредимы
Всѣ вѣтви цвѣтутъ.
Лишь въ новой одеждѣ
Возстану отъ сна.
Ты также..."
Но прежде,
Чѣмъ смолкла сосна,
Надвинулись тучи
Съ холодныхъ небесъ,
И саванъ летучій
Спустился на лѣсъ.
И, снѣгомъ покрытый,
Цвѣтокъ навсегда
Исчезъ, позабытый,
Пропалъ безъ слѣда...

Н. Минскій.

Грустная бесѣда.

Изъ П. Верлена.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Мелькаютъ двѣ тѣни, во мракѣ чернѣя...

Трепещутъ ихъ губы, безжизненъ ихъ взоръ,
Чуть слышенъ отрывистый ихъ разговоръ.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Два призрака скорбныхъ мелькаютъ, чернѣя...

—„Ты помнишь ли наши восторги святые?"
—„Зачѣмъ воскрешать намъ мечтанья былыя"!...

—„Трепещетъ ли грудь твоя страстно въ отвѣтъ
Названіямъ милымъ, какъ прежде?"—„О, нѣтъ!"

—„Безсмертенъ блаженный тотъ мигъ, какъ припали
Мы жадно устами другъ къ другу?"—„Едва ли!"

—„И ясное небо, и поле, и лѣсъ?"
—„Увяли надежды подъ мракомъ небесъ!.."

Такъ грустно въ аллеѣ несется ихъ ропотъ;
Внимаетъ лишь ночь ихъ отрывистый шопотъ.

Эллисъ.

Гвоздики.

Когда расцвѣтаютъ гвоздики въ лѣсахъ,
Послѣдніе лѣтніе дни истекаютъ.
Въ гвоздикахъ іюльскіе дни замыкаютъ
Ту юную кровь, что алѣетъ въ лучахъ.
И больше не вспыхнутъ, до новаго года,
Такіе рубины, такая свобода.

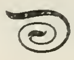
К. Бальмонтъ.

Мигъ свободы.

Vae victis!

Надъ угрюмой темницей, надъ оградой глухой,
Пробѣгаютъ вереницей тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно на свободѣ, въ безконечномъ хороводѣ,
Наступать за ратью рать,—
Грохотать могучимъ громомъ, яркой молніи изломомъ
Дальній сумракъ озарять!
А за ними въ вихрѣ дикомъ, изъ ущелій темныхъ горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ выбѣгаетъ на просторъ...
То гудитъ въ степи безлюдной, будто въ бой послѣдній, трудный
Трубятъ въ тысячи роговъ,—
То притихнетъ, будто внемлетъ, всѣ ли,
Кто въ темницѣ дремлетъ,
Откликаются на зовъ.
Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный слышенъ только тихій стонъ,
Да—въ тревогѣ безнадежной—ржавой цѣпи скрипъ да звонъ.—
И несется вѣтеръ снова, полный бѣшенства лихого,
Чрезъ долины и лѣса.
И взвиваясь въ высь, за кручи, надуваетъ въ небѣ тучи,
Точно въ морѣ паруса...
Съ нимъ уходитъ мигъ отрады... тише ропотъ, дальше вой.
Только громче вдоль ограды бродитъ зоркій часовой!

Ю. Балтрушайтисъ.



С. Д. Дрожжинъ.

Родина.

Кругомъ поля раздольныя,
Широкія поля,
Болота непроходныя,—
Вотъ родина моя!

Соломою покрытыя
Избушки предо мной,
Ребята неумытые
На улицѣ порой

Босые, загорѣлые,
Играютъ и шумятъ,
И, словно вишни спѣлыя,
Ихъ личики горятъ.

А мимо храма Божія
Дорогою большой
Идутъ, крестясь, прохожіе
И странники съ сумой...

Вдали растутъ сосновые
Дремучіе лѣса,

И съ тучами свинцовыми
Нависли небеса.
Ничѣмъ не одаренная
И скудная земля
Да Волга многоводная,—
Вотъ родина моя!

С. Д. Дрожжинъ.

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій.
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ питомецъ скалъ.
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья

И—царь заоблачныхъ высотъ,
Случайный гость земли печальной,—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной.

Высоко отъ тщеты земной,
Вознесся, праху неподвластный,
И—къ дольней жизни безучастный—
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Изъ бумагъ прокурора.

Классически я жизнь окончу тутъ...
Я номеръ взялъ въ гостинницѣ, извѣстной
Тѣмъ, что она—излюбленный пріютъ
Людей, какъ я, которымъ въ мірѣ тѣсно.
Слегка поужиналъ, спросилъ
Бутылку хереса, бумаги и чернилъ
И разбудить себя велѣлъ часу въ девятомъ.
Слѣдя прилежно за собой,
Я въ зеркало взглянулъ. Въ лицѣ, слегка помятомъ
Безсонными ночами и тоской,
Слѣдовъ не видно лихорадки.
Револьверъ осмотрѣлъ я: все въ порядкѣ...
Теперь пора мнѣ приступить къ письму.
Такъ принято: предъ смертью на прощанье
Всегда строчатъ кому-нибудь посланье...
И я писать готовъ, не знаю лишь кому...
Писать роднымъ... зачѣмъ? Нежданное наслѣдство
Утѣшитъ скоро ихъ въ утратѣ дорогой.
Писать товарищамъ, друзьямъ любимымъ съ дѣтства..
Да гдѣ они? Насъ жизненной волной
Судьба давно навѣки раздѣлила,
И будетъ имъ, какъ я, чужда моя могила...
Вотъ если написать кому-нибудь изъ нихъ,
Изъ свѣтскихъ болтуновъ, пріятелей моихъ,—
О, Боже мой! какую я услугу
Имъ оказать бы могъ! Пріятель съ тѣмъ письмомъ
Перебѣгать начнетъ изъ дома въ домъ
И расточать хвалы исчезнувшему другу...
Про мой конецъ онъ выдумаетъ самъ
Какой-нибудь романъ въ игривомъ родѣ
И, забавляя имъ отъ скуки мрущихъ дамъ,
Недѣлю цѣлую, пожалуй, будетъ въ модѣ.
Есть у меня знакомый прокуроръ
Съ болѣзненнымъ лицомъ и умными глазами...
Случайность странная: нерѣдко между нами
Самоубійцъ касался разговоръ.
Онъ этимъ дѣломъ занятъ спеціально;

Чуть гдѣ-нибудь случилася бѣда,
Ужъ онъ сейчасъ бѣжитъ туда
Съ своей улыбкою печальной
И все изслѣдуетъ: какъ, что и почему.
Съ научной цѣлью напишу ему
О собственномъ концѣ отчетъ подробный...
Въ статистику его пошлю мой вкладъ загробный!

„Любезный прокуроръ, вамъ интересно знать,
Зачѣмъ я кончилъ жизнь такъ неприлично?
Сказать по правдѣ, я логично
Вамъ правоту свою не могъ бы доказать,
Но снисхожденія достоинъ я. Когда бы
Вы поручились мнѣ, что я умру,
Ну, хоть, положимъ, завтра къ вечеру
Отъ воспаленья или острой жабы,—
Я бъ терпѣливо ждалъ. Но я совсѣмъ здоровъ,
И вовсе не смотрю въ могилу;
Могу еще прожить я множество годовъ,—
А жизнь переносить мнѣ больше не подъ силу,
И, какъ бы я ее ни жегъ и ни ломалъ,
Боюсь, не сузится мой пищевой каналъ
И не расширится аорта...
А потому я смерть избралъ иного сорта.
Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ
Изъ круга нашего,—я жилъ для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый трудъ
Мнѣ незнакомъ былъ съ самаго рожденья.
Но съ отроческихъ лѣтъ я началъ въ жизнь вникать,
Въ людскія дѣйствія, ихъ цѣли и причины,
И стерлась дѣтской вѣры благодать,
Какъ блѣдной краски слѣдъ съ неконченной картины,
Когда жъ, при свѣтѣ разума и книгъ,
Мнѣ вдаль вѣковъ пришлося углубиться
Я человѣчество столь гордое постигъ,
Но не постигъ того, чѣмъ такъ ему гордиться.

Близъ солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ
Живетъ двуногій звѣрь некрупнаго сложенья,
Живетъ, сравнительно, еще немного лѣтъ.
И думаетъ, что онъ—вѣнецъ творенья,

Что всѣ сокровища еще безвѣстныхъ странъ
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него реветъ въ часъ бури океанъ!
И борется звѣрекъ съ судьбой насколько можно,
Хлопочетъ день и ночь о счастіи своемъ,
Съ разсчетомъ на вѣка устраиваетъ домъ...
Но вѣтеръ на него пахнулъ неосторожно,—
И нѣтъ его... пропалъ и слѣдъ...
И, умирая, онъ не знаетъ,
Зачѣмъ явился онъ на свѣтъ,
Къ чему онъ жилъ, куда онъ исчезаетъ.
При этой краткости житейскаго пути,
Въ такомъ убожествѣ невѣдѣнья, безсилья
Должны бы спутники соединить усилья
И дружно общій крестъ нести...
Нѣтъ, люди—эти бѣдные микробы—
Другъ съ другомъ борются, полны
Нелѣпой зависти и злобы;
Имъ слезы ближняго нужны,
Чтобъ жизнью наслаждаться вдвое,
Имъ больше горя нѣтъ, какъ счастіе чужое!
Властители, рабы, народы, племена,—
Всѣ дышатъ лишь враждой, и всѣ стоятъ на стражѣ...
Куда ни посмотри, вездѣ одна и та же
Упорная, безумная война!
Невыносимо жить!
Я вижу: съ нетерпѣньемъ
Посланіе мое вы прочитали вновь,
И прокурорскій взоръ туманится сомнѣньемъ...
„Нѣтъ, это все не то, тутъ вѣрно есть любовь"...
Такъ режиссеръ въ молчаньи строгомъ
За ролью новичка слѣдитъ изъ-за кулисъ...
„Ищите женщину",—вѣдь это вашъ девизъ?
Вы правы, вы нашли. А я—клянуся Богомъ!—
Я не искалъ ее. Нежданная, она
Явилась предо мной, и такъ же, какъ начало,
Негаданъ былъ конецъ... Но вамъ сознанья мало,
Вамъ исповѣдь подробная нужна.
Хотите имя знать? Хотите нумеръ дома,
Иль цвѣтъ ея волосъ? Не все ли вамъ равно?

Повѣрьте мнѣ: она вамъ незнакома,
И нашъ угрюмый край покинула давно.
О, гдѣ теперь она? Въ какой странѣ далекой
Красуется ея спокойное чело?
Гдѣ ты, мой грозный бичъ, каравшій такъ жестоко?
Гдѣ ты, мой свѣтлый лучъ, ласкавшій такъ тепло?

Давно потухъ огонь, давно угасли страсти,
Какъ сонъ, пропали дни страданій и тревогъ...
Но выйти изъ твоей неотразимой власти,
Но позабыть тебя я все-таки не могъ!

И если бъ ты сюда вошла въ мой часъ послѣдній,
Какъ прежде, гордая, безъ рѣчи о любви,
И прошептала мнѣ: „оставь пустыя бредни;
Забудемъ прошлое, я такъ хочу, живи!“—

О, даже и теперь я счастія слезами
Отвѣтилъ бы на зовъ души твоей родной
И, какъ послушный рабъ, опять, гремя цѣпями,
Не зная самъ куда, побрелъ бы за тобой...

Но, нѣтъ! ты не войдешь. Изъ мрака ледяного
Въ меня не брызнетъ свѣтъ отъ взора твоего.
И звуки голоса когда-то дорогого
Не вырвутъ, не спасутъ, не скажутъ ничего.

Однако я вдался въ лиризмъ... Некстати!
Смѣшно элегію писать передъ концомъ...
А впрочемъ, я пишу не для печати,
И лучше кончить дни стихомъ,

Чѣмъ жизни подводить печальные итоги...
Да, если бъ вспомнилъ я обидъ безцѣльныхъ рядъ
И тайной клеветы всегда могучій ядъ,
Всѣ дни, прожитые въ мучительной тревогѣ,
Всѣ ночи, проведенныя въ слезахъ,
Все то, чѣмъ я обязанъ людямъ-братьямъ,—
Я разразился бы на жизнь такимъ проклятьемъ,
Что содрогнуться бъ могъ Создатель въ небесахъ!
Но я не такъ воспитанъ: уваженье
Привыкъ имѣть къ предметамъ я святымъ,
И, не ропща на Провидѣнье,
Почтительно склоняюся предъ Нимъ.

Въ какую рубрику меня вы помѣстите?
Кто виноватъ: любовь, наука или сплинъ?
Но если бъ не нашли разумныхъ вы причинъ,
То все же моего поступка не сочтите
За легкомысленный порывъ.

Я даже помню день, когда, весь міръ забывъ,
Читалъ и жегъ я строки дорогія,
И мысль покончить жизнь явилась мнѣ впервые.
Тогда во мнѣ самомъ все было сожжено,
Разбито, попрано... И, смутная сначала,
Та мысль въ больное сердце, какъ зерно
На почву благодарную, упала.
Она таилася на самомъ днѣ души,
Подъ грудой тлѣющаго пепла;
Среди тяжелыхъ думъ она въ ночной тиши
Сознательно сложилась и окрѣпла...
О, посмотрите же кругомъ:
Не я одинъ ищу спасенія въ покоѣ!..
Въ эпоху общаго унынья мы живемъ,—
Какое-то повѣтріе больное,
Зараза нравственной чумы—
Надъ нами носится, и ловитъ, и тревожитъ
Порабощенные умы.
И въ этой самой комнатѣ, быть можетъ,
Такіе же, какъ я, изгнанники земли
Послѣдніе часы раздумья провели.
Ихъ лица блѣдныя, дрожа отъ смертной муки,
Мелькаютъ предо мной въ зловѣщей тишинѣ,
Окровавленныя, блуждающія руки
Они изъ нѣдръ земли протягиваютъ мнѣ...
Они—преступники. Они безъ позволенья
Ушли въ безвѣстный путь отъ пристани земной...
Но обвинять ли ихъ? Винить ли жизни строй,
Безмысленный и злой, не знающій прощенья?..
Какъ опытный и свѣдующій юристъ,
Всѣ степени вины обсудите вы здраво.
Вотъ застрѣлился гимназистъ,
Не выдержавъ экзамена... Онъ, право,
Не меньше виноватъ. Съ платформы подъ вагонъ
Прыгнулъ сѣдой банкиръ, сыгравшій неудачно.

Повѣсился бѣднякъ затѣмъ, что жилъ невзрачно,
Что жизни благами не пользовался онъ...
О, эти блага жизни!.. Съ наслажденьемъ
Я бъ отдалъ ихъ за жизнь лишеній и труда...
Но только бъ мнѣ забыть прожитые года,
Но только бы я могъ смотрѣть не съ отвращеньемъ,
А съ теплой вѣрой дѣтскихъ дней
На лица злобныя людей.
Не думайте, чтобъ я, судя ихъ строго,
Себя считалъ умнѣй и лучше много,
Чтобъ я несчастный мой конецъ
Другимъ хотѣлъ поставить въ образецъ,
Я не ряжуся въ мантію героя.
И вѣрьте, что мучительно весь вѣкъ
Я презиралъ себя. Что я такое?
Я просто жалкій, слабый человѣкъ.
И, можетъ быть, слегка больной душевно.
Вамъ это лучше знать. Вы часто, ежедневно
Субъектовъ видите такихъ;
Сравните, что у васъ написано о нихъ,
И, къ свѣдѣнію принявъ науки указанья,
Постановите приговоръ...
Прощайте же, любезный прокуроръ...
Жаль, не могу сказать вамъ: „до свиданья“.
Письмо окончено, и выпита до дна
Бутылка сквернаго вина.
Я отворилъ окно. На улицы пустыя
Громадой черною смотрѣли облака.
Осенній вѣтеръ дулъ, и капли дождевыя
Лѣниво падали, какъ слезы старика.
Потухли фонари. Казалось, поневолѣ
Веселый городъ нашъ въ холодной мглѣ уснулъ,
И замеръ вдалекѣ послѣднихъ дрожекъ гулъ.
Такъ часъ прошелъ, иль два, а можетъ быть, и болѣ—
Не знаю. Вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Отчетливо, протяжно и тоскливо
Раздался дальній свистъ локомотива...
О, этотъ звукъ давно ужъ мнѣ знакомъ!
Въ часы безсонницы до бѣшенства, до злости,
Бывало, онъ терзалъ меня,
Напоминая близость дня...

Кто съ этимъ поѣздомъ къ намъ ѣдетъ? Что за гости?
Рабочіе, конечно, бѣдный людъ...
Изъ дальнихъ деревень они сюда везутъ
Здоровье, бодрость, силы молодыя,
И все оставятъ здѣсь...
Поля мои родныя!
И я,—увы! не въ добрый часъ,—
Для призраковъ пустыхъ когда-то бросилъ васъ.
Мнѣ кажется, что тамъ, въ далекомъ старомъ домѣ,
Я могъ бы жить еще...
Іюльскій день затихъ.
Избавившись отъ всѣхъ трудовъ дневныхъ,
Я вышелъ въ радостной истомѣ
На покрившійся балконъ.
Передъ балкономъ старый кленъ
Раскинулъ вѣтви, ярко зеленѣя,
И пышныхъ липъ широкая аллея
Ведетъ въ заглохшій садъ. Въ вечерней тишинѣ
Не шелохнется листъ, цвѣты блестятъ росою,
И запахъ сѣна съ пѣсней удалою
Изъ-за рѣки доносится ко мнѣ.
Вотъ легкій шумъ шаговъ. Вдали, платкомъ махая,
Идетъ ко мнѣ жена... О, нѣтъ! не та,—другая:
Простая, кроткая, и дѣти жмутся къ ней...
Дѣтей побольше, маленькихъ дѣтей!
За липы спрятался послѣдній лучъ заката,
Тепла нѣмая ночь. Вотъ ужинъ, а потомъ
Бесѣда тихая, Бетховена соната,
Прогулка по саду вдвоемъ,
И крѣпкій сонъ до новаго разсвѣта...
И такъ, вдали отъ суетнаго свѣта,
Летѣли бъ дни и годы безъ числа...
О Боже мой! Стучатъ... Ужели ночь прошла?
Да, тусклый, мокрый день сурово
Глядитъ въ окно. Что жъ, развѣ отворить?
Попробовать еще по-новому пожить?
Нѣтъ, тяжело! Увидѣть снова
Толпу противныхъ лицъ, со злобою въ глазахъ,
И уши длинныя на плоскихъ головахъ...
И этотъ наглый взглядъ, предательскій и лживый...
Услышать снова хоръ фальшивый

Тупыхъ затверженныхъ рѣчей...
Нѣтъ, ни за что! Опять стучатъ... Скорѣй!
Пусть мой послѣднiй стихъ, какъ я, бобыль ненужный,
Останется безъ риѳмы...

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Оттого тебя люблю я, что безумна ты, какъ я,
Что въ тебѣ слились, тоскуя, мракъ и солнце бытiя,
Вспышки молнiй, вздохи бури, безпокойныхъ вешнихъ грезъ,
И безоблачность лазури, и блаженство первыхъ слезъ.
Вся ты—сказка, вся ты—тайна, и царица, и раба.
Все, какъ жизнь, въ тебѣ случайно, непреложно, какъ судьба.
Обѣщая—ты обманешь, оттолкнувъ—сама придешь,
Противъ истины возстанешь и обрушишься на ложь.
Оттого тебя люблю я, что сильна ты и горда,
Что, свободу сердцемъ чуя, въ даль ты рвешься изъ гнѣзда;
Любишь землю, любишь море, въ небѣ—тучъ зловѣщiй дымъ;
Свято чтя чужое горе, ты глумишься надъ своимъ,
Оттого, что я тобою, лишь одной тобой живу,
Что во снѣ ты грезишь мною и смѣешься наяву.
Какъ волна, неуловима и опасна, какъ змѣя,
Оттого ты мной любима, что моя и не моя!..

А. Ѳедоровъ.

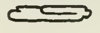
Артистка М. Г. Савина.

Сонъ.

Качалася лодка у берега тамъ,
И парусъ надъ ней развивался.
—Скорѣе въ дорогу по быстрымъ волнамъ!—
Въ груди моей крикъ раздавался.
Я за руку смѣло тебя притянулъ,
И въ лодку мы разомъ вскочили.
Тутъ парусъ нашъ вѣтеръ сердито рванулъ,
И мы... далеко уже были.
У мачты стояли мы молча вдвоемъ,
А волны сѣдыя, какъ звѣри, кругомъ
Одна за другою вставали;
Надъ нами бѣжалъ голубой небосводъ,
И синія волны, какъ кони, впередъ,
Впередъ передъ нами скакали...
— „О, милый, вернемся! Куда мы плывемъ!?“
Раздался твой крикъ надъ волнами:
„Безбрежное море предъ нами!“
Но шибче летѣли мы въ синюю даль,
Въ ушахъ только свистъ раздавался;
А вѣтеръ безумно ревѣлъ и визжалъ,
И парусъ къ волнамъ нагибался.
И громко тебѣ я тогда закричалъ,

Ревъ вѣтра и волнъ покрывая:
—Теперь не страшись, дорогая!
Ты видишь, бѣлѣютъ вдали берега,
Ужъ скоро мы будемъ у цѣли...
Какъ птицы, съ тобой мы летѣли...
— „Да, милый, какъ птицы... Не даромъ снѣга
Въ твоихъ волосахъ забѣлѣли...
Недаромъ и сердце остыло въ груди,—
И радость, и юность, и все позади!“

Ѳ. Н. Вербицкій.



* * *

Я ихъ не звалъ—онѣ пришли,
Давно оплаканныя тѣни
Минувшихъ грезъ, былыхъ видѣній...
Въ унылой, сумрачной дали
Огни вечерніе мерцали,
И отблескъ легкій трепеталъ
Налетомъ розовой эмали
На острыхъ кряжахъ сѣрыхъ скалъ...
Я лѣсомъ шелъ, и слышалъ я—
Малютка-птичка, на меня
Сосѣдкѣ маленькой кивая,
Шептала: „Видишь?.. вотъ, родная,
Тотъ блѣдный, странный человѣкъ,
Что часто здѣсь порой вечерней
Плететъ вѣнки изъ старыхъ терній...
Взгляни, какъ блѣденъ онъ... Навѣкъ,
Навѣкъ утрачена имъ вѣра.
Онъ запоетъ—раздастся стонъ...
Поетъ и плачетъ... Знаешь,—онъ
Потомокъ старца Агасфера,
Того, ты помнишь“...

С. Г. Фругъ.

Надъ потокомъ.

Шумъ горнаго потока, шумъ потока... Съ закрытыми глазами я прислушиваюсь къ тебѣ, какъ ты звучишь, непрерывный, монотонный, вѣчный...

И душу мою охватываетъ такая тоска, такая безконечная грусть.

Этотъ шумъ, знакомый мнѣ цѣлые годы, съ самаго ранняго дѣтства,—всегда одинаковый, монотонный и вѣчный, и когда я погружаюсь памятью въ прошлое, сколько разъ я вижу себя надъ этимъ горнымъ потокомъ, такъ же съ закрытыми глазами вслушивающимся въ него, съ той же тоской, съ той же безконечной грустью въ душѣ.

Шли годы моего дѣтства, шли годы моей весенней молодости и теперь идутъ годы жизни все дальше, все дальше и безъ возврата—и снова я стою надъ потокомъ съ тою же тоской въ душѣ, съ той же безконечной грустью...

Какъ будто мнѣ жаль чего-то, что я потерялъ, и чего-то, что не придетъ; какъ будто меня печалитъ потеря чего-то дорогого мнѣ, чего я не видѣлъ, а только могу предчувствовать, что оно существуетъ; какъ будто я тоскую по чемъ-то, что уходитъ, и что никогда не приходило ко мнѣ...

Сколько разъ я протягивалъ руки къ улыбкамъ судьбы, которыя обманывали меня—и потомъ снова стоялъ надъ этимъ горнымъ потокомъ, съ закрытыми глазами, вслушиваясь въ его шумъ, монотонный и вѣчный, съ той же тоской и съ той же безконечной грустью въ душѣ...

Неужели такъ будетъ всегда?

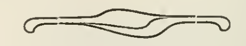
И никогда, никогда надъ этимъ шумящимъ потокомъ у меня не будетъ въ душѣ другого чувства, какъ только эта тоска и эта безконечная грусть?

К. Тетмайеръ.

Изъ еврейскихъ мелодій.

— Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милаго звучитъ:
— „Отвори, моя невѣста, отвори!
Догорѣло пламя алое зари;
Надъ лугами, надъ шелковыми,
Бродитъ бѣлая роса
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная—
Отвори мнѣ, ненаглядная!“
— Я одежды легкотканныя сняла,
Я омыла мои ноги и легла;
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?—
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекратною волной,
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ;
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчатъ.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ...
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною!

Л. А. Мей.



Альбатросъ.

Изъ Ш. Бодлэра.

Когда въ морскомъ пути тоска беретъ матросовъ,
Они, досужій часъ желая скоротать,
Безпечныхъ ловятъ птицъ, огромныхъ альбатросовъ,
Что встрѣчныя суда такъ любятъ провожать.

И вотъ, когда царя любимаго лазури
На палубѣ кладутъ,—онъ снѣжныхъ два крыла,
Умѣвшихъ такъ легко парить навстрѣчу бурѣ,
Застѣнчиво влачитъ, какъ два большихъ весла.

Быстрѣйшій изъ гонцовъ, какъ грузно онъ ступаетъ!
Краса воздушныхъ странъ,—о какъ онъ сталъ смѣшонъ!
Дразня, тотъ въ клювъ ему табачный дымъ пускаетъ,
Тотъ веселитъ толпу, хромая, какъ и онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой! Ты также безъ усилья
Летаешь въ облакахъ средь молній и громовъ,
Но исполинскія тебѣ мѣшаютъ крылья
Внизу ходитъ, въ толпѣ, средь шиканья глупцовъ!

П. Я.

* * *

Тѣлами нашими устлали мы дорогу
И кровью нашихъ жилъ спаяли вамъ мосты.
Мы долго молча шли, взывая только къ Богу,
И намъ во слѣдъ легли могилы и кресты.
Порабощенные, мы съ петлею на шеѣ,
Въ цѣпяхъ, во тьмѣ брели безъ пѣсенъ боевыхъ.
Погибло много насъ—зато теперь свѣтлѣе!
И вотъ идете вы, рать новыхъ, молодыхъ!
Такъ много васъ теперь, что дрогнуло все злое!
Идетъ гроза небесъ, близка борьба громовъ!

И ваша пѣснь звучитъ, какъ при началѣ боя
Въ горящемъ городѣ набатъ колоколовъ.
Идите же смѣлѣй и пойте пѣснь свободы!
Вѣдь только для нея, страдая, гибли мы,
Лишь этихъ пѣсенъ мы въ былые дни невзгоды
Такъ страстно жаждали подъ сводами тюрьмы!

Скиталецъ.

* * *

Изъ М. Бешикташляна.

Нависъ утёсъ надъ кручей горъ...
Тамъ блѣдный юноша сидитъ.
По скаламъ вдумчиво скользитъ
Его угрюмый, мрачный взоръ.
—„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль хочешь ты, чтобъ синій валъ
Тебѣ на сумрачныхъ волнахъ,
Какъ на грохочущихъ струнахъ,
Свою мелодію сыгралъ?
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль, можетъ быть, хотѣлъ бы ты,
Чтобъ небосводъ тебѣ дарилъ
Улыбку ласковыхъ свѣтилъ,
И улыбались бы цвѣты?..
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль, можетъ быть, ты ждешь, что мать
И та, которой преданъ ты,
Придутъ въ печали утѣшать,
Разсѣютъ мрачныя мечты?“
—„Я жажду пуль, кровавыхъ встрѣчъ,
Хочу въ рукахъ держать я мечъ!“

Л. Уманецъ.

И. З. Суриковъ.

* * *

Я, весь измученный тяжелою работой,
Сижу въ ночной тиши, окончивъ трудъ дневной.
Болитъ моя душа, истерзана заботой,
И ноетъ грудь моя, надорвана тоской.

Проходитъ жизнь моя темно и безотрадно;
Грядущее мое мнѣ счастья не сулитъ,
И то, къ чему я рвусь душой моей такъ жадно,
Меня едва ли чѣмъ отраднымъ подаритъ.

Мнѣ суждено всегда встрѣчать одни лишенья
Да мучиться въ душѣ тяжелою тоской,
И думать объ одномъ, что всѣ мои стремленья
Безплодно пропадутъ, убиты жизни тьмой.

Суровыхъ, тяжкихъ дней прожито мной довольно,
И много силъ души истрачено въ борьбѣ,—
И дума горькая встаетъ въ душѣ невольно:
За трату этихъ силъ что́ добылъ я себѣ?

Одно безцвѣтное, пустое жизни поле,
Гдѣ не на чемъ кругомъ очей остановить,—

И, жаждою томясь, грустишь о горькой долѣ,
Что нечѣмъ жажды той душевной утолить.

И голову въ тоскѣ на грудь невольно склонишь,
И жизни въ этотъ часъ не радъ я, какъ врагу;
И горькую слезу въ ночной тиши уронишь...
Зачѣмъ изъ этой тьмы я выйти не могу?

И. З. Суриковъ.

* * *

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во機ракѣ былого!
Ты гибло въ темницахъ, среди рудниковъ,
Томилось въ неволѣ подъ гнетомъ оковъ.

* * *

Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча.

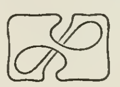
* * *

Свободное слово, великое слово,—
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ Прометей,
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей!..

* * *

Но годы промчатся—ты смѣло воспрянешь,
И, сильное правдой, любовью, добромъ,
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ!

О. Н. Чюмина.



Эдельвейсъ.

Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣваютъ вершины Альпъ, и царитъ надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ.

Безгранична пустыня небесъ надъ вершинами горъ, и безчисленны грустныя очи свѣтилъ надъ снѣгами вершинъ.

У подножія горъ, тамъ, на тѣсныхъ равнинахъ земли, жизнь, тревожно волнуясь, ростетъ и страдаетъ усталый владыка равнинъ—человѣкъ.

Въ темныхъ ямахъ земли стонъ и смѣхъ, крики ярости, шопотъ любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!... Но безмолвія горныхъ вершинъ и безстрастія звѣздъ—не смущаютъ тяжелые вздохи людей.

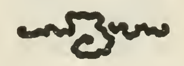
Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣваютъ вершины Альпъ, и царитъ надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ.

Но, какъ будто затѣмъ, чтобъ кому-то сказать о несчастьяхъ земли и о мукахъ усталыхъ людей,—у подножія льдовъ, въ царствѣ вѣчно-нѣмой тишины одиноко ростетъ грустный горный цвѣтокъ—Эдельвейсъ...

А надъ нимъ, въ безконечной пустынѣ небесъ, молча, гордое солнце плыветъ, грустно свѣтитъ нѣмая луна и безмолвно, и трепетно звѣзды горятъ...

И холодный покровъ тишины, опускаясь съ небесъ, обнимаетъ и ночью, и днемъ одинокій цвѣтокъ—Эдельвесъ.

М. Горькій.



* * *

Я грущу о солнцѣ жизни,—я грущу
о Красотѣ.
Я глубоко, страстно вѣренъ расцвѣтающей
мечтѣ.
Скоро-скоро, полнъ печали, я уйду
отъ васъ, уйду,
Къ солнцу, къ звѣздамъ, выше, дальше,
очарованный, пойду.
Вы, жестокіе, вы, злые, утонувшіе въ крови,
Не узнаете блаженства, не познаете любви...

* * *

Встанетъ утро, вспыхнетъ солнце, тамъ,
вдали, навстрѣчу мнѣ,—
Затрепещутъ въ сердцѣ пѣсни—гимны
Солнцу и Веснѣ.
И, быть можетъ, донесутся пѣсни дивныя
и къ вамъ,
Вешнимъ громомъ отзовутся по долинамъ,
по горамъ...
И, быть можетъ, громъ весенній тьму
ночную разобьетъ,
Васъ, жестокіе и злые, къ солнцу жизни
поведетъ...
Откликайтесь всѣ, кто вѣренъ
расцвѣтающей мечтѣ,
Кто грустить о солнцѣ жизни—
о Безсмертной красотѣ!...

Г. Вяткинъ.

Въ предутренней мглѣ.

Я поздно вернулся и легъ на постель.
За окнами глухо гудѣла мятель,
За окнами, скрытый предутренней мглой,
Раскинулся городъ, во снѣ, но живой.

Такъ странно, такъ жутко казалося мнѣ
Забыться предъ утромъ въ больномъ полуснѣ,
И чутко-тревоженъ былъ блѣдный мой сонъ,
И вдругъ мнѣ послышался медленный звонъ.

Ударъ раздавался и вновь замиралъ,
На цѣпь многоточій дробился хоралъ,
И каждая точка въ цѣпи звуковой
Надъ бездной скользила упругой волной.

И каждая точка съ пристанища норъ
Врывалась, какъ грозный, нещадный укоръ,
И, вновь поднимаясь въ беззвѣздную высь,
Взывала надменно: вставай и молись!

Слѣдя однозвучный и жуткій напѣвъ,
Смиряя въ груди непонятный свой гнѣвъ,
Я скоро услышалъ какой-то другой
Напѣвъ, что вплетался межъ первымъ змѣей.

Онъ лился, какъ влага густого вина
Смолистой струей изъ глубокаго дна,
И душу давилъ, какъ сѣдой потолокъ,
Угрюмый, холодный, чугунный гудокъ.

Вползая въ уюты больной нищеты,
Сгонялъ онъ налеты мгновенной мечты
И, вновь ускользая въ туманную высь,
Твердилъ равнодушно: вставай и трудись!

И долго, обнявшись, двѣ дружныхъ волны
Скользили по высямъ ночной тишины,
Вѣщая во мглѣ, что настàлъ, какъ всегда,
День рабской молитвы, нужды и труда.

А. Курсинскій.

Осеннее прощаніе Эльфа.

Въ небѣ благость, въ небѣ радость, солнце
Льетъ живую сладость. Солнцу—вѣрность!
Солнцу—вздохъ!
Но листокъ родного клена, прежде сочный
и зеленый, наклонился и засохъ.

Въ небѣ снова ясность мая, облака проходятъ, тая,
въ завлекательную даль,
Но часы тепла короче, холоднѣй сырыя ночи, отлетѣ-
тѣвшихъ птичекъ жаль.

Ахъ! гдѣ тихо ропщутъ воды, вновь составить хо-
роводы легкихъ братьевъ и сестеръ!
Но никто не слышитъ зова, и гудитъ въ отвѣтъ
сурово порѣдѣвшій, строгій боръ.

Вѣютъ струи аромата и по нивѣ, грустно сжатой,
и по скошеннымъ лугамъ,
Но ни бабочекъ блестящихъ, ни стрекозъ, въ лучѣ
дрожащихъ, не видать ни здѣсь, ни тамъ!

Гдѣ вы, братья! сестры, гдѣ вы! наши пляски и
напѣвы—отзвенѣли, отошли!
Сгибнуть эльфамъ легкокрылымъ, вмѣстѣ съ авгу-
стомъ унылымъ, вмѣстѣ съ прелестью земли!

Но сегодня въ небѣ радость, солнце льетъ, прощаясь,
сладость. Солнцу—вѣрность!
Солнцу—вздохъ!
Въ мигъ послѣднiй съ тѣмъ же гимномъ, здѣсь, въ
лѣсу гостепрiимномъ, упаду на сѣрый мохъ!

Валерiй Брюсовъ.

Въ безднѣ.

Я въ темной безднѣ, во мракѣ ночи,
Гдѣ вьется воронъ, шипитъ змѣя.
Уста не ропщутъ, не плачутъ очи
И безнадежна душа моя.

Явись, надежда, на возвращенье
Туда, гдѣ небо, цвѣты земли,
Гдѣ шумъ дубравы, людей движенье,
Гдѣ дни блаженства мои текли!

Я въ темной безднѣ, я поднялъ очи,
Ищу лазури... Но свѣта нѣтъ!
И вѣетъ сырость во мракѣ ночи...
Зажгитесь, звѣзды, явися, свѣтъ!

Заря, заря, свѣти побѣднѣй!
Но если вѣчно не взглянетъ твердь,
Звучите стоны тоски послѣдней,
Послѣдней ночи!.. Явися, смерть!

К. Фофановъ.

Пѣсня.

Изъ поэмы „Пиръ на весь мiръ“.

Средь мiра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути:
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ идти.
Одна—просторная
Дорога торная...
Страстей раба.
По ней громадная,
Къ соблазну жадная,
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна;
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда-война
За блага бренныя;
Тамъ—души плѣнныя.
Въ цѣпяхъ умы;
Ключомъ кипящая,
Тамъ—жизнь мертвящая,
Тамъ царство тьмы...
Другая—тѣсная
Дорога честная.
По ней идутъ
Лишь души сильныя,
Любвеобильныя,—
На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго...
Умножь ихъ кругъ,—
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
И будь имъ другъ!

Н. А. Некрасовъ.

Артистка М. А. Потоцкая.

Лихо.

Кто это возлѣ меня засмѣялся такъ тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мнѣ привязалось давно, съ колыбели,
Лихо стояло и возлѣ крестильной купели,
Лихо за мною идетъ неотступною тѣнью,
Лихо уложитъ меня и въ могилу.
Лихо ужасное, врагъ и любви, и забвенью,
Кто тебѣ далъ эту силу?

Лихо ко мнѣ прижимается, шепчетъ мнѣ тихо:
„Я—безталанное, всѣми гонимое Лихо!
Въ чьемъ бы дому для себя уголокъ ни нашло я,
Всякъ меня гонитъ, не зная минуты покоя.
Только тебѣ побороться со мной недосужно,—
Странно мечтая, стремишься ты къ мукамъ,
Вотъ почему я съ твоею душою такъ дружно,
Какъ отголосокъ со звукомъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Ночлегъ Витикинда.

Ихъ двое шло, ночной порою,
Въ глухомъ, дремучемъ соснякѣ,
Какъ будто съ бою или къ бою,
Въ нагрудникахъ, съ мечемъ въ рукѣ,

Смотря сердито изъ-подъ шлема,
Могучіе богатыри;
И было дико все и нѣмо:
Кругомъ—лѣса да пустыри.

Шли оба въ помыслѣ суровомъ
О темномъ дѣлѣ иль бѣдѣ,
Лишь изрѣдка мѣняясь словомъ:
— Ты Альфа видѣлъ?—Видѣлъ.—Гдѣ?

— У рва, гдѣ выдержалъ онъ снова,
Стоя съ своими впереди,
Напоръ противниковъ.—Живого?
— Убитаго, съ копьемъ въ груди.

— Гдѣ Убальдъ?—Палъ съ своимъ отрядомъ,—
И смолкла вновь межъ ними рѣчь.
Спросившій со свирѣпымъ взглядомъ
Рукою стиснулъ тяжкій мечъ.

Вылъ злѣе вѣтеръ бурнымъ взрывомъ;
Темнѣе мракъ на землю легъ,
Сквозь сосны, подъ крутымъ обрывомъ,
Мелькнулъ вдругъ дальній огонекъ.

— Ого! намъ отдыхъ будетъ скоро;
Тамъ есть ночлегъ какой-нибудь.—
Пошли они туда, средь бора
Мечомъ прорубливая путь.

Вернулся угольщикъ. Въ тревогѣ
Его давно жена ждала,
Стоя съ ребенкомъ на порогѣ:
— „Какія вѣсти изъ села?“

Придвинулись къ огню, мальчишка
Сидитъ, смотря отцу въ глаза.

— Вѣстей хорошихъ нѣтъ излишка,
Подходитъ снова къ намъ гроза.

Ущелья наши какъ ни глухи,
Намъ безъ бѣды остаться врядъ;
Плохіе нынче ходятъ слухи.
Повсюду люди говорятъ,

Что былъ за лѣсомъ бой жестокой,
Что герцогъ Витикиндъ опять
Въ одной равнинѣ недалекой
На франковъ сильно двинулъ рать;

Что саксы грудами тамъ пали,
Что и народа твердый щитъ—
Графъ Альфъ погибъ и что едва ли
Самъ грозный герцогъ не убитъ.

Въ селеньяхъ горе и забота;
Къ намъ время лютое пришло!...
Чу! что за шелестъ? словно кто-то
Идетъ, ступая тяжело.

Вотъ слышишь: подошли къ забору;
Пойду взгляну я.—„Что смотрѣть?
Кому бродить объ эту пору
Въ пустынѣ? Лѣшій иль медвѣдь“.

Зовутъ. Жена глядитъ въ испугѣ,
Мужъ съ двери крѣпкій снялъ замокъ:
Ступили, въ шлемѣ и кольчугѣ,
Два грозныхъ гостя чрезъ порогъ.

— „Хозяинъ, дай ночлегъ.“—И сѣли,
Угрюмые, передъ огнемъ.—
„Какія бъ ни были постели,
Нѣтъ нужды, мы на нихъ заснемъ“.

И шлемъ, надвинутый надъ бровью,
Снялъ старшій; вкругъ главы вилась
Повязка, смоченная кровью.
Повелъ онъ взоромъ дикихъ глазъ,

На тяжкій мечъ склонясь устало,
Вокругъ убогаго жилья,

Гдѣ молча ужинъ припасала
Пришельцамъ бѣдная семья.

И на челѣ его суровомъ
Сгущался гнѣвной тучи мракъ.
И вспыхнуло въ огнѣ багровомъ
Его лицо:—„Скажи землякъ,

Къ чему тамъ на стѣнѣ, надъ входомъ,
Тѣ двѣ проведены черты,
Которымъ снова мимоходомъ
Какъ будто поклонился ты?“

Смутился угольщикъ, отвѣта
Онъ дать не знаетъ злымъ гостямъ:
—„Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя тамъ“.—

И, скрыть стараясь думъ волненье,
Онъ взоръ потупилъ.—„Если такъ,
Исполни же мое велѣнье:
Пойди и плюнь на этотъ знакъ“.

Хозяинъ дрогнулъ, какъ стрѣлою
Пронзенный! бросилъ на своихъ
Онъ взглядъ, исполненный тоскою,
Съ устъ вздохъ сорвался—и утихъ.

И гостю житель хаты бѣдный,
Какъ безпощадному врагу,
Взглянулъ въ лицо и молвилъ, блѣдный:
—„Хоть убивайте, не могу!“

Всталъ богатырь съ улыбкой ярой
Съ скамейки.—„Видитъ же Воданъ!
Пройду я здѣсь тяжелой карой;
Не пощажу я христіанъ!

Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу:
Бери топоръ,—тебя безъ стычки,
Какъ тварь, зарѣзать не хочу“.

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула.—„Становись къ борьбѣ,

И помолись своей молитвой,
Чтобъ посчастливилось тебѣ.

Нѣтъ лучшаго тебѣ совѣта:
Надежда насъ смягчить пуста,—
Я герцогъ Витикиндъ, а это
Графъ Гуннаръ, злѣйшій врагъ Христа".

Стоялъ хозяинъ безъ движенья,
Смерть ожидая; пала въ прахъ
Жена предъ знакомъ искупленья
Съ мольбой, замершей на устахъ.

Схватилъ ребенокъ ножъ и рядомъ
Съ отцомъ, къ сраженію готовъ,
Онъ сталъ и молвилъ, мѣря взглядомъ
Обоихъ яростныхъ бойцовъ:

— „Отецъ! храбрися! станемъ смѣло!
Что намъ боятся этихъ злыхъ?
Еще не кончено вѣдь дѣло,—
Насъ также двое противъ нихъ".

Остановился вождь сердитый,
Притихъ, на мальчика смотря.
Ложился отблескъ думы скрытой
На грозный ликъ богатыря.

—„Нѣтъ!—выговорилъ онъ, и звонко
Мечъ зазвенѣлъ, въ ножны скользя,—
Нѣтъ, Гуннаръ! Этого ребенка
Губить не слѣдуетъ—нельзя".

И оба укрѣпили снова
Свои доспѣхи и пошли;
И стихъ средь пустыря ночного
Звукъ шага тяжкаго вдали.

К. К. Павловъ.

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій...
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное „я“,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда безотрадно, блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ въ то время сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы.
Тоска роковая, убійца-тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.
Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?
. . . .
. . . .

А. И Полежаевъ.

Артистъ Н. Н. Ходотовъ.

Минувшіе дни.

Изъ П. Шелли.

Какъ тѣнь дорогая умершаго друга—
Минузшіе дни.
Цвѣты—невозвратно отцвѣтшаго луга,
Мечты—чьи навѣки угасли огни,
Любовь—съ беззавѣтною жаждой другъ друга—
Минувшіе дни.

Насъ нѣжно ласкали тогда сновидѣнья,
Въ минувшіе дни.
Была ли въ нихъ радость, иль было мученье,
Намъ были такъ сладко желанны они,
Мы ждали еще, о, еще упоенья,
Въ минувшіе дни.

Намъ грустно, намъ больно, когда вспоминаемъ
Минувшіе дни.
И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
И мукѣ сказать не умѣемъ: „Усни",
Такъ въ скорбную мы красоту обращаемъ
Минувшіе дни.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Въ безмолвіи ль полночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,-—
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Несчастья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена,
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ-будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга неизслѣдная:
„Дитя беззащитное,
Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!“

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
—Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!...

П. Я.

Ночью.

Во тьмѣ ледяной предразсвѣтной
   По улицамъ мертвымъ и гулкимъ
Грохочутъ телѣги.—
Ты слышишь?

Дрожатъ половицы и двери,
Проснувшись, дрожишь ты отъ страха.
Что въ этихъ телѣгахъ—
Ты знаешь?

Везутъ онѣ снова день жизни,
День злого насилья вселенной!
День рабства тупого.
Ты плачешь?

Вернись въ слѣпую ночь!
Сгори въ слѣпую ночь!

Конст. Эрбергъ.

* * *

Когда звѣздою путеводной
   Тебѣ чуть Истина блеснетъ,
Съ душою смѣлой и свободной
Спѣши, куда она зоветъ!

О, знай, мой братъ, нѣтъ выше доли—
Ее искать и ей служить,
Съ ея могучей, вѣчной волей
Всю жизнь свою стараться слить!

Что всѣ гоненья, всѣ угрозы,
Всѣ тернія ея пути,
И оскорбленій тяжкихъ слезы
Для тѣхъ, кому ее найти

Далось сквозь долгій мракъ исканій,
Сквозь боль тоски о ней одной,

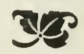
Сквозь мглу паденій и страданій
Души, сомнѣніемъ больной!

Что жизнь безъ Истины?—Ничто,
Тѣнь жизни, жалкое томленье,
Одинъ намекъ на бытіе,
Слѣпцовъ пустое сновидѣнье!

Лишь тотъ живетъ, чей умъ горитъ
Безсонной жаждой правды Божьей
И, отыскавъ ее, спѣшитъ
Порвать съ своей и общей ложью!

Лишь тотъ живетъ, кто жизнь кротовъ
Смѣнилъ на солнца блескъ, на вѣчно
Растущій свѣтъ... Тюрьму рабовъ—
На міръ свободы безконечной!

И. Горбуновъ-Посадовъ.



* * *

Словно какъ лебеди бѣлые
        Дремлютъ и очи сомкнули,
Тихо качаясь надъ озеромъ,
        Такъ ея чувства уснули...

Словно какъ лотосы нѣжные,
        Лики сокрывъ восковые,
Спятъ надъ глубокой пучиною
        Грезы ея молодыя...

Вы просыпайтеся, лебеди,
        Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте же, лотосы,
        Вашу красу восковую!

Въ небѣ заря, утро красное...
        Здѣсь я... и жду пробужденья,
Свѣтомъ любви озаряемый
        Въ тихой мольбѣ пѣснопѣнья.

К. К. Случевскій.

Я хочу быть свободной.

Я хочу быть свободной,
Свободной,
Точно вѣтеръ холодный
Иль жгучій,
Что играетъ съ небесною тучей.

* * *

Я хочу быть свободной,
Свободной,
Какъ потокъ многоводный,
Мятежный,
Что стремится къ пучинѣ безбрежной.

* * *

Я хочу быть свободной,
Свободной,
Какъ орелъ благородный,
Могучій,
Что витаетъ надъ горною кручей.

* * *

Да, я жажду свободы,
Свободы!
Пусть живу я не годы—
Мгновенья:
Въ ней восторгъ, въ ней огонь вдохновенья...
Я умру, я умру безъ свободы!..

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

* * *

Я сотку свою пѣснь не изъ счастья и грезъ,
Не изъ солнечныхъ яркихъ лучей,—
Пѣснь свою я скую изъ страданій, и слезъ,
И изъ муки безсонныхъ ночей.
И рыданій, и стоновъ, и горя полна,
Прозвенитъ моя пѣснь надъ землей,
И пробудитъ людей отъ ихъ крѣпкаго сна,
И нарушитъ ихъ сытый покой,
И зажжетъ она скорбью людскія сердца,
И заставитъ счастливыхъ страдать,
И сама надъ страданьемъ людскимъ безъ конца
Будетъ пѣснь та звенѣть и рыдать.

Бескинъ.

* * *

Отвори свою дверь,
И ограду кругомъ обойди:
Неспокойно теперь,—
Не ложись, не засни, подожди.

Можетъ быть, въ эту ночь
И тебя позоветъ кто-нибудь.
Поспѣшишь ли помочь?
И пойдешь ли въ невѣдомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьмѣ, за стѣной
Станетъ кто-нибудь звать,
Одинокій, усталый, больной.

Выходи къ воротамъ,
И фонарь предъ собою неси.
Хоть бы сгинулъ ты самъ,
Но того, кто взываетъ, спаси.

Θедоръ Сологубъ.

С. Найденовъ.

Дѣти Ванюшина.

(Изъ II-го дѣйствія).

Приготовленъ обѣденный столъ для всей семьи Ванюшина. Сервировка простая: груды чернаго и бѣлаго хлѣба; огромные графины съ домашними квасомъ и пивомъ.

Акулина (вноситъ огромную миску съ супомъ).

Константинъ. (Крича) Папаша, что вы тамъ? Я ѣсть хочу. (Садится за столъ) Безобразіе! Не достаетъ, чтобы ѣли изъ одной плошки!

(Входятъ Ванюшинъ и Арина Ивановна. Ванюшинъ въ недурномъ настроеніи духа, но на него дѣйствуетъ хмурный и недовольный Константинъ, и скоро онъ самъ становится мраченъ).

Ванюшинъ. (Обращается къ стоящей у буфета Леночкѣ) Что носъ то, сычъ, повѣсила?

Леночка. Такъ, дядя... Я не повѣсила.

Ванюшинъ. (Кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ) Эй, вы, вшивая команда, обѣдать!

(Всѣ садятся за столъ. Сверху сходятъ Аня и Катя. Онѣ держатъ себя натянуто и принужденно. Ванюшинъ разливаетъ супъ, каждый подставляетъ свою тарелку и ждетъ очереди).

Ванюшинъ. А Людмила гдѣ?

Арина Ивановна. Вотъ она.

Людмила сходитъ съ лѣстницы; она очень дурно себя чувствуетъ и присутствуетъ за обѣдомъ только по необходимости).

Ванюшинъ. (Обращаясь къ Людмилѣ) Давай тарелку. (Къ Анѣ) Погоди, скороспѣлка! (Наливаетъ сначала Людмилѣ, потомъ Анѣ). А что „нижнихъ“ нѣтъ? (Обращается къ Катѣ). Постучи имъ. (Катя кочергой стучитъ въ полъ)

Константинъ. Какъ будто бы безъ нихъ нельзя.

Ванюшинъ. А тебѣ жалко?

Константинъ. Не жалко, а только странно, — ни одного обѣда безъ нихъ.

Арина Ивановна. Онѝ ужъ три дня не обѣдали.

Константинъ. Надо на стѣнѣ записать.

Ванюшинъ. (Обращается къ Анѣ). Ѣшь хорошенько. Чего выбираешь, ковырялка?

Аня. Я морковь не люблю.

Ванюшинъ. Ѣшь все.

(Молча продолжаютъ ѣсть. Входятъ Щеткины).

Щеткинъ. А мы только что сѣли за столъ съ Клавдюшей.

Клавдія. У насъ сегодня индѣйка.

Ванюшинъ. Садитесь. Жареная индѣйка не убѣжитъ.

(Щеткины садятся.)

Ванюшинъ. (Смотритъ на Людмилу и, понимая ее настроеніе, хочетъ ее ободрить, сказать ей что-либо ласковое). Ты что, вдова, жеманишься?

(Обиженная Людмила выходитъ изъ-за стола).

Арина Ивановна. Куда же ты, Людмилочка? Папаша вѣдь пошутилъ.

Константинъ. Такъ не шутятъ. (Обращаясь къ отцу) Безтактно!

Ванюшинъ. Садись. Отцу-то пошутить нельзя? (Людмила садится). Пальцемъ до васъ не дотронься.

Константинъ. Вы бревномъ тычете.

Щеткинъ. Есть за папашей этотъ грѣшокъ.

(Обращаясь къ Константину). Наконецъ-то мы съ вами хоть въ одномъ сошлись...

Константинъ. Очень сожалѣю.

Леночка. Полно, Костенька!

(Входитъ Алексѣй съ напускною развязностью. Онъ съ утра бродилъ по улицамъ города и думалъ, какъ сообщить дома о своемъ увольненіи изъ гимназіи. И вотъ теперь, утомленный, онъ входитъ въ столовую, пересиливъ стыдъ и рѣшившись на все; раздѣвается въ передней и, съ ранцемъ въ рукахъ, идетъ и останавливается на лѣстницѣ).

Арина Ивановна. Алешенька, куда же ты?

Алексѣй. Папаша, меня выгнали изъ гимназіи.

Всѣ. Что?

Алексѣй. Меня выгнали изъ гимназіи.

Ванюшинъ. Дождался!.. (Бросаетъ въ него ложкой и не попадаетъ) Ахъ, ты!.. Кидается за нимъ. Алексѣй вбѣгаетъ наверхъ. Ванюшинъ догоняетъ его и, спотыкаясь на лѣстницѣ, убѣгаетъ за нимъ. Изъ-за стола всѣ встали. Аня и Леночка хотѣли было бѣжать наверхъ, но остановились на лѣстницѣ. Всѣ чего-то ждутъ и прислушиваются. Сверху слышенъ голосъ Алексѣя: „Оставьте! Я не позволю, не позволю!" Падаетъ что-то тяжелое, должно быть, стулъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣй показывается на лѣстницѣ. Волосы его растрепаны; отъ мундира оторвалось нѣсколько пуговицъ)

Алексѣй. Бить? Никогда! Ни за что! (Вбѣгаетъ въ переднюю, схватываетъ пальто. Ванюшинъ стоитъ наверху лѣстницы и держится за перила. Отъ волненія онъ съ трудомъ можетъ говорить).

Ванюшинъ. Не давайте пальто, не давайте!

(Алексѣй бросаетъ пальто на полъ).

Алексѣй. Не надо... Не давайте! (Выбѣгаетъ въ сѣни, за нимъ Аня и Арина Ивановна. Ванюшинъ держится за перила и, шатаясь, спускается съ лѣстницы. Леночка его поддерживаетъ и уводитъ).

Клавдія. Куда онъ побѣгъ?

Людмила. (Съ безпокойствомъ) Какъ бы надъ собой онъ чего не сдѣлалъ..

Константинъ. Ничего не будетъ.

Клавдія. (Обращаясь къ мужу) Павликъ, ты пошелъ бы...

Щеткинъ. Ну вотъ еще! Онъ какъ звѣрь.

(Анна и Арина Ивановна возвращаются)

Арина Ивановна. Напротивъ убѣжалъ, къ Араповымъ.

(Аня беретъ пальто и фуражку Алексѣя)

Аня. Я съ Акулиной пошлю ему. (Уходитъ въ сѣни).

Арина Ивановна. Гдѣ самъ-то? Что съ нимъ? (Уходитъ).

Щеткинъ. Я всегда говорилъ, что онъ что-нибудь выкинетъ. Оболтусъ!

Константинъ. Дуракъ! Я знаю, за что его выгнали. Предупреждалъ его, такъ нѣтъ. Влюбился, потерялъ голову.

Клавдія. Ужъ что онъ только не продѣлывалъ! А, говорятъ, дрянь какая-то, хористка изъ театра.

Щеткинъ. Я видѣлъ его третьяго дня съ ней на извозчикѣ.

(Входитъ Аня).

Константинъ. По нѣсколько дней въ гимназіи не бывалъ,—у нея сидѣлъ.

Людмила. (Обращаясь къ Константину). А ты бы вотъ къ ней поѣхалъ, да и отчиталъ бы ее хорошенько. Вѣдь это подло съ ея стороны.

Константинъ. Былъ... Взялъ у нея пятьдесятъ рублей.

Клавдія. Такъ это онъ для нея укралъ. Ты что же мамашѣ-то не отдалъ?

Константинъ. Не твое дѣло—отдамъ.

(Авдотья вноситъ второе блюдо—огромный кусокъ телятины).

Клавдія. Какъ же не мое дѣло, Костенька? Я, вѣдь, мамашѣ деньги дала.

Щеткинъ. Дѣтскія, изъ копилки. Мы не обязаны давать.

Константинъ. Вамъ тоже не обязаны, да даютъ...

Щеткинъ. Нѣтъ, это позвольте! Я имѣю нравственное право. Папаша не отрицаетъ его, и вы напрасно злитесь. А вотъ это странно, что вы не возвращаете взятыя у хористки деньги и украденныя вашимъ братомъ.

Константинъ. Довольно! (Вынимаетъ деньги

и кидаетъ Щеткину) Возьмите!—Людмила, скажи мамашѣ, что я отдалъ за нее деньги Щеткинымъ. Обѣдать я не буду. Въ своемъ домѣ не даютъ ѣсть!

(Уходитъ въ свою комнату).

Людмила. И когда вы перестанете ссориться?

Щеткинъ. А вы, Людмила Александровна, думали, что за недѣлю вашего отсутствія все перемѣнилосъ? (Смѣется) Въ этомъ домѣ никогда ничего не перемѣнится. По-моему, въ курной избѣ съ мужиками жить лучше, чѣмъ здѣсь. Глупо вы сдѣлали, что пріѣхали.

Клавдія. Павликъ, перестань.

Щеткинъ. Не перестану. Я правъ, и всегда скажу правду въ глаза. Скандальнѣе дома Ванюшина нѣтъ во всемъ городѣ, только здѣсь все дѣлается шито и крыто.

(Входитъ Леночка).

Щеткинъ. (Говоритъ громко, стараясь, чтобы слышалъ Константинъ). Гдѣ, въ какой семьѣ мальчишки-гимназисты имѣютъ содержанокъ? Примѣръ старшаго брата очень заразителенъ,—я не удивляюсь Алексѣю. Оттягивать у родственниковъ, у родной сестры, для побочной семьи... Очень хорошо!

Клавдія. Павликъ, перестань!

Леночка. У Кости нѣтъ никакой побочной семьи. Вы говорите неправду.

Щеткинъ. Ахъ, оставьте! Знаютъ всѣ въ городѣ. Кассирша изъ магазина Павленкова ходитъ въ шелкахъ и бархатѣ. Всѣмъ извѣстно, кто ее одѣваетъ, какъ куклу и камелію.

Леночка. Неправда.

Людмила. Правда это или неправда, только вамъ-то не слѣдовало бы говорить этого, да еще при дѣвочкахъ. Простите меня, Павелъ Сергѣевичъ, вы много грязи и ссоры вносите въ нашу семью.

Щеткинъ. „Въ нашу семью"! Заступаетесь за нашу семью! Напрасно, долго вамъ здѣсь жить не придется.

Клавдія. Перестань!

Щеткинъ. Ты можешь оставаться на этомъ

миломъ званомъ обѣдѣ, а я—слуга покорный. Кусокъ въ горлѣ застрянетъ. (Уходитъ).

Леночка. Хорошо, что ушелъ. Костенька услыхалъ бы—бѣда была бы.

Клавдія. Онъ раздражительный — наговоритъ, а потомъ самъ кается.

(Входитъ Арина Ивановна)

Арина Ивановна. Кушайте однѣ. Самъ-то легъ, ужъ больно разстроился. Компрессъ ему на голову положила, успокоительныхъ капель дала.

Клавдія. Какой тутъ обѣдъ! (Закуриваетъ папиросу).

(Леночка и Катя садятся и ѣдятъ).

Арина Ивановна. Что будетъ съ Алешенькой—не знаю!.. Надо ему покушать наверху оставить: ночью придетъ—съѣстъ. Вотъ, Людмилочка, какъ у насъ дѣла идутъ... изъ рукъ вонъ, просто изъ рукъ вонъ.

Людмила. А вы не разстраивайтесь, мамаша. Вы думаете, только у насъ въ семьѣ такъ?.. Есть такія семьи!

. . . .

Входятъ Константинъ и Ванюшинъ. (Константинъ одѣвается).

Константинъ. Я для васъ много сдѣлалъ... Я бросилъ карьеру, не пошелъ въ университетъ, засѣлъ за прилавокъ, чтобы помогать вамъ, но этого вы не цѣните... Вы хотите, чтобы я самое дорогое, что у меня осталось, и къ чему сводится весь смыслъ моей жизни—мою будущую семью—принесъ съ жертву, ради пьянаго приказчика изъ Москвы, для того только, чтобы въ глазахъ другихъ облагородить мою сестру. Вы можете считать меня дурнымъ сынсмъ, но я этого сдѣлать не могу, не могу жениться на вашей Распоповой или Раскоповой какой-то тамъ. (Хочетъ идти).

Ванюшинъ. Постой! Вѣдь онъ по всей Москвѣ разблаговѣтитъ. Скажутъ, Ванюшинъ не далъ денегъ, грошей не далъ... Кредита не будетъ. Какъ торговать-то мы съ тобою будемъ?

Константинъ. Кредитъ будетъ. Это вздоръ.

Ванюшинъ. А съ какими глазами мы въ Москву-то покажемся? Да я скорѣе въ гробъ лягу, чѣмъ поѣду туда.

Константинъ. Итакъ, значитъ, одинъ выходъ: я долженъ жениться. Этого я не сдѣлаю! Пускай лучше все въ трубу вылетитъ! Я проживу и безъ торговли.

Ванюшинъ. Врешь! Ѣсть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это говоришь, пыль въ глаза мнѣ, старику пускаешь, дурачишь отца. Денегъ не хочетъ! Знаю, какъ ты не хочешь... Не хотѣлъ бы, такъ за прилавокъ-то не сѣлъ бы; онѣ-то тебя и приковали къ прилавку. Выучился слова говорить, да и тычешь ими въ носъ. „Въ университетъ пошелъ бы! Помогаю вамъ". Помощникъ, дери тебя горой! Сказалъ бы просто, что ни мнѣ, ни сестрѣ, ни дѣлу помочь не хочешь...

Константинъ. Надѣюсь, вы кончили? Я васъ слушалъ только потому, что вы мой отецъ. (Уходитъ и сильно ударяетъ дверью).

(Въ столовой почти темно. Ванюшинъ садится у стола. Смотритъ въ одну точку и напряженно о чемъ-то думаетъ).

Ванюшинъ. Не поправишься... Нѣтъ... Что дѣлать то? (Кладетъ руку на голову).

(Арина Ивановна робко и тихо подходитъ къ нему. Онъ не видитъ ея).

Ванюшинъ. Что дѣлать-то? Голова кругомъ...

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ что съ тобой? Зачѣмъ всталъ-то, ступай, лягъ.

Ванюшинъ. Божья старушка, научи, скажи что-нибудь... Руки у меня опускаются...

Арина Ивановна. Я Клавдиньку съ Людмилочкой позову.

Ванюшинъ. Не надо. И не говори имъ ничего про меня. Несчастныя всѣ, всѣ несчастныя!

Арина Ивановна. Да не убивайся ты... Все обойдется... Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдетъ...

Ванюшинъ. Не обойдется... нельзя, чтобы обойтись... Души у нихъ у всѣхъ несчастныя.

Арина Ивановна. Да про кого ты говоришь?

Ванюшинъ. Работать не могутъ, жить не могутъ... Старуха, кто у насъ дѣтей-то сдѣлалъ такими? Откуда они? Наши ли?

Арина Ивановна. Ужъ я не знаю, что ты и говоришь...

Ванюшинъ. Для нихъ старался, для нихъ дѣлалъ, и всѣмъ врагомъ сталъ.

Арина Ивановна. Грозенъ ты ужъ больно. Вонъ Алешеньку-то какъ перепугалъ.

Ванюшинъ. Грозенъ, боятся... А знаютъ ли они, какъ смотрѣть-то на нихъ жалко? Не чувствуютъ, ничего не чувствуютъ... Словно не отецъ я имъ.

Арина Ивановна. Я Алешенькѣ скажу.

Ванюшинъ. Не надо. Пусть думаютъ, что хотятъ про отца. Все равно, немного намъ съ тобой жить, какъ-нибудь доживемъ. Усталъ я сорокъ лѣтъ вести васъ. Рукой на все махну. Пусть живутъ, какъ хотятъ! И для чего работалъ? Для чего жилъ? Грошъ къ грошу кровью приклеивалъ... Суета ты, жизнь человѣческая! (Задумывается).

(Арина Ивановна уходитъ въ спальню и возвращается съ бутылкой святой воды; мочитъ ему голову).

Ванюшинъ. Что ты?

Арина Ивановна. Водицей святой изъ ключа Семиозерной пустыни.

Ванюшинъ. Вотъ ты мочила бы дѣтямъ-то головы, да не теперь, раньше... Оставь!

Арина Ивановна. Я за Костенькой пошлю.

Ванюшинъ. Не надо. Не смѣй говоритъ ничего никому. Мнѣ больнѣе будетъ... Слышишь—не смѣй! Я пойду, лягу. (Идетъ въ спальню, Арина Ивановна его поддерживаетъ) А ты молись. Я люблю, мнѣ легче, когда ты молишься (Уходятъ).

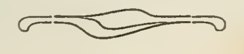
С. Найденовъ.

Артистъ С. И. Яковлевъ.

Колоколъ.

Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Міру уснувшему колоколъ пѣлъ...
Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Долго и гулко гудѣлъ...
Пѣлъ онъ съ угрозой, съ довѣрчивой лаской,
Съ горькою жалобой, дрогнувъ, стоналъ,
Громомъ взывающимъ, дѣтскою сказкой
Въ сумракъ глухой упадалъ.
Слышался въ звонѣ обѣтъ воскресенья,
Слышалась смерти суровая вѣсть,—
Возгласъ тоскующій сираго рвенья,
Жажда прощенья и месть...
Пѣлъ и въ полночь, и въ утро святое,
Съ бурей смѣялся и плакалъ въ тиши,
Но откликалось лишь эхо лѣсное,
Вмѣсто уснувшей души!
Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Міру безпечному колоколъ пѣлъ...
Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Тщетно о Богѣ гудѣлъ...

Ю. Балтрушайтисъ.



Лелли.

Изъ Эдгара По.

Исполненъ упрека,
Я жилъ одиноко
Въ затонѣ моихъ утомительныхъ дней,
Пока бѣлокурая нѣжная Лелли не стала стыдливой
невѣстой моей,
Пока златокудрая юная Лелли не стала счастливой
невѣстой моей.

Созвѣздія ночи
Темнѣе, чѣмъ очи
Красавицы-дѣвушки, милой моей.
И свѣтъ безтѣлесный
Вкругъ тучки небесной
Отъ ласково-лунныхъ жемчужныхъ лучей
Не можетъ сравниться съ волною небрежной ея
золотистыхъ воздушныхъ кудрей,
Съ волною кудрей свѣтлоглазой и скромной невѣсты-
красавицы, Лелли моей.

Теперь привидѣнья
Печали, Сомнѣнья
Боятся помедлить у нашихъ дверей.
И въ небѣ высокомъ
Блистательнымъ окомъ
Астарта горитъ все свѣтлѣй и свѣтлѣй.
И къ ней обращаетъ прекрасная Лелли сіянье сво-
ихъ материнскихъ очей,
Всегда обращаетъ къ ней юная Лелли фіалки своихъ
безмятежныхъ очей.

К. Д Бальмонтъ.

Перелетныя птицы.

Изъ Жана Ришпена.

Вотъ грязный заднiй дворъ, совсѣмъ обыкновен-
ный:
Конюшня, хлѣвъ свинной, коровникъ и сарай,
А въ глубинѣ овинъ подъ шляпой неизмѣнной
Соломенной своей.—Тутъ для животныхъ рай.
Тутъ вѣчно ѣстъ и пьетъ бездушная порода;
На солнышкѣ блеститъ навозъ, какъ золотой,
И дремлютъ сонныя канавъ и лужицъ воды,
Омывшiя весь дворъ вонючею рѣкой.
Вдали отъ мокроты и жирной кучи черной,
Тамъ, гдѣ навозъ просохъ и такъ овсомъ богатъ,
Хозяйка-курица разбрасываетъ зерна,
Гордясь семьей тупыхъ, прожорливыхъ цыплятъ.
Отецъ-пѣтухъ сидитъ повыше на телѣгѣ,
Доволенъ, жиренъ, сытъ,—свернулся онъ клубкомъ,
Онъ спитъ блаженнымъ сномъ, онъ утопаетъ въ
нѣгѣ,
И сонные глаза завѣсилъ гребешкомъ.
Вонъ плаваютъ въ пруду мечтательныя утки,
На тину устремивъ сентиментальный взглядъ,
И съ селезнемъ своимъ разъ по двѣнадцать въ
сутки
О радостяхъ любви законной говорятъ.
Рубиномъ, бирюзой на солнцѣ отливая,
На крышѣ высоко, подъ золотомъ лучей,
Нарядная сидитъ и радужная стая,
Семья породистыхъ, спесивыхъ голубей.
Какъ войско стройное, въ своихъ мундирахъ бѣлыхъ
Пасется въ сторонѣ красивый полкъ гусей;
А дальше—черный рядъ индюшекъ осовѣлыхъ,
Надутыхъ важностью и глупостью своей.
Здѣсь—царство, гордое своею грязью, саломъ,
Скотской счастливый бытъ разъѣвшихся мѣщанъ.
Въ помойной ямѣ—жизнь, съ навознымъ идеаломъ!
Здѣсь щедрою рукой удѣлъ блаженства данъ!
Да! счастливъ ты, индюкъ! И ты, мамаша-утка!

Утятамъ скажешь ты навѣрно въ смертный часъ:
„Живите такъ, какъ я... Не портите желудка...
Я—исполняла долгъ... Я—расплодила васъ!“
Ты исполняла долгъ?... Что значитъ „долгъ“ для утки?
Не то ли, что она весь вѣкъ въ грязи жила,
Да, выйдя на траву, топтала незабудки
И крылья мотылькамъ со злобою рвала?
Не то ль, что никогда порывы вдохновенья
Не грезилися ей въ тупомъ, тяжеломъ снѣ,
Что не было у ней неяснаго стремленья
На волѣ полетать при звѣздахъ, при лунѣ?
Что подъ перомъ у ней ни разу лихорадка
Не растопила жиръ, не разбудила кровь,
Не родила мечты—уйти изъ лужи гадкой
Туда—гдѣ свѣтъ, и жизнь, и чистая любовь...
Да! счастливы они! Не трогаетъ нимало
Ихъ ни одинъ живой, мучительный вопросъ,
И въ голову гусей отнюдь не забредало
Желаніе—имѣть другого цвѣта носъ...
Течетъ въ ихъ жилахъ кровь такъ плавно, тихо, мѣрно;
И гдѣ жъ волненьямъ быть, когда въ нихъ сердца нѣтъ?
Лежитъ у нихъ въ груди машинка съ боемъ вѣрнымъ,
Чтобъ знать, который часъ и скоро ли обѣдъ....
Да! счастливы они! Живетъ патріархально,
Спокойно, весело и сыто пошлый родъ...
Онъ у помойныхъ ямъ блаженствуетъ нахально,
По маковку въ грязи, набивъ навозомъ ротъ.
Да! счастливъ задній дворъ!...
Но вотъ надъ нимъ взвилася
Большая стая птицъ, какъ точка въ небесахъ...
Приблизилась... Растетъ, плыветъ—и пронеслася,
Нагнавъ на птичникъ весь непобѣдимый страхъ.
Вспорхнули голубки съ своей высокой крыши,
Испуганы они, валятся кувыркомъ;
Увидя, что полетъ тѣхъ птицъ гораздо выше,
Усѣлися въ пыли съ цыплятами рядкомъ.
Вотъ куры отъ земли приподняли головки,

Пѣтухъ, со-сна, вскочилъ и, съ гребнемъ на боку,
Застукалъ шпорами, какъ офицерикъ ловкій,
Воинственно крича свое „кукуреку!“
Что съ вами, господа?... Да будьте же спокойны!
Чего орешь, пѣтухъ?... Не докричишь до нихъ!...
Молчи... Они летятъ на берегъ дальній, знойный,
Не соблазнитъ ихъ видъ навозныхъ кучъ твоихъ!
Смотрите!—Въ синевѣ прозрачной утопая,
Далеко отъ земли, отъ рабства и цѣпей,
Летятъ онѣ стрѣлой, ни горъ не замѣчая,
Ни шума грозныхъ волнъ бушующихъ морей.
На эту вышину вамъ и глядѣть опасно.
Да... многія изъ нихъ погибнутъ на пути
И не увидятъ край свободный и прекрасный,
Гдѣ грезилося имъ свой рай земной найти.
У нихъ, какъ и у васъ, есть также жены, дѣти...
Могли бы жить онѣ въ курятникѣ, какъ вы,
Блаженствовать... Но имъ милѣй всего на свѣтѣ
Мечты—безумный бредъ ихъ гордой головы...
Истерзаны онѣ, и худы, и усталы...
Зато имъ наверху какъ дышится легко!..
И дикій ревъ стихій не страшенъ имъ нимало:
Ихъ крылья всѣмъ вѣтрамъ раскрыты широко!
Пусть буря перья рветъ, пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочитъ ихъ, сѣчетъ холодный градъ,—
Согрѣтыя лучомъ живительнымъ свободы,
Въ волшебный свѣтлый край отважныя летятъ.
Летятъ къ странѣ чудесъ, къ странѣ обѣтованной,
Гдѣ солнце золотитъ лазури вѣчной гладь,
Гдѣ вѣчная весна, гдѣ берегъ тотъ желанный,
Къ которому вовѣкъ вамъ, пошлымъ, не пристать!
Смотрите, пѣтухи, индюшки, гуси, утки,
Смотрите, дураки,—да разѣвайте ротъ...
И, можетъ быть, судьба, въ насмѣшку, ради шутки,
На плоскіе носы швырнетъ вамъ ихъ пометъ!

А. П. Барыкова.

Въ пути.

Какая прелесть въ быстромъ движеньи!
Поѣздъ ли мчится, тройка ль несетъ—
Въ нѣмую вѣчность бѣгутъ мгновенья
Все дальше—дальше, впередъ—впередъ!...

Тѣнью минутной люди мелькаютъ—
Не можетъ память ихъ сохранить.
Они наскучить не успѣваютъ,
Не успѣваешь ихъ полюбить...

Тѣснятся ели живой стѣною
И грустно-грустно мнѣ вслѣдъ глядятъ,
Какъ будто вмѣстѣ онѣ со мною,
Раскинувъ вѣтви, бѣжать хотятъ.

Въ туманѣ ночи огни сіяютъ—
Въ окнѣ далекомъ горятъ огни.
Зовутъ и манятъ, и обольщаютъ,
И обѣщаютъ покой они...

Но мимо, мимо ихъ лживой ласки:
Тамъ тѣсны стѣны, тамъ сонъ гнететъ...
Нѣтъ, лучше птицей нестись, какъ въ сказкѣ,
Душой свободной—впередъ, впередъ!..

Г. Галина.

Артистка Е. К. Лешковская.

* * *

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса за орломъ!
Хочу! но безплодны усилья!—
Я дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачились въ грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но знаю я темныя норы:
Живутъ въ нихъ слѣпые кроты.
Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,—
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды...
Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоятъ молчаливой стѣной...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мной?

Максимъ Горькій.

Кузнецъ.

Дз-зинь!... Бумъ!..

Онъ стоитъ среди вихрей огня,
Въ яркомъ блескѣ веселаго золота,
И звучитъ его пѣсня, звеня,
Подъ удары тяжелаго молота:

Дзинь! Бум-мъ!..

„Я не буду взывать къ небесамъ,
„Слезы лить и молить съ малодушными:
„Свою долю я выкую самъ
„Трудовыми руками послушными!“

Дз-з-зинь!... Бум-мъ!..

„Не пойду я съ поклономъ къ врагу,
„Не согну я спины за подачкою:
„Больше глаза я честь берегу
„И позоромъ ее не запачкаю.“

Дзинь!... Бумъ!...

„Не унижу я гордость мою
„И предъ другомъ въ минуту тяжелую:
„Самъ я молотомъ счастье кую,
„Подъ свободную пѣсню веселую.“

Дз-зинь!.. Бум-мъ!..

„Ненавистенъ покорный покой—
„Ненавистна мнѣ жизнь подневольная;
„Дышитъ гнѣвной упорной борьбой
„Это сердце, горячее, вольное!“

Дз з-зинь!... Бум-мъ!

„Дѣдъ мой цѣпи свободѣ ковалъ
„Въ этой кузнѣ рукою покорною;
„Я жъ хочу, чтобъ мой молотъ порвалъ
„Эту цѣпь вѣковую позорную.“

Дз-з-з-зинь!... Бумъ!...

„Я хочу, чтобы равно для всѣхъ
„Солнце жизни сіяло прекрасное.
„Гей, сильнѣе работай, мой мѣхъ,
„Раздувай пламя яркое, красное!“

Дз-зинь!... Бум-мъ!

Онъ куетъ и поетъ, а кругомъ
Вьются искры огнистаго золота,
И звучитъ его пѣснь торжествомъ—
Вѣрой въ силу могучаго молота...

Вас. Смирновъ.

Ты —

Вешняго вечера трепетъ тревожный,
Съ тонкаго тополя вѣточка нѣжная,
Вихря порывъ, горячо-осторожный,
Синей бездонности гладь безбережная.

Въ облачномъ небѣ просвѣтъ просіянный,
Свѣжихъ полей маргаритка росистая,
Мечъ мой небесный, мой лучъ острогранный,
Тайна прозрачная, ласково-чистая,

Ты—на распутьи костеръ ярко-жадный,
И надъ долиною дымка невѣстная,
Ты—мой веселый и безпощадный,
Ты—моя близкая и неизвѣстная.

Ждалъ я, и жду я зари моей ясной,
Неутолимо тебя полюбила я...
Встань же, мой мѣсяцъ серебряно-красный,
Выйди, двурогая, милый мой—милая...

З. Гиппіусъ.

Глаза.

Были глаза, черные, прекрасные. Взглянутъ, и смотрятъ, и спрашиваютъ.

И были глазенки, сѣрые, плутоватые—все шмыгаютъ, ни на кого прямо не смотрятъ.

Спросили глаза:

— Что вы бѣгаете? чего ищете?

Забѣгали глазенки, засуетились, говорятъ:

— Да такъ себѣ, понемножечку, полегонечку,—нельзя, помилуйте,—надо же, сами знаете.

И были глядѣлки,—тусклыя, нахальныя. Уставятся и глядятъ.

Спросили глаза:

— Что вы смотрите? что видите?

Скосились глядѣлки, закричали:

Да какъ вы смѣете? да кто вы! да кто мы? да мы васъ!

Искали глаза глазъ такихъ же прекрасныхъ,—не нашли, и сомкнулись.

Ѳедоръ Сологубъ.

* * *

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ.
Мое окно открыто. Вечерѣетъ.
Туманъ съ полей мнѣ въ комнату плыветъ.
Весны дыханье ласковое вѣетъ.
Не знаю, отчего дрожитъ моя рука.
Не знаю. отчего въ слезахъ моя щека.
Вотъ голову склонила я на руки; глубоко
Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далёко!

А. Ѳедоровъ.

* * *

Я ѣхалъ; вечеръ догоралъ,
Дорога не пылила.
И было смутно все кругомъ,
И въ сердцѣ смутно было.
Темнѣли стройно тополя
Дружиной молчаливой
И полумѣсяцъ золотой
Вставалъ надъ дальней нивой.
И къ темноликой красотѣ
Спускающейся ночи
Я съ тайной грустью устремлялъ
Внимательныя очи.
И южной ночи красота,
Мнѣ въ душу проникая,
Ласкала сладкою мечтой
Потеряннаго рая.

К. Фофановъ.

Пѣснь плѣннаго Ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззашитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои...
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ...
Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой

И, какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
„Ты достойный праправдѣдовъ сынъ!"
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой!
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой.

А. И. Полежаевъ.

Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Ѳ. И. Тютчевъ.

* * *

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Дорога, подъ луной бѣла,
Казалось, полнилась шагами.
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.

И слушалъ я—и услыхалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.

Не здѣсь, а дальше—ровный звукъ,
И сердце медленно боролось.
О, какъ понять, откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?

И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется...
И стало ясно, кто молчитъ
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Александръ Блокъ.

Жрецъ.

Отрывокъ.

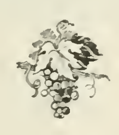
Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ:
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду
И весь, какъ мумія, изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу:—
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ,—
Но вотъ,—ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!"
И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыню дальнюю направя.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гіерофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: „Иди, учися,—
Сказалъ,—и послѣ къ намъ вернися
И тайну жизни намъ открой!"
Минули многіе ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ, онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ.
И, изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь, въ пустынѣ онъ бродилъ
И іероглифами браздилъ

Людьми нетронутыя скалы.
   Разъ у ручья онъ, между скалъ,
Въ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли и слѣда..
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?...
И вспомнилъ жрецъ, какъ-бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный...
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухалъ,
Лилось вино, дымились брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву и въ уста
Ее лобзалъ и, какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая;
„Она твоя! садись и пей!“
И ихъ оставилъ... И какъ змѣй,
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впилась въ него очами,
Идетъ къ нему— и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвитъ!

Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... „Уйдемъ, уйдемъ! —
Она твердитъ,—бѣги со мною!
Вотъ бѣлый Нилъ! Уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль, летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное,—люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!."
О, злыя чары женской рѣчи!...
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
Густыя косы разсыпались
Изъ-подъ повязки и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
Въ жрецѣ всю душу взволновалъ:
Окаменѣлъ онъ въ изумленьи,—
Но вдругъ очнулся отъ забвенья
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!
Къ чему жъ опять она мелькнула,
Какъ по пустынѣ мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетавъ: „а ты бы могъ..."
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,—
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужъ въ неоступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,
Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молитъ, то коритъ,
То вдругъ, очнувшися, въ испугѣ,
Какъ отъ врага, въ степи бѣжитъ...
Но нѣтъ забвенья, нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньи
Какъ будто выжженъ ясный ликъ,—

Вездѣ лебзіянка младая!...
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь израненный, реветъ,
Въ пескѣ катясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вкругъ, безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

А. Н. Майковъ.



* * *

Я жду призыва, ищу отвѣта,
Нѣмѣетъ небо, земля въ молчаньи,
За желтой нивой—далеко гдѣ-то,
На мигъ проснулось мое воззванье.

Изъ отголосковъ далекой рѣчи,
Съ ночного неба, съ полей дремотныхъ
Все мнятся тайны грядущей встрѣчи,
Свиданій ясныхъ, но мимолетныхъ.

Я жду,—и трепетъ объемлетъ новый,
Все ярче небо, молчанье глуше,
Ночную тайну разрушитъ слово;
Помилуй, Боже, ночныя души!

На мигъ проснулось за нивой гдѣ-то
Далекимъ эхомъ мое воззванье.
Все жду призыва, ищу отвѣта,
Но странно длится земли молчанье.

Александръ Блокъ.

Послѣдняя пѣсня.

Дорогой ты мой другъ!.. Надъ могилой твоей
Затихаютъ послѣднія пѣсни мои...
Пусть приснятся тебѣ наши вешніе дни,
Пусть согрѣютъ они холодъ вѣчныхъ ночей...
Пусть взойдутъ надъ тобой голубые цвѣты,
Голубые цвѣты, какъ мечты;
И пусть шепчутъ они о безсмертьи души
И баюкаютъ сонъ твой въ тиши...
И когда я пройду одинокій мой путь,
Мы увидимся снова съ тобой...
Спи, мой милый... къ тебѣ я приду отдохнуть
Отъ тревоги и грусти земной...

Г. Галина.

* * *

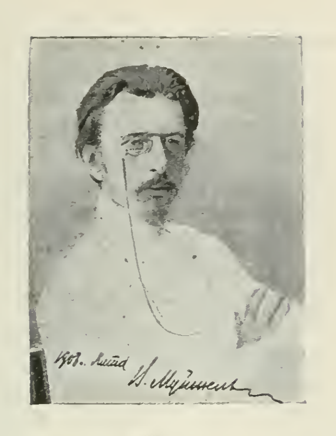
Сосны, темныя сосны у моря сѣдого качаются:
Полонъ жалобы гулъ ихъ глухой,
Въ даль косматыя тучи уныло ползутъ и сливаются
Съ безпріютно-холодною мглой.

Бьются волны сѣдыя тоскливо у берега темнаго
И рыдаютъ, рыдаютъ... О чемъ?..
Не найду я покоя тревогамъ скитанья бездомнаго,
Одинокъ я въ скитаньи моемъ.

Чайка стонетъ... О, нѣтъ,—это сердце мое одинокое,
Это сердце въ тревогѣ больной
Бьется въ пѣнѣ волны бѣлокрылою чайкой далекою
Надъ сѣдою равниной морской.

Безпріютныя тучи, тоскою отчаянья темныя,
Льютъ холодныя слезы дождя,
Въ безпросвѣтную даль, какъ и я, одиноко-бездомныя,
Навсегда, навсегда уходя.

Л. Андрусонъ.



В. Муйжель.

Пока.

Отрывокъ.

Ночь уже раздѣлилась на небо и землю, и тьма осѣла, вбираясь въ черныя пашни, и только лѣсъ еще не сдавался и держалъ ночь въ глубинѣ своей.

Жидкимъ розовымъ золотомъ проглянула далекая заря, мертвый мѣсяцъ неподвижно висѣлъ въ небѣ, и былъ онъ бѣлый, блестящій и не яркій, не свѣтившій, а только свѣтящійся.

Василій проснулся отъ утренняго холода и сидѣлъ на краю канавы, глядя передъ собою тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Все въ немъ потухло, и длинная тягучая жизнь шла темными мыслями, знакомыми ощущеніями, старыми воспоминаніями. Было холодно и знобко, а отъ похмѣлья внутри что-то дрожало противной холодной дрожью, и горькая густая муть наплывала къ горлу и тошнила.

Казавшаяся огромной и пустой голова безсильно качалась на слабой шеѣ, а мозгъ, маленькій и

тяжелый, сжался въ комочекъ и каждая мысль причиняла боль, такъ что глаза рѣзало, и теплая слеза катилась изъ нихъ.

Пить хотѣлось, и твердая сухость рта была такъ нестерпима, что Василій тутъ же наклонился и большими громкими глотками напился изъ оставшейся отъ недавняго дождя лужи.

Потомъ всталъ и пошелъ пустой черной пашней, гдѣ изгибавшіяся рядами жирныя глыбы земли лежали неподвижно и выжидательно, тая въ себѣ будущую жизнь злаковъ.

Направо зеленѣли озими—и черной уродливой полосой протянулись по ней слѣды чьихъ-то ногъ, и было жаль смотрѣть на взрытые, погибшіе ростки.

Еще спало все, и чуткая предутренняя тишина застыла надъ землей, скованной ночнымъ холодомъ, беззвученъ былъ задернутый сумракомъ лѣсъ, и мертво блестѣлъ одинокій мѣсяцъ, остановившійся въ безмѣрномъ пространствѣ.

Пологимъ скатомъ спускалась пашня, дошла до лѣса и кончилась неглубокой балочкой, а за ней пошла уже опушка лѣса, съ неподвижными кустами и круглыми, поросшими вытянувшейся кверху травой, полянками.

Была одна полянка, а потомъ другая, и обѣ онѣ похожи были въ предразсвѣтномъ сумракѣ на темные пруды, въ глубинѣ которыхъ затаилась невѣдомая жизнь.

А дальше былъ бугоръ, подымался онъ некрутымъ изволокомъ, и березы на немъ стояли озябшія и неживыя отъ низко опущенныхъ мокрыхъ вѣтокъ.

Василій шелъ и смотрѣлъ, и ему казалось, что онъ видитъ знакомый, часто ему снившійся сонъ.

Призрачно и неподвижно стояли кусты, и полянки были похожи на пруды, и блѣдный мѣсяцъ стоитъ въ небѣ—и все это не выпукло и ярко, а плоско и смутно, какъ во снѣ... И знакомо было...

На бугрѣ было чуть посвѣтлѣе, потому что лѣсъ не заслонялъ зари, а она уже ясно намѣтилась красной полосой, и видны были выжженные

круги—слѣды трехъ костровъ. Валялись какія-то яркія бумажки, синяя тряпка, осколки разбитой бутылки, и все это слабо намѣчалось въ измятой травѣ, какъ будто тоже было покрыто сѣрымъ безжизненнымъ пепломъ, какъ черныя угли костровъ.

Недавно здѣсь жило что-то, трепеталъ воздухъ отъ звуковъ, сверкали веселые язычки пламени и синій дымъ курился межъ деревьями и кустами, а теперь все молчало въ неподвижной тишинѣ—жившее ушло и навсегда забыло о грустныхъ березахъ и прогорѣвшихъ кострахъ...

Шелъ новый день, а прежній навсегда исчезъ, исчезнетъ и этотъ и пройдетъ лѣто... Потомъ наступитъ зима—и все будетъ то же, и все измѣнится. Покрытыя хлопьями снѣга, голыя и замерзшія, будутъ стоять среди мертвой бѣлизны одинокія березы и ждать лѣта. И будетъ холодно и страшно въ долгія ночи—вылѣзутъ изъ темныхъ дебрей волки, скользнутъ смутной вереницей—тощіе, облѣзлые, голодные... И, сѣвъ въ кружокъ, подымутъ острыя, жадныя морды и завоютъ тоскливо и страшно...

А потомъ опять придетъ весна и лѣто—и пахучія, влажныя зори и дни, полные золота, тепла и творческой жизни.

Василій стоялъ среди полянки, но ноги дрожали и слабли, какъ будто онъ прошелъ много верстъ, и онъ сѣлъ прямо на землю среди обрывковъ бумажекъ, тряпокъ и битыхъ бутылокъ. Былъ праздникъ и прошелъ, сегодня работа, болото... И такъ знакомой чередой потянутся дни, пока не придетъ осень и не кончится постройка. Побѣгутъ по насыпи веселые быстрые поѣзда, пронзительно крикнетъ паровозъ и суетливо, съ торопливымъ усердіемъ, застучатъ, тяжелыя желѣзныя колеса. Будетъ дрожать насыпь, и застонутъ металлическимъ звономъ рельсы и оживетъ болото,—а онъ въ это время будетъ сидѣть въ темной, душной избѣ и ждать, пока придетъ новая весна...

Жизнь съ вѣчнымъ доживаніемъ дня, для то-

го, чтобы въ слѣдующемъ ожидать, пока придетъ новый—встала передъ нимъ глухой скорбью... Родился, работалъ, ждалъ счастья, а приходилъ голодъ; ходилъ на заработки, копался въ болотѣ, пьянствовалъ.

Такъ несъ свое бремя жизни, тягучее и странное, неизвѣстно кѣмъ и за что на него наложенное. И порой останавливался, чтобы оглянуться—и тогда видѣлъ, что въ прозрачное и туманное ничто прошлаго ушло много годовъ, похожихъ на тяжкій подвигъ служенія невѣдомому, таинственному богу.

Вчерашній день и прошлый годъ выступали ясно и близко, а дальше, прячась за ними свѣтлымъ и неяснымъ пятномъ, скованнымъ изъ солнца, смѣха и радости, выступала ранняя молодость. И за нею, какъ свѣтлый кристалъ на днѣ темной рѣки, пронизывая своимъ отблескомъ зеленыя струи, лежало дѣтство.

И только въ немъ не было мысли о завтрашнемъ днѣ и будущемъ урожаѣ, а надъ всей остальною жизнью проглянулась безконечная мысль, которая заслоняла сегодняшній день и гасила радость.

Не было жизни, потому что жили „пока"—до новаго хлѣба и новаго сѣва и думали: вотъ пока мы живемъ и работаемъ, а придетъ зима—отдохнемъ, а зимою думали: вотъ пока голодаемъ, а придетъ лѣто—сыты будемъ...

И всегда случалось такъ, что если было одно, то не хватало другого, а когда являлось это, то исчезало первое.

И такъ незамѣтно, совершая таинственный кругъ, люди двигались къ тому, что было сзади ихъ—такому же ничто въ будущемъ, послѣ смерти, какое было въ прошломъ до ихъ рожденія...

Чуть-чуть посвѣтлѣло, и изъ глубины лѣса принесся странный звукъ. И это показало, что тамъ проснулась уже непонятная человѣку своя жизнь,

Коротко и покуда осторожно щелкнулъ кто-то тамъ, потомъ подождалъ, щелкнулъ во второй разъ и звонко чуфыкнулъ.

— Глухарь! подумалъ Василій и прислушался.

А глухарь уже осмѣлился и вдругъ горячо и торопливо заболталъ что-то, отчего испуганно вздрогнулъ застоявшійся воздухъ.

Пѣлъ онъ гдѣ-то далеко—вѣроятно въ какой-нибудь темной болотной гущерѣ,—куда не добраться человѣку, и пѣсня долетала на опушку блѣднымъ и неяснымъ откликомъ, и это было похоже на старую сказку, полузабытую, подернутою дымкой многихъ лѣтъ.

Глухарь пѣлъ—и страннымъ, болмочущимъ языкомъ страстно хотѣлъ разсказать что-то, что онъ зналъ и хорошо помнилъ, а лѣсъ молчаливо слушалъ, и слушалъ одинокій человѣкъ. Былъ онъ на огромной землѣ, какъ песчинка, ничтожная мгновеннымъ существованіемъ своимъ, великій скорбью, такой безмѣрной, что—казалось, она могла заполнить весь міръ.

Сидѣлъ и слушалъ смутный отголосокъ древней пѣсни, и ему чудилось, что онъ слышалъ когда-то эту пѣснь, но гдѣ и когда—забылъ...

В. Муйжель.

* * *

Молодость, молодость, спутница милая!
Вмѣстѣ живемъ мы, работаемъ, учимся,
И не придетъ къ намъ минута унылая —
Чую я сердцемъ, что мы не разлучимся...
Бросимъ, коль сможемъ, на ниву народную
Горсточку малую добраго сѣмени,
Да и опустимся въ землю холодную,
Въ пламени мысли сгорѣвши до времени...
Молодость, молодость, спутница милая!

С. А. Корсакъ.

Глаза-васильки.

Д—ѣ П.

Глаза-васильки хороши, хороши.
А косы, какъ поздняя рожь, золотисты,
Какъ поздняя рожь на закатѣ, въ тиши.

Желтѣетъ солома. Колосья лучисты.
Бездонная даль за полями видна.
И жницы, какъ птицы, въ поляхъ голосисты.

Глаза-васильки. И сама, какъ Весна,
Пришедшая къ Осени съ позднимъ поклономъ.
Сама, какъ Весна, и весенне-грустна.

Я вѣрю глазамъ-василькамъ, окропленнымъ
Росою осенняго утра,—ихъ жаръ
Сквозитъ, словно солнце надъ садомъ зеленымъ.

Березы бѣлы. И тоскующій паръ
Земли изнемогшей овѣялъ ихъ нѣгой,
И страсть ихъ туманитъ, какъ алый пожаръ.

Мнѣ больно и сладко. Подъ грузной телѣгой
Колеса скрипятъ. И дорога—до хатъ.
Тамъ ржанье кобылъ, бѣлогривой и пѣгой.

Коня погоняю, задумчиво радъ,
И знаю, охваченный близостью встрѣчи,—
Глаза-васильки мнѣ подаритъ закатъ.

Глаза-васильки—голубые предтечи
Безоблачныхъ дней и прекрасны, какъ сонъ,
Гдѣ сказочно ласковы косы и плечи.

Любовь затуманитъ, какъ солнечный звонъ.
И взглядъ васильковъ въ убаюканьи сонномъ
Опять запоетъ и замретъ, утомленъ.

Вотъ хаты подъ шелестомъ мягко-зеленымъ.
И вѣетъ свѣтло на закатѣ, въ тиши
Мнѣ позднее солнце въ огнѣ утомленномъ:
Глаза-васильки хороши, хороши!..

Яковъ Годинъ.

Артистъ П. М. Садовскій.

Сонъ Евгенія Арама.

Изъ Т. Гуда..

Теплымъ блескомъ горя, зажигалась заря,
Лѣтній вечеръ былъ ясенъ и тихъ;
Въ часъ назначенный вышла изъ школы толпа
Ребятишекъ безпечно-живыхъ;
Побѣжали они и далеко кругомъ
Голоса разливалися ихъ.

И какъ рой рѣзвыхъ пчелъ, на зеленой травѣ
Зашумѣлъ ихъ веселый кружокъ,
И смѣялись они, и безпечный ихъ смѣхъ
На минуту замолкнуть не могъ,
Но печаленъ и тихъ, удалившись отъ нихъ,
Ихъ учитель сидѣлъ одинокъ.

Наклонившись надъ книгой, онъ долго читалъ,
Не взглянулъ онъ ни разу кругомъ.
Не видалъ онъ румянаго блеска зари,
Что на небѣ горѣлъ голубомъ,
Взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ блѣденъ и худъ,
Какъ измученный долгимъ трудомъ.

Наконецъ онъ порывисто книгу закрылъ
И рукой исхудалой налегъ

Онъ на темный ея переплетъ, и потомъ
Сжалъ застежкой его поперекъ;
„О, мой Боже! когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть также могъ!“

И, вздохнувъ тяжело, онъ съ земли поднялся
И тоскливо, въ себя углубленъ,
Онъ по лугу бродилъ, будто призракъ могилъ,
Свой подземный покинувшій сонъ;
И, вглянувши кругомъ, подъ тѣнистымъ кустомъ
Увидалъ съ книгой мальчика онъ.

И, къ нему подойдя, „чѣмъ ты занятъ, дитя,—
Онъ спросилъ,—что читалъ ты сейчасъ?
Повѣсть, сказку? иль лѣтопись царствъ и людей,
Бывшихъ въ мірѣ задолго до насъ?“
Мальчикъ, вскинувъ глаза на него, отвѣчалъ:
„Нѣтъ, объ Авелѣ это разсказъ“.

И учитель, услышавъ ребенка отвѣтъ,
Будто болью внезапной объятъ,
Поблѣднѣлъ, сдѣлалъ шесть торопливыхъ шаговъ,
Шесть шаговъ и впередъ, и назадъ,
Сѣлъ съ нимъ рядомъ потомъ и повелъ рѣчь о томъ,
Какъ загубленъ былъ Каиномъ братъ.

О злодѣяхъ временъ, миновавшихъ давно,
О преданьяхъ убійствъ говорилъ,
И о людяхъ, зарѣзанныхъ въ темныхъ мѣстахъ,
Погребенныхъ средь тайныхъ могилъ,
Объ ударахъ кровавыхъ, которые лѣсъ
Мрачнымъ шумомъ деревъ заглушилъ.

Говорилъ онъ, какъ ночью встаютъ изъ земли
Привидѣнья убитыхъ людей,
Какъ рукой окровавленной кажутъ они
Мѣсто тайной могилы своей,
Говорилъ онъ о томъ, что небеснымъ судомъ
Обрекается казни злодѣй.

Говорилъ, что убійцы живутъ на землѣ,
Будто Каинъ, съ проклятой душой,
Что пылаетъ въ нихъ мозгъ и предъ взорами ихъ
Все одѣто кровавою мглой;

И что имъ никогда съ рукъ не сгладить слѣда
Крови, тайно отъ всѣхъ пролитой.

„Да,—сказалъ онъ,—ужасны мученья убійцъ,
И я знаю ихъ, знаю вполнѣ;
Горе, вѣчное горе тому, чья рука
Обагрилась въ крови!... Снилось мнѣ
Прошлой ночью, что былъ я злодѣй, что убилъ,
Человѣка убилъ я во снѣ!

„Это былъ человѣкъ, мнѣ не сдѣлавшій зла,
Старъ годами, безсиленъ и хилъ;
Я увелъ его въ дальнее поле... Съ небесъ
Мѣсяцъ холодно-ясенъ свѣтилъ...
Здѣсь умретъ онъ и деньги его я возьму—
Такъ въ душѣ про себя я рѣшилъ.

„Два удара дубиной, одинъ за другимъ,
Третій камнемъ тяжелымъ; затѣмъ
Я широкимъ ножемъ грудь пронзилъ старику—
И покончилъ съ нимъ дѣло совсѣмъ.
И я видѣлъ: у ногъ моихъ трупъ его легъ
Бездыханенъ, недвиженъ и нѣмъ!

„Неподвижный, нѣмой и безжизненный трупъ,
Онъ вреда мнѣ ужъ сдѣлать не могъ;
Но мнѣ страшенъ онъ былъ: такъ спокоенъ въ травѣ
У моихъ онъ раскинулся ногъ;
Онъ былъ мертвъ, былъ убитъ, но я видѣлъ—открытъ
Взоръ его и печаленъ, и строгъ!

„Я стоялъ, и кругомъ, мнѣ казалось, огнемъ
Воздухъ жегъ и палилъ; средь огня
Милліоны сверкали ужасныхъ очей
И глядѣли они на меня...
Трупъ я за руку взялъ и по имени звалъ
Мертвеца, къ нему ликъ наклоня.

„Но напрасно я звалъ: онъ недвижно лежалъ,
И уста его смерть заперла!
И когда я взялъ за руку трупъ, изъ него
Кровь широкой струей потекла,
И, казалось, по каплѣ въ мой мозгъ пролилась
И какъ будто огнемъ его жгла!

„И застыло въ груди моей сердце, какъ ледъ,
И на душу мнѣ ужасъ налегъ:
Мнѣ казалось, ее, сжавши въ адскихъ когтяхъ,
Дьяволъ въ бездну проклятую влекъ.
И я долго стоналъ, а старикъ передъ концомъ
Простонать только два раза могъ!

„И тогда съ отуманенныхъ грустно небесъ,
Съ высоты ихъ, задернутой мглой,
Голосъ мстящаго кровью за братнюю кровь,
Страшный голосъ услышанъ былъ мной:
—„Ты, убійца, возьми своего мертвеца
И отъ взоровъ моихъ его скрой!“

„И я тѣло повлекъ, чтобы бросить въ потокъ;
Былъ онъ ясной луной озаренъ,
Но зіяла темна въ немъ, какъ ночь, глубина,
И заросъ грязной тиною онъ.
Не забудь, мой ребенокъ—прошу я тебя,—
Что вѣдь это все сонъ, только сонъ!

„Трупъ я въ воду спустилъ, и онъ глухо нырнулъ
И сокрылся подъ черной водой;
Я смылъ съ своихъ рукъ крови слѣдъ, и челс
Освѣжилъ я холодной струей;
И сидѣлъ въ тотъ же вечеръ я въ школѣ, и былъ
Окруженъ я младенцевъ семьей,

„Боже!—думалъ я — души такъ чисты у нихъ,
Какъ черна и преступна моя!
И не могъ раздѣлять я ихъ дѣтскихъ молитвъ:
Гимнъ вечерній не пѣлъ съ ними я.
И какъ дьяволъ между херувимовъ святыхъ,
Я стоялъ, грѣхъ убійства тая!

„И младенческимъ сномъ беззаботно потомъ
Всѣ заснули они; но со мной
Преступленье, мой гнусный товарищъ, пошло,
Чтобъ меня проводить на покой,
И задернуло пологъ постели моей
Обагренною кровью рукой.

„Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я отъ боя до боя часовъ;

Сердце рвалось отъ мукъ: этотъ медленный звукъ
Говорилъ мнѣ о смерти безъ словъ,
И, какъ въ саванъ, меня обвивала вокругъ
Ночь въ свой темный, печальный покровъ.

„И вставала въ моей головѣ мысль одна,
Всѣ другія смѣняя собой,—
Съ каждымъ новымъ мгновеньемъ владѣла она
Все сильнѣй и сильнѣе душой:
Мнѣ хотѣлось опять увидать, увидать
Человѣка, убитаго мной.

„Лишь пришелъ утра часъ, лишь заря занялась,
Всталъ я тяжко съ постели своей,
Вышелъ въ поле и тамъ дикимъ взоромъ искалъ
И нашелъ я проклятый ручей:
Половина воды въ немъ изсякла, и трупъ
Въ грязной тинѣ виднѣлся подъ ней!

„Тяжело задыхаясь, я поднялъ его
И, какъ воръ, побѣжалъ съ мертвецомъ;
Я былъ долженъ спѣшить трупъ въ могилу зарыть:
Утро яснымъ смѣнялося днемъ.
Я въ лѣсу его скрылъ въ кучѣ листьевъ сухихъ,
Подъ нависшимъ деревьевъ шатромъ.

„День тотъ въ школѣ провелъ я, съ дѣтьми я читалъ,
Но я думой былъ въ мѣстѣ иномъ...
И лишь кончить я могъ свой полдневный урокъ,
Въ лѣсъ пришелъ я: развѣялъ кругомъ
Вѣтеръ листья сухіе—и онъ предо мной
Обнаженнымъ лежалъ мертвецомъ!

„И руками лицо я закрылъ, и приникъ
Съ горькимъ плачемъ къ землѣ головой:
Грѣхъ проклятый убійства не скрыть мнѣ, не скрыть,—
Онъ отвергнутъ сырою землей!
Гдѣ бъ я ни былъ: на сушѣ, на морѣ—пойдетъ
Моя тайна повсюду за мной!

„О, мой Боже, ужасный, ужасный то сонъ!
Онъ на вѣки унесъ мой покой.
Мнѣ мерещится каждую ночь, что я кровь
Проливаю преступной рукой,

И луною облитъ, съ грустнымъ взоромъ лежитъ
Неподвижный старикъ предо мной!

„Гдѣ бъ я ни былъ, со мною вездѣ эта мысль,
Отъ нея не сокрыться мнѣ!... Вотъ
И теперь, и теперь предо мною мертвецъ
Изъ могилы кровавой встаетъ!“...
Мальчикъ въ страхѣ глядѣлъ на учителя: онъ
Блѣденъ былъ и лился съ него потъ.

На другую же ночь, въ часъ, когда тихій сонъ
Прикоснулся ребенку къ очамъ,
Изъ воротъ городскихъ двое мрачныхъ людей
Въ даль прошли и сокрылися тамъ;
И гремя кандалами въ ночной тишинѣ,
Шелъ межъ ними Евгеній Арамъ!

В. П. Буренинъ.

На Саймѣ зимой.

Вся ты закуталась шубой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ затихнувъ, лежишь.
Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый,
Эта прозрачная, бѣлая тишь.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ:
Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
Фея-владычица сосенъ и скалъ!

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь!

В. Соловьевъ.

Артистка М. Г. Савицкая.

Колдунъ-камень.

Эти мшистыя громады
  Сердце тянутъ, какъ магнитъ.
Чтó отъ смертнаго вамъ надо,
Чтó за тайна здѣсь лежитъ?

Молвитъ древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.

Спятъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи,
Лишь одинъ, однажды въ вѣкъ,
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка, взоръ горитъ,
И дыханье забирая,
Грудь могучая дрожитъ.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.

Воетъ буря, гулъ и грохотъ,
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнутъ грѣшныя созданья,
Гибнутъ грѣшныя дѣла.

И свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ—залогъ прощенья—
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ, какъ магнитъ.
Чтó отъ смертнаго вамъ надо,
Чтó за тайна здѣсь лежитъ?

В. Соловьевъ.

Улицы.

Улицы вечернія. Улицы холодныя.
Грохотъ экипажей... Блѣдной чередой
Двигаются женщины, больныя, несвободныя,
Взоръ маня продажною, усталой красотой,

Улицы вечернія. Улицы тоскливыя,
Узкія, пустынныя, глухія, какъ тюрьма.
Каменныя зданія, угрюмо молчаливыя.
Фонарей мерцаніе и трепетная тьма,

Каменныя зданія и лица утомленныя
Вѣютъ безотрадною, усталою тоской...
Вамъ проклятье, улицы, развратомъ опьяненныя,
Кровью опьяненныя и мукою людской!..

Яковъ Годинъ.

На разсвѣтѣ.

Въ бѣлой маленькой запискѣ
Попросила я
Тѣхъ, кто мнѣ считались близки,
Не жалѣть меня.

Голова чуть-чуть кружилась...
Чуткая, какъ воръ,
Я по лѣстницѣ спустилась
На пустынный дворъ.

Синій мѣсяцъ скрылся рано,
Раньше блѣдныхъ звѣздъ.
Бѣлымъ облакомъ тумана
Былъ окутанъ мостъ.

Обвела прощальнымъ взглядомъ
Небо за селомъ.
Мирно спящимъ, старымъ садомъ
Обошла весь домъ...

Долго по полю бѣжала
По травѣ сырой.
Жадно грудь моя дышала
Сыростью ночной.

У рѣки, гдѣ омутъ черный,
Притаилась я—
Беззащитной, безпризорной,
Какъ судьба моя.

Громко свистнулъ въ ближней рощѣ
Грузный паровозъ.
Зашумѣлъ кустарникъ тощій,
Зашуршалъ овесъ.

Поклонились низко травы...
Было, какъ во снѣ...
Бѣлоснѣжныя купавы
Улыбнулись мнѣ.

Лѣсъ проснулся... Веселъ, звонокъ,
Загорѣлся день...

Я рыдала, какъ ребенокъ...
Сѣла на плетень,

Обняла сосну сѣдую,
Какъ свою сестру,
И шершавшую, сухую
Гладила кору.

И забилось сердце робко:
Запросилось жить...
Я къ водѣ сбѣжала тропкой
Голову смочить.

Какъ прохладны были струи!
Вся зардѣлась я:
Точно чьи-то поцѣлуи
Нѣжили меня.

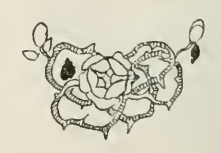
Точно голосъ юный, гибкій
Тихо говорилъ:
„Я тебя веселой рыбкой
Въ море отпустилъ.

Отчего ты хочешь снова
Въ холодъ темноты?
Развѣ неба голубого
Не видала ты?

Или міръ для сердца тѣсенъ—
Некуда летѣть?
Или вольныхъ, звонкихъ пѣсенъ
Не могла ты пѣть“?..

Въ мелкихъ брызгахъ разсыпался
Жемчугъ водяной,
И ко мнѣ, смѣясь, ласкался
Воздухъ золотой.

В. Башкинъ.



Ожиданіе.

Изъ глухихъ переулковъ мы выбрались прочь.
Старый городъ за нами тревожно слѣдитъ...
Злое дѣло замыслила темная ночь
И свой замыселъ втайнѣ хранитъ.

Всѣ мы были сегодня у нихъ на виду...
Безпокойное сердце въ тоскѣ говоритъ:
„Кто-нибудь попадется, навѣрно, въ бѣду,—
Старый городъ недаромъ молчитъ!..“

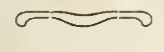
Осторожная тѣнь промелькнетъ за угломъ,
Подъ ногами случайно снѣгъ хрустнетъ звончѣй:
Въ напряженномъ молчаньи мы быстро идемъ...
Не мигаютъ огни фонарей.

Грузной массой встаетъ передъ ними соборъ,
За колоннами мутная площадь видна.
Тускло бродитъ во мглѣ чей-то пристальный взоръ,—
Это смотритъ на насъ тишина.

Блѣдный, сдержанный мѣсяцъ на небѣ погасъ...
Притворяется городъ, что нѣмъ онъ и глухъ.
Ночь кого-то, какъ воръ, намѣчаетъ изъ насъ,
И встревоженно-тонкимъ становится слухъ...

Всѣ мы были сегодня у нихъ на виду...
Въ душу острая мысль заползаетъ змѣей:
„Кто нибудь попадется, навѣрно, въ бѣду...
Говорю: не ходите домой!“

В. Башкинъ.



* * *

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля...
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... Лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: „поскорѣй догори!“

И потухла заря. И, какъ фея любви,
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ...
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

А. С. Андреевскій.

Одиночество.

Все сильнѣй, тяжелѣй въ сердцѣ холодъ и дрожь,
Угасаютъ послѣднія силы...
Ты меня не поймешь, ты меня не поймешь,—
Одинокимъ мнѣ быть до могилы!

Съ юныхъ дней, съ вешнихъ дней, я разгадку постигъ,
Увидалъ на всемъ смерти я бремя...
И мелькали года. Словно часъ, словно мигъ,
Пролетѣло безстрастное время.

Я веселья не зналъ, былъ веселью врагомъ,
Только слезы мой путь окропляли,—
Оттого, что видалъ я могилы кругомъ,
Черный флеръ—въ надвигавшейся дали.

И теперь все сильнѣй въ сердцѣ холодъ и дрожь,
Угасаютъ послѣднія силы...
Ты меня не поймешь, ты меня не поймешь,—
Одинокимъ мнѣ быть до могилы!

Д. Ратгаузъ.

Артистъ А. Л. Вишневскій.

Змѣя.

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей,—безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листвѣ тяжелымъ
Холоднымъ сномъ. Но ужъ весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца,
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припалъ къ листвѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу—
И вотъ опять цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ—змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй—
Тѣмъ ядовитѣй я.

Иванъ Бунинъ.

Сонъ.

Мнѣ казалось, что я вижу кого-то, стоящаго надъ погибшей землей, гдѣ-то забытаго, затеряннаго—

— что какія-то погребальныя процессіи тонутъ въ блѣдномъ туманѣ, гаснутъ въ осенней мглѣ. Мнѣ казалось—деревья, какъ толпы сумеречныхъ гигантовъ, поднятыми къ небу руками грозятъ. И туманъ, этотъ вѣчный, осенній, бездумный туманъ.

Сѣверные отсвѣты въ грядахъ тучъ... Отчаяніе въ минутныхъ силуэтахъ... Отчаяніе въ небѣ... Отчаяніе въ свинцовомъ блескѣ водъ... И не вѣтеръ... И не что-то вродѣ вѣтра на горизонтѣ.

Мнѣ казалось, что послѣднія птицы бороздятъ гладь мглы черными точками, улетая въ лучшія страны тепла и солнца сквозь этотъ вѣчный осенній, бездумный туманъ.

Мнѣ казалось—все отлетѣло отъ земли, и она стала пуста и безплодна; что нависаетъ мракъ, и дымныя угрозы на горизонтѣ у самой земли плывутъ, цѣпляясь о траву... И уже вѣтеръ не вздохнетъ, уже воронъ не каркнетъ, и дерево не прошумитъ сквозь тяжелый, осенній, бездумный туманъ...

Голодный волкъ вышелъ на опушку лѣса... Онъ жалко плакалъ, вздрагивая истощеннымъ тѣломъ, поджавъ хвостъ и уши... Робкій вой—звѣрь плакалъ...

Я видѣлъ покинутаго, шедшаго къ волку съ простертыми руками... Онъ звалъ тощаго волка... Онъ просился къ волку... Но испуганный звѣрь, поджавъ хвостъ, легкими прыжками скрылся межъ лѣсного сумрака.

Я видѣлъ чье-то блѣдное лицо, растерянное, покрытое слезами и скорбью, чей-то лихорадочный крикъ, чей-то безсмысленный зовъ... И пошелъ дождь затяжной и печальный... Все смѣшалось въ густомъ хаосѣ слезъ.

Андрей Бѣлый.

Монологъ.

Посвящается Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской.

Начала ждете вы... вы, кажется, хотите,
Чтобъ вамъ я что-нибудь веселое прочла...
Но очень васъ прошу, немножко подождите—
Я все еще въ себя какъ будто не пришла...
Сегодня что-то я—совсѣмъ не въ настроеньи,
Боюсь, что у меня не выйдетъ ничего...
Я слишкомъ далека отъ васъ теперь, отъ чтенья...
Ахъ, Боже мой!.. Сейчасъ я встрѣтила его...
Казалось мнѣ, что я давно его забыла,
Что память о быломъ развѣялась въ тоскѣ...
У бабушки тогда я лѣто проводила
Въ излюбленномъ толпой курортномъ уголкѣ.
Въ обычные часы—на пляжѣ вереницы
Гуляющихъ съ maman, затянутыхъ дѣвицъ,
Спортсменовъ важный тонъ, кокетство мѣстной львицы—
Пустой калейдоскопъ банально скучныхъ лицъ,
Избитый разговоръ о модахъ, о погодѣ,
Веселенькій оркестръ, ненужный и смѣшной,
Какъ жалкій диссонансъ въ торжественной природѣ,
Поющей безъ конца и солнцемъ и волной,—
Все было чуждо мнѣ... Я выросла далеко
Отъ праздной суеты богатыхъ городовъ,
Я выросла въ тиши деревни одинокой,
Въ цвѣтахъ родныхъ полей, въ глуши родныхъ лѣсовъ...
Мнѣ въ обществѣ всегда казались чѣмъ-то страннымъ
Условность чувствъ и позъ, искусственность рѣчей...
Нетронутой душой, сознаніемъ туманнымъ
Я вѣрила еще и въ Бога, и въ людей.
Но море, море!.. о, оно мнѣ близко было!..
(Стоялъ нашъ флигелекъ отъ центра вдалекѣ).
Я на берегъ порой съ зарею уходила
И цѣлый долгій день лежала на пескѣ...

Прислушивалась я къ пѣвучему прибою...
Казалось, что несетъ мнѣ чью-то ласку онъ,
Что кто-то говоритъ таинственно со мною,
Невѣдомый, какъ жизнь, и вдумчивый, какъ сонъ...
А ночи страшныхъ бурь!.. А волнъ неугомонность,
А вслѣдъ за ней опять глухая тишина...
О, если я могла понять тогда влюбленность,
То въ море я была конечно влюблена!..

Мы познакомились совсѣмъ обыкновенно—
Онъ былъ на берегу ближайшій нашъ сосѣдъ,
Годами, какъ и я, ребенокъ совершенно,
Душою, какъ и я, немножечко поэтъ...
Мы познакомились и сдѣлались друзьями.
Онъ много говорилъ о святости труда,
О томъ, что мы должны дѣлиться съ бѣдняками,
Чтобъ въ мірѣ не росла ужасная нужда...
О томъ, какъ въ жизни все прекрасно и велико,
Какъ ясенъ міръ идей... а также и о томъ,—
Не смѣйтесь... что во рву поспѣла земляника
И какъ бы хорошо пойти за ней вдвоемъ...
Вы скажете сейчасъ, что глупы эти темы...
Но все, что говорилъ, что думалъ даже онъ,
Все было для меня—безсмертная поэма...
Все было для меня—незыблемый законъ!..
Я слышала въ его безсвязномъ разговорѣ
Тѣ самыя слова любви и красоты,
Что мнѣ въ полдневный часъ нашептывало море,
Въ волшебно-чудный край неся мои мечты...
Любилъ ли онъ меня?.. Неясно сердцу было...
Порой казалось—да, порой казалось—нѣтъ...
Любилъ ли онъ меня?... Но я его любила,
Какъ море, какъ цвѣты, какъ молодость, какъ свѣтъ...
Какъ быстро день за днемъ безпечные бѣжали!..
Какъ скоро промелькнулъ прелестный, лѣтній сонъ!
Прощаясь, мы писать другъ другу обѣщали...
Я написала разъ—но не отвѣтилъ онъ...

Потомъ... потомъ меня съ нещадно-грубой силой
Схватилъ водоворотъ житейскихъ золъ и благъ...
Страдала много я, быть можетъ, и любила,
Любила... можетъ быть—но только ужъ не такъ!..
И послѣ стольких лѣтъ забвенья и разлуки
Сегодня въ первый разъ я встрѣтила его...
Узналъ ли онъ меня?.. Но кромѣ тусклой скуки
Не дрогнуло въ лицѣ усталомъ ничего...
Какъ могъ онъ не понять тоски моей призывной?...
Онъ прежде былъ ко мнѣ такъ полонъ доброты...
Ужель въ моемъ лицѣ той дѣвочки наивной
Исчезли безъ слѣда счастливыя черты?..
Неужто я ему совсѣмъ, совсѣмъ чужая?..
И близкой не была ему я и тогда?..
И то, что я теперь съ восторгомъ вспоминаю,
Его своимъ тепломъ не грѣло никогда?..
Вамъ скучно, можетъ быть... смѣяться вы хотите,
А я вамъ говорю про дѣтскую мечту,
И плачу я надъ ней... пожалуйста, простите—
Но я вамъ ничего сегодня не прочту...

З. Бухарова.

Вечерняя фантазія.

Когда прощалось солнце
Съ красавицей землей
И поцѣлуй съ деревьевъ
Срывало огневой,—

Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ,
Гдѣ стонутъ кулики,
Лежалъ я одиноко
Надъ кручами рѣки.
Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ
Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грезы сердца
Безплотныя смѣшалъ.
Я видѣлъ въ небѣ дальнемъ
Бѣгущихъ тучъ стада;
Изъ нихъ росли въ лазури
Дворцы и города.
Кровавыми огнями
Сверкали башни тамъ,
И рыцари въ доспѣхахъ,
И тѣни стройныхъ дамъ
Толпились и бѣжали,
Играя и смѣясь,
Въ лучахъ багряныхъ солнца
Изъ синихъ тучъ родясь...
За далью дымокъ синихъ
Сверкала ширь озеръ,
А дальше... дальше тѣни
Голубоватыхъ горъ.
А вотъ и образъ милый:
Лазурь ея очей,
Она плыветъ съ улыбкой,
Вся въ золотѣ лучей.
Я руки къ ней невольно
Съ мольбою протянулъ,
Но... въ небѣ призракъ милый,
Какъ чайка, потонулъ!..
Средь гибкихъ лозъ кровавыхъ
Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грезы сердца
Безплотныя смѣшалъ.

Ѳ. Вербицкій.

Артистъ П. Самойловъ.

Двойникъ.

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то бѣлый мнѣ киваетъ
У открытаго окна.

Узнаю я этотъ призракъ,
Я давно его постигъ:
Это—бѣдный мой товарищъ,
Это—грустный мой двойникъ.

Онъ давно слѣдитъ за мною,
Я давно слѣжу за нимъ,
Отъ него мнѣ вѣетъ смутно
И небеснымъ, и земнымъ.

Онъ являлся мнѣ весною
При мерцанiи зарницъ;
Онъ на оргiяхъ встрѣчался
И встрѣчался у гробницъ.

Жаль ему меня покинуть,
Мнѣ его оставить жаль,—

Онъ дѣлилъ со мной, бывало,
Одинокую печаль...

И теперь онъ грустно бродитъ,
И уйти боится прочь
Отъ раскрытаго окошка
Въ эту пасмурную ночь.

И листвою пожелтѣвшей
Осыпаетъ мнѣ окно
Въ эту ночь, когда на небѣ
И на сердцѣ такъ темно...

К. Фофановъ.

* * *

Изъ В. Гюго.

О, низко павшую презрѣніемъ въ очахъ
Вы бойтесь оскорбить. Имѣйте сожаленье!
Подъ бременемъ какимъ свершилося паденье—
То знаетъ лишь Господь одинъ на небесахъ.

На вѣткѣ, видите, вотъ капля дождевая,
Въ ней блещетъ солнца свѣтъ и неба глубина...
Мы клонимъ дерево, за вѣтку задѣвая,—
И капля падаетъ!.. Не наша-ль то вина?

Была жемчужиной на вѣточкѣ высокой,
И грязной брызгою вдругъ сдѣлалась, упавъ
По нашей прихоти, по волѣ злого рока,—
Топча ее ногой, о другъ мой, ты неправъ.

Въ ней есть еше роса! Чтобъ снова заблистала,
Чтобы жемчужиной та капля снова стала,
Лишь нуженъ солнца лучъ, лишь нуженъ лучъ люб-
ви,—
И низко павшую, мой другъ, благослови!

И. Гриневская.

Молодость.

Молодость! Все въ этомъ словѣ!
Молодость--жизни весна!
Мощь, красоту и веселье,—
Все воплощаетъ она.

Молодость въ сумракѣ міра
Яркою свѣтитъ звѣздой;
Откликъ страданью и скорби—
Только въ душѣ молодой!

Пусть упадаютъ на тѣло
Пагубнымъ гнетомъ года,
Лишь бы душа человѣка
Вѣчно была молода;

Лишь бы она сохраняла
Чудную силу свою,
Съ правдой и свѣтомъ въ союзѣ,
Съ кривдой и тьмою въ бою;

Лишь бы она не слабѣла
Въ этой великой борьбѣ,—
Рано иль поздно—побѣда...
Молодость! Слава тебѣ!

П. Вейнбергъ.

Утесъ.

Утесъ посѣдѣлый, величія гордаго полный,
Склонился въ раздумьи надъ безднoю моря шумящей:
Къ подножью его набѣгаютъ могучія волны,
Ревутъ, и бушуютъ, и брызгаютъ пѣной блестящей.

Вдали ужъ другія спѣшатъ отраженнымъ на смѣну,
Косматою стаей несутся въ безбрежномъ просторѣ,

Какъ будто бы сдвинуть собралось гранитную стѣну,
Иль вызвать на бой ее хочетъ кипучее море...

И вѣтеръ играетъ, надъ моремъ проносятся тучи,
И сѣрыя чайки, взвиваясь, кричатъ заунывно...
Все бьется, шумитъ и сливается въ пѣснѣ могучей—
И къ жизни привольной въ ней слышится голосъ
призывный...

Напрасенъ призывъ и стремленія моря безплодны:
Не можетъ въ объятьяхъ оно пробудить исполина!
Въ желѣзныхъ оковахъ стоитъ онъ, недвижный, холодный.
Безмолвно тоскуя, склонившись надъ страстной пучиной...

В. Л. Величко.

Гитана.

Сонетъ.

По платью—нищая, красой движеній—жрица,
Въ толпѣ цыганъ она плясала для меня:
То, быстрая, какъ вихрь, чаруя и дрязня,
Кружилась бѣшено; то гордо, какъ царица,
Ступала по ковру, таинственно маня;
То вздрагивала вся, какъ раненная птица...
И взоръ ея тускнѣлъ отъ скрытаго огня,
И вспыхивала въ немъ безумная зарница:
Ей было весело отъ пѣсенъ и вина.
Ее несла волна, ее пьянила пляска
И ритмы кастаньетъ, и пристальная ласка
Моихъ влюбленныхъ глазъ. И вся была она
Призывна, какъ мечта, и, какъ любовь, грозна—
Гитана и дитя, и женщина, и сказка!

Сергѣй Маковскій.

Тройка.

Эй, помчались! Кони бойко
Бьютъ копытомъ въ звонкій ледъ,
Разукрашенная тройка
Снѣжной пылью занесетъ,

Солнце, въ дымахъ сизыхъ кроясь,
Зарумянится слегка.
Въ крупныхъ искрахъ блещетъ поясъ
Молодого ямщика.

Будетъ вечеръ. Опояшетъ
Небо яркій багрянецъ.
Захохочетъ и запляшетъ
Твой веселый бубенецъ.

Ляжетъ скатерть огневая
На холодные снѣга,
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони станутъ. Вѣтеръ стихнетъ,
Кто тамъ встрѣтитъ на крыльцѣ?..
И румянецъ ярче вспыхнетъ
На обвѣтренномъ лицѣ.

Сядетъ въ тройку. Улыбнется.
Скажетъ: „Здравствуй, молодецъ!..“
И опять въ поляхъ зальется
Вольнымъ смѣхомъ бубенецъ.

Андрей Бѣлый.

Друзьямъ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,—
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили.
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья;
И лучшія надежды, и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты,—
И грустно мы остались, между нами
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?.. Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

Н. Огаревъ.

* * *

Осени дыханіемъ гонимы,
Медленно съ холодной высоты
Падаютъ красивыя снѣжинки,
Маленькіе мертвые цвѣты...

Кружатся снѣжинки надъ землею,
Грязной, утомленной и больной,
Нѣжно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой...

Черныя, задумчивыя птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Бѣлыя безмолвныя снѣжинки
Падаютъ съ холодной высоты!

Максимъ Горькій.

Борисъ Лазаревскій.

Ученица.

(Отрывокъ).

I.

Почти каждую ночь мама спрашиваетъ меня, почему я такъ долго не засыпаю и ворочаюсь. Отвѣчаю, что въ комнатѣ душно. Это и правда, и неправда. Днемъ мнѣ задаютъ вопросъ, отчего я не иду гулять. Снова приходится говорить почти неправду: жарко, все бѣлье прилипаетъ, прическа разлазится...

Въ одномъ маленькомъ разсказѣ я вычитала, будто вѣрнѣйшій признакъ того, что дѣвушка серьезно полюбила,—это конецъ ея искренности съ матерью. Изъ прочитаннаго я помню вообще многое, но эта фраза осталась въ моихъ мозгахъ, будто ее тамъ захлопнули.

Чтобы избѣжать вопросовъ мамы, я все чаще и чаще уѣзжаю погостить на дачу къ моей подругѣ Зинѣ. Это пухлое, доброе существо съ хорошимъ аппетитомъ и еще лучшимъ сномъ. Она такъ же, какъ и я, единственная дочь, у нея нѣтъ даже брата. Обѣ мы живемъ, ни въ чемъ не нуждаясь, и, послѣ окончанія гимназіи, обѣ не знаемъ, зачѣмъ живемъ. Зина рѣшительно ни въ чемъ меня не понимаетъ, и за это я ее люблю. Очень люблю. Съ ней я будто одна. Ни малѣйшее движеніе моей души для нея не замѣтно. Возлѣ нея я дѣйствительно отдыхаю, только не ночью. Ложась съ Зиной въ одной комнатѣ, я такъ же мучаюсь до разсвѣта на горячихъ простыняхъ, какъ и дома. Часовъ въ пять, наконецъ, смыкаются мои глаза, но вмѣсто сна, опять дѣйствительность то страшная, то до обморока сладкая. Каждый разговоръ я запоминаю такъ же, какъ наяву. Иногда до десяти часовъ утра моя короткая девятнадцатилѣтняя жизнь точно въ кинематографѣ проходитъ вся съ начала до конца.

Не люблю я іюльскихъ ночей, особенно когда съ вечера собирается гроза. Далеко за деревьями улыбнется равнодушной усмѣшкой зарница, блеснетъ по крышамъ хатъ, и опять темно и душно. Ждешь минуты полторы, пока снова дрогнетъ фіолетовый огонь, и въ то время чувствуется, что кто-то стоитъ возлѣ меня, знаетъ все, что я думаю, и скрыться отъ него нельзя и некуда. Это сладко и страшно.

Три года назадъ (а кажется, будто три недѣли) я перешла въ пятый классъ. Я поздно поступила въ гимназію, и мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ. Тогда особенно хотѣлось жить и мозгами, и физически. Качаясь на „гигантскихъ шагахъ“, я любила, чтобы меня заносили подъ „звѣздочку“. Мнѣ нравилось летать вокругъ столба, какъ птица, и меня не пугала мысль сорваться и убиться на смерть. Мнѣ нравилось также, что въ это время товарищи моего брата Миши, восьмиклассники, смотрятъ на мои ноги, и не было стыдно, а хотѣлось только, чтобы они думали, будто я сама объ этомъ думать не могу и не умѣю.

И теперь, и всегда мнѣ казалось, что самое дорогое, данное Богомъ женщинѣ,—это способность скрывать свои мысли и чувства. Это единственное наше прочное счастье, а все остальное—безъ ложки дегтя, а то и горчайшаго яду,—самое большое—на годъ.

Можетъ быть, поэтому я такъ панически боюсь всѣхъ людей, желающихъ угадать, что у меня на душѣ впрочемъ, кромѣ одного; на его ужъ нѣтъ!..

Мною сильно увлекались.

Недостатка въ поклонникахъ не было. Они писали мнѣ письма на цвѣтныхъ бумажкахъ, умоляли дать фотографію, обѣшали застрѣлиться... Самому пылкому изъ нихъ, большому другу моего брата, Васѣ Колосову было двадцать лѣтъ; но я знала, что я старше его, больше его понимаю жизнь и ея немилосердные законы.

Всѣ эти „любви“ были похожи одна на другую и поэтому очень скучны. А мнѣ хотѣлось, чтобы мною заинтересовался такой человѣкъ, котораго знаетъ и любитъ, если не вся Россія, то по крайней мѣрѣ весь городъ. И чтобы безъ меня для него но было жизни, совсѣмъ не было!..

II.

Словесность преподавалъ у насъ Николай Ивановичъ Равенскій. Я видала его и раньше въ коридорахъ гимназіи. Синій сюртукъ дѣлалъ его похожимъ на остальныхъ учителей; я никогда не слыхала его голоса и, можетъ быть, поэтому совсѣмъ не замѣчала.

Пришелъ онъ къ намъ въ классъ двадцать шестого августа,—какъ разъ въ день моихъ именинъ,—сдѣлалъ перекличку, покосился на классную даму, какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на меня, потомъ отошелъ къ окну и заговорилъ. Подъ конецъ урока я поняла, что учителямъ данъ языкъ не только для того, чтобы дѣлать замѣчанія и спрашивать заданнсе.

Сначала я слушала плохо и разсматривала наружность Равенскаго. Было у него съ кѣмъ-то ог-

ромное сходство, и я никакъ не могла понять—съ кѣмъ. Борода у него была свѣтлая, волосы чуть вились, и сѣрые большіе глаза смотрѣли умно и непокойно. Дома у насъ въ спальнѣ у мамы стоялъ въ кіотѣ старинный образъ Христа, художественной работы. И когда Равенскій еще разъ посмотрѣлъ прямо на меня, я поняла, что онъ очень похожъ на этотъ образъ. Поняла и испугалась своей мысли.

У него былъ глуховатый, мягкій баритонъ, вотъ какъ звучитъ низкая нота на роялѣ, придавленная сурдинкой. Вѣроятно, Равенскому было далеко за тридцать, но въ выраженіи его глазъ, въ поворотѣ головы чувствовалось что-то молодое, душевно-свѣжее и чистое. Только цвѣтъ лица у него былъ какъ будто сѣрый, нездоровый.

Онъ совсѣмъ игнорировалъ учебникъ, и возможно, что только поэтому многія изъ моихъ одноклассницъ въ концѣ концовъ поняли, что такое словесность, хотя были и такія, которыя до самаго выпуска думали, что это искусство правильно ставить букву *ѣ*. Черезъ мѣсяцъ для меня было загадкой, почему изъ нашихъ ученицъ только я да еще двѣ подруги увидѣли, что Равенскій необыкновенный человѣкъ, совсѣмъ непохожій на всѣхъ другихъ людей.

Послѣ новаго года мнѣ захотѣлось, чтобы онъ полюбилъ меня, чтобы безъ меня для него не было жизни, совсѣмъ не было. И чтобы объ этомъ никогда и никто не узналъ.

Я стала рѣшительно отвергать ухаживанія гимназистовъ. Вася Колосовъ чуть не застрѣлился въ моемъ присутствіи, но и это меня не тронуло. Я мечтала только о своемъ богѣ, я тревожилась за его здоровье, я старалась угадать, о чемъ онъ думаетъ и чего хочетъ. Я сдѣлалась хитра, какъ лисица. Часто во время третьяго урока я жаловалась классной дамѣ на головную боль, а на перемѣнѣ сейчасъ же уходила и тихо подымалась вверхъ по улицѣ, ожидая, когда меня обгонитъ Равенскій.

Бывало, замедляешь шаги, какъ только можно.

Пробѣгутъ мимо нѣсколько ученицъ приготовительнаго и перваго класса, остановятся у витрины магазина, посмотрятъ; которая-нибудь изъ дѣвочекъ подтянетъ чулокъ (приготовишки вѣчно поправляютъ чулки),и рысью, неровнымъ рядомъ, летятъ дальше... Оглянешься разъ, два, наконецъ, увидишь знакомую барашковую шапку, и дыханье станетъ чаще. А когда онъ догонитъ и, внимательно посмотрѣвъ, отвѣтитъ на поклонъ,—уже слышишь удары собственнаго сердца и вдругъ почувствуешь, что горятъ оба уха.

Однажды я шла съ мамой, и мнѣ ужасно захотѣлось оглянуться. Я повернула голову и сейчасъ же встрѣтилась съ милымъ всепонимающимъ взглядомъ Равенскаго. Потомъ мнѣ стало страшно, и я въ первый разъ въ жизни подумала, что на свѣтѣ не все такъ просто, какъ кажется.

Я была его лучшей ученицей. Отвѣчать урокъ такъ, чтобы меня съ интересомъ слушалъ весь классъ, было моимъ наслажденіемъ и единственнымъ способомъ обратить на себя вниманіе. Когда Равенскій ходилъ взадъ и впередъ, я часто глядѣла ему въ затылокъ и мысленно повторяла одну фразу: „Сегодня до самаго вечера думай только обо мнѣ, только обо мнѣ“! Иногда мнѣ казалось, что онъ боится моего взгляда, и я радовалась.

Пришелъ май мѣсяцъ. И на устномъ, и на письменномъ экзаменѣ по словесности я получила двѣнадцать, кромѣ того мнѣ дали награду. Нашлись подруги, которыя рѣшили, что все это случилось лишь потому, что я дочь извѣстнаго, хотя уже и умершаго профессора. Я же, узнавъ, что перешла въ слѣдующій классъ, поняла только, что цѣлыхъ три мѣсяца не увижу Равенскаго, и чуть не заплакала.

III.

Лѣто было скучное, противное. Съ начала іюня наступила засуха. Крыша въ нашемъ домѣ, на хуторѣ, была желѣзная, и за день такъ накалялась,

что въ комнатахъ дышать было нечѣмъ. Масляная краска на балконѣ таяла и ноги прилипали къ доскамъ. Я ходила грустная, въ легкомъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на тѣло. Мы съ мамой были совсѣмъ однѣ. Я нѣсколько разъ звала къ себѣ Зину, но она все откладывала поѣздку.

Дождя все не было. Крестьяне служили молебны. Случилось два страшныхъ пожара, одинъ днемъ, другой ночью. При полной тишинѣ горѣли двѣ хаты. Сначала розовый, а потомъ бѣлый, дымъ огромнымъ столбомъ, медленно ползъ по черному небу. Хотя весь народъ уже сбѣжался, но въ церкви продолжали непрерывно звонить по три раза, дэнь, дэнь, дэнь!.. Я стояла въ одной рубахѣ на балконѣ и глядѣла на зарево. Было очень страшно, и вдругъ почему-то особенно ясно вспомнился Равенскій.

Мы не спали до утра. На слѣдующій день, мама взяла къ намъ въ усадьбу цѣлую семью погорѣльцевъ съ тремя дѣтьми. Одинъ мальчикъ былъ сильно обожженъ. Онъ ночевалъ на сѣновалѣ, и у него обгорѣли волосы и мясо на плечѣ и на рукѣ. Я все время перемѣняла ему компрессы, а онъ стоналъ и всхлипывалъ. Сладко было отъ сознанія, что если бы Равенскій видѣлъ меня въ эти минуты, то навѣрное порадовался бы.

Недѣли черезъ полторы погорѣльцевъ кое-какъ устроили. Снова стало скучно. Равенскій не выходилъ изъ головы. Я хотѣла ему написать, но не знала адреса. На дворѣ все еще стояла нестерпимая жара. Легче дышалось только ночью. Часо́въ до двухъ, пока не заходила еще неполная луна, я лежала на окнѣ въ своей комнатѣ и смотрѣла на уснувшій садъ. Обыкновенно ни одной тучи не плыло по небу. Только разъ, уже въ началѣ іюля, послѣ полуночи, деревья зашумѣли какъ-то глухо и невесело. Луна спряталась. Снова стихло. Неувѣренно покрапалъ по листьямъ съ минуту дождикъ и пересталъ, точно подразнился. Я легла въ постель и уснула. Все, что пригрезилось мнѣ въ эту ночь, я помню до сихъ поръ.

Я задыхалась въ комнатѣ, потомъ надѣла пеньюаръ и туфли и вышла въ садъ. Не видя передъ собой ничего, я ступала по темной липовой аллеѣ. Какъ вдругъ мнѣ стало холодно и дрожь пробѣжала по всему тѣлу отъ затылка до пальцевъ на ногахъ. Въ самомъ концѣ аллеи, на скамейкѣ мнѣ нарисовалось человѣческая фигура; я не могла даже разсмотрѣть ея очертаній, но уже знала навѣрное, что это Равенскій. Вспомнилось, что я почти не одѣта, и все-таки тянуло впередъ, какъ тянетъ броситься внизъ, когда стоишь на большой высотѣ.

И я нисколько не удивилась, что онъ здѣсь, на хуторѣ, въ нашемъ саду. И когда я сѣла къ нему на колѣни, а онъ обнялъ меня за талію, въ этомъ тоже не было ничего удивительнаго. Стало только тепло и на душѣ такъ радостно, какъ въ дѣйствительной жизни никогда не бывало.

Онъ былъ не въ учительскомъ сюртукѣ, а въ бѣломъ чесучевомъ костюмѣ, въ которомъ раньше я его никогда не видала. Но и пиджакъ этотъ показался мнѣ давно знакомымъ. Особенно обрадовалась я дорогому голосу.

— Знаете, Наташа, дорогая Наташа, я живу на свѣтѣ уже тридцать пять лѣтъ и, быть можетъ, мой конецъ недалекъ... А вотъ я только въ первый разъ чувствую себя дѣйствительно счастливымъ.. Я—женатый человѣкъ—обнимаю васъ, гимназистку, мою ученицу,— вѣдь это въ сущности подлость непростительная... И вотъ ужасъ отъ сознанія этой подлости, помимо моей воли, дѣлаетъ это счастье еще острѣе. Я всегда думалъ, что человѣкъ — господинъ своихъ поступковъ; а сейчасъ я чувствую, что когда волю придавитъ сила стихійная, тогда человѣкъ—рабъ... Такихъ силъ двѣ: смерть и любовь... Я страшно испугался, когда увидѣлъ васъ въ первый разъ въ классѣ. Мнѣ будто сказалъ кто, что съ этого момента моя порядочность полетитъ внизъ, и моей воли больше нѣтъ и не будетъ, до самой смерти не будетъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и долго, не отрываясь, глядѣлъ на меня своими прекрасными, добрыми глазами.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить ему что-нибудь необыкновенно ласковое, но я не могла выговорить ни одного слова и только еше сильнѣе прижалась грудью къ его плечу. Щека моя чувствовала шелковистую бороду. Я знала, что мы сейчасъ поцѣлуемся. Губы у него были горячія и влажныя, и мнѣ почудился соленый вкусъ крови. Я задыхалась... Одну секунду у меня была мысль, что я сейчасъ умру. Я силилась еще разъ вздохнуть и—вдругъ проснулась у себя въ комнатѣ.

IV.

Двадцать перваго августа въ гимназіи былъ молебенъ. Я пришла въ девять часовъ утра радостная, гладко причесанная, въ бѣломъ передникѣ. Зина и другія ученицы очень мнѣ обрадовались. Всѣ онѣ нашли, что я очень похудѣла и глаза мои смотрятъ иначе, чѣмъ прежде. Въ коридорахъ пахло масляной краской. У педелей на мундирахъ были новые галуны и пуговицы. Классныя дамы суетились. Приходили и раздѣвались въ швейцарской учителя. Равенскаго не было, но я знала, что онъ придетъ, какъ только начнутся настоящія занятія.

Когда, черезъ недѣлю, онъ вошелъ въ классъ, мнѣ показалось, что парта подо мною двинулась и поплыла въ сторону. Я быстро овладѣла собою. За это короткое время онъ какъ будто поправился. Лицо не было очень худымъ. Голосъ звучалъ увѣренно и спокойно. Въ первыя минуты Равенскій избѣгалъ смотрѣть на меня и только въ срединѣ урока наши глаза встрѣтились. Одну секунду онъ поглядѣлъ на меня и точно приласкалъ. Я вздрогнула такъ, что если бы со мною рядомъ сидѣла не Зина, а другая ученица, то она бы навѣрное это замѣтила.

Хотѣлось до страсти поговорить съ нимъ свободно, по человѣчески, но это было совсѣмъ невозможно. Приходилъ онъ въ гимназію всегда къ одинадцати, когла я была уже тамъ, и домой уѣзжалъ на извозчикѣ. Оставалось довольствоваться тѣмъ, что я слышала его голосъ въ классѣ. Зато, хоть

разъ въ недѣлю, я видѣла его во снѣ, и тогда мы говорили, какъ равные люди; и было настоящее счастье.

Праздники прошли скучно. Наступили такіе морозы, что нельзя было даже кататься на конькахъ, не рискуя отморозить носъ. Приходилось сидѣть дома и браниться со студентами. Я ждала теперь начала занятій, какъ ждала кога-то въ маленькихъ классахъ начала каникулъ. Наконецъ, снова началась гимназическая жизнь. Равенскій долго не ходилъ; говорили, что онъ простудился и заболѣлъ. Я мучилась и не знала, что предпринять. У меня уже совсѣмъ, было, созрѣлъ планъ отправиться къ нему на квартиру и отъ имени всего класса узнать о его здоровьѣ у жены. Но какъ разъ въ этотъ день онъ пришелъ, коротко остриженный, съ завязаннымъ горломъ и сильно похудѣвшій. Когда онъ сидѣлъ, его брюки на колѣняхъ выдѣлялись острыми углами. И голосъ у него сталъ глуше.

— Тебѣ жаль Равенскаго? спросила я однажды Зину послѣ урока словесности.

— Ну, конечно, жаль. Хочешь ветчины?

Я ничего ей не отвѣтила и отпросившись у классной дамы, ушла домой. Вечеромъ я заперлась у себя въ комнатѣ и плакала, потомъ пробовала молиться и не могла.

Передъ масленой мы подали ему тетрадки съ новымъ домашнимъ сочиненіемъ. На второй недѣлѣ поста педель Василій принесъ эти тетрадки исправленными и сказалъ, что Равенскій со всей семьей уѣхалъ въ Крымъ.

Я растерялась и машинально перелистывала свое сочиненіе. Отмѣтки не было, а только въ концѣ стояло: „Хорошо, очень хорошо!..“ Начальница объявила, что до самыхъ экзаменовъ у насъ будетъ преподавать словесность Козликовъ.

Незадолго передъ Пасхой, когда уже таяло и поговаривали объ экзаменахъ, я пришла въ гимназію съ невыносимой головной болью,—не хотѣлось оставаться дома и разговаривать съ мамой. Былъ конецъ большой перемѣны. Звонокъ трещалъ осо-

бенно рѣзко и назойливо. Сотни голосовъ гудѣли въ коридорахъ. Я, закрывъ отъ боли глаза, сидѣла не двигаясь на своемъ мѣстѣ. Мои уши вдругъ услыхали, какъ всталъ весь классъ. Инстинктивно я вскочила сама и открыла глаза. Въ дверяхъ стояла начальница и, ударяя себя по лѣвой рукѣ свернутой въ трубочку бумагой, говорила:

— Mesdames, вмѣсто четвертаго урока будетъ панихида. Вчера скончался въ Ялтѣ Николай Ивановичъ Равенскій. Идите въ залъ, только безъ шума и попарно.

Начальница вдругъ покачнулась, покачнулись и двинулись куда-то въ сторону окна и каѳедра, а бѣлыя стѣны стали голубыми. Въ ногахъ у меня сладко заныло, а потомъ кругомъ наступила темнота.

Я очнулась въ учительской. Двѣ классныя дамы суетились, разстегивая мой корсетъ. Горничная Даша держала въ рукахъ графинъ. Голова у меня была мокрая. Начальница, съ перепуганнымъ лицомъ, стояла сбоку. Замѣтивъ, что я уже открыла глаза, она быстро заговорила:

— Ну, ничего, ничего, теперь все прошло! Видите, какая вы впечатлительная! Вамъ нужно отдохнуть. Сейчасъ же поѣзжайте домой. Даша! ты проводишь барышню до извозчика.

Весной, какъ и каждый годъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наша гимназія, были экзамены, и я перешла въ седьмой классъ. А теперь, когда я пишу все это, мы съ Зиной окончили и восьмой. Жизнь идетъ ровно, иногда даже весело. Тяжко бываетъ только по ночамъ,—слишкомъ много думается.

Осенью я собираюсь поступить на курсы и утопить свое горе въ холодной наукѣ. Но, что бы эта наука и читающіе ее люди ни говорили, меня никто и никогда не разубѣдитъ въ томъ, что люблю и любима я такъ же, какъ любятъ живые живыхъ.

Бор. Лазаревскій.

Генри В. Лонгфелло.

Вступленіе изъ „Пѣсни о Гайаватѣ.“

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Если спросите—откуда
Эти сказки и легенды
Съ ихъ лѣснымъ благоуханьемъ,
Влажной свѣжестью долины,
Голубымъ дымкомъ вигвамовъ,
Шумомъ рѣкъ и водопадовъ,
Шумомъ дикимъ, и стозвучнымъ,
Какъ въ горахъ раскаты грома,—
Я скажу вамъ, я отвѣчу:

„Отъ лѣсовъ, равнинъ пустынныхъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Изъ страны Оджибуэевъ,
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Съ горъ и тундръ, съ болотныхъ топей,
Гдѣ среди осоки бродитъ
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старыя преданья

По напѣвамъ сладкозвучнымъ
Музыканта Навадаги.“

Если спросите, гдѣ слышалъ,
Гдѣ нашелъ ихъ Навадага,—
Я скажу вамъ, я отвѣчу:
„Въ гнѣздахъ пѣвчихъ птицъ, по рощамъ,
На прудахъ, въ норахъ бобровыхъ,
На лугахъ, въ слѣдахъ бизоновъ,
На скалахъ, въ орлиныхъ гнѣздахъ.

„Эти пѣсни раздавались
На болотахъ и на топяхъ,
Въ тундрахъ сѣвера печальныхъ:
Читовейкъ, зуекъ, тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ, нырокъ, гусь дикій, Вава,
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
И глухарка, Мушкодаза.“

Если бъ дальше вы спросили:
„Кто же это Навадага?
„Разскажи про Навадагу!“—
Я сейчасъ бы вамъ отвѣтилъ
На вопросъ такою рѣчью:

„Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ,
У излучистыхъ потоковъ,
Жилъ когда-то Навадага.
Вкругъ индѣйскаго селенья
Разстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Боръ стоялъ, зеленый—лѣтомъ,
Бѣлый—въ зимніе морозы,
Полный вздоховъ, полный пѣсенъ.

„Тѣ веселые потоки
Были видны на долинѣ
По разливамъ ихъ—весною,
По ольхамъ серебристымъ—лѣтомъ,
По туману—въ день осенній,
По руслу—зимой холодной.
Возлѣ нихъ жилъ Навадага

Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ.

„Тамъ онъ пѣлъ о Гайаватѣ,
Пѣлъ мнѣ Пѣснь о Гайаватѣ,—
О его рожденьи дивномъ,
О его великой жизни:
Какъ постился и молился,
Какъ трудился Гайавата,
Чтобъ народъ его былъ счастливъ,
Чтобъ онъ шелъ къ добру и правдѣ.“

Вы, кто любите природу—
Сумракъ лѣса, шопотъ листьевъ,
Въ блескѣ солнечномъ долины,
Бурный ливень и мятели,
И стремительныя рѣки
Въ неприступныхъ дебряхъ бора,
И въ горахъ раскаты грома,
Что, какъ хлопанье орлиныхъ
Тяжкихъ крыльевъ, раздаются,—
Вамъ принесъ я эти саги,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, кто любите легенды,
И народныя баллады,
Этотъ голосъ дней минувшихъ,
Голосъ прошлаго, манящій
Къ молчаливому раздумью,
Говорящій такъ по-дѣтски,
Что едва уловитъ ухо,
Пѣсня это, или сказка,—
Вамъ изъ дикихъ странъ принесъ я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, въ чьемъ юномъ, чистомъ сердцѣ
Сохранилась вѣра въ Бога,
Въ искру Божью въ человѣкѣ;
Вы, кто помните, что вѣчно
Человѣческое сердце
Знало горести, сомнѣнья
И порывы къ свѣтлой правдѣ,
Что въ глубокомъ мракѣ жизни

Насъ ведетъ и укрѣпляетъ
Провидѣніе незримо,—
Вамъ безхитростно пою я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, которые, блуждая
По околицамъ зеленымъ,
Гдѣ, склонившись на ограду,
Посѣдѣвшую отъ моха,
Барбарисъ виситъ, краснѣя,—
Забываетесь порою
На запущенномъ погостѣ
И читаете въ раздумьи
На могильномъ камнѣ надпись,
Неумѣлую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой вѣры, –
Прочитайте эти руны,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Иванъ Бунинъ.

Минулъ день...

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Минулъ день, и съ крыльевъ ночи
Сумракъ тихо къ намъ сошелъ:
Такъ перо свое роняетъ,
Высоко летя, орелъ.

На селѣ сквозь мглу и дождикъ
Тускло свѣтятъ огоньки...
И невольно поддаюсь я
Чувству странному тоски.

Чувству этому названья
Ты никакъ не подберешь:
Такъ оно на скорбь походитъ,
Какъ туманъ на дождь похожъ.

Приходи прочесть, другъ милый,
Пѣснь поэта для меня...
Успокой мою тревогу,
Прогони заботы дня.

Не читай лишь славныхъ бардовъ,
Ни великихъ тѣхъ пѣвцовъ,
Чьи шаги звучатъ въ чертогахъ
Отдаленнѣйшихъ вѣковъ,

Потому что возбуждаетъ
Звукъ ихъ пѣсенъ боевой
Насъ къ святой борьбѣ за ближнихъ,—
Мнѣ же надобенъ покой.

Но прочти пѣвца такого,
Чтобы пѣснь его лилась,
Словно дождь изъ лѣтней тучи,
Иль слеза изъ грустныхъ глазъ,

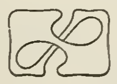
И который бы въ часъ скорби,
Въ часъ лишенныхъ сна ночей,
Звуки сладостныхъ мелодій
Сохранилъ въ душѣ своей.

Пѣсни тѣ даруютъ сердцу
Истомленному покой,
Нисходя благословеньемъ
Вслѣдъ за пламенной мольбой.

Такъ прочти жъ изъ этой книги
Пѣсни дивной красоты,
Сдѣлавъ ихъ еще прекраснѣй
Тѣмъ, что мнѣ прочтешь ихъ ты.

Въ эту ночь тогда заботы,
Что всѣ дни меня гнетутъ,—
Какъ арабы, снявъ палатки,
Прочь, безмолвныя, уйдутъ.

Пл. Красновъ.



Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Умеръ славный Фогельвейде...
Жизнь на небо отлетѣла;
Въ старомъ Вюрцбурскомъ аббатствѣ
Онъ оставилъ только тѣло...
Завѣщалъ онъ все монахамъ,
Съ уговоромъ, чтобъ кормили
Каждый полдень птицъ окрестныхъ
На его они могилѣ.
„У крылатыхъ менестрелей
Самъ учился я когда-то;
Пусть кормленье пташекъ будетъ
Фогельвейдова уплата“!...
Такъ пѣвецъ любви скончался...
Завѣщанье соблюдая,
На могилу ежедневно
Вольныхъ птицъ скликалась стая.
Каждый день на кровли, стѣны
И на башенные шпицы
Окрыленныхъ менестрелей
Собирались вереницы...
На вѣтвистой старой липѣ
Засѣдало ихъ собранье,
На дворѣ, могильномъ камнѣ
И могильномъ изваяньѣ...
На оконныхъ переплетахъ,
На дверяхъ—зимой и лѣтомъ—
Птицы хоромъ распѣвали
Пѣсни, пѣтыя поэтомъ.
Это было нѣчто вродѣ
Поэтическаго спора
Молодой пѣвучей братьи
Возлѣ стараго собора...
Всюду имя Фогельвейде
Птицы въ пѣсняхъ повторяли,
Всюду имя Фогельвейде,
Распѣвая, прославляли...

Но аббатъ сказалъ однажды:
—„Чѣмъ бросать какимъ-то пташкамъ,
Лучше хлѣба больше выдать
Голодающимъ монашкамъ...“
Съ той поры на шумный завтракъ
Не спускалась птичья стая,
Надъ могилой Фогельвейде
Въ ясный полдень пролетая.
Съ той поры, крича нестройно,
Тщетно птицы тучей вїлись
Надъ оградой монастырской:—
Угощенья не добились...
Время сгладило на камнѣ
Монастырскомъ начертанье;
Гдѣ схороненъ Фогельвейде—
Говоритъ одно преданье.
Но до сей поры всѣ птицы,
Пролетая надъ соборомъ,
Эту старую легенду
Повторяютъ дружнымъ хоромъ...

Д. Н. Садовниковъ.

Снѣжныя хлопья.

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Съ дальнихъ угрюмыхъ небесъ,
Съ облачныхъ складокъ одежды ихъ бѣлой
На обнаженный, чернѣющій лѣсъ
И на безжизненный лугъ опустѣлый
Падаетъ снѣгъ, все скрывая кругомъ
Бѣлымъ ковромъ.

Какъ наши мысли въ словахъ
Вдругъ получаютъ свое выраженье,
Какъ наше бѣдное сердце въ слезахъ

Вдругъ выдаетъ, содрогнувшись, волненье, —
Такъ свою тайную скорбь выдаетъ
Намъ небосводъ.

Это—поэма небесъ,
Въ строфы сложенная снѣгомъ безмолвнымъ...
Тихо внимаютъ и поле, и лѣсъ
Этимъ признаньямъ, отчаянья полнымъ,
Долго таившимся тамъ въ небесахъ,
На облакахъ...

Пл. Красновъ.

Excelsior.

Изъ Г. В. Лонгфелло.

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селеньи, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видятъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ-юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо—вверхъ—туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда;
Не смотритъ, есть иль нѣтъ дорога;
Лишь въ высь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
„Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Споконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!“
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
„Останься здѣсь, отъ бурь укрытъ,
Любимъ и счастливъ, съ нами вѣчно!“
Онъ передъ ней замедлилъ шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужъ скрылся онъ изъ глазъ...
Ужъ пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьи ледяномъ,
Звучитъ, какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнущихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба,—
И—слышитъ голосъ надъ собой
Какъ бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ яснѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки: вмигъ
Онъ къ ней—и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковалъ, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже—
Excelsior!

Ужъ горы облило зарей...
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледенѣлыхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ—
Уже чуть внятно—въ высотахъ—
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

А. Н. Майковъ.

Безъ любви.

Безъ луны
Небеса не ясны,
Свѣтлой тайной не дышитъ земля,
Не полны
Голубой тишины
И брильянтовыхъ сказокъ поля—
Безъ луны.

* * *

Безъ цвѣтовъ
Нѣтъ душистой весны,
Не чаруютъ весенніе сны,
И луговъ
Не роскошенъ покровъ,
И сады такъ печально грустны—
Безъ цвѣтовъ.

* * *

Безъ любви
Нѣтъ живой красоты;
Счастья грезы къ себѣ не зови
Безъ любви.
Не бѣги же прекрасной мечты...
О, повѣрь, жить не будешь и ты—
Безъ любви.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Томасъ Муръ.

Мелодія.

Изъ Т. Мура.

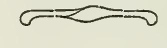
Арфа мошнаго Тары, чьи звуки далеко
Раздавались когда-то надъ стихшей толпой,
На обломкѣ стѣны нынѣ спитъ одиноко,
Какъ былого свидѣтель нѣмой.

Такъ проходитъ вѣковъ горделивая слава,
Такъ минувшаго молкнетъ и память, и громъ,
И въ застывшихъ сердцахъ, какъ потухшая лава,
Все мертво́ и безмолвно кругомъ.

Въ замкѣ нѣтъ ни пировъ, ни похвалъ не поется
Въ честь бойцовъ удалыхъ и прелестныхъ очей!
Лишь порвется струна—и на звукъ отзовется
Вѣтеръ буйный во мракѣ ночей.

Такъ, средь общаго сна духъ свободы порою,
Встрепенется на мигъ, и тогда средь людей
Сердце воплемъ, какъ лопнувшей арфы струною,
Горько, горько напомнитъ о ней.

А. Б.



* * *

Изъ Т. Мура.

Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада...
Ночь мчалась надо мной, прозрачна и свѣтла,
И ароматная прохлада
Меня, какъ друга, обняла...

Изъ зелени вѣтвей, трепещущихъ и сонныхъ,
Летѣлъ, лаская слухъ, живой привѣтъ веснѣ
Незримаго пѣвца ночей посеребренныхъ,
Грезъ опьяняющихъ, безумныхъ и влюбленныхъ...
Всего, что такъ давно сжигало сердце мнѣ.

И въ синевѣ небесъ мерцали надо мною
Любимые глаза и въ пѣснѣ соловья,
Окованный одной безсмертною мечтою,
Любимый голосъ слышалъ я...

И встрѣчи прежнія нежданно воскресали—
Подъ тѣнью блѣдныхъ ивъ надъ дремлющей рѣкой—
И въ сердце старый ядъ невидимо вливали,
И жгли меня блаженною тоской...

И все, что сладкою отравою обмана
Вливалось въ грудь мою, что отвлекло меня
Отъ битвъ, трудовъ и жертвъ—изъ сѣрой мглы тумана
Вставало предо мной подъ гимны соловья.

И стыдъ не жегъ меня, и пламя тайной муки
Въ душѣ не вспыхнуло!.. Подъ сладостные звуки,
Безъ думы сумрачной, безъ покаянныхъ слезъ,
Въ безсильи опустивъ безпомощныя руки,
Я пилъ блаженный ядъ воскресшихъ лживыхъ грезъ...

Ѳ. Ч-скій.

Послѣдняя роза.

Изъ Т. Мура.

Роза послѣдняя грустно качается
Въ зелени яркой родимыхъ кустовъ,
Слабый кругомъ ароматъ разливается,
Точно любви замирающій зовъ.

Съ слезкой росистой она, одинокая,
Грустно глядитъ на могилы вокругъ:
Съ ней не мѣняются ночью стоокою,
Вздохомъ за вздохъ вереницы подругъ.

Жизнь запоздалая, жизнь безучастная,
Та же загробная жизнь наяву..
Я помогу тебѣ, роза несчастная:—
Съ вѣтки родимой сорву.

Я ощиплю лепестки твои алые,
И ихъ предсмертный вдохнувъ ароматъ,
Ими украшу рукою усталою
Ложе, гдѣ мирно друзья твои спятъ.

Если опоры нѣтъ въ дружбѣ живительной,
Нѣтъ и надежды дожить до зари,—
Лучше сказать тогда сердцу рѣшительно:
—Бѣдное сердце! Не бейся... умри!

А. М—новъ.

* * *

Изъ Т. Мура.

О, не шепчите надъ гробомъ вы имя его дорогое!
Пусть оно спитъ подъ землею въ глубокомъ и вѣчномъ покоѣ.
Пусть наши слезы печальныя льются изъ глазъ омраченныхъ
Тихо, какъ перлы росинокъ, дрожащихъ на ландышахъ сонныхъ;

Падаетъ тихо роса на коверъ изумруднаго луга,
Но отъ нея зеленѣетъ могила усопшаго друга;
Тихія жаркія слезы надъ этой печальной могилой
Въ теплыхъ сердцахъ оживятъ его образъ волшебною силой...

Ѳ. Ч-скій.

Пѣсня о рубашкѣ.

Изъ Томаса Гуда.

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ, шьетъ, шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ,
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ бусурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ, христіанъ.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку, ластовку, воротъ,—
Воротъ, ластовку, строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ,—и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О, братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите,—нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди...
Я стала похожа сама на нее....
Здоровье не явится вновь.
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечно жестокъ.
А плата?—отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ,
Скамейка да столъ, голый полъ,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится...

„Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло, и тепло,
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О, только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами!
О, только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О, только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. Чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ!
Все время печаль отняла!
Поплакать бы, — легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои не теките,
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить,
Шитья моего не мочите!"

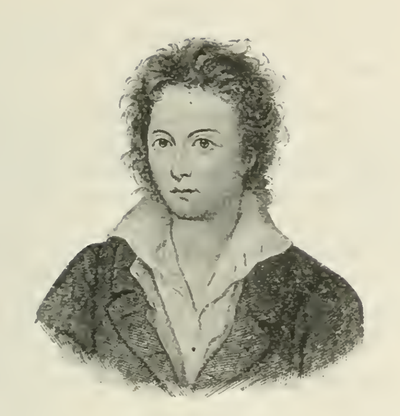
Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ опрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ, шьетъ, шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

М. И. Михайловъ.

* * *

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто жъ тамъ плачетъ, кто жъ тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?...
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное резетъ, —
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнетъ...

Н. П. Огаревъ.



Перси Б. Шелли.

Мимоза.

Изъ П. Б. Шелли.

Часть первая.

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна;
Траву и цвѣты пробудила для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скалъ
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснѣжникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокотъ струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Сквозитъ изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ;

Опять гіацинтъ возгордился собой,—
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,—
Его колокольчики тихо звенятъ,
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его ароматъ;

И роза, какъ нимфа,—возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшитъ,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожитъ;

И лилія свѣтлую чашу взяла
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и анютинъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,—
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной;

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились,
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли
И царскіе кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, стряхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть,—

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазъ;

И льютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души,—

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея,—красоты!

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ,
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блистаютъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ;

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы;
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтренный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на міръ задремавшій легла,
Любовь—въ небесахъ, и покой—на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья не слышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочетъ уснуть соловей,—
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ предаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

Часть вторая.

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравнится не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;

А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значитъ грѣха торжество,
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый Духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила,—къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала;
И страсть, и восторгъ за собой оставляла.

Какъ шопотъ волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой;
И въ ихъ лепесткахъ—съ мимолетной красою
Прозрачныя капли сверкали росою.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были бъ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любитъ ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своей быстрой рукою ловила
И въ лѣсъ далеко-далеко уносила.

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзинку насыпала, гдѣ ихъ несла:

Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ она оставляла:
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной—весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвой золотою,—она умерла!

Часть третья.

Промчались три дня,—всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами на знали;
Грустили, и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье: въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалося смерти нѣмой дуновенье;
И запахъ, холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
Алмазными вдругъ заблистали слезами;
А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ:
Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталъ,
И даже—кто слезъ въ своей жизни на зналъ—
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Подкралася осень, умчалося лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали,
И мертвенныхъ лилій, и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложеньемъ объятомъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные;
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли.
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали, —
Какъ слезы, въ ручей лепестки упадали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ родъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разростались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья,—отъ имени ихъ
Бѣжитъ съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листвянки;
Взростила ихъ плѣсень въ туманные дни,—
Какъ вѣстники смерти, стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды
Въ ручьѣ, будто флеромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разросталась семья
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали:
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ напитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капалъ къ корнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ безплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенятъ кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды, и воздухъ она оковала;
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты, подъ корнями умершей Мимозы:
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерзли въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,
И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь міръ засыпая и снѣгомъ, и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы:
Одни мандрагоры, цикута, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встаютъ мертвецы.

Заключеніе.

Знала ль Мимоза, что скрылась весна
И что сама измѣнилась она,
Знала ль, что осень съ зимою пришла,
Трудно сказать,—но она умерла.

Дивная Нимфа, чьимъ царствомъ былъ садъ,
Чьимъ дуновеніемъ былъ ароматъ,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила—

Чудная нѣга любви, красоты
И неземного блаженства мечты;
Но въ этомъ мірѣ суровой борьбы,
Горя, обмана и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы—только тѣни отъ сна.
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Вь мірѣ, гдѣ все—только лживый туманъ,—
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живитъ ароматъ,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся, но не они.

Счастье, любовь, красота,—вамъ привѣтъ!
Нѣтъ перемѣны вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,—
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить!

К. Д. Бальмонтъ.

Волна.

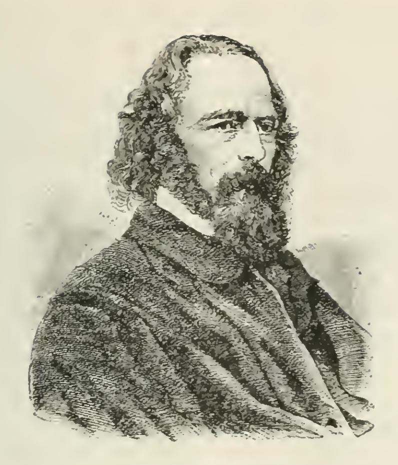
Прибѣжала она издалека,
Смыла пыль съ задремавшихъ камней
И, не молвивъ ни слова упрека,
Убѣжала опять поскорѣй.

А за нею другая—добрѣе,—
Эта тихо вздохнула у ногъ
И не сразу, а нехотя, въ море
Унесла мой непонятый вздохъ.

Поджидалъ ее долго напрасно
Среди сѣрыхъ, угрюмыхъ громадъ,
Но съ отвѣтомъ сестру мнѣ прислала,
А сама не вернулась назадъ...

И сестра мнѣ съ тоскою пропѣла:
„Мы не любимъ тебя какъ и тѣ,
Что прислали въ любви сознаваться
Въ утѣшенье морской красотѣ“...

Н. Шинскій.



Альфредъ Теннисонъ.

Странствія Мальдуна.

Отрывокъ изъ А. Теннисона.

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ
берегъ и тихъ, и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадалъ на безмолвный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ
скалистыхъ громадъ,
Какъ застывшій въ порывѣ широкомъ, изливался
нѣмой водопадъ.
И, нетронуты бурей, виднѣлись капарисовъ недвижныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за предѣлъ
высоты,
И высоко на небѣ, высоко, позабывши о пѣснѣ
своей,
Замечтавшійся жаворонокъ рѣялъ межъ лазурныхъ
бездонныхъ зыбей.
И собака не смѣла залаять, и медлительный быкъ
не мычалъ,

И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зарожденье зари не встрѣчалъ.
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не умчалося въ твердь,
И все было, какъ жизнь, лучезарно, и все было спокойно, какъ смерть.
И мы прокляли Островъ прекрасный, и мы прокляли свѣтлую тишь:
Мы кричали, но намъ показалось—то кричала летучая мышь,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный, такъ былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ.
И бойцы, что властительнымъ крикомъ поднимали дружины бойцовъ,
Заставляя на тысячи копій устремляться, о смерти забывъ,
И они, и они онѣмѣли, позабыли могучій призывъ,
И, проникшись взаимной враждою, другъ на друга не смѣли взглянуть.
Мы покинули Островъ Молчанья, и направили дальше свой путь.

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы вступили на землю, и вмигъ
Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами подняли крикъ.
Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ только раскатъ замолкалъ,
Умирали колосья на нивахъ, какъ подстрѣленный, быкъ упадалъ,
Бездыханными падали люди, на стадахъ выступала чума,
И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исчезали дома.
И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвались, зажглись, какъ огни,
И протяжно они закричали, и пустилися въ схватку они.
Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устремлявшихся грудью на грудь,

И мы птицамъ оставили трупы, и направили дальше свой путь.

Мы приплыли на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыханьемъ дышала волна,
Тамъ всегда благовонное Лѣто, и всегда молодая Весна.
Ломоносъ голубѣлъ на утесахъ, страстоцвѣтъ заплетался въ вѣнокъ,
Миріадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцалъ, и звѣздился вьюнокъ.
Вмѣсто снѣга покровы изъ лилій покрывали покатости горъ,
Вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили въ багряный просторъ,
Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, милліоновъ пурпурныхъ цвѣтовъ,
Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ безъ шиповъ и листовъ.
И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ драгоцѣнныхъ камней,
Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ переливомъ огней,
Мы блуждали по мысамъ шафрана, и смотрѣли, какъ островъ блеститъ,
Возлежали на ложахъ изъ лилій, и гласили, что Финнъ побѣдитъ.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью цвѣтовъ,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно искали плодовъ,—
Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блистаютъ цвѣты пеленой,
И мы прокляли Островъ цвѣтущій, какъ мы прокляли островъ нѣмой.
И мы рвали цвѣты, и топтали, и не въ силахъ мы были вздохнуть,
И оставили голыя скалы, и направили дальше свой путь.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ А. Теннисона.

Когда подъ каменной могильною плитою
Холоднымъ, вѣчнымъ сномъ, дитя, я буду спать,
Не приходи своей нелѣпою слезою
И сожалѣньями покой мой отравлять
И раздражать мой прахъ. Пусть надъ моей могилой
Совы зловѣщій крикъ звучитъ въ глухую ночь,
Пусть вихрь надъ ней реветъ и воетъ съ злобной силой,
Но ты — не приходи! Прочь! Прочь!

Тяжка ль вина твоя передо мной, легка ли,
Ахъ, что мнѣ въ томъ, дитя!.. Измученную грудь,
Вѣдь все равно въ конецъ страданья истерзали.
Я изнемогъ душой. Я жажду отдохнуть
И успокоиться. Люби же, будь любима,
Созданье жалкое, ты, слабой Евы дочь!...
Но дай мнѣ отдохуть... Такъ проходи же мимо
И не тревожь меня въ могилѣ. Прочь!

Ч.

* * *

Изъ А. Теннисона.

Ночь ли, горящая ризою звѣздной,
Мчится надъ бездной
Темныхъ морей,
Утро ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней,—
Образъ любимый горитъ предо мною,
Жжетъ мое сердце безумной тоскою...
Призракъ обманутой горькой любви
Брызжетъ отравою въ раны мои.

Мчись же, мой парусъ, стрѣлою летучей
По влагѣ пѣвучей
Водъ голубыхъ!
Вѣрь мнѣ—покуда ты, гордая, дышешь,—
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.
Пусть пролетятъ вереницею годы,—
Кровью купилъ я отраду свободы;
Пусть надрывается сердце тоской—
Воля, и гордость, и пѣсни со мной.

Ѳ. Ч-скій.

У моря.

Изъ А. Теннисона.

Разбиваясь у влажныхъ камней,
Спой знакомую пѣсню, о, море!
Если бъ также я въ пѣснѣ моей
Могъ излить накипѣвшее горе!

Какъ рѣзвится ребенокъ-бѣднякъ,
Вдоль утесовъ бѣгущій съ сестренкой!
Какъ доволенъ тотъ мальчикъ-рыбакъ,
Въ челнокѣ распѣвающій звонко!

Издалека плывутъ корабли,
Въ ожиданіи радостной встѣчи;
Если бъ встрѣтить привѣтно могли
И меня чьи-то милыя рѣчи!

Разбиваясь у влажныхъ камней,
Спой знакомую пѣсню, о, море!
О блаженствѣ утраченныхъ дней,
О навѣки оставшемся горѣ..

О. Михайлова.

Два листа.

Изъ Р. Гарнетъ.

Сказалъ поблекшій листъ опавшему листу:
—Одинъ на деревѣ держусь я сиротливо;
Въ вершинахъ буйный вихрь бушуетъ прихотливо
И вѣтви старыя ломаетъ на лету.—

Сказалъ опавшій листъ поблекшему листу:
—А я затоптанъ въ грязь тяжелою стопою;
Напрасно буйный вихрь зоветъ меня съ собою,
Онъ подхватить меня не можетъ на лету.

Сказалъ поблекшій листъ опавшему листу:
—О, научи меня, мольбѣ моей внимая,
Что сдѣлать для того, чтобъ мнѣ дождаться мая
И снова пережить любви моей мечту?

Сказалъ опавшій листъ поблекшему листу:
—Ты все отъ жизни взялъ: любовь съ ея отрадой,
Ты жилъ и зеленѣлъ, теперь же вянь и падай:
Кто можетъ пережить любви своей мечту.—

О. Н. Чюмина (Михайлова).

* * *

Море любитъ землю, вѣчно негодуя,
Переходятъ въ ропотъ поцѣлуи моря.
Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.

Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты—понять не можешь, я—сказать не въ силахъ...
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могилахъ.

Allegro.

Артистка А. А. Яблочкина.

* * *

Надъ бульваромъ легла серебристая мгла...
Словно тѣни, мелькаютъ чета за четой,
На балконахъ кругомъ и за каждымъ окномъ
Жизнь бойка и свѣтла, какъ призывъ молодой.

И весна, и любовь раскалила всѣмъ кровь
И повсюду восторгъ иль томящая лѣнь...
И такъ радостенъ смѣхъ, и наивенъ такъ грѣхъ,
И такъ сладко въ саду задышала сирень.

Изъ опущенныхъ шторъ, гдѣ журчитъ разговоръ
Молодыхъ голосовъ, какъ весенній ручей,
Внѣ мерещится день, мнѣ мерещится тѣнь,
Чей-то обликъ скользитъ... но не знаю я, чей...

И все чудится мнѣ, что на сумрачномъ днѣ
Одинокой глуши, гдѣ гнѣздилась печаль,—
Воскресаютъ мечты, расцвѣтаютъ цвѣты,
Улыбнулась лучомъ просіявшая даль.

К. Фофановъ.

За работой.

Колеса вертятся, машины стучатъ,
Челны по основамъ снуютъ.
Глаза за дзиженіемъ нитей слѣдятъ,
И руки безъ устали ткутъ.
Ткутъ руки; погъ градомъ катится съ лица,
Въ грудь молотомъ сердце стучитъ...
А нити ползутъ да ползутъ безъ конца,
Подъ грохотъ работа кипитъ!
А тамъ, за стѣной, далеко-далеко—
Лѣса и раздолье полей:
Тамъ дышится груди привольно, легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей!
Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной,
И тихо, такъ тихо кругомъ...
Волнуется рожь... Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...
— На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!—
Машины стучатъ: „Никогда, никогда!“
Здѣсь вѣчные узники мы.'
Какъ въ бѣшеной пляскѣ, колеса бѣгутъ,
Ремни, извиваясь, шипятъ;
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:
„Безплодныя думы, пустыя мечты—
Лѣса и раздолье полей!
Не люди вы, дѣти больной нищеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей!“

. . . .

Ни смѣха, ни пѣсенъ... Порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ,
Слеза заблеститъ, на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ,
Да руки съ угрозой сожмутся и... ткутъ!
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ.
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжитъ и спѣшитъ все кругомъ...

Скорѣе!.. И тѣло, и воля въ цѣпяхъ—
Покорно мы ткемъ... А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ,
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ.
Ткемъ... Тучи удушливой пыли висятъ
Надъ нами, дрожатъ и плывутъ...
Колеса вертятся, машины стучатъ,
Проклятыя нити ползутъ!

Л. И. Андрусонъ.

* * *

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной;
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья!—хочу быть вашимъ,
На трудъ, на битву я готовъ,
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я, работа наша
Ужъ прилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ея не оттолкнетъ.

Н. А. Добролюбовъ.

Искры.

Поѣздъ мчится гладью сонной;
Вкругъ пустынно, ночь темна,
Искръ летитъ каскадъ червонный—
Виденъ блескъ неугомонный
Изъ вагоннаго окна.

Золотистыми снопами
Мечетъ ихъ локомотивъ,
Гонитъ вѣтеръ ихъ толпами—
Искры вьются, мчатся сами
Въ даль полей и чахлыхъ нивъ.

Но, подавлены просторомъ,
Искры гаснутъ на лету:
Имъ, сверкнувшимъ метеоромъ,
Мракъ—въ полетѣ слишкомъ скоромъ—
Разогнать не въ моготу!..

Край мой милый, край любимый!
Время мчится, и пора,
Чтобъ неслись въ просторъ родимый,
Какъ потокъ неистощимый,—
Искры знанья и добра.

Нива малоплодотворна...
Безъ гигантскаго труда—
Ширь огромна, тьма упорна—
Знанья огненныя зерна
Часто гибнутъ безъ слѣда...

Поѣздъ въ даль стремится шумно—
Мимо бѣдность и печаль,
Ветхи избы, пусты гумна...
Мнѣ не спится, и безумно
Этихъ искръ потухшихъ жаль!

Н. Никифоровъ.

Лѣтній вечеръ на кладбищѣ.

Изъ П.-Б. Шелли.

Горитъ закатъ, блистаетъ янтарями,
Чуть дышетъ вѣтеръ, облачко гоня,
И свѣтлый вечеръ съ темными кудрями
Прильнулъ къ нѣмымъ устамъ блѣднѣющаго дня.
Безмолвіе и мгла, четой влюбленной,
Приходятъ изъ долины отдаленной.

Приносятъ дню послѣдній свой привѣтъ.
Покорны власти ихъ необычайной
Лазурь, земля, движенье, звукъ и свѣтъ;
Имъ отвѣчаетъ міръ своей глубокой тайной.
И вздохи вѣтра вдаль уйти спѣшатъ,
И стебли травъ не шепчутъ, не шуршатъ.

И ты забылось, дремлющее зданье.
Закутавшись въ сверкающую пыль,
Ты къ высотѣ возносишь очертанья,
Вздымаешь къ небесамъ туманный стройный шпиль.
И сонмы тучекъ быстро возрастаютъ,
И вотъ ужъ звѣзды смотрятъ и блистаютъ.

Усопшіе покоятся въ землѣ,
Но чудится, какъ будто слышенъ шопотъ,
Тѣнь мысли, чувства движется во мглѣ,
Вкругъ жизни молодой скользитъ загробный ропотъ.

Уходитъ онъ въ безмолвіе и тьму,
Онъ внятенъ только сердцу и уму.

И все прониклось цѣльной красотою,
И смерть сама, какъ эта ночь, нѣжна
Здѣсь мнѣ легко увѣровать душою,
Что тьма загробная желанныхъ тайнъ полна.
Что рядомъ съ смертью, спящей безъ движенья,
Трепещутъ несказанныя видѣнья.

К. Д. Бальмонтъ.

Вечеръ на новый годъ.

Изъ А. Теннисона.

Какъ проснешься ты завтра, родная,
Разбуди меня. Солнца восходъ
Въ этотъ день я хотѣла бы встрѣтить:
Начинается имъ новый годъ.
Новый годъ! Для меня ужъ послѣдній!
Прежде, чѣмъ онъ настанетъ опять,
Буду въ темной, холодной могилѣ
Я, забытая всѣми, лежать!

Я съ лучами заката простилась,
Я смотрѣла, какъ гасли они,
Старый годъ за собой оставляя,
Унося мои ясные дни!
Новый годъ настаетъ! Но не видѣть
На лугахъ мнѣ росистой травы,
Мнѣ не видѣть на яблоняхъ цвѣту,
И не слышать шумящей листвы.

Хорошо было въ маѣ, родная!
Не забыла я этого дня,
Какъ они Королевою Майской,
Всю въ цвѣтахъ, посадили меня.

На лужайкѣ, подъ деревомъ майскимъ,
Танцовали мы долго потомъ,
Пока мѣсяцъ не всплылъ, обливая,
Кровли нашихъ домовъ серебромъ.

А теперь—ни цвѣточка въ долинѣ!
И замерзли всѣ окна у насъ.
Если бъ мнѣ хоть подснѣжникъ, родная,
Довелось увидать еще разъ!
Довелось увидать, какъ покинетъ
Ледяную одежду рѣка...
Неужель умереть мнѣ придется,
Не дождавшись и почки цвѣтка?

На вершинахъ высокаго вяза
Будутъ гнѣзда вороны свивать;
И унылымъ, пронзительнымъ крикомъ
Будетъ чибисъ поля оглашать.
А потомъ изъ-за моря вернутся
Къ намъ и ласточки, ранней весной;
Но я ихъ не увижу, родная,—
Мои очи засыплютъ землей!

Той порой, когда все еще тихо,
Когда все у насъ въ домѣ молчитъ,
Прежде чѣмъ ты проснешься, родная,
И на фермѣ пѣтухъ прокричитъ,—
Ужъ окно нашей церкви убогой
И погостъ на обрывѣ крутомъ,
Гдѣ я буду лежать, озарятся
Первымъ, розовымъ утра лучемъ.

Не видать тебѣ больше, родная,
Когда вновь запестрѣютъ цвѣты,
Какъ брожу по лугамъ и долинамъ
Я съ утра до ночной темноты.
Не заманятъ къ себѣ меня лѣтомъ
Зеленѣющій въ полѣ овесъ,
Водяная фіалка—въ болотѣ,
Вѣтви бѣлыхъ, плакучихъ березъ!

Пусть шиповникъ и жимолость будутъ
Надъ моею могилой цвѣсти;

И какъ теплое лѣто настанетъ,
Ты порой свою дочь навѣсти.
Я тебя не забуду, родная,
И когда надъ моей головой
Ступишь ты по росистому дерну,
Каждый шагъ буду слышать я твой.

Своенравна была я... Но знаю,
Все проститъ мнѣ твоя доброта.
Поцѣлуй же теперь меня крѣпче,
Поцѣлуй и въ чело, и въ уста.
О! Зачѣмъ ты такъ плачешь, родная,
Сокрушать тебя скорбь не должна.
У тебя еще дочь остается,
Ты на свѣтѣ не будешь одна.

Изъ могилы холодной и тѣсной
Стану я приходить... И хоть ты
Меня видѣть не можешь, родная,
Но твои я увижу черты,
И безмолвна сама, я услышу
Звуки милыхъ, знакомыхъ рѣчей.
Знай, что дочь твоя будетъ съ тобою
Каждый разъ, какъ ты вспомнишь о ней.

Доброй ночи! Когда мнѣ придется
„Доброй ночи“... сказать навсегда...
И меня унесутъ на кладбище,
Не пускай нашей Эвы туда
До тѣхъ поръ, пока зеленью свѣжей
Не одѣлась могила моя.
Эва милый ребенокъ, и лучшей
Будетъ дочерью, нежели я.

Въ кладовой—весь приборъ мой садовый,
Тамъ и заступъ и грабли лежатъ;
Я ихъ Эвѣ дарю. Мнѣ ужъ больше
Не копать въ цвѣтникѣ своемъ грядъ.
Подъ окномъ я гвоздику и розы
Посадила. Имъ нуженъ уходъ,
Такъ пускай же она хорошенько
Ихъ по смерти моей бережетъ.

Да еще... ты Робину, родная,
Отнеси мой прощальный поклонъ.
Богъ пошлетъ ему лучше подругу...
На меня пусть не сердится онъ.
Вѣдь останься въ живыхъ я, быть можетъ,
За него бы я вышла... Какъ знать!
Все прошло! И въ могилѣ я скоро
Буду всѣми забытая спать!

Доброй ночи, родная! Смотри же,
Разбуди ты меня, не забудь.
Я могу послѣ ночи безсонной
Слишкомъ крѣпко, подъ утро, заснуть.
А ты знаешь, что мнѣ бы хотѣлось
Увидать завтра солнца восходъ...
Разбуди! Вѣдь ужъ мнѣ не дождаться,
Какъ наступитъ опять новый годъ!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Ты любишь ли степи? Въ равнинахъ пустынныхъ
Внимала ль ты голосу пѣсенъ старинныхъ,
Тоскующихъ пѣсенъ любви?

Ты любишь ли степи? Безкрайныя дали
Когда-нибудь думамъ твоимъ напѣвали
Безкрайныя думы свои?

Да, любишь! Я знаю. Румянецъ твой знойный
И томная прелесть улыбки спокойной
Овѣяны лаской степной.

Въ тиши твоего затѣненнаго взора—
И нѣга, и трепетъ степного простора,
Вся музыка шири родной.

Сергѣй Маковскій.

Восходъ солнца.

Солнце свѣтлое восходитъ,
Озаряя мглистый долъ,
Гдѣ еще безумство бродитъ,
Гдѣ ликуетъ произволъ.
Зыбко движутся туманы.
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Какъ сильны еще и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтобъ зловѣщей, черной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи,
Въ часъ великаго восхода
Возноси ихъ, какъ мечи.
Яркій зной, какъ тяжкій молотъ,
Подними и опусти,
Побѣждая мракъ и холодъ
Загражденнаго пути.
Тѣмъ, кто въ длительной печали
Гордой волей изнемогъ,
Озари святыя дали
За усталостью дорогъ.
Кто въ объятьяхъ сна нѣмого
Позабылъ завѣтъ любви,
Тѣхъ горящимъ блескомъ снова
Къ новой жизни воззови!

Ѳедоръ Сологубъ.

Артистъ А. И. Адашевъ.

Весною.

Шумъ крыльевъ молодыхъ несется надъ полями,
Воскресшихъ силъ кипитъ могучій хороводъ
И гонитъ звонкими струями
Весеннихъ водъ
Свободный бѣгъ
Послѣдній ледъ,
Послѣдній снѣгъ...

. . . .

Господь, Господь, не Ты ль вѣщалъ: „Настанутъ годы
Въ сердцахъ людей зажгу Я новые лучи,—
Я миръ пошлю землѣ, и копья и мечи
Въ серпы и въ сошники перекуютъ народы;
Я миръ пошлю землѣ. Надъ логовищемъ львовъ,
Гнѣздилищемъ змѣи, норою скорпіона
Уляжется дитя, какъ у родного лона,
Вкушая благодать спокойныхъ свѣтлыхъ сновъ.“

. . . .

О, гдѣ жъ онъ, свѣтлый путь къ покою и веселью?
Такой просторъ кругомъ—и мракъ такой надъ нимъ!
Какія пѣсни мы поемъ надъ колыбелью?
Съ какой молитвою надъ гробомъ мы стоимъ?
Гдѣ юность вольная? Гдѣ золотые годы
Съ той звонкой пѣснею веселья и свободы,

Которой бы звучать, кипѣть и бить волной
Надъ этой сочною, упругой цѣлиной,
Надъ ширью этихъ рѣкъ, надъ этими лѣсами,
Гдѣ нынѣ мы стоимъ, поникнувъ головами,
Среди руинъ разбитыхъ грезъ,
Съ душой запуганной, съ безсильными руками
И ѣдкой горечью невыплаканныхъ слезъ!..

С. Г. Фругъ.

Деревенскій дѣдъ.

Ко всему давно привыкъ,
На закатѣ лѣтъ
Грузенъ, точно боровикъ,
Деревенскій дѣдъ...

Любопытенъ, какъ дитя,
Неуклюжъ и слабъ,
Къ солнцу выползетъ, кряхтя
Поворчитъ на бабъ...

Клокомъ жесткой бороды
Вытретъ крошки съ губъ,
Пѣтуха шугнетъ съ гряды,
Подобравъ тулупъ...

Напрягая сонный мозгъ,
Всласть не разъ зѣвнетъ,
Пальцы желтые, какъ воскъ,
Перекрестятъ ротъ.

Смотритъ въ поле на коровъ,
Видитъ ветхій мостъ
Тамъ, гдѣ много стариковъ
Пріютилъ погостъ.

В. Башкинъ.

Унынiе.

Памяти Некрасова.

Унынiе въ душѣ моей усталой,
Унынiе—куда ни погляжу!
Некрасовъ.

О, да, ты правъ, поэтъ!
Унынiе вездѣ.
Уныньe въ той степи печальной и угрюмой,
Гдѣ ты бродилъ одинъ съ твоей тяжелой думой,
Внимая горестямъ, страданьямъ и нуждѣ.
Уныньe въ городѣ: въ его свинцовомъ небѣ,
Озлобленномъ врагѣ живительныхъ лучей,
На улицахъ его, средь этихъ всѣхъ людей...
Снуютъ ли, хлопоча о барышахъ и хлѣбѣ,
Безцѣльно ли гранятъ каменья мостовой,
Сойдутся ль погулять на праздникѣ народномъ,
На чинномъ раутѣ ль толпятся въ залѣ модномъ,
Рѣшаютъ ли „вопросъ" въ бесѣдѣ дѣловой...
Уныньe въ старикѣ передъ дверьми могилы,
Уныньe въ молодомъ во всемъ избыткѣ силы,
Уныньe въ мальчикѣ на школьничьей скамьѣ,
Уныньe въ обществѣ, унынiе въ семьѣ...
Хотя бъ малѣйшiй взрывъ веселья, горя, злобы,
Хотя бъ единый крикъ живого чувства!... Нѣтъ,
Все мрачно, все мертво, какъ будто только гробы
Остались на землѣ...
О, да, ты правъ, поэтъ!...

Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
Что не настолько одряхлѣлъ
Нашъ жалкiй мiръ, чтобъ не сумѣлъ,
Въ концѣ-концовъ, онъ сбросить бремя
Всесокрушающаго зла,—
Той страшной ржавчины рутины,
Что крѣпко въѣлась намъ въ тѣла
И гнетъ позорно наши спины.

Блаженъ, кто вѣрою такой
Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло

И, въ жертву ей убивъ покой,
Идетъ впередъ наивно-смѣло,
Идетъ и рѣзко судитъ тѣхъ,
Въ комъ эти пылкія стремленья
Встрѣчаютъ слово сожалѣнья
Иль недовѣрья горькій смѣхъ.

Блаженъ... Но тщетно ищешь всюду
Такихъ блаженныхъ въ наши дни.
Когда встрѣчаются они,
Имъ удивляешься, какъ чуду,
Среди несмѣтности такой
Больныхъ, разбитыхъ, утомленныхъ
И тяжкимъ опытомъ склоненныхъ
На все и всѣхъ махнуть рукой.

Петръ Вейнбергъ.

Свѣтъ вечерній.

Ты—мой свѣтъ вечерній,
Ты—мой свѣтъ прекрасный,
Тихое свѣтило
Гаснущаго дня.
Алый цвѣтъ межъ терній,
Говоръ струй согласный,
Все, что есть и было
Въ жизни для меня.
Ты—со мной;—чаруя
Радостью живою,
Въ рощахъ бѣлыхъ лилій
Тонетъ путь земной;
Безъ тебя—замру я
Скошенной травою,
Ласточкой безъ крылій,
Порванной струной.

Съ кѣмъ пойду на битву,
Если черной тучей,
Грозный и безгласный,
Встанетъ мракъ ночной?
И творю молитву:
„Подожди, могучій,
О, мой свѣтъ прекрасный,
Догори—со мной!“

М. А. Лохвицкая.

Пѣсни.

Май на дворѣ... Начался посѣвы,
Пахарь поетъ за сохой,
Снова внемлю вамъ, родные напѣвы,
Съ той же глубокой тоской.

Но не одно гореванье тупое,
Плодъ безконечныхъ скорбей,—
Мнѣ уже слышится что-то иное
Въ пѣсняхъ отчизны моей.

Льются смѣлѣй заунывные звуки,
Полные силъ молодыхъ,—
Прежнихъ годовъ пережитыя муки
Грозно скопилися въ нихъ.

Такъ вотъ и кажется: съ первымъ призывомъ
Грянутъ они изъ оковъ
Къ вольнымъ степямъ, къ нескончаемымъ нивамъ,
Въ глушь необъятныхъ лѣсовъ.

Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть ты унынья страна...
Нѣтъ! я не вѣрю, что пѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Ты говоришь, что мы устали,
Что и теперь, при свѣтѣ дня,
Въ созданьяхъ нашихъ нѣтъ огня,
Что гибкій голосъ твердой стали
Обвитъ въ нихъ сумракомъ печали
И раздается, чуть звеня.

Но вѣдь для насъ вся жизнь—тревога...
Лишь для того, чтобъ отдохнуть,
Мы коротаемъ пѣсней путь.
И вотъ теперь, когда насъ много
У заповѣднаго порога,
Насъ въ пѣсняхъ смѣнитъ кто-нибудь.

Мы не поэты—мы предтечи
Предъ тѣмъ, кого покамѣстъ нѣтъ,
Но онъ придетъ—и будетъ свѣтъ,
И будетъ радость бурной встрѣчи
И вспыхнутъ радостныя рѣчи,
И онъ намъ скажетъ: „Я поэтъ!"

Онъ не пришелъ, но онъ межъ нами.
Онъ въ шахтахъ уголь достаетъ,
Онъ тяжкимъ молотомъ куетъ,
Онъ раздуваетъ въ горнѣ пламя,
Въ его рукахъ побѣды знамя—
Онъ не пришелъ, но онъ придетъ!

Ты правъ, мой другъ: и мы устали,
Мы—предразсвѣтная звѣзда,
Мы въ солнцѣ гаснемъ безъ слѣда.
Но близокъ онъ. Изъ гибкой стали
Создастъ онъ чуждые печали
Напѣвы воли и труда.

Е. Тарасовъ.

Альфредъ де-Виньи.

Смерть Волка.

Изъ А. де-Виньи.

Клубились облака подъ блѣдною луною,
Какъ надъ пожарищемъ клубится сизый дымъ.
До горизонта лѣсъ чернѣлъ сплошной стѣною.
Мы зорко двигались съ волненіемъ нѣмымъ
То по сырой травѣ, то верескомъ, то лѣсомъ,
И вдругъ увидѣли подъ сумрачнымъ навѣсомъ
Могучихъ сосенъ слѣдъ когтей. Сомнѣнья нѣтъ:
Напали, наконецъ, на вѣрный волчій слѣдъ.

Мы чутко замерли, и замерло дыханье.
Хранили лѣсъ и долъ глубокое молчанье,
Лишь плакала сова тоскливо въ тишинѣ.
Не трогалъ вѣтерокъ сѣдыхъ дубовъ на скалахъ
И башенъ каменныхъ нѣмыхъ и одичалыхъ.
Безмолвствовало все въ туманномъ полуснѣ.

Тогда передовой, старикъ, охотникъ ярый,
Развѣдчикъ опытный,—прильнулъ къ песку и намъ
Внушительно сказалъ, что, судя по когтямъ,
Съ волчихой волкъ прошелъ, и ихъ волчата—парой.

Мы приготовили ножи и шли впередъ,
Блестящіе стволы скрывая осторожно.
Вотъ сталъ передовой. Я подался тревожно,
Взглянулъ между вѣтвей, сплетавшихся какъ сводъ,
И встрѣтилъ пару глазъ; они изъ тьмы сверкали.
Четыре легкія фигуры танцовали
Въ сіяніи луны средь вереска. Они
Уже почуяли, что врагъ вблизи таится.
Поодаль волкъ застылъ, а бокомъ къ намъ, въ тѣни
Подъ деревомъ—какъ бы изваяна волчица:
Мать Рима, та, кого Римъ не забылъ, и кѣмъ
Любовно вскормлены владыки: Ромулъ, Ремъ.
Волкъ подошелъ къ ней, легъ. Кривыя когти ногъ
Вонзились въ глубь песка. Онъ чуялъ, что защита
Смѣшна: смертельный врагъ застигъ его врасплохъ,
Пути отрѣзаны, убѣжище открыто.

Тогда средь злыхъ собакъ онъ ту, что всѣхъ сильнѣй,
За глотку ухватилъ и рухнулъ вмѣстѣ съ ней,
Желѣзныхъ челюстей своихъ не разнимая.
Гремѣли выстрѣлы, бока его пронзая,
Скрестились, лязгая, внутри его клинки,—
Онъ когти не разжалъ, не разомкнулъ клыки:
Врагъ все еще былъ живъ,—волкъ только трупъ собачій
Швырнулъ, и на враговъ уставился опять.
Ножи торчали въ немъ, вонзясь по рукоять.
Онъ былъ прибитъ къ землѣ, и лужею горячей
Дымилась волчья кровь. Взглядъ застилалъ туманъ.
Вотъ тихо облизалъ онъ кровь смертельныхъ ранъ,
И не желая знать, за что и кѣмъ израненъ,
Глаза свои закрылъ, безмолвенъ, бездыханенъ.

Въ раздумьѣ тягостномъ склонился я къ ружью.
Я видѣлъ предъ собой звѣриную семью,—
Волчиху и волчатъ. Отца имъ не увидѣть...
Не будь ея волчатъ, она, какъ ихъ отецъ,
Сумѣла бъ съ честью грудь подставить подъ свинецъ.
Но долгъ ея—не дать дѣтей своихъ обидѣть,
Отъ гибельныхъ когтей опасности спасти.
И выучить сносить напасти и лишенья,

Чтобъ въ сдѣлку никогда съ врагами не войти,
Какъ тѣ ничтожныя и низкія творенья,
Которыя должны за пищу и за кровъ
Терзать владѣльцевъ скалъ ущелій, и лѣсовъ.
Увы,—подумалъ я.—Какъ это ни обидно,
Мнѣ стыдно за себя, за человѣка стыдно!
О, какъ ничтожны мы. Достойно умирать
Учиться мы должны у васъ, звѣрье лѣсное!
Удѣлъ живущаго—бороться и страдать.
Величье въ твердости; ничтожно остальное.

Бродяга сумрачный, я подвигъ твой постигъ.
Мнѣ въ глубь души твой взглядъ тускнѣющій проникъ
И молча возвѣстилъ: О, если только властенъ,
Дерзай, дабы душа достигла тѣхъ высотъ
Суровой гордости, которой тотъ причастенъ,
Чей духъ въ родныхъ лѣсахъ безтрепетно живетъ.
Молиться и стонать, и плакать недостойно.
Исполни долгъ, но долгъ владыки, не раба.
Трудись, иди, куда зоветъ тебя Судьба,
Страдай и умирай, какъ умеръ я спокойно.

А. Өедоровъ.

Зима.

Изъ А. де-Виньи.

Какъ хороши, какъ хороши разсказы,
Волшебные разсказы о быломъ,—
Когда вся ширь полей сверкаетъ серебромъ,
На обезлиствѣвшихъ кустахъ горятъ алмазы,

Стрѣлою легкою на фонѣ голубомъ
Чернѣетъ тополь заостренный,
И воронъ, снѣгомъ занесенный,
Какъ флюгеръ башенный, качается на немъ.

В. Лихачевъ.

Донъ Кихотъ.

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

Для него хромая кляча—
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья—
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога.
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санхо Панца ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезенъ;
Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза,—
Эта царственная дама—
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ,
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

„Люди добрые, ликуйте,—
„Наступаетъ праздникъ вѣчный:
„Міръ не солнцемъ озарится,
„А любовью безконечной...

„Будутъ всѣ равны; другъ друга
„Перестанутъ ненавидѣть;
„Ни алькады, ни бароны
„Не посмѣютъ васъ обидѣть.

„Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
„Этотъ мечъ несетъ свободу,

„Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!“

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Апплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется,
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цирюльникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ Кихоту:

—„Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
Я желаю вамъ успѣха!...“
И не въ силахъ кончить слова,
Задыхается отъ смѣха.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его—такъ свѣтелъ,
Очи—полны вдохновенья.

Онъ смѣшонъ; но столько дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Столько вѣры безмятежной.

И любовь, и вѣра святы,—
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты.

Д. С. Мережковскій.

Лѣтомъ.

Какъ мягкій парусъ на уснувшей баркѣ,
Плакучей ивы никнутъ грустно вѣтки,
И неподвижна тишина бесѣдки,—
Тяжелый полдень дремлетъ въ нашемъ паркѣ.

Не шевелится плющъ на тонкой аркѣ,
Упали въ книгу золотыя сѣтки,
Пастухъ пастушку въ кружевѣ виньетки,
Склоня колѣни, молитъ о подаркѣ.

Далеко мимо насъ проходитъ время,
Часовъ исчезло сумрачное бремя,
И прошлаго намъ сладко утомленье.

Такъ крѣпко спятъ тревожныя желанья,
И тихо нѣжитъ въ робости молчанья
Твоей руки къ моей прикосновенье.

Ева Розенъ.

* * *

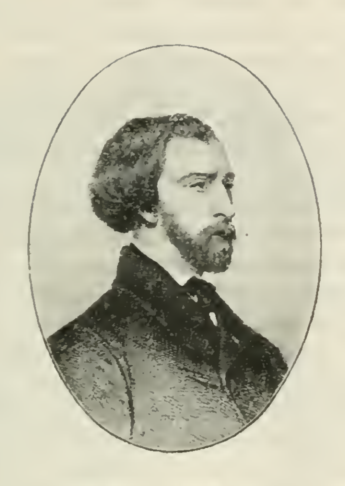
Изъ Арманъ-Сильвестра.

Дитя мое, источники живые
Твои глаза и солнце въ нихъ порой
Отражено и льются огневые
Лучи, сверкая дивною игрой.

Но вотъ легла задумчивость на нихъ...
Ты скажешь—въ часъ туманнаго заката,
Опаловая гладь озеръ нѣмыхъ
Дыханьемъ влажныхъ сумерекъ объята.

Въ душѣ то вспыхнетъ яркій свѣтъ,
То будятъ скорбь измѣнчивыя вѣжды,—
То пламенной любви расцвѣтъ,
То вечеръ погасающей надежды...

Н. Э.



Альфредъ де-Мюссе.

Пеликанъ.

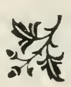
Изъ А. де Мюссе.

Когда на ночлегъ, въ свой прибрежный тростникъ
Къ гнѣзду пеликанъ прилетаетъ,
Голодныхъ птенцевъ оглушительный крикъ
Усталаго гостя встрѣчаетъ.
Въ вечернемъ туманѣ знакомый полетъ
Они уловили, и дружно впередъ
Несется веселая стая;
Отца окружаютъ съ восторгомъ живымъ,
И тотъ ихъ уноситъ къ утесамъ крутымъ,
Отъ вѣтра крыломъ прикрывая,
А тамъ, на холодный взобравшись гранитъ,
На небо онъ долго и грустно глядитъ,
Какъ будто рѣшая глубокій вопросъ:
Онъ корму сегодня семьѣ не принесъ...
Напрасно весь день онъ добычи искалъ:

Былъ въ водной пучинѣ, у мелей и скалъ,
Такъ чѣмъ же голодныхъ птенцовъ напитать?
Не сердце ль отца онъ обязанъ отдать?
И, тихо склонившись, для милыхъ дѣтей
Рветъ клювомъ утробу и мясо съ костей,
Въ любви безпредѣльной не чувствуя мукъ,
Смерть бодро встрѣчаетъ и падаетъ вдругъ,
        Облившись горячею кровью,
Сожженный родительскимъ чувствомъ святымъ,
Великій жестокимъ страданьемъ своимъ,
        Счастливый великой любовью!
Но если натура страдальца крѣпка,
Мученье безмѣрно, а смерть далека,
Онъ самъ пролагаетъ ближайшій къ ней путь:
        Поднявшись, осиливъ страданья,
Ударъ себѣ мѣткій наноситъ онъ въ грудь
        При горестномъ крикѣ прощанья.
Далеко, далеко несется тотъ крикъ,
И такъ онъ ужасенъ, пронзительно-дикъ,
        Что птица ночлегъ покидаетъ,
Почуявъ въ немъ смерти торжественный стонъ,
Рыбакъ же, къ прибрежью направивши челнъ,
Со страхомъ на темный глядитъ небосклонъ
        И душу Творцу поручаетъ.

Вотъ участь великихъ пѣвцовъ. Не таю,—
        Порой ихъ мучительны раны:
Они, услаждая людскую семью,
На жертву ей душу приносятъ свою,
        Какъ сердце птенцамъ пеликаны.
Когда они сладкія пѣсни поютъ
        О скорби, любви и забвеньѣ,
О свѣтлыхъ надеждахъ, что къ мраку ведутъ.—
Самимъ имъ тѣ пѣсни лишь муку даютъ,—
        Толпѣ же—одно наслажденье!
Всѣ видятъ, какъ шпаги скрестившись блестятъ—
Кто жъ видитъ, какъ капли съ нихъ крови летятъ!?

А. Мысовская.



Сонетъ.

Изъ А. де-Мюссе.

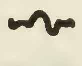
Когда я ребенкомъ Петрарку читалъ,
О славѣ поэта я сладко мечталъ;
Онъ пѣлъ, какъ любовникъ, любилъ, какъ поэтъ,
Божественнымъ словомъ хранимъ и согрѣтъ.

Одинъ онъ имѣлъ непонятную власть
Описывать сердца минутную страсть,
Минутный восторгъ,—и рѣзцомъ золотымъ
Писалъ на алмазѣ, что̀ прожито имъ.

Вы ласковымъ словомъ согрѣли меня;
Быть-можетъ, любовь не продлится и дня...
Но ввѣкъ не забуду вашъ теплый привѣтъ.

Я съ сердцемъ Петрарки, хоть генія нѣтъ;
Внимая любви непривычнымъ словамъ,
Всегда я откликнусь и душу отдамъ.

Л. А. Козловъ.



* * *

Изъ А. де-Мюссе.

Друзья мои! Когда умру я,
Возростите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей блѣдною листвой;
И, надъ могилой тихо дремля,
Своею тѣнью не густой
Не отягчитъ она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой.

С. А. Андреевскій.

Сонетъ.

Изъ А. де-Мюссе.

Дитя, еслибъ даже былыя страданья
Опять въ моемъ сердцѣ проснуться могли,
И съ прежней тоскою и силой желанья,
Какъ осени поздней цвѣты, расцвѣли,

И еслибъ—невинна, чиста и прекрасна—
Меня ты, мой другъ, захотѣла плѣнить,—
Разбитое сердце не билось бы страстно,
Тебя я не могъ и не смѣлъ бы любить.

Но знаю я, другъ мой, обычной чредою
Придетъ и къ тебѣ мигъ волшебной любви,—
Онъ счастьемъ освѣтитъ всѣ грезы твои,

Ничтожнымъ весь міръ будешь звать ты съ то-
скою...
Тогда я, какъ братъ, свое сердце отдамъ
Мечтамъ твоимъ свѣтлымъ и... горькимъ слезамъ.

В. Н. Ладыженскій.

Снѣгъ падаетъ.

Изъ А. де-Мюссе.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется, и медленно
падаетъ
На холодную землю... Мой взоръ,
Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуетъ
Этотъ бѣлый коверъ.
Мнѣ мила красота, какъ мечта непорочно-безстраст-
ная,
Этихъ чистыхъ снѣжинокъ нѣмыхъ.
Дышутъ миромъ онѣ, какъ молитва божественно-
ясная,
Какъ возвышенный стихъ.

Высоко надъ землей разлучились онѣ на мгновеніе,
Чтобы снова сойтись на землѣ.
Какъ торжественно тихъ и воздушенъ полетъ ихъ, паденіе
Въ очарованной мглѣ.

Точно плащъ кружевной, развѣваясь, сквозитъ и колышется,
И роняетъ свой дѣвственный пухъ.
Мнѣ въ движеньи его гармоничная музыка слышится,
Ею грезитъ мой слухъ.

Это жертва небесъ, въ нихъ надежда земли на спасеніе,
Въ нихъ залогъ для грядущей весны,
Благодатный покой, безпредѣльное счастье забвенія,
Вдохновенные сны.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется и медленно, падаетъ
На холодную землю... Мой взоръ,
Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуетъ
Этотъ бѣлый коверъ.

А. М. Ѳедоровъ.

* * *

„Не унывай, борись съ судьбою!"—
Твердилъ мнѣ яркій солнца лучъ;
„Не унывай, Господь съ тобою,"
Мнѣ жаворонокъ пѣлъ изъ тучъ;
„Не унывай, имѣй терпѣнье,"—
Шепталъ, ласкаясь, вѣтерокъ;
„Не унывай, оставь сомнѣнье,"—
Журчалъ, сверкая, ручеекъ;
„Не унывай, впередъ—смѣлѣе!"
Мнѣ повторялъ, стремясь, потокъ;
„Не унывай, будь веселѣе,"—
Твердилъ голубенькій цвѣтокъ;
„Не унывай,"—мнѣ утро мая
Внушало свѣжестью своей,

И вся природа, воскресая,
Будила жизнь въ душѣ моей.

И я съ тѣхъ поръ благословляю
Тотъ день и часъ, и свѣтлый май,
И говоръ струй, и пташекъ стаю,
Твердившихъ мнѣ: „не унывай!“

Э. В. Соломирскій.

Предъ зарею.

Приближается утро, но еще ночь.
Исаія.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ,
Или злое ворчаніе псовъ:
Это—сонъ, это лай—предъ зарею...

Н. М. Минскій.

Теофиль Готье.

Раздумье.

Изъ Теофиля Готье.

...О, этотъ міръ, гдѣ лучшіе предметы
Осуждены на худшую судьбу!..
Малербъ.

Неопытность души задумчивой и ясной!
Великодушныя, наивныя мечты!
Фантазія,—другъ юности прекрасной,—
Подъ вечеръ жизни намъ зачѣмъ не свѣтишь ты?

Зачѣмъ? Не видимъ ли, что въ жаркій полдень слезы
Серебряной росы не блещутъ на цвѣтахъ,
И краски нѣжныя благоуханной розы
До вечера поблекли на листахъ!

Прозрачнымъ ручеекъ изъ родника катится,
Но ржавчина болотъ струи его мутитъ;
Какъ ясенъ майскій день! Вдругъ небо омрачится,
И вихрь, и мракъ тяжелый налетитъ...

Законъ судьбы: проходитъ все, что мило,
Плѣнительной мечты мгновенный таетъ слѣдъ,
Но остается, что постыло.
Здѣсь роза мигъ живетъ, а кипарисъ—сто лѣтъ.

Н. Э.

Сонъ.

Изъ Теофиля Готье.

Египетъ... Жгучая полдневная пора.
Расплавленнымъ свинцомъ темнѣютъ воды Нила
Въ сіяніи лучей полдневнаго свѣтила;
Надъ всѣмъ царитъ неумолимый Фра.
И сфинксы, посреди безмолвья и простора
Храня обычный свой невозмутимый видъ,
Не сводятъ страннаго, загадочнаго взора
Съ вершинъ высокихъ пирамидъ.
Лишь темной точкою въ лазури раскаленной
Чернѣютъ коршуны. Въ пустынѣ, истомленной
Отъ зноя жгучаго—безлюдье, тишина...
И обезсилена подъ лаской неба знойной,
Природа кажется торжественно-спокойной,
Въ глубокій сонъ погружена.

Блестящая луна взошла надъ гладью Нила,
Надъ городомъ царей усопшихъ и царицъ,
И словно силою волшебной воскресила
Тѣхъ, кто покоится въ безмолвіи гробницъ.
На мигъ разорвалась минувшаго завѣса,—
Жрецы и воины, и свита, и народъ,

Какъ будто бы во дни великаго Рамзеса—
Безшумною толпой все двинулось впередъ.
Подъ сводомъ пирамидъ раскрылись саркофаги;
При звукахъ систрума несутъ жрецы и маги
Ковчегъ Аммона-Ра.
И сфинксы на своемъ гранитномъ пьедесталѣ
Въ сіяніи луны какъ будто оживали
Недолгой жизнью до утра...

Съ минутой каждою ростетъ толпа видѣній.
Безмолвныя уста, надменно строгій взоръ...
Воскресшіе вожди десятковъ поколѣній
И боги во главѣ: Фра, Озирисъ, Гаторъ.
На многихъ царскія сіяютъ діадемы
И блѣдныхъ призраковъ безкровныя черты
Вѣнчаютъ лотоса прозрачные цвѣты.
Такъ движутся они, торжественны и нѣмы,
Подъ сводомъ сумрачнымъ гигантскихъ колоннадъ,
Гдѣ сфинксовъ и боговъ темнѣетъ длинный рядъ
И нѣкогда жрецы внимали ихъ глаголу...
И тихо, въ трепетномъ сіяніи луны,
Причудливо въ лучахъ ея удлинены,
Ихъ тѣни стелются по мраморному полу..

О. Чюмина.

Качели.

I.

Въ лунномъ блескѣ стынутъ ели, околдованныя снами.
Какъ летятъ мои качели между темными столбами!
Точно въ высь меня уносятъ чьи-то радостныя крылья,
Точно таетъ, исчезаетъ сумракъ прежняго безсилья!
Пусть изъ рощи льются пѣсни,—я душой имъ не отвѣчу:

Съ дивной пѣсней про свободу мчится вѣтеръ мнѣ
навстрѣчу!
Пусть, обрызганы росою, грезятъ розы, иммортели,—
Выше! выше надъ землею взвейтесь, легкія качели!
Чу! Звѣзда стрѣлой упала... Меркнетъ слѣдъ ея
сіянья.
О, звѣзда! Я загадала въ мигъ волшебный поже-
ланья:
Не сули земную ласку, не пророчь о пышной долѣ,—
Ты властнѣй!—пошли мнѣ сказку, сказку въ звѣзд-
номъ ореолѣ!

II.

Я въ тихую полночь качаюсь,
Качаюсь на легкой доскѣ,
Я къ соннымъ вѣтвямъ поднимаюсь,
А звѣзды глядятъ вдалекѣ.
Долины свѣтлы и туманны,
И призрачна зелень березъ
Неясные звуки тамъ странны,
Какъ шорохъ роняемыхъ слезъ.
Въ истомѣ волшебной и сладкой
Земля отдалась забытью
И нѣжитъ, и мучитъ загадкой
Безгласную душу мою.
Растутъ непонятныя чары,
Полночная тайна растетъ,—
И въ сердцѣ все громче удары,
Все выше свободный полетъ.
И кто-то несется все ближе,
Но взоромъ его не найти...
И кто-то мнѣ шепчетъ: „Лети же!
Душой неустанно лети,
И вѣруй, пока ты летаешь
Въ глубокомъ молчаньи чудесъ,
Что все на землѣ разгадаешь,
Когда долетишь до небесъ!“

III.

Что будетъ завтра—я не знаю,
О прошломъ я не вспоминаю,

Былой тоски не растравлю;
Сегодня я благословляю,
Надѣюсь, вѣрю и люблю!
Въ моей душѣ, какъ звонъ свирѣли,
Мечтанья свѣтлыя запѣли,
Смѣется молодость во мнѣ.
Несутъ, несутъ меня качели
Къ завороженной вышинѣ!
И звѣзды свѣтятъ безмятежно
Огнемъ росы, упавшей нѣжно,
Съ цвѣтовъ заоблачныхъ полей,
Слезами радости безбрежной,
Слезами ангельскихъ очей!

М. Пожарова.

Волна.

Нѣжно-безстрастная,
Нѣжно-холодная,
Вѣчно подвластная,
Вѣчно свободная.

Къ берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
Въ море бѣгущая,
Вольнолюбивая,

Въ безднѣ рожденная,
Смертью грозящая,
Въ небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная.
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

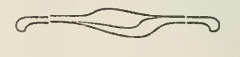
Н. М. Минскій.

Фонтанъ.

Изъ Ж. Роденбаха.

Изъ мертвой глади водъ недвижнаго бассейна,
Какъ призракъ, всталъ фонтанъ; журча благоговѣйно,
Онъ, какъ букетъ, мольбы возноситъ небесамъ...
Вокругъ молчанiе, природа спитъ, какъ храмъ;
Какъ страстныя уста, сливаясь въ мигъ мятежный,
Едва дрожитъ листокъ, къ листку прижавшись, нѣжный...
Фонтанъ рыдающiй, одинъ въ тиши ночной,
Къ далекимъ небесамъ полетъ направилъ свой;
Онъ презрѣлъ скромную судьбу сестеръ покорныхъ,
Смиренныхъ чайныхъ розъ, въ стремленiяхъ упорныхъ.
Онъ презрѣлъ съ пологомъ зеркальнымъ прудъ родной,
Дыханьемъ вѣтерка чуть зыблемый покой.
Стремясь въ просторъ небесъ, онъ жаждетъ горделиво,
Какъ куполъ радужный, играя прихотливо,
Преобразиться въ храмъ... Напрасныя мечты!
Онъ снова падаетъ на землю съ высоты.
Напрасно рвется онъ въ просторъ, гордецъ мятежный,
Взлелѣять въ небесахъ лилеи вѣнчикъ нѣжный...
Тоска по родинѣ его влечетъ къ борьбѣ.
И манятъ небеса свободный духъ къ себѣ!..
Увы! зачѣмъ отвергъ онъ жребiй розъ отрадный:
Онѣ такъ счастливы, ихъ нѣжитъ сонъ прохладный!..
Нѣтъ,—ты иной въ душѣ взлелѣялъ идеалъ,
Недостижимаго ты, мученикъ, алкалъ,—
И пыль разбитыхъ струй роняешь безъ надежды,
Какъ на могильныя плиты края одежды!

Эллисъ.



Леконтъ-де-Лиль.

Сонетъ.

(Леконтъ-де-Лиля, изъ „Poèmes Barbares").

Угрюмъ, какъ дикій звѣрь, обвита цѣпью выя,
  Измученъ, весь въ пыли, стеная въ лѣтній зной,
Кто хочетъ, пусть идетъ съ растерзанной душой,
О, чернь жестокая, къ тебѣ на мостовыя.
За милость грубую, за смѣхъ безумный твой,
За пламя, что порой живитъ глаза тупые,
Кто хочетъ, пусть сорветъ одежды свѣтовыя
Съ таинственныхъ усладъ невинности святой.
Надменный, я молчу, хотя бъ въ моей могилѣ
Потемки вѣчныя меня въ забвеньи скрыли,
Ни радостью, ни зломъ не стану торговать,
Души моей не дамъ на жертву злобныхъ шутокъ,
И въ пошлый балаганъ не побѣгу плясать
Въ толпѣ твоихъ шутовъ и пьяныхъ проститутокъ.

Өедоръ Сологубъ.

Антифоны.

(Chant alternè).

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Богиня свѣтлая аѳинскихъ береговъ,
Эллады мраморной живое изваянье,—
Влагала въ смертныхъ я безсмертное желанье,
Къ земнымъ лобзаніямъ склоняла я боговъ.

2. Востокъ таинственный—страна моя родная.
Съ руками на груди, смиренна и блѣдна,
У Галилейскихъ водъ росла я, расцвѣтая,
Слезами Вѣчнаго цвѣла моя весна.

1. Улыбкой дивною горитъ мое чело,
Во взорѣ знойная тревога сладострастья,
Мои уста поятъ гиметскимъ медомъ счастья,
И тѣлэ стройное—желаніе сожгло.

2. Въ печали набожной мои минуютъ дни,
Душѣ пораненной въ отраду сумракъ тѣсный,
Въ ограду тихую зоветъ женихъ небесный.
Придутъ ли горести—минуютъ и они.

1. Узловъ папируса я не ношу на тѣлѣ.
Въ паросской наготѣ нескованныхъ плечей
Пою Киприду я, какъ іонійцы пѣли,
Въ цвѣтущихъ сумракахъ аттическихъ ночей.

2. Счастливъ, кто вѣдаетъ восторги власяницы!
Счастливъ, кто день за днемъ молитвой обновленъ!
О, небо, каждому доступныя страницы,
Лишь только бъ онъ любилъ, лишь только бъ плакалъ онъ.

1. Эротъ томительный увѣренной стрѣлою
Смутилъ младенчества безпечную лазурь,
И съ той поры томлюсь тревогой роковою,
Въ смятеньи чуткихъ сновъ, въ смятеньи вѣщихъ бурь.

2. Сарона знойныхъ розъ, цвѣтовъ земли любимой,
Я не губила, нѣтъ, для тлѣннаго вѣнка.

О, стебель золотой и духъ неистребимый
И свѣтъ таинственный небеснаго цвѣтка!

1. Люблю Ортигіи приволье голубое
И въ кущахъ Фригіи, при празднествѣ ночномъ,
Котурны павшіе и звучное эвое,
И чаши, медленно текущія виномъ.

2. Я помню,—свѣтлый Духъ меня нарекъ царицей.
Блѣдна, какъ лилія безсолнечныхъ садовъ,
Душистымъ вечеромъ въ задумчивой свѣтлицѣ,
Я—тихихъ дѣвственницъ подруга и покровъ.

1. Въ священной Аттикѣ, надъ звучными волнами,
Подъ іонійскій ладъ, безцѣнна и чиста,
Во слѣдъ моимъ мечтамъ созвучными мечтами
Въ поэмахъ сладостныхъ дышала красота.

2. Смущались мудрецы. Душа, слагая крылья,
Послѣднее „прости“ шептала небесамъ,
Я воскресила въ ней надежду и усилье,
Я землю привела къ небеснымъ ступенямъ.

1. О, чаша полная и меда, и вина!
Страны плѣнительной плѣнительное пѣнье!
Я вижу алтарей пустынное забвенье,
Я вижу: мертвая безмолвствуетъ страна.

2. Проснись, проснись, очагъ нетлѣннаго огня!
Мой духъ осиротѣлъ въ осиротѣломъ мірѣ,
Когда возстанешь ты въ таинственной порфирѣ,
Заря единаго, немеркнущаго дня?

Д. Шестаковъ.

Смерть солнца.

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Укоръ ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осеннiй вѣтеръ стонетъ
И вдоль пустыхъ аллей деревья грустно клонитъ,
О, солнце, а на нихъ—твой слѣдъ, кровавый слѣдъ!

Взлетаетъ къ облакамъ листокъ осиротѣлый—
И въ часъ, когда мечта родится за мечтой,
Колышется въ рѣкѣ, багрянцемъ залитой,
Багровое гнѣздо на вѣткѣ почернѣлой.

Изъ славныхъ ранъ твоихъ, родникъ и свѣточъ дня,
Какъ изъ груди борца потокъ любви высокой,
Струится золото лучистое широко.

Ты умираешь... Ахъ! Лишь ночь—вотъ смерть твоя!
Но сердцу, что въ конецъ разбито, сердцу кто же
Вернетъ и жизнь, и свѣтъ—вернетъ надежду, Боже?

В. С. Лихачевъ.

Городъ.

Плачетъ городъ, волною окутанный смрадной
Тяжелаго дыма.
Усталые люди толпою нарядной,
Угрюмой толпою,
Все движутся мимо.
Разрушены храмы
Безбожной рукою;
Повержены боги.

Могильщики роютъ кровавыя ямы—
Уснувшимъ берлоги—
И ставятъ надъ ними кресты.
Подъ мертвыя звуки:
„Почійте въ покоѣ,“
Въ кровавыя ямы ложатся герои,
Носители муки,
Владыки мечты.
Звонарь одинокій на башнѣ старинной
Веревкою водитъ,
И колоколъ мѣрно гудитъ,
Почившихъ владыкъ усыпляя.
Съ улыбкой змѣиной
Свой плѣнъ расторгая,
Рабы успокоенно бродятъ
Вокругъ неистоптанныхъ плитъ.
Плачетъ городъ угрюмый... Несется уныло
Надъ мукой безбрежной,
Надъ городомъ мрачнымъ, усталымъ
Похоронныхъ рыданій волна.
Зіяетъ нѣмая могила,
Владыка почилъ безмятежно...
Страданія скрыты забраломъ
Мертваго сна.
Плачетъ городъ угрюмый. Вдоль улицы шумной,
Черной цѣпью стоятъ фонари,
Обливая мигающимъ свѣтомъ
Снующихъ въ безвѣстную даль.
Стадо женщинъ съ улыбкой безумной
Встрѣчаетъ прохожихъ привѣтомъ
И зоветъ до зари
Убаюкать печаль.
Ночь обрядъ совершаетъ вѣнчальный
Между сумрачныхъ, каменныхъ стѣнъ.
Беззаботная ночь
Обручаетъ свою мимолетную дочь
И прохожему съ лаской прощальной
Отдаетъ ее въ плѣнъ.

Плачетъ городъ... Свинцовыя тучи повисли
Надъ спящими мирно домами,

Гдѣ прячется, словно въ пустынѣ,
Прохожій отъ гула заботъ.
Молчатъ одинокія мысли,
Погасло дрожащее пламя,
И теплое ложе рабыни
Ревниво зоветъ.

Окутаны дымкой тревожной измѣны,
Тамъ, крадучись, люди стремятся на встрѣчи
Для страстныхъ объятій
Невольницъ ночныхъ.
И слушаютъ мрачныя стѣны,
Свидѣтели таинствъ-зачатій,
Безвольныя, грубыя рѣчи,
Въ дали прозрѣвая туманной
Грядущія толпы живыхъ
Пророковъ кроваваго мщенья.

Свершается...
Смерть и рожденья
Сплетаются въ безднѣ багряной;
Вѣнчанья и черныя мессы,
Спасителя крестъ и мечи.

Просыпается городъ угрюмый,
Распались ночныя завѣсы;
Проснулись тревожные шумы,
И въ землю вонзились лучи.

Эразмъ Штейнъ.

Хозе Марія де-Эредіа.

Антоній и Клеопатра.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Оба,—съ высокой террасы,—они любовались зарею.
Знойный Египетъ дремалъ, задыхались небесные своды...
Тихо катились къ Бибасту могучія нильскія воды,
Темную дельту тревожа лѣнивой и тучной струею.

Нѣжно склонясь надъ царицей,—блистающій воинъ въ шеломѣ,—
Долго ласкалъ и баюкалъ свою Клеопатру Антоній.
Сердце его ликовало, и слышалъ онъ: къ золоту брони

Гибкое тѣло прижалось, дрожитъ, обмираетъ въ
истомѣ.

Блѣдная, въ черныхъ кудряхъ, ароматнымъ дыханьемъ чаруя,
Молча царица раскрыла уста и ждала поцѣлуя.

Въ свѣтлыхъ зрачкахъ загорѣлись безсчетные жемчуги ночи...

Воинъ дрожалъ, разгораясь... и, глядя въ безбрежныя очи,
Видѣлъ лазурное море, глубокое море безъ мѣры...
Видѣлъ, что въ даль убѣгаютъ по тихому морю
галеры.

В. Жуковскій.

Tepidarium.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

И члены миррою сирійской умастя,
Онѣ покоятся въ истомѣ сладострастной.
Съ жаровенъ бронзовыхъ струится отблескъ красный,
На поблѣднѣвшихъ лбахъ причудливо блестя.

Порой, дыханіе тревожно участя,
Рабыня, жаждою палимая напрасной,
Съ подушки медленно поднимется атласной,
И снова падаетъ, виссономъ шелестя.

Жена восточная, на пурпурной постели,
Сквозь сонъ почуявши, какъ въ обнаженномъ тѣлѣ
Хотѣнье бѣшенымъ пожаромъ разлилось,

Пьянитъ Авзонскихъ дѣвъ, стыдливыхъ и покорныхъ,
Богатой, дикою гармоніею черныхъ,
По тѣлу мѣдному крутящихся волосъ.

Сергѣй Соловьевъ.

Сонетъ.

Изъ Х М. де-Эредіа.

Помедли, о, путникъ, надъ этой могилой,
И если къ знакомымъ идешь берегамъ,
Къ Элладѣ далекой — не встрѣтишь ли тамъ
Отца моего, престарѣлаго Илло?

Скажи, что сошелъ я подъ вѣчную сѣнь,
Убитый врагами, и, волею неба,
Доселѣ блуждаетъ во мракѣ Эреба
Моя неотмщенная тѣнь.

И если въ отчизнѣ, съ закатомъ денницы,
Ты женщину встрѣтишь у скромной гробницы,—
То мать моя, путникъ! Тиха и блѣдна,

Въ печали глубокой и кротко-безбурной,
Она надъ пустою сконяется урной:
Слезами ее наполняетъ она.

О. Чюмина.

Плотникъ Назарета.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Едва зардѣлъ зари предъутренній вѣнокъ,
И горы синія возникли изъ тумана,
Іосифъ для работъ съ одра поднявшись рано,
Стругаетъ дерево, ворочая станокъ.

Онъ трудится весь день, усталъ и одинокъ...
Но вотъ длиннѣе тѣнь высокаго платана,
Гдѣ Богородица и праведнная Анна
Сидѣли съ мальчикомъ, играющимъ у ногъ.

Раскалена лазурь, и вѣтеръ не шелохнетъ.
Іосифъ ждетъ, когда горячій потъ просохнетъ,
И вытираетъ лобъ, замедливъ надъ доской.

Онъ жадно воду пьетъ изъ принесенной кружки,
А ученикъ во тьмѣ глубокой мастерской
Струитъ опилковъ дождь и золотыя стружки.

Сергѣй Соловьевъ.

Богъ садовъ.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Чужой, не подходи! Я знаю, ты хитеръ!
Подъ кущами садовъ назрѣли торопливо
Тяжелый виноградъ и жирныя оливы:
Ты хочешь обокрасть меня, лукавый воръ!

Смотри, я стерегу! Эгинскимъ пастухомъ
Изъ пня смоковницы я сдѣланъ неумѣло.
Надъ нимъ, ваятелемъ, глумиться можешь смѣло,
Но съ богомъ не шути: Пріапъ отплатитъ зломъ.

Любимецъ моряковъ, съ галеры въ старину
Я весело смотрѣлъ на хмурую волну,
Румяное лицо поднявъ надъ влагой пѣнной...
Мнѣ больше не видать привѣтливыхъ Цикладъ:
Презрѣнью обреченъ, я сторожу безсмѣнно
Отъ хитрыхъ грабежей плоды и виноградъ.

В. Жуковскій.

Забвеніе.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Въ руинахъ древній храмъ, стоящій на вершинѣ;
Въ суровой мѣстности нѣмая смерть царитъ...
Лишь тощая трава кой-гдѣ еще торчитъ
Межъ богомъ бронзовымъ и мраморной богиней.
Лишь иногда пастухъ прогонитъ по пустынѣ
Стада на водопой и пѣсней, что звучитъ
Глубокой стариной, окрестность огласитъ,
И тѣнь его прерветъ унылость дали синей.

Природа мать, въ любви къ языческимъ богамъ,
Здѣсь каждою весной, вотще краснорѣчива,
Въ колоннѣ сломанной роститъ акантъ красивый.
Но житель нынѣшній ужъ глухъ къ былымъ мечтамъ:
Рыданью волнъ морскихъ, въ молчаньи ночи ясной
По нимфамъ плачущихъ, онъ внемлетъ безучастно.

Пл. Красновъ.

При лунномъ свѣтѣ.

Когда засыпаетъ весь міръ и надъ міромъ сверкаетъ луна,—въ молчаніи рощъ, золотистыхъ и темныхъ, и вьется, и льется мольба соловья. Онъ молитъ, онъ плачетъ о грезѣ забытой — о грезѣ любви...

И льются при свѣтѣ лучей серебристыхъ видѣнья и сны.

И сны раздвигаются свѣтлой толпою надъ темной землей, склоняются тихо они къ изголовью заснувшихъ людей. Слова ихъ скользятъ, какъ мелодія плеска играющихъ волнъ...

Они утѣшаютъ больного въ постели, забывшагося въ полуснѣ, они разгоняютъ мечты молодыя въ сердцахъ...

Вотъ склоняются сны къ одному изголовью, къ головѣ молодой. Лобъ горитъ, и жемчужныя капельки пота стекаютъ по лбу изъ-подъ пряди густой. Рѣсницы дрожатъ, губы раскрыты и тихо лепечутъ слова:

— Никакихъ идеаловъ на свѣтѣ не стало. Состраданіе одно... Человѣчество стонетъ, больное человѣчество жалкое дрожитъ... И ему помогать, ему жизнь отдавать... Идеаловъ на свѣтѣ не стало.

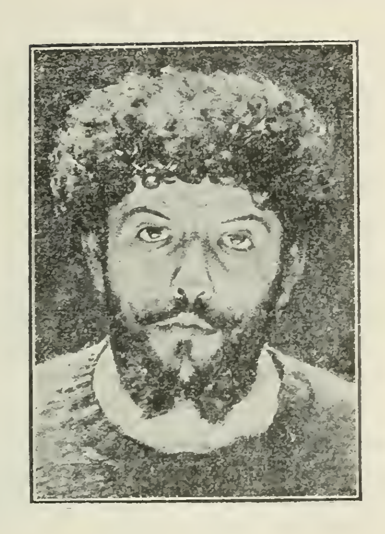
И смѣются безшумно волшебные сны, колыхаясь подъ вѣтвью сирени. И чело лучезарное тихо они наклоняютъ надъ сонной постелью. И ихъ шопотъ скользитъ, какъ безшумный полетъ насѣкомыхъ ночныхъ, какъ движеніе цвѣтка подъ луной,— и скользитъ, и скользитъ, и скользитъ...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда. Поднимай свою голову смѣло—смотри вверхъ. Смотри вверхъ! Бродятъ тамъ идеалы великіе... Ихъ учись понимать, ихъ учись уважать, наполняй ими сердце широко... Идеалы даютъ людямъ жизнь, поднимаютъ высоко.

— И все тверже шаги, все сильнѣй голова, все могучѣй и жизненнѣй сердце у людей, поднимающихъ головы вверхъ, у людей, не боящихся солнца...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда.

Мирэ.



Жанъ Ришпенъ.

Стремленіе къ безконечному.

Изъ Ж. Ришпена.

Душу излившій въ одномъ поцѣлуѣ влюбленный;
Бѣлая лилія, къ солнцу стремясь по утру;
Царь океана, порывами бурь опьяненный;
Мученикъ юный, безстрашно идущій къ костру;

Въ чащѣ олень, испускающій крикъ изступленный;
Въ клѣткѣ своей о свободѣ мечтающій левъ;
Древній мудрецъ, надъ рѣшеньемъ задачи согбенный;
Чуткій поэтъ, повторяющій риѳмы напѣвъ,—

Всѣ, не взирая на горе, сомнѣнья, утраты,
Всѣ, какъ одинъ, безконечнаго жаждой объяты,
Тщетнымъ желаніемъ каждаго сердце полно.

О, неотступное къ вѣчности грозной влеченье!
Въ немъ—наша слабость, и въ немъ же—залогъ
возрожденья;
Къ жизни и къ смерти приводитъ собою оно.

О. Михайлова.

Эпитафія—для кого угодно.

Изъ Ж. Ришпена.

Невѣдомо, зачѣмъ на землю онъ явился,
И умеръ онъ зачѣмъ—вопросъ неразрѣшимъ.
Нагимъ онъ былъ рожденъ и лишь того добился,
Что въ гробъ сошелъ нагимъ.

Веселье и печаль, отчаянье и вѣру
Онъ въ здѣшнемъ странствіи, какъ всѣ, переживалъ,
И слезъ, и хохоту ему досталось въ мѣру,—
Онъ міръ съ улыбкой озиралъ.

Онъ ѣлъ и пилъ, а на ночь спать ложился,
Но, вставъ, опять невольно пилъ и ѣлъ;
Съ разнообразіемъ такимъ онъ помирился
И ладилъ, какъ умѣлъ.

Его добро осталось безъ награды,
Съ него никто не взыскивалъ за зло,
Въ любви друзей не видѣлъ онъ отрады,
Враги—погибли безъ него.

Любилъ онъ много разъ. Подругъ своихъ мѣняя,
Онъ пресыщенія достигъ и захандрилъ,
И вотъ—пронесся онъ, какъ тучка дождевая,
И слѣдъ его простылъ...

С. А. Андреевскій.

Тайна.

Изъ Ж. Ришпена.

Что дѣлать, осликъ мой! Смиримся. На полянѣ
Пасешься мирно ты, привязанъ на арканѣ,
И сладостенъ тебѣ колючекъ этихъ кустъ,
Какъ сладостны и мнѣ лобзанья милыхъ устъ.

Но все же мы съ тобой на привязи, въ неволѣ.
И ревомъ выразивъ гнетущую печаль,
Глазами влажными ты грустно смотришь вдаль
И шею вытянувъ, мечтаешь ты о волѣ.

И что влечетъ тебя въ сіяющій просторъ,
Гдѣ солнце золотитъ вершины темныхъ горъ—
О томъ не знаешь ты. И также непрерывно
Мы—узники земли, отъ всѣхъ ея даровъ
Стремимся за рубежъ невѣдомыхъ міровъ
Очами скорбными мы жаждемъ тайны дивной.

О. Чюмина.

Греческій сонетъ.

(Изъ „Les caresses" Ж. Ришпена).

Ваятель Праксите́ль (чудесное преданье!)
Однажды кубокъ такъ изваять пожелалъ,
Чтобъ контуромъ однимъ онъ сердце въ насъ плѣ-
нялъ...
Но тщетны были всѣ порывы и старанья!..

Однажды вечеромъ въ пылу очарованья
Онъ грудь своей подруги лобызалъ.—
И былъ рѣшенъ вопросъ!.. Онъ кубокъ изваялъ
И въ кубкѣ воплотилъ той груди очертанья...

Подъ шествіемъ вѣковъ забытая толпой,
Исчезла та, чью грудь божественно-прекрасной
Въ твореньѣ воплотилъ художникъ молодой,

Отъ тлѣнья сохранивъ на вѣкъ любовью страстной...
Но кубокъ тотъ живетъ и формой неземной
Плѣняетъ смертный взоръ безсмертной красотой!

Эллисъ.

* * *

Дай руку мнѣ, любовь моя,
Дай руку мнѣ смѣлѣй!
Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
И блескъ твоихъ очей.

Не слабъ мой духъ и твердъ мой шагъ,
И вѣрь, ребенокъ мой,—
Ни грозный рокъ, ни сильный врагъ
Не сломятъ насъ съ тобой.

Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
Мы весело вдвоемъ,
Рука съ рукой, поднявъ чело,
Въ широкій свѣтъ пойдемъ;

Въ широкій свѣтъ, громадный свѣтъ,
Въ міръ вѣчной суеты,
И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
И лжи, и красоты!

Не страшенъ мнѣ безвѣстный путь,
Не вѣрю я въ злой часъ,
Сильна рука моя, и грудь
Крѣпка, и зорокъ глазъ.

Что намъ—что свѣтъ и золъ, и грубъ?
Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
За око—око, зубъ за зубъ
И кровь воздать за кровь!

Смѣлѣй же въ даль, и въ шумъ, и въ гамъ,
Навстрѣчу суетѣ,
Навстрѣчу счастью и бѣдамъ,
И лжи, и красотѣ!

М. Л. Михайловъ.

Ковыль.

Весной на волѣ цвѣлъ ковыль,
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную быль
Залетный вѣтерокъ.

Любилъ ковыль небесъ лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны студеной плескъ.

Любилъ онъ вешній первый громъ
Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ
И радуги красу.

Но вотъ сгустились облака;
Пригнувъ къ землѣ ковыль,
Пронесся вихрь издалека
И заклубилась пыль.

Она зловѣщей тучей шла,
Отвѣсною стѣной,
И вмигъ ея густая мгла
Затмила свѣтъ дневной.

Покрыла пыль, какъ мертвый слой,
Просторъ полей и нивъ,
Живое все своею мглой
Отъ солнца заслонивъ.

Когда же молнія, какъ лучъ,
Прорѣжетъ небеса,
И хлынетъ дождь изъ темныхъ тучъ
На землю, какъ роса?

Гроза весенняя, разсѣй
Мертвящій, душный гнетъ,
Пускай природа грудью всей
Свободнѣе вздохнетъ!

Пусть смоетъ влагой дождевой
Удушливую пыль
И вновь изъ праха головой
Подымется ковыль.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

* * *

...Скажи мнѣ: что выше природы,
Ея вѣковѣчныхъ красотъ,
Великаго царства свободы,
Гдѣ крѣпнетъ душа и растетъ?
Что можетъ природы быть краше?
Она—безъ границъ водоемъ,
Откуда мы полною чашей
Отраву забвенія пьемъ.
Ея животворныя ласки
Врачуютъ и тѣло, и духъ;
Волшебныя вешнія сказки
Чаруютъ и очи, и слухъ.
На сѣверѣ дикомъ, угрюмомъ
И въ странахъ, гдѣ юга расцвѣтъ—
Повсюду сомнѣньямъ и думамъ
Сочувственный встрѣтишь отвѣтъ.
На всемъ отразился въ ней геній,
Проникнувшій въ каждый тайникъ.
И брызжетъ его вдохновеній
Прозрачный и свѣжій родникъ.
Гдѣ столько любви, наслажденья
И счастья безъ горечи, лжи,
Гдѣ въ тлѣньи кипитъ возрожденье,
Мудрецъ многодумный, скажи!?

В. П. Быковъ.

Франсуа Коппе.

Голова султанши.

Изъ Франсуа Коппе.

Сынъ великаго Мурада, Магометъ, султанъ суровый,
Сталъ задумываться крѣпко: занятъ былъ онъ мыслью новой.
Въ тишинѣ ль глубокой ночи, посреди ль дневного шума
Въ головѣ его гнѣздились все одна и та же дума.
Онъ ходилъ, чело нахмуривъ, брови сдвинувши густыя:—
Не давалъ ему покоя славный городъ Византія.
Въ каикѣ своемъ роскошномъ, убаюканный волнами,
Все туда нетерпѣливо уносился онъ мечтами;
Видѣлъ издали онъ городъ—башни, куполы и шпицы—
И прислушивался жадно къ шуму смутному столицы;
Отъ ея дворцовъ и храмовъ оторвать не могъ онъ взора,
Отражавшихся такъ чудно въ голубыхъ водахъ Босфора.

— „Да, возьму я Византію,—эти храмы и палаты...
Но для подвиговъ великихъ нужны храбрые солдаты.
Много крови тутъ прольется, не отдастся городъ даромъ!“
Размышлялъ онъ и горстями сыпалъ деньги янычарамъ.
Но солдаты облѣнились, заплыли, какъ свиньи, жиромъ,
Развращенные до-нельзя черезчуръ ужъ долгимъ миромъ.
Что ни дай—а все имъ мало! и опять они вопили,
Новыхъ, новыхъ все подарковъ отъ щедротъ его просили.
Магометъ крѣпился долго, гнѣвный, сумрачный, но скрытный;
Наконецъ, онъ возмутился ихъ корыстью ненасытной.
Давъ агѣ ихъ оплеуху, всѣхъ заботъ оставивъ бремя,
Раздраженный повелитель заперся въ своемъ гаремѣ.
Тамъ безвыходно сидѣлъ онъ.—Проходили дни за днями,
А султанъ не появлялся, скрылся толстыми стѣнами.
И солдаты взбунтовались; раздались свистки и крики
Этой шайки своевольной у дворца ея владыки;
Все грознѣй вздымался ропотъ, все росла возстанья сила,
Но дворецъ не отпирался, былъ безмолвенъ, какъ могила.
И напрасно раздавался ревъ буяновъ разъяренныхъ
Возлѣ этихъ стѣнъ массивныхъ, жгучимъ солнцемъ накаленныхъ.

Слухъ прошелъ между войсками, ихъ наполнивъ озлобленьемъ,
Что властитель, оскорбившій ихъ такимъ пренебреженьемъ,
Тотъ, кто долженъ быть примѣровъ славной доблести солдату,
Запершись въ своемъ гаремѣ, предается тамъ разврату;

Что давнишнія желанья битвы, славы и побѣды
Отдалъ онъ за поцѣлуи и любовныя бесѣды;
Что теперь у Магомета ужъ другая есть приманка,
Что его околдовала синеокая гречанка.
Онъ отнынѣ не желаетъ въ бой вести ихъ и сражаться,
А намѣренъ, въ праздной нѣгѣ, сладострастью предаваться.
Развалившись на диванѣ, на гузлѣ султанъ играетъ
И персидскими стихами слухъ рабыни услаждаетъ.

„Стыдъ лѣнивому султану! трусу!“—крики раздаются;
Волны бунта все сильнѣе въ стѣны каменныя бьются.
Не корысть ему причина, нѣтъ о золотѣ и рѣчи.
„Мы хотимъ—кричатъ солдаты—славной битвы, страшной сѣчи!
Темной ржавчиной покрылась сабля славная Османа...
Просимъ мы войны и крови у безпечнаго султана!
Иль бараниной и рисомъ насъ откармливаютъ даромъ?
По три аспра намъ довольно... много ль нужно янычарамъ!
Но бѣда тому султану, что пугается кинжала
И котораго гречанка жгучимъ взглядомъ оковала!
Пусть онъ выйдетъ! Мы желаемъ снова видѣть Магомета!
Пусть онъ выйдетъ! Мы не станемъ долго ждать его отвѣта.
Отворите тотчасъ двери, или мы ихъ разломаемъ!
Подавайте намъ султана! Говорить мы съ нимъ желаемъ!“

Но попрежнему безмолвенъ, грозенъ былъ дворецъ султанскій,
Запертъ на-глухо тяжелой круглой дверью мавританской.

Былъ однако же придворный, что свободно и безъ страха
Могъ порою постучаться въ дверь гарема падишаха.

Звался онъ Халиль-пашою, былъ онъ визиремъ по сану.—
И настойчиво онъ проситъ нынѣ доступа къ султану,
И во внутреннемъ покоѣ, гдѣ треножники стояли
Золотые и куреній ароматъ распространяли,
Въ сладкой нѣгѣ растянувшись на широкомъ оттоманѣ,
Съ брилліантовой эгреткой на большомъ своемъ тюрбанѣ,
Магометъ любимца принялъ, величавый и надменный.
Между тѣмъ какъ тотъ склонился въ позѣ рабской и смиренной,
Руки деспота небрежно по струнамъ гузлы блуждали,
Та жъ, по поводу которой янычары бунтовали,
Молодая эпиротка, помѣщалась у дивана
На огромной львиной шкурѣ, на полу, у ногъ султана;
И, почти совсѣмъ нагая, лишь волосъ своихъ волною
Прикрывала грудь и плечи съ ихъ сверкавшей бѣлизною.

—„Ну, чего мой визирь хочетъ, что сказать онъ мнѣ желаетъ,
И зачѣмъ онъ безъ призыва здѣсь покой нашъ нарушаетъ?
Плохо выбрана минута: я султаншу занимаю,
И достойные Гафиза ей стихи теперь читаю.“
— „Не такое нынѣ время, благородный сынъ Мурада,“—
Отвѣчалъ Халиль султану,—„не о томъ намъ думать надо;
Не о томъ, чтобы стихами и любовью наслаждаться:
Янычары взбунтовались, во дворецъ хотятъ ворваться.
Государь! Явись предъ ними вновь въ величіи суровомъ,
Укроти ихъ гнѣвнымъ взглядомъ, усмири ихъ властнымъ словомъ:
Лишь тебѣ возможно это! Пусть калифа появленье
Вновь направитъ непокорныхъ на стезю повиновенья;—

И поймутъ они, какъ дерзко предъ тобою погрѣшали;
Но ты долженъ показаться, а не то—мы всѣ пропали!“
Между тѣмъ какъ старый визирь, съ видомъ важнымъ и серьезнымъ,
Говорилъ, свой станъ согнувши предъ владыкой этимъ грознымъ,
Улыбался тотъ гречанкѣ съ чудно-синими глазами,
Что теперь къ нему прильнула, обвила его руками
И всѣмъ тѣломъ трепетала, глядя въ страхѣ на султана,
Грудь царапая нагую о шитье его кафтана,
Гдѣ по фону золотому изъ парчи, вились узоры
Изъ рубиновъ, изумрудовъ, красотой плѣняя взоры.

— „Такъ меня желаютъ видѣть?—онъ къ Халилю обратился,—
Хорошо... сейчасъ я выйду... Я слегка погорячился,
Покапризничалъ немного... Но я знаю, вѣдь, солдата.
Я мятежныхъ успокою,—будутъ смирны, какъ ягнята!“
Изъ объятій эпиротки, съ тихимъ, нѣжнымъ извиненьемъ,
Магометъ освободился и густыхъ бровей движеньемъ
Подозвалъ къ себѣ онъ Джема, вставъ съ широкаго дивана
(Это былъ нубіецъ-евнухъ, приближенный рабъ султана);
И, шепнувъ рабу два слова, величавою стопою,
Вмѣстѣ съ визиремъ Халилемъ, старцемъ въ бѣлой бородою,
Повелитель правовѣрныхъ, станъ свой выпрямивъ высокій,
Изъ своихъ покоевъ вышелъ, и по лѣстницѣ широкой,
Изъ роскошнаго порфира, началъ къ выходу спускаться.
Между тѣмъ за дверью крики продолжали раздаваться;
Но спокойно шелъ навстрѣчу онъ опасности великой,

Точно онъ совсѣмъ не слышалъ рева этой черни дикой.
Вотъ широко распахнулась дверь, такъ долго запертая,
И явилась предъ султаномъ площадь, блескомъ залитая,
Въ золотомъ туманѣ солнца, съ моремъ фесокъ и тюрбановъ,
И оружья, и одежды—поясовъ, шальваръ, кафтановъ.
Это море волновалось въ безпорядкѣ шумномъ, дикомъ.
Вдругъ оно остановилось... и однимъ громовымъ крикомъ,
Взрывомъ грянувшаго разомъ и невольнаго привѣта,
Эти тысячи народа принимаютъ Магомета.
И властитель правовѣрныхъ, предъ толпою ихъ огромной
Сталъ величественно, гордо, весь въ лучахъ, у арки темной.
Позади его былъ визирь, а затѣмъ—фигура Джема,
Что пришелъ съ мѣшкомъ какимъ-то вслѣдъ за ними изъ гарема.
И по мраморному полу сдѣлавъ два шага отъ входа
Прямо къ этой пестрой массѣ напиравшаго народа,
Взглядомъ гнѣвнаго презрѣнья Магометъ его окинулъ,—
И предъ этимъ грознымъ взглядомъ весь потокъ ея отхлынулъ.
„Что вамъ нужно?“—загремѣлъ онъ. Но толпа не отвѣчала,
Точно все свое нахальство на минуту потеряла.
Шумъ смѣнился тишиною; мигъ, другой—все нѣтъ отвѣта,
„Что вамъ нужно?“—повторяетъ гнѣвный голосъ Магомета.
Всѣ молчатъ. Но вотъ отъ прочихъ старый воинъ отдѣлился,
Въ шрамахъ весь отъ ранъ давнишнихъ; онъ глубоко преклонился
И отважно, не смущаясь передъ деспотомъ суровымъ,

Обратился къ Магомету съ твердымъ, мужественнымъ словомъ:

—„Повелитель правовѣрныхъ! Ты—священная особа,
Мы твои, душой и тѣломъ всѣ,—и нынѣ, и до гроба
Мы довольны нашей платой, мы рабы твоей державы
И готовы мы погибнуть для твоей великой славы.
Но старѣйшему солдату твоего отца Мурада,
Старику, что съ нимъ сражался въ битвахъ противъ Гуніада,
Скандеръ-бега и Дракуля, не безъ доблести и чести,
Ты позволь сказать всю правду, безъ утайки и безъ лести:
Всѣ къ тебѣ горятъ любовью, всѣ питаютъ уваженье,
Если жъ въ этомъ ты народѣ видишь нынче раздраженье,
То ему причина— слухи, разносимые молвою,
Что ты сталъ рабомъ гречанки, занятъ ею лишь одною;
Что, забывши все на свѣтѣ, и къ правленью безучастный,
Вмѣстѣ съ нею ты проводишь время въ нѣгѣ сладострастной.
Докажи, что эти слухи оскорбляютъ властелина:
На коня!—и понесется за тобой твоя дружина.
Покажи своимъ отважнымъ старымъ соколамъ османскимъ
Непріятеля; стравы ихъ съ войскомъ греческимъ·албанскимъ—
И, въ своихъ когтяхъ могучихъ, твоему послушны кличу,
Принесутъ они Калифу, всѣ въ крови, свою добычу!
И клянусь тебѣ Аллахомъ, говорю тебѣ я это
Отъ лица всѣхъ правовѣрныхъ, ожидающихъ отвѣта".
— „Знай, храбрецъ,—вскричалъ властитель,—эти мраморныя плиты
Были бы твоею кровью въ этотъ самый мигъ залиты,
Если бъ я не зналъ, что старцы умъ теряютъ свой съ годами,

Если бъ ты украшенъ не былъ благородными рубцами.
Значитъ, вѣрятъ, значитъ, можно убѣдить въ томъ
и солдата,
Что такую власть имѣетъ страсть надъ сыномъ Аму-
рата;
Что онъ мужество утратилъ, глупой прихотью вол-
нуемъ,
Что расплавила гречанка это сердце поцѣлуемъ!
О, народъ неблагодарный, безтолковые бараны,
Вы, заносчивая сволочь, дрянь, задорные буяны!
Какъ осмѣлились вы думать деревянными башками,
Что сковать возможно было льва цвѣточными цѣ-
пями?
Какъ дерзнули обвинять вы—черви, гады—падишаха,
Властелина правовѣрныхъ и земную тѣнь Аллаха?
И на это обвиненье вы желаете отвѣта?
Вотъ онъ вамъ, собачьи дѣти, отъ султана Маго-
мета!"
И когда, дрожа отъ гнѣва, страшнымъ голосомъ гро-
мовымъ,
Заключилъ онъ рѣчь къ народу этимъ грознымъ
вѣскимъ словомъ,
То къ убійцѣ обратился и въ мѣшокъ изъ кожи
грязной,
Что ему мгновенно подалъ этотъ евнухъ безобразный,
Сунулъ царственную руку предъ толпою изумленной
И тотчасъ оттуда вырвалъ съ головой окровавлен-
ной,—
Съ головой своей гречанки, нѣжной, юной и пре-
красной,
Что рабамъ велѣлъ зарѣзать этотъ деспотъ само-
властный.

Звѣрски, гнусно, безобразно отдѣленная отъ стана
Сверху груди до затылка, вкось, ударомъ ятагана,
Страшный видъ она имѣла, съ плотно сжатыми зу-
бами,
Съ массой косъ окровавленныхъ, съ расширенными
зрачками
Синихъ глазъ, что такъ лучисты, такъ полны сіянья
были,

Но предъ этой гнусной казнью въ дикомъ ужасѣ
застыли...
И ее за эти косы Магометъ держалъ рукою,
И своимъ трофеемъ страшнымъ потрясалъ онъ надъ
толпою,
Что, какъ будто задохнувшись, стихла вдругъ, ока-
менѣла—
И на голову гречанки тупо, въ ужасѣ глядѣла,
Между тѣмъ какъ кровь обильной изъ нея струей
бѣжала
И на бѣлый мраморъ пола краснымъ ливнемъ упадала.
Вечерѣло. Въ это время лучезарное свѣтило
На прозрачно-синемъ небѣ въ полномъ блескѣ за-
ходило;
И въ своемъ закатѣ чудномъ, тихомъ, плавномъ, ве-
личавомъ
Обдало оно внезапно яркимъ пурпуромъ кровавымъ
Все пространство горизонта, вплоть до Мраморнаго
моря;
И казалось, что свѣтило кровью плакало отъ горя.
И вся даль, и вся окрестность, что могли окинуть
взоры,
И долины, и стѣною обступившія ихъ горы,
Зданья, башни, минареты, портъ, наполненный су-
дами,
Рынки, шумные кварталы и мечети съ куполами,
И дворецъ съ массивной дверью, съ мавританскимъ
круглымъ сводомъ,
Небо, море, янычары и султанъ передъ народомъ,
Съ гнѣвнымъ жестомъ властелина,—все внезапно
стало краснымъ.
И, казалось, это было предвѣщаніемъ ужаснымъ;—
Точно солнце говорило, этимъ ярко-краснымъ цвѣ-
томъ,
О потокахъ теплой крови, что прольется Маго-
метомъ...

Но зловѣщаго символа эта чернь не замѣчала;
Ужъ теперь она въ восторгѣ дико, бѣшено
кричала,
Прославляя Магомета, съ упованьемъ и любовью

Созерцая эту руку, всю забрызганную кровью.
И солдаты предъ калифомъ, какъ рабы, распростирались,
И къ колѣнамъ властелина другъ передъ другомъ порывались,
И небесъ благословенье призывали на султана,
Жарко, страстно лобызая нижній край его кафтана,
Робко, льстиво, какъ собаки, на лицо его смотрѣли...
Наконецъ, всѣ эти ласки Магомету надоѣли:
Онъ брезгливо повернулся—и рукой своею бѣлой
Бросилъ голову гречанки въ глубь толпы остервенѣлой;
И когда толпа, въ восторгѣ, снова громко закричала,—
На лицѣ его суровомъ злая радость засіяла,—
И промолвилъ онъ Халилю, указавъ ему съ презрѣньемъ
На народъ, что упивался этимъ гнуснымъ преступленьемъ,
На солдатъ, что раболѣпно передъ нимъ склоняли выю:
—„Ну, теперь они готовы и возьмутъ мнѣ Византію!"

Д. Л. Михаловскій.

Весна.

Гдѣ, юноши, весна? Осенній вѣтеръ злится
И жалитъ, словно змѣй, и бьетъ въ лицо, какъ
кнутъ,
Сырая оттепель безпомощно слезится,
Тѣ слезы грязныя назойливо текутъ.
Холодная лазурь, какъ изъ-подъ маски смутной,
Порой покажется сквозь пологъ сѣрыхъ тучъ
И хочетъ насъ прельстить улыбкою минутной,
И посылаетъ намъ поддѣльной ласки лучъ.
По вечерамъ, во мглѣ, въ послѣдній часъ заката,
Заря кровавая рождается вдали,
Какъ знамя красное, и движется куда-то,
И медленно плыветъ надъ рубежомъ земли.
Что часъ, мѣняется безсмысленная воля
Растерянныхъ небесъ. На четырехъ концахъ
Равнины сѣверной встаютъ туманы съ поля...
Гдѣ, юноши, весна?.. Она у насъ въ сердцахъ.
Она росла въ борьбѣ. Не блескъ утра привѣтный,
Не ореолъ лучей,—у ней въ лицѣ гроза.
Призывъ ея гремитъ отвагой беззавѣтной,
И мечутъ молнію глаза.
Цвѣточнаго вѣнка она носить не хочетъ.
Простоволосая, безъ шапки, вся въ огнѣ,
Она летитъ впередъ, и свищетъ, и хохочетъ,
Какъ дикій всадникъ на конѣ.
Задоръ ея кипитъ и пѣнится, какъ чаша
Шипучаго вина. Въ ней радость бьетъ ключемъ.
Та бурная весна—живая юность наша!..
Ей гнетъ ненастій нипочемъ,
Ей мѣстс есть вездѣ. Ей весело рѣзвиться
На шумной улицѣ, въ рядахъ толпы густой.
Задѣть ее нельзя: она рычитъ, какъ львица,
Готовая къ прыжку, лишь кто ей скажетъ: „Стой!"
На нивахъ и поляхъ она работы проситъ.—
Уже въ рукахъ ея блестящая коса,—
Она идетъ впередъ и безъ пощады коситъ
Не мягкую траву—дремучіе лѣса.

Широкимъ топоромъ она затворы рубитъ,
Тяжелымъ молотомъ желѣзный ножъ куетъ.
Не удержать ея! Она опасность любитъ,
Идетъ на приступъ и поетъ.
Та пѣсня вольная и полная веселья,
Какъ журавлиный кликъ, ликуетъ и звенитъ.
Она вливается въ глухія подземелья
И улетаетъ въ высь, на голубой зенитъ.
Предъ нею падаетъ тюремная ограда
И осыпается гранитный верхъ стѣны,—
Побѣды юной вѣсть, надежда и отрада,
Та пѣсня вольная есть первый громъ весны!

Танъ.

* * *

Есть среди грезъ одинокихъ одна,
Больше всѣхъ на землѣ одинокая...
Есть среди странъ недоступныхъ страна,
Больше всѣхъ для стремленья далекая...

Въ радостный часъ неземной высоты
Эта греза зарницею свѣтится,—
Счастливъ, кто въ нѣдрахъ нѣмой темноты
Съ этой искрой таинственной встрѣтится...

Въ темномъ пути по откосамъ земнымъ
Все изгладится въ сердцѣ, забудется,—
Только она, съ постоянствомъ живымъ,
Будто сонъ утоляющій, чудится.

Только она насъ незримо ведетъ
Каменистой тропой безконечности,
Тихо, какъ мать надъ малюткой, поетъ
О ликующихъ празднествахъ
Вѣчности...

Ю. Балтрушайтисъ.

Артистъ В. П. Далматовъ.

У смертнаго одра.

Изъ Т. Гуда.

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
Въ груди колебалась слабѣй и слабѣй
Послѣдняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы всѣ говорить,
Едва шевелились вокругъ,
Какъ будто часть жизни своей удѣлить
Хотѣли, чтобъ ожилъ нашъ другъ.

То страхомъ надежда убита была,
То страхъ былъ надеждой убитъ:
Уснула—и кажется намъ: умерла;
Скончалась—мы думаемъ: спитъ.

Туманное утро настало для насъ,
Сырая чуть дрогнула тѣнь,
А очи усопшаго друга, смежась,
Сіяющій видѣли день.

М. М.

Разрушенный молъ.

Фантазія.

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханьемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, покрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца,—когда-то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый, молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ —огромный и черный.

И волны морскія—могучія, вольныя волны встрѣчались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу,—и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія вольныя волны, пока не сломила ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудомъ блестятъ серебряныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной пучиною моря, пѣснь о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

* * *

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря-мать ихъ баюкала пѣсней, и въ весельи безпечномъ катились онѣ въ туманную даль... Но мрачный и злобный тиранъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ,—чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездной морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись... Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки, рабы принялись за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставали земли и въ пучину морскую бросали.

И море взыгралось.

Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно

упадаютъ: скачутъ, рѣзвятся, хохочутъ, угрюмыя скалы ласкаютъ.

Шепчутся волны: „То-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурые гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!"

Весело юнымъ волнамъ.

Буря лишь мать да отецъ-ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ, падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутилися волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые ихъ скована воля...

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью—со стономъ отхлынули прочь... Стѣна холодна, неприступна...

Вздрогнуло море...

Мчатся угрюмыя волны. „Измѣна, измѣна!" кричатъ. „Мы ихъ, какъ друзей, принимали. Свободу, свободу украли у насъ!"

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-урганъ.

„О, скалы, о, грозныя скалы! Когда-то и вы свободными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?"

Нахмурились грозныя скалы. „Не наша въ томъ воля"...—такъ мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся; зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны сзываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

„О, волны! о, бѣдныя волны. Погибла, погибла свобода! Отнынѣ рабами вы стали"...

И мрачно умчалися прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли; не будитъ ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ... И юныя волны угрюмо катятся,—не слышно ни смѣха, ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце тускло такъ свѣтитъ надъ ними, небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ.

Лишь юныя волны порой, истомившись въ суровой неволѣ, отважною ратью сбирались, однѣ на врага ополчались...

Грудью, сомкувшись, ударятъ объ острыя скалы—тщетно!... нѣмыя громады не дрогнутъ...

Гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздается,—то стонутъ разбитыя груди отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали,—все мрачнѣй и мрачнѣй становилось вокругъ...

Смирилися волны, утихли... Будемъ ждать, будемъ силъ набирать. .

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны,—гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали: спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ старымъ волнамъ—старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ.

„Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва...

Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами спорить!“

Бросились волны-гонцы родимыхъ искать,—матушку-бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по морю—нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

„Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вамъ мы гонцами пришли!

„Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное море летите!

„Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали!

„Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

„Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

„Не страшна намъ борьба и смерть не страшна.

„Лишь было бы море свободно!“

Трепетно сердце забилось у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили добрые, старые годы.

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ущелій въ безбрежное синее море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

„Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ, свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

„Вставайте, могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушьте преграды!“

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой, онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ, черныя тучи нависли кругомъ, какъ впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны сбирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась,—ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать.

„Впередъ, могучія волны! Смерть, иль свобода!“ Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы... близко ужъ волны... Несутся быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы—замертво пали.

Брызги пѣны горячей, какъ кровь, высоко подъ

небомъ взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать-буря: „Дѣти, родныя дѣти! Ужъ первыя пали... много еще васъ падетъ, но сломимъ силу врага!“

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянутъ назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало—сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнутъ, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ: всѣ волны въ одну собирались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Вздрогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хоть частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ! слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья!

Какъ могучіе львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись! Разсыпались бѣлыя кудри... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подъ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется новая рать...

Чуютъ кругомъ: или свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ.

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно

ударила въ стѣну—дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ.

Замерли волны. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулась снова .. Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ подались и съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

„Прочь, позорные трупы!“—скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

„Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежатъ!“

Разверзлось дно моря, и въ мрачную бездну съ проклятіемъ скалы упали...

„Наша ль вина?.. Волнамъ—слава, намъ—вѣчный позоръ за позорное дѣло“...

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ—свобода!

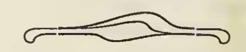
Г. А. Гершуни.

Узница.

Что мнѣ она—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!..
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходитъ за мной день и ночь?

Словно зоветъ меня, въ злѣ неповиннаго,
Въ судъ отвѣчать за нее—
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы;
Изъ полутьмы этой смотрятъ два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локотъ, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди....
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать, неужели?
Правда ли,—мнѣ говорятъ,—
Что эта дѣвушка въ счастьи не жившая,
Что ей не вѣрятъ и мстятъ,—
Мстятъ ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстятъ за свободу рѣчей,
Мстятъ ей за страстный порывъ нетерпѣнія,
Мстятъ за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ кишатъ лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана,
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что-нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть...

Я. П. Полонскій.



Артистъ Л. М. Леонидовъ.

Лѣтомъ.

Носятся стрекозы бирюзовыя
Надъ водой неслышными роями;
Осыпая гладь рѣчную блесками,
Солнце жжетъ отвѣсными лучами.

И лоза и камыши прибрежные
Чуть шуршатъ, надъ влагою склоняясь;
Сталъ стѣной—и дремлетъ лѣсъ развѣсистый,
Въ зеркалѣ недвижномъ отражаясь.

За рѣкой желтѣетъ нива спѣлая,
Шепчутся колосья наливные;
Вдалекѣ дымокъ чутъ видной струйкою
Въ небеса уходитъ голубыя.

Тихо все. Лишь рыбка серебристая
Вдругъ плеснетъ—и вновь исчезнетъ въ глуби.
Пчелъ прилежныхъ рой жужжитъ надъ липами
И воркуетъ горлица на дубѣ.

Лишь порой всколышетъ рѣчку сонную
Вѣтерокъ, ласкающій и тихій—
И въ лицо повѣетъ неожиданно
Ароматъ полыни и гречихи.

И слилась душа, забывъ волненія,
Съ тѣмъ покоемъ царственной природы;
Отъ земли, какъ струйка дыму легкаго,
Мысль уходитъ въ голубые своды...

В. Л. Величко.

Пѣсня Фортуніо.

Изъ А. де-Мюссе.

Названье милой вы хотите,
Друзья, узнать—
Не въ силахъ я, хоть тронъ сулите,
Ее назвать.

Мы можемъ пѣть, что я ревниво
Отдался ей,
Что не свѣтлѣе лѣтомъ нива
Ея кудрей.

Мое блаженство и отрада—
Лишь ей внимать,
И я готовъ, коль это надо;
Ей жизнь отдать.

Увы, любовью безнадежной
Душа полна;
Ее сгубилъ огонь мятежный,
Болитъ она.

Нѣмая смерть подъ сѣнь могилы
Меня зоветъ;
Пускай умру—названье милой
Со мной умретъ.

П. А. Козловъ.

Четыре всадника.

(Баллада).

I.

Вспыхнуло утро, багрянцемъ горя,
Брежжетъ въ окно золотая заря...
— Спишь ли ты, Майя, любимая дочь?
Гостя принять выходи мнѣ помочь.
Гость мой прекраснѣе юной весны,
Кудри его изъ лучей сотканы,
Нѣжно звучитъ его смѣхъ молодой,
Жизнь и веселье несетъ онъ съ собой!
— Дай мнѣ дремать въ очарованномъ снѣ...
Мальчикъ кудрявый, забудь обо мнѣ!
Грезы мои упоенья полны...
Дай досмотрѣть вдохновенные сны!

II.

— Выйди, о Майя, любимая дочь,
Гостя другого принять мнѣ помочь,
Лучшій нарядъ и вѣнецъ свой надѣнь:—
Видишь,—восходитъ торжественно день!
Гость мой и славенъ, и знатенъ вполнѣ,—
Вотъ онъ въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ;
Вьется за нимъ его плащъ голубой,
Блескъ и богатство несетъ онъ съ собой!
— Гость твой хорошъ,—но обманчивый видъ
Столько заботъ безконечныхъ таитъ,
Столько заботъ о ничтожномъ земномъ...
Дай же забыться мнѣ сладостнымъ сномъ!

III.

Солнце пурпурное скрылось давно;
Вечеръ таинственный смотритъ въ окно...
— Выйди, о Майя, любимая дочь,
Ставни закрыть приходи мнѣ помочь!
Кто-то печальный, въ молчаньи нѣмомъ,
Будто сейчасъ промелькнулъ за окномъ,—

Гесперъ вь лучистомъ сіяньи своемъ
Блещетъ звѣздою надъ яснымъ челомъ...
— Гостя напрасно не приняла ты...
Слышишь?—сильнѣе запахли цвѣты...
Ставни скорѣй распахни, моя мать,
Сладко мнѣ воздухъ прохладный впивать!

IV.

— Спи, моя Майя, любимая дочь!
Вотъ ужъ спустилася темная ночь,—
Кто-то на стройномъ конѣ ворономъ
Тихо подъѣхалъ и сталъ подъ окномъ...
Ликъ его чудный внушаетъ мнѣ страхъ,
Мѣсяцъ играетъ въ его волосахъ,
Черныя очи такъ ярко горятъ,
Траурнымъ флеромъ окутанъ нарядъ!..
— Встань же, родная, и двери открой,—
Это примчался возлюбленный мой,
Съ нимъ я въ объятіи жаркомъ сольюсь,
Къ звѣздному небу навѣкъ унесусь!

М. А. Лохвицкая (Жиберъ).

* * *

Камыши безсонные, воды полусонныя,
Ничего не ждущія
Отъ ночной тиши!
Грезы монотонныя—пропасти бездонныя,
Но къ себѣ зовущія—
Сумрачной души.

Камыши пугаются, воды оживляются
Тканью серебристою:
Рѣетъ въ міръ заря.
Грезы утомляются, пропасти скрываются,
Я стою, лучистою
Радостью горя.

Н. Васильевъ.

* * *

Забуду ль мягкость и стыдливость
Весенней дѣвичьей души,
Игривость, солнечную живость,
Шаги по комнатѣ, въ тиши?

И алымъ вечеромъ забуду ль
Твой голосъ въ праздничномъ кругу,
Твою ликующую удаль
Въ веселой пляскѣ на лугу?

Когда закатъ равнины куталъ,
Гася зеркальность на рѣкѣ,—
Ты кралась изъ дому на хуторъ
Въ легко наброшенномъ платкѣ.

Глаза таили муку счастья...
Былъ жаръ въ дрожаньяхъ губъ и плечъ.
Дышала нѣжностью участья
Покорно-ласковая рѣчь.

Забытый ласками, забуду ль
Весну въ мерцающей тиши,
И жаръ, и солнечную удаль
Весенней дѣвичьей души.

Яковъ Годинъ.

* * *

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ, улыбаются
Счастья былого видѣнія!
Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Снится мнѣ—бодрый, сіяющій,
Образъ твой блѣдный, страдальческій.
Снится мнѣ—путы порвалися:
Къ другу спѣшишь ты, веселая...

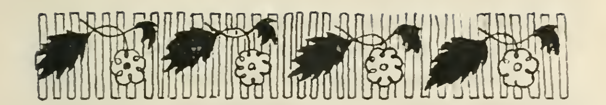
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя...
Взоръ загорѣлся плѣнительно,
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно—
Греза блаженная сбудется!
Сбудется, вѣрь мнѣ желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія!
Мы на пиру мірозданія
Были ненужные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сердца еще не насытили.
Общимъ судомъ не развязаны
Наши вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!

П. Я.

Послѣ бала.

Гости расходятся. Зала пустынная
Смотритъ съ глубокой тоской.
Чудится смутно мнѣ сказка старинная,
Странный волнуетъ покой.
Розы осыпались, блѣдныя, вялыя,
Смятъ и поломанъ букетъ.
Тише, безсвязнѣе рѣчи усталыя,
Трепета жизни въ нихъ нѣтъ.
Дума печальная, дума унылая
Въ ласковомъ взорѣ видна.
Что ты мнѣ скажешь, любимая, милая?
Стала ты вдругъ холодна.

В. Башкинъ.



Отрывокъ изъ поэмы „Рабство“.

Моему отцу.

I.

Точно два безпокойныхъ, ревнивыхъ соперника,
   Разрсердившійся Тигръ, торопливый Евфратъ
Въ неудержномъ и вѣчно манящемъ стремленіи
Къ величаво-спокойному морю спѣшатъ.
Такъ стремится къ далекой желанной любовницѣ
Пылкій юноша, жадно томясь и любя.
Все, что въ мірѣ живетъ, существуетъ, волнуется,
Вѣчно жаждетъ уйти отъ себя.
Постоянно воюя съ безводной пустынею,
Поглощающей влагу и пышущей жаръ,
Средь горючихъ песковъ близнецы эти создали
Оазисъ, полный рѣдкихъ, невиданныхъ чаръ.
Вавилонъ... Плоскодонныя кровли домовъ,
      Тріумфальныя гордыя арки,
      На рѣкѣ неподвижныя барки,—
Все кишитъ безпорядочной грудой головъ:
Это гордый тріумфъ молодого царя;
      Послѣ славной кровавой побѣды,
      Миновали опасныя бѣды,
И жрецы въ храмѣ ждутъ, ароматы куря.
Всѣхъ враговъ уничтожилъ Небу-Куднезаръ,
      Далъ урокъ ихъ надменной гордынѣ;
      Вплоть до самой Ливійской пустыни
Буйнымъ вихремъ пронесся проворный пожаръ.
По плитамъ мостовыхъ, еле ноги влача,
      Мѣрнымъ шагомъ вступаютъ верблюды,
      На горбахъ ихъ тюки: это груды

Злата, мѣди, оружье, виссонъ и парча.
Позабывъ про усталость, пѣхота идетъ,
Быстро мчится царя колесница,
Темнокожихъ рабовъ вереница,
Надрывясь, царя и царицу везетъ.
Дорогую добычу стрѣлы и меча,
Продовольствіе цѣлаго града,
Жирныхъ буйволовъ стадо
Гонятъ воины властнымъ ударомъ бича.
Въ кандалахъ изъ желѣза чуть ноги влача,
Продовольствіе цѣлаго града,
Полногрудыхъ египтянокъ стадо
Выступаетъ подъ градомъ ударовъ бича.
Прямо въ сумрачный храмъ направляется царь,
Хочетъ слиться душой съ Безконечнымъ,
Ницъ упасть предъ Нѣмымъ и Предвѣчнымъ,
Благодарственной жертвой обрызгать алтарь.
Семь чарующихъ дѣвъ, съ яркимъ блескомъ ланитъ,
Самыхъ юныхъ и самыхъ прекрасныхъ
Для объятій и ласкъ сладострастныхъ
Громовержцу и богу онъ здѣсь подаритъ.
Эти дѣвы—рабы, просто жертвенный скотъ;
Въ благодарность за наши побѣды,
За счастливо изжитыя бѣды
Пусть на небо къ себѣ божество ихъ возьметъ.
Къ небу царь устремляетъ молитвенный взоръ,
Отточенныя лезвія блещутъ,
И въ конвульсіяхъ груди трепещутъ...
Окровавленный въ воздухѣ замеръ топоръ.
Въ яркомъ пламени смрадная, темная кровь
Благодарственной жертвой дымится,
Въ переполненномъ храмѣ струится
Къ безконечному богу живая любовь...

Но, какъ сонъ, пронеслись быстролетные годы,
Стерлось все и на сценѣ другіе народы.

II.

Цѣлый міръ наводнилъ легіонами Римъ,—
И Карѳагенъ, и Понтъ, и Іонію,

Цѣлый Orbis terrarum онъ назвалъ своимъ,
Но, гражданскимъ раздоромъ и смутой томимъ,
Ожидаетъ онъ смерти агонію.
Вдалекѣ отъ столицы, гдѣ тихій заливъ
Жадно пьетъ отраженныя тѣни оливъ,
Въ жгучихъ отблескахъ солнца купается;
Гдѣ волна, обивая коралловый рифъ,
Въ изумрудную пыль истончается;
Гдѣ палящаго юга истома и зной,
И тепла наводненіе жгучее
Умѣряется робко бѣгущей волной
Въ часъ, когда повелительно-грозный прибой
Гонитъ эти когорты текучія,
Прихотливыя виллы капризнымъ кольцомъ
Окружили утесы зубчатые,
Разметавшись по берегу въ паркѣ густомъ,
Потонувъ въ освѣжающемъ мракѣ лѣсномъ
И прохладою лѣса объятыя.
Шумнымъ днемъ посреди задрожавшихъ листовъ
Стаи робкихъ лучей пробиваются
И лобзаютъ въ тиши бѣлый мраморъ домовъ;
Тихой ночью въ имплювій, въ зеркальный покровъ
Звѣзды неба сквозь сонъ отражаются.
Жаркій день. Но въ одной изъ разбросанныхъ виллъ
Суетня, бѣготня и движенье:
Маркъ Сульпицій, богатый курульный эдилъ,
Знать изъ Рима на завтра къ себѣ пригласилъ
И готовитъ теперь угощенье.
Для того, чтобъ гостей удивлять, затмевать
Онъ истратилъ мильоны сестерцій:
Будетъ самъ императоръ, вся пышная знать,
И элегіи будетъ на пирѣ читать
Несравненный великій Проперцій;
Для того, чтобъ составить роскошный обѣдъ,
Яства, вина, закуски пришлетъ цѣлый свѣтъ;
Чтобъ восполнить подборъ неслажденій,
Удивленныхъ гостей обожжетъ самъ поэтъ
Утонченной струей настроеній.
Подземелье... Бассейнъ монотонно журчитъ,
А въ бассейнѣ волнистомъ, струистомъ торчитъ
Безобразная страшная глыба,—

То тупыми глазами въ пространство глядитъ
Кровожадная, рѣдкая рыба.
Дверь открылась... И грубо втолкнули раба,
Чтобъ муренѣ отдать на съѣденье.
Безполезна очей тутъ живая мольба,
Неизбѣжно должна совершиться судьба:
Завтра нужно гостямъ угощенье.
Слышно бульканье тихой прозрачной воды,
Что-то мягкое вспѣнило волны;
Наверху пузырей замелькали ряды,
Мигъ одинъ... Стихло все... Замелись всѣ слѣды,
И покой воцаряется полный.
Завтра будетъ прохладный триклиній дышать
Блескомъ роскоши, нѣгой безмѣрной,
Будутъ гости на мягкихъ софахъ возлежать,
Будетъ въ кубкахъ желаннымъ забвеньемъ сверкать
Искрометная влага Фалерна;
А когда возліянье они совершатъ
И запляшетъ янтарная пѣна,
Дастъ хозяинъ приказъ. Гости всѣ замолчатъ.
Пять рабовъ своимъ блюдомъ весь столъ запрудятъ:
То гостямъ подается мурена.

Но, какъ сонъ, пронеслись быстролетные годы,
Стерлось все... И на сценѣ другіе народы.

III.

Точно всадникъ гигантскій, съ горящимъ султаномъ
Изъ пылающихъ искоръ, во мракѣ ночномъ
Громоздится надъ сѣрымъ столичнымъ туманомъ
Необъятный грохочущій домъ.
Это фабрика. Вѣчно машины грохочутъ,
Испуская удушливый запахъ и смрадъ,
И какъ будто надъ тѣми тѣнями хохочутъ,
Что склонившись надъ ними стоятъ.
Освѣщаетъ усталыя блѣдныя лица
Яркимъ заревомъ трепетъ живого огня,
И на нихъ постоянная копоть ложится
Въ продолженіе ночи и дня.
Здѣсь самъ Дантъ почерпнулъ бы роскошныя краски
Для безсмертныхъ и страшныхъ твореній своихъ.

И волшебный разсказъ фантастической сказки
Предъ дѣйствительнымъ мигомъ бы стихъ.
Цѣлый день эти блѣдныя, скорбныя тѣни
Будутъ слушать машинъ устрашающій шумъ,
Цѣлый день машинальныхъ и скучныхъ движеній,
Изсушающихъ душу и умъ!
А когда хоть на мигъ зазѣвался рабочій,
Втянетъ щупальцы съ трескомъ слѣпой осьминогъ,
Завертитъ его въ пасти своей, что есть мочи,
И, вращая, сотретъ въ порошокъ.
Эта быстрая смерть необъятное горе
Пораженной, какъ громомъ, семьѣ принесла...
Это быстрая смерть въ безработное море,
Можетъ, каплю спасенья влила.

IV.

Вотъ по улицамъ Лондона, въ шумныхъ кварталахъ,
Гдѣ все роскошь, культура, успѣхи и блескъ,
Гдѣ потопитъ всѣхъ слабыхъ, больныхъ и усталыхъ
Соціальнаго моря безжалостный плескъ,
Среди кэбовъ и дрожекъ, ландо и трамваевъ,
Посреди пѣшеходовъ нарядной рѣки,
Джентьменовъ, рабочихъ, гулякъ, шелопаевъ
Измѣнившей походкой бредутъ старики.
На спинѣ, на груди ихъ громадныя доски,
Объявленья различныхъ торговыхъ домовъ;
Ихъ языкъ, и развязный, и бойкій, и хлесткій,
Обращаетъ вниманье шумихою словъ:
„Покуривъ папиросъ „Чемберлэнъ“, безъ сомнѣнья
Послѣ нихъ не захочешь другихъ папиросъ“.
„Всѣмъ плѣшивымъ и лысымъ теперь преступленье
Не купить капиллинъ для рощенья волосъ“.
„Завтра станетъ булавки, веревки и вилки
Передъ публикой мистеръ Уайтеръ глотать,
И промчится верхомъ на пантерѣ миссъ Дилки,—
Посѣтите же циркъ Нельсонъ Стритъ 45“.
„Юбки, джерси, мантильи, пальто и накидки
Мы дешевле фабричной цѣны продаемъ,
На пять фунтовъ покупки пять шиллинговъ скидки
Мы охотно кліентамъ своимъ отдаемъ“.
Что за злобный сарказмъ тяготѣетъ надъ ними

И преслѣдуетъ этотъ голодный народъ!?
Англичанинъ имъ далъ характерное имя—
Человѣкъ-бутербродъ.
Мы когда-то рабами боговъ угощали,
А потомъ угощали гостей,
Но и прежде едва ли бы такъ унижали
Даже самое имя людей!

Н. Васильевъ.

Жизнь ночи.

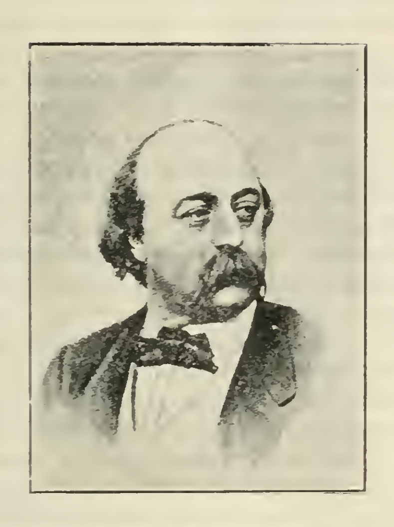
Вѣетъ истомой...
Сѣно лежитъ на волшебно-туманныхъ лугахъ...
Тропинокъ изломы
Съ лукавостью нѣжной играютъ въ серьгахъ-свѣтлякахъ...

Мѣрные стоны
Птицы неспящей несутся съ уснувшихъ полей,
А сада газоны
Обрызганы искрами яркихъ, душистыхъ огней...

Кто-то срываетъ
Звѣзды, заткавшія видимой вѣчности грудь,
Звѣзду посылаетъ
Въ таинственно-скрытый и тѣнями призрачный путь.

Взоромъ ласкаю
Міръ наслажденій, трепещущій здѣсь предо мной...
Чуть внятно вздыхаю
О мірѣ забвеній, струящемся звѣздной волной...

Любовь Столица.



Густавъ Флоберъ.

Иродіада.

Отрывокъ.

Гости наполняли залу, гдѣ совершалось пиршество. Она распадалась на три придѣла, подобно базиликѣ; ихъ раздѣляли колонны изъ алгуминнаго дерева, съ бронзовыми капителями, съ изваянными украшеніями. Двѣ галлереи съ прорѣзнымъ поломъ опирались на эти колонны—а третья, вся изъ золотой филиграни, округлялась на концѣ залы, прямо напротивъ громадной арки входа.

Пылавшіе канделябры на столахъ, поставленныхъ во всю длину залы, возвышались огненными кустами между чашами изъ крашеной глины, мѣдными блюдами, тиснеными грудами снѣга, кучами винограда. Эти красныя пятна свѣта постепенно сливались въ отдаленіи, подавленныя вышиною потол-

ка; лучистыя точки сверкали въ трибунахъ, между древесными вѣтвями, подобно ночнымъ звѣздочкамъ.

Сквозь отверстіе входа виднѣлись факелы, зажженные на террасахъ домовъ. Антипа задавалъ пиръ друзьямъ своимъ, народу, всякому, кто желалъ быть гостемъ.

Рабы, обутые въ войлочныя сандаліи, кружили быстрѣе псовъ, съ подносами на рукахъ. На золотой трибунѣ третьей галлереи, на особо устроенномъ помостѣ изъ жимолостныхъ досокъ, стоялъ проконсульскій столъ. Вавилонскіе ковры, подвѣшенные къ потолку, образовали кругомъ нѣчто вродѣ павильона.

Три ложа изъ слоновой кости, одно на почетномъ мѣстѣ, два по бокамъ, окружали столъ. На нихъ возлежали: проконсулъ налѣво, возлѣ двери, Авлъ направо, тетрархъ посерединѣ.

На немъ былъ тяжелый черный плащъ, весь расшитый разноцвѣтными накладками; румяна покрывали его щеки, борода раскинулась вѣеромъ, вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней сжималъ волосы, посыпанные пудрой лазореваго цвѣта. Вителлій сохранилъ свою пурпуровую перевязь; косвенно пересѣкла она его льняную тогу. Авлъ велѣлъ повязать себѣ за спину рукава своей лиловой шелковой ризы, исполосованной серебряными галунами; въ три ряда поднимались его завитыя кудри и сапфирное ожерелье блистало на его груди, бѣлой и тучной, какъ грудь женщины.

Съ той же стороны находились священники и офицеры Антипы, іерусалимскіе жители, главныя лица греческихъ городовъ; а со стороны проконсула и пониже его—Маркелъ съ мытарями, собирателями податей, друзья тетрарха, важныя особы изъ Каны, Птолемаиды, Іерихона; дальше сидѣли, уже безъ чиновъ, горцы съ Ливанона, старые воины Ирода Великаго, двѣнадцать ѳракійцевъ, идумейскіе пастухи, султанъ Пальмиры, эзіугаверскіе моряки. Передъ каждымъ гостемъ лежала лепешка изъ мягкаго тѣста, о которую онъ утиралъ пальцы — и жадныя руки безпрестанно протягивались, какъ пи-

гарговы шеи, за оливками, фисташками, миндалями. Всѣ лица, увѣнчанныя цвѣтами, сіяли веселіемъ.

Фарисеи отказались отъ этихъ вѣнковъ, какъ отъ римскаго нечестья. Они содрогнулись, когда ихъ окропили смѣсью галбана и ладана: жидкость эта употреблялась только для священныхъ обрядовъ храма.

Авлъ натеръ ею свои мышки—и Антипа обѣщалъ прислать ему цѣлый корабль, нагруженный этимъ составомъ, вмѣстѣ съ тремя корзинами той настоящей мастики, которая возбуждала въ Клеопатрѣ желаніе присвоить себѣ Палестину.

Одинъ изъ начальниковъ тиверіадскаго гарнизона, только-что прибывшій въ Махэрузъ, помѣстиллся позади тетрарха, и, казалось, сообщалъ ему вѣсти о событіяхъ необыкновенныхъ. Но все его вниманіе было поглощено проконсуломъ, а также и тѣмъ, что говорилось на сосѣднихъ столахъ. Тамъ толковали объ Іоаканамѣ и о подобныхъ ему людяхъ. Приводились разные факты.

. . . .

Внезапно раскрылись створчатыя двери золотой трибуны—и при яркомъ блескѣ свѣчей, окруженная рабами, гирляндами изъ анемонъ, появилась Иродіада. Ассирійская митра, прикрѣпленная подбородникомъ, спускалась ей на лобъ. Перекрученныя кудри разсыпались вдоль пурпурнаго пэплума, прорѣзаннаго во всю длину рукавовъ. Каменныя чудовища, подобныя тѣмъ, что находились въ Аргосѣ, надъ сокровищницей Атридовъ, вздымались по обѣимъ сторонамъ дверей, и, стоя между ними,—она уподоблялась Цибелѣ, сопровождаемой ея двумя львами. Съ вышины баллюстрады, которая царила надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Антипа, она, держа въ рукѣ плоскій кубокъ, громко закричала:

— Да здравствуетъ цезарь!

Вителлій, Антипа и священники тотчасъ подхватили этотъ крикъ. Но въ это мгновеніе съ конца залы пробѣжалъ гулкій говоръ изумленія удивленія... Молодая дѣвушка вошла въ залу.

Подъ голубоватымъ вуалемъ, который закры-

валъ ей голову и грудь,—можно было различить полукруглыя линіи ея бровей, ея халкедоновыя серьги, бѣлизну ея кожи.

Схваченный на тальѣ золотымъ поясомъ, четырехъугольный кусокъ шелковой ткани переливчатаго цвѣта лежалъ на ея плечахъ; черные шальвары были усѣяны изображеніями мандрагоръ, и небрежно и лѣниво постукивая своими маленькими туфлями изъ пуха райской птицы, она тихо подвигалась впередъ.

На самомъ верху помоста она сняла свой вуаль. Она походила на Иродіаду въ молодости. Потомъ она стала танцовать.

Она переставляла ноги, одна передъ другою, подъ ладъ флейты и пары кроталъ. Ея округленныя руки призывали кого-то, который все убѣгалъ отъ нея.—Легче бабочки преслѣдовала она его, словно Психея, въ которой зажглось любопытство, словно тѣнь души, осужденной скитаться... и, казалось, то-и-дѣло готовилась улетѣть.

Похоронные звуки „гингры“ замѣнили кроталы. Безнадежное уныніе заступило мѣсто рѣзвой надежды. Каждое движеніе дѣвушки выражало тоску —и вся она замирала въ такомъ томленіи, что невозможно было сказать, плачетъ ли она о покинувшемъ ее богѣ—или изнываетъ подъ его лаской. Полузакрывъ рѣсницы, она крутила свой станъ, волнообразно колыхала свои бедра, вздрагивала грудями—а лицо оставалось неподвижнымъ. Зато ноги не останавливались.

Вителлій сравнилъ ее съ пантомимомъ Мнестеромъ. Тетрархъ—словно во снѣ, терялся въ мечтаніяхъ. Онъ уже недумалъ объ Иродіадѣ. Ему показалось, что она подошла къ саддукеямъ.—Но то видѣніе удалилось.

Это не было видѣніе. Иродіада—вдали отъ Махэруза—отдала въ науку Саломею, свою дочь—въ той надеждѣ, что она понравится тетрарху. Ея разсчетъ оказывался вѣрнымъ. Теперь она не сомнѣвалась въ этомъ.

Но вотъ, пляска снова измѣнилась.—То былъ

неистовый порывъ любви, жаждущей удовлетворенія. Саломея плясала, какъ пляшутъ индійскія жрицы, какъ нубіянки, живущія близъ катарактъ Нила, какъ лидійскія вакханки. Она круто склонялась во всѣ стороны, подобно цвѣтку, поражаемому ударами сильнаго вѣтра. Блестящія подвѣски прыгали въ ея ушахъ, ткань на ея плечахъ играла переливами; отъ ея рукъ, ногъ, отъ ея одеждъ отдѣлялись невидимыя искры, которыя зажигали сердца людей. Арфа запѣла гдѣ-то—и толпа отозвалась рукоплесканіями на ея томительные звуки. Не сгибая колѣнъ и раздвигая ноги, Саломея нагнулась такъ низко, что подбородокъ ея касался пола—и кочевники, привыкшіе къ воздержанію, римскіе воины, искушенные въ забавахъ разврата, скупые мытари, старые, зачерствѣлые въ диспутахъ жрецы—всѣ, расширивъ ноздри, трепетали подъ наитіемъ нѣги.

Затѣмъ, она принялась кружить около стола Антипы, съ бѣшеной быстротою... и онъ, голосомъ, прерывавшемся отъ сладострастныхъ рыданій, говорилъ ей: — „Ко мнѣ! Приди!..“ Но она все кружилась, тимпаны звенѣли буйно, съ дребезгомъ—такъ и казалось, что вотъ вотъ разлетятся они. Народъ ревѣлъ—а тетрархъ кричалъ все громче и громче:— „Ко мнѣ! Приди ко мнѣ! Я дамъ тебѣ Капернаумъ, долину Тиверіады, всѣ мои крѣпости, половину моего царства!“

Она вдругъ упала на обѣ руки, пятками кверху, прошлась такимъ образомъ вдоль помоста, подобно большому жуку—и внезапно остановилась.

Ея затылокъ и хребетъ составляли прямой уголъ. Темныя шальвары, покрывавшія ея ноги, спустились черезъ ея плечи—и окружили дугообразно ея лицо, на локоть отъ полу. Губы у ней были крашеныя, брови чернѣе чернилъ, глаза грозные, страшные... Крохотныя капельки на ея лбу казались матовымъ испареніемъ на бѣломъ мраморѣ.

Она ничего не говорила. Она глядѣла на тетрарха—и онъ глядѣлъ на нее.

Кто-то щелкнулъ пальцами на трибунѣ. Сало-

мея быстро взбѣжала туда, появилась снова и—немного картавя, дѣтскимъ голосомъ произнесла:

— Я хочу, чтобы ты далъ мнѣ на блюдѣ голову... голову... Она позабыла имя—но тотчасъ же прибавила съ улыбкой:—голову Іоканама.

Тетрархъ, словно раздавленный, опустился на ложе.

Данное слово связывало его... Народъ ждалъ...

„Но, быть можетъ", подумалъ Антипа, „это и есть та предсказанная смерть... и она, обрушившись на другого, пощадитъ, меня! Если Іоканамъ точно Илія—онъ сумѣетъ ея избѣгнуть; если же нѣтъ—убійство не представляетъ важности".

Маннáи стоялъ возлѣ него... и понялъ его мысль... Онъ уже удалялся, но Вителлій позвалъ его обратно и сообщилъ ему пароль. Римскіе солдаты стерегли ту яму.

Всѣмъ точно полегчило. Черезъ минуту все будетъ кончено. Но Маннáи, вѣрно, замѣшкался...

Онъ возвратился... На немъ лица не было, Сорокъ лѣтъ онъ исполнялъ должность палача. Онъ утопилъ Аристовула, задушилъ Александра, заживо сжегъ Маттаѳію, обезглавилъ Зосиму, Паппаса, Іосифа и Антипатра... И онъ не дерзалъ убить Іоаканама! Зубы его стучали... все тѣло тряслось.

Онъ увидѣлъ передъ самой ямой—великаго ангела самаритянъ; покрытый по всему тѣлу глазами, ангелъ потрясалъ огромнымъ мечомъ, краснымъ и зубчатымъ, какъ пламя молніи.—Маннáи привелъ съ собою двухъ солдатъ, свидѣтелей чуда.

Но солдаты объявили, что не видѣли, ничего кромѣ еврейскаго воина, который бросился было на нихъ,—и котораго они тутъ же уничтожили.

Обуянная несказаннымъ гнѣвомъ, Иродіада изрыгнула цѣлый потокъ площадной, кровожадной брани.—Она переломала себѣ ногти о рѣшетку трибуны—и два изваянныхъ льва, казалось, кусали ея плечи и рычали такъ же, какъ она. Антипа закричалъ не хуже ея. Священники, солдаты, фарисеи—всѣ требовали отмщенія; а прочіе негодовали на замедленіе, причиненное ихъ удовольствію.

Маннáи вышелъ, закрывъ лицо руками.

Гостямъ время показалось еще продолжительнѣе... Становилось скучно.

Вдругъ шумъ шаговъ раздался по переходамъ... Тоска ожиданія стала невыносимой.

И вотъ—вошла голова. Маннáи держалъ ее за волосы напряженной рукою, гордясь рукоплесканіями толпы.

Онъ положилъ ее на блюдо—и подалъ Саломеѣ. Она проворно взобралась на трибуну—и, нѣсколько мгновеній спустя, голова была снова принесена той самой старухой, которую тетрахъ замѣтилъ сперва на платформѣ одного дома,—а потомъ въ комнатѣ Иродіады.

Онъ отклонился въ сторону, чтобы не видѣть этой головы. Вителлій бросилъ на нее равнодушный взглядъ.

Маннáи спустился съ помоста—и показалъ ее римскимъ начальникамъ, а затѣмъ всѣмъ гостямъ, сидѣвшимъ съ той стороны.

Они разсматривали ее внимательно.

Острое лезвіе меча, скользнувъ сверху внизъ захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта, уже запекшаяся кровь пестрила бороду. Закрытыя вѣки были блѣдно-прозрачны, какъ раковины, а кругомъ свѣточи проливали свой лучистый свѣтъ.

Голова достигла стола священниковъ.—Одинъ фарисей съ любопытствомъ перевернулъ ее; но Маннáи, поставивъ ее снова стоймя, поднесъ ее Авлу.

Сквозь узкое отверстіе рѣсницъ мертвыя зѣницы Іоаканама и потухшія зѣницы Авла, казалось, что-то сказали другъ-другу. Потомъ Маннáи представилъ голову Антипѣ; и слезы потекли по щекамъ тетрарха.

Факелы погасли. Гости удалились—и въ залѣ остались только Антипа и Фануилъ. Стиснувъ виски руками, тетрахъ все смотрѣлъ на отрубленную голову; а Фануилъ, стоя неподвижно посреди пустой залы и протянувъ руки,—шепталъ молитвы.

Въ самое мгновеніе солнечнаго восхода, два человѣка, нѣкогда отправленныхъ Іоаканамомъ, появились съ столь давно ожидаемымъ отвѣтомъ.

Они сообщили этотъ отвѣтъ Фануилу, который тотчасъ восторженно умилился духомъ.

Онъ имъ показалъ ужасный предметъ на блюдѣ, между остатками пира.

Одинъ изъ двухъ людей сказалъ ему:

—Утѣшься! Онъ сошелъ къ мертвымъ, чтобы извѣстить о пришествіи Христа.

Ессей теперь только понялъ тѣ слова Іоаканама: „Дабы онъ возвеличился, нужно мнѣ умалиться!“

И всѣ трое, взявши голову Іоаканама, направились въ сторону Галилеи.

Такъ какъ она была очень тяжела—они несли ее поочередно.

Перев. И. С. Тургеневъ.

Завѣтъ бытія.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала: „Гори!“

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,

Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи больного забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья,—
Нѣтъ, други, нѣтъ,—такъ дольше жить нельзя!

Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ Божества.

Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ,—
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ, въ оковахъ и тюрьмѣ.

Поблекшихъ дней влачится вереница
Въ безплодіи ненужныхъ дѣлъ и словъ,
И съ каждымъ днемъ мрачнѣе та темница,
Тяжеле гнетъ тѣхъ ледяныхъ оковъ.

Не вѣетъ въ міръ весны живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

На порогѣ ночи.

Въ вечерней мглѣ теряется земля...
  Въ тиши небесъ раскрылось мiровое.
Гдѣ ярче блещетъ пламя бытiя,
Гдѣ весь просторъ, какъ празднество живое...
Восходятъ въ высь, въ великiй храмъ ночной,
Недвижныхъ тучъ жемчужныя ступени,—
И тяжко намъ на паперти земной
Сносить тоску извѣданныхъ томленiй...
Куда ни взглянешь взоромъ ненасытнымъ,
Ночная глубь таинствснно горитъ,—
Весь Божiй мiръ предъ сердцемъ беззащитнымъ
Во всей своей безгранности раскрытъ...
Все шире ночь, въ убранствѣ златотканномъ,
Плететъ узоръ безтрепетныхъ огней,—
И трудно жить на днѣ земли туманномъ,
И страшно сердцу малости своей,—
Для насъ земля—послѣдняя ступень;
Въ ночныхъ моряхъ она встаетъ утесомъ,
Гдѣ человѣкъ, какъ сумрачная тѣнь,
Поникъ, одинъ, съ молитвеннымъ вопросомъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

* * *

Я васъ люблю. Торжественно и пышно
  Въ своей душѣ вершу любви обрядъ...
И лишь для васъ все видно и все слышно,
И пѣсни льются и огни горятъ...

Моя любовь—молитва передъ Богомъ.
Я не прошу, не жажду, не скорблю...
Мечты и скорбь остались за порогомъ...
Я все забылъ... И только васъ люблю...

Сергѣй Рафаловичъ.

Альфонсъ Додe.

Звѣзды.

Разсказъ провансальскаго пастуха.

...Когда я пасъ стадо на Люберонѣ, мнѣ случалось по цѣлымъ недѣлямъ не видѣть живой души. Я былъ одинъ среди пастбищъ съ моими овцами и моей собакой Лябри. Время отъ времени проходилъ монахъ изъ Монъ-дель-Ура, или показывались черныя лица пьемонтскихъ могильщиковъ; но то были люди наивные, молчаливые, вслѣдствіе долгаго одиночества потерявшіе охоту говорить и ничего не знавшіе о томъ, что дѣлалось тамъ, внизу горы, въ деревняхъ и городахъ. Вотъ почему, когда я заслышу, бывало, въ вокресенье на дорогѣ, подымающейся въ гору, приближающіеся звуки бубенчиковъ мула изъ нашей фермы, доставлявшаго мнѣ, разъ въ двѣ недѣли, запасы провизіи, и когда, мало-по-малу, изъ-за косогора начинала показываться веселая головка маленькаго міаро (мальчика на фермѣ) или рыжая наколка старой тетки Норадъ, я чувствовалъ себя, право, очень счастливымъ. Я просилъ разсказывать мнѣ всѣ но-

вости лежащей внизу страны, разспрашивалъ о свадьбахъ, о крестинахъ... Но болѣе всего интересовало меня знать, что подѣлывала дочь моихъ хозяевъ, наша барышня Стефанета, самая хорошенькая дѣвушка на десять лье въ окружности. Стараясь не дать замѣтить, насколько это меня интересуетъ и какъ будто бы между прочимъ, я разспрашивалъ, часто ли она ходитъ на деревенскіе балы и на вечеринки, и нѣтъ ли у нея какого-нибудь новаго вздыхателя; если кто спроситъ, что за дѣло было до этого мнѣ, бѣдному горному пастуху, я отвѣчу, что мнѣ было тогда двадцать лѣтъ и что Стефанета была—лучшее изъ всего, что я видѣлъ въ своей жизни.

Такимъ образомъ, однажды въ воскресенье, когда я дожидался, по обыкновенію, привоза провизіи изъ фермы, случилось, что ее доставили мнѣ очень поздно. Утромъ я говорилъ себѣ: „Вѣрно имъ помѣшала длинная обѣдня!"

Около полудня разразилась страшная гроза и я думалъ, что мулъ не могъ пуститься въ путь, такъ какъ дороги, должно быть, сильно размыло. Наконецъ, около трехъ часовъ, когда небо совершенно очистилось и вся гора сіяла на солнцѣ, политая дождемъ, я услышалъ, среди шума дождевыхъ капель, падавшихъ съ листьевъ деревъ и журчанья переполненныхъ водою ручьевъ, приближающіеся звуки бубенчиковъ мула, такіе веселые и игривые, точно звуки колокольнаго трезвона въ день Пасхи. Но муломъ правилъ не маленькій міаро и не старуха Норадъ. Нѣтъ, то была... угадайте кто?... наша барышня, друзья мои, сама наша барышня! Она сидѣла, выпрямившись, между корзинъ изъ лозы, вся раскраснѣвшаяся отъ горнаго воздуха и отъ свѣжести, принесенной грозой. Маленькій міаро былъ боленъ, тетка Норадъ ушла провѣдать своихъ дѣтей. Красавица Стефанета сообшала мнѣ все это, слѣзая съ мула, а также и то, что она пріѣхала такъ поздно потому, что сбилась съ дороги, но, смотря на нее, такую разодѣтую, съ ея лентами, нряднымъ платьемъ и кру-

жевами, можно было скорѣе подумать, что она останавливалась на танцахъ гдѣ-нибудь по пути, а не отыскивала дорогу среди кустарниковъ.

О, милое созданье! Мои глаза не могли оторваться отъ нея. Правда и то, что я никогда до тѣхъ поръ не видѣлъ ее такъ близко. Иногда, зимой, когда стада спускаются съ горъ на равнины, приходя вечеромъ ужинать на ферму, я встрѣчалъ ее въ столовой; она проходила быстро чрезъ комнату, всегда разодѣтая и немного гордая, никогда не вступая въ разговоръ со слугами...—А теперь она стояла здѣсь передо мною, она была здѣсь для меня одного, развѣ не было отчего потерять голову? Выгрузивши изъ корзинъ запасы провизіи, Стефанета стала съ любопытствомъ оглядывать все вокругъ себя. Приподнявъ слегка кончикъ своей красивой праздничной юбки, чтобы не запачкать ее, она вошла въ загородь, пожелала видѣть уголокъ, гдѣ я сплю—соломенную будку съ разостланной на полу бараньей шкурой, мой широкій плащъ, висѣвшій на стѣнѣ, мой посохъ, мое кремневое ружье. Все это занимало ее.

— Такъ вотъ тутъ-то ты живешь, мой бѣдный пастухъ? Какъ тебѣ должно быть скучно быть всегда одному! Чѣмъ же ты занимаешься? О чемъ ты думаешь?...

Мнѣ хотѣлось сказать ей: „я думаю о васъ, моя барышня,“ и въ словахъ моихъ не было бы ничего, кромѣ правды, но смущенье мое было такъ велико, что я не могъ найти ни слова въ отвѣтъ. Мнѣ кажется, что она замѣчала это и, злая, нарочно старалась усилить мое замѣшательство шаловливостью.

— А подруга твоя, пастухъ? Приходитъ ли она когда-нибудь навѣстить тебя? Навѣрное, это какая-нибудь золотая коза или фея Эстерелла, что скользитъ только по гребнямъ горъ.

И сама она, говоря мнѣ это, была похожа на фею Эстереллу, съ милымъ смѣхомъ своей откинутой назадъ головки и видимымъ желаніемъ уйти

поскорѣе, что дѣлало ея посѣщеніе похожимъ на появленіе феи.

— Прощай, пастухъ!

— Прощайте, барышня!

И вотъ она уже уѣхала, увозя свои пустыя корзины... Когда она скрылась на тропинкѣ, ведущей внизъ, мнѣ показалось, что камешки, скатывавшіеся изъ подъ копытъ мула, стали падать мнѣ прямо на сердце одинъ за другимъ. Я слышалъ ихъ паденіе долго-долго, и до конца дня оставался какъ бы въ полуснѣ, боясь пошевелиться, чтобы не отогнать отъ себя прелестнаго видѣнія. Подъ вечеръ, когда долины внизу стали наполняться синимъ туманомъ и когда овцы начали съ блеяніемъ жаться другъ къ дружкѣ, изъявляя такимъ образомъ желаніе вернуться въ загородь, на дорогѣ, спускающейся съ горы, я услышалъ голосъ, который звалъ меня, и вскорѣ я увидѣлъ нашу барышню, но не веселую и смѣющуюся, какъ еще недавно, а дрожащую отъ холода, страха и сырости.

Протекавшая внизу горы рѣчка Сорга была такъ переполнена водой послѣ грозы, что, желая переправиться чрезъ нее во что бы то ни стало, она едва не утонула. Но ужаснѣе всего было то, что въ этотъ часъ ночи ей нечего было и думать о возвращеніи на ферму; прямой дорогой, одной, барышнѣ, не проѣхать было ни за что на свѣтѣ, а мнѣ никакъ нельзя было отлучиться отъ стада. Мысль, что она должна провести ночь на горѣ, ужасно мучила ее, въ особенности при воспоминаніи о безпокойствѣ ея родныхъ. Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ:

— Въ іюлѣ ночи коротки, барышня... Это будетъ не болѣе какъ нѣсколько непріятныхъ мгновеній.

Я сейчасъ же развелъ большой огонь, чтобы она могла обсушить свои ноги и платье, все смоченное водою Сорги. Потомъ побѣжалъ за молокомъ и сыромъ, которые поставилъ передъ ней, но бѣдняжка и не думала ни сушить свое платье, ни ѣсть, а при видѣ крупныхъ капель слезъ, подступав-

шихъ къ ея глазамъ, мнѣ самому хотѣлось плакать... Между тѣмъ ночь наступила совсѣмъ. Только на гребняхъ горъ золотилась какая-то солнечная пыль, да тамъ, гдѣ сѣло солнце, виднѣлась еще свѣтлая полоска. Я настаивалъ, чтобы барышня вошла отдохнуть въ мой шалашъ. Разостлавши поверхъ свѣжей соломы большую, совершенно новую, овечью шкуру, я пожелалъ ей спокойной ночи, а самъ пошелъ и сѣлъ поодаль, у калитки, ведшей въ загородь... Богъ свидѣтель, что, несмотря на пламя любви, сжигавшее мнѣ кровь, мнѣ не пришло въ голову никакой дурной мысли; одна только гордость наполняла меня при мысли о томъ, что здѣсь, въ углу этой загороди, вблизи стада овецъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на нее, дочь моихъ хозяевъ, самая драгоцѣнная и самая бѣлая овечка, спитъ, ввѣренная моей защитѣ. Никогда небо не казалось мнѣ такимъ глубокимъ, ни звѣзды такими яркими... Вдругъ калитка загороди отворилась и изъ нея вышла Стефанета. Она не могла заснуть. Овцы слишкомъ шумѣли, топочась ногами на соломѣ или блеяли сквозь сонъ. Она вздумала лучше придти посидѣть у огня. Я набросилъ ей на плечи мой плащъ изъ козьяго мѣха, раздулъ огонь и мы усѣлись молча, другъ возлѣ друга. Если вамъ случалось проводить когда-нибудь ночь подъ открытымъ небомъ, то вы знаете, что въ тотъ часъ, когда мы спимъ, цѣлый таинственный мiръ просыпается среди этой тишины безмолвiя. Тогда журчанье ручьевъ кажется громче, на прудахъ зажигаются маленькiе огоньки. Всѣ горные духи летаютъ и движутся на просторѣ, и въ воздухѣ раздается какое-то шуршанье, какой-то неуловимый шумъ, какъ будто слышно, какъ растутъ вѣтки деревьевъ, какъ изъ земли пробивается трава. Днемъ жизнь живыхъ существъ, ночью же неодушевленныхъ предметовъ. Если кто не привыкъ къ этому, то дѣлается страшно... Вотъ почему барышня наша вздрагивала вся и прижималась ко мнѣ при малѣйшемъ шумѣ. Вотъ долгiй, печальный крикъ раздался на прудѣ, блестѣвшемъ внизу, и достигъ до насъ, пе-

реливаясь въ воздухѣ. Въ то же мгновеніе надъ нашими головами скатилась яркая падучая звѣзда, какъ будто бы жалобный крикъ, который мы слышали только что, призывалъ ее къ себѣ.

— Что это значитъ?—спросила меня шопотомъ Стефанета.

— Это душа входитъ въ рай, барышня,—отвѣчалъ я и перекрестился.

Она перекрестилась также и на минуту сосредоточенно смотрѣла въ небо. Потомъ сказала мнѣ:

— Развѣ правда, пастухъ, что всѣ вы колдуны?

— Нѣтъ, нисколько. Но мы живемъ здѣсь ближе къ звѣздамъ и лучше знаемъ, что съ ними дѣлается, чѣмъ вы, жители равнинъ.

Она продолжала смотрѣть вверхъ, опершись головой на руку, закутанная въ кожу барашка, какъ маленькій небесный пастырь на картинахъ.

— Сколько ихъ, какъ онѣ прекрасны! никогда я не видѣла ихъ столько... Знаешь ли ты ихъ имена, пастухъ?

— Да, знаю, хозяйка... Смотрите, вотъ какъ разъ надъ нами дорога святого Іакова (млечный путь). Она идетъ изъ Франціи прямо на Испанію. Ее провелъ святой Іаковъ Галиційскій, чтобы указать путь храброму Карлу Великому въ то время, когда тотъ велъ войну съ сарацинами. Тамъ дальше колесница душъ (Большая Медвѣдица) съ своими четырьмя лучезарными осями. Три звѣзды, находящіяся впереди, трое животныхъ, а эта, самая маленькая, возлѣ третьей,—это погонщикъ. Вы видите вокругъ нихъ множество какъ будто падающихъ съ „колесницы" звѣздъ. То души, которыхъ Богъ не хочетъ принять къ себѣ... Тамъ немного ниже—это грабли или три короля (Оріонъ). По нимъ мы узнаемъ время. Посмотрѣвши только на нихъ, я узнаю, что теперь, напримѣръ, уже минула полночь. А еще пониже—это Жанъ Миланскій, самая яркая изъ звѣздъ (Сиріуръ)... Но самая прекрасная изъ всѣхъ наша звѣзда,—звѣзда пастуха; она свѣтитъ намъ и утромъ, когда мы выгоняемъ стадо, и вечеромъ, когда мы возвращаемся съ нимъ. Мы на-

зываемъ ее также Магелоной, прекрасной Магелоной, гоняющейся за Пьеромъ Прованскимъ (Сатурнъ) и вступающей съ нимъ въ бракъ каждыя семь лѣтъ.

— Какъ пастухъ! Развѣ у звѣздъ бываютъ свадьбы?

— Да, барышня, бываютъ...

И въ то же время какъ я принялся объяснять ей, что означаетъ это выраженіе, я почувствовалъ на своемъ плечѣ что-то нѣжное и свѣжее. То была ея голова, отяжелѣвшая отъ сна и прислонившаяся ко мнѣ съ легкимъ шорохомъ смятыхъ лентъ, кружева и ея вьющихся волосъ. Она осталась такъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ, пока звѣзды на небѣ стали блѣднѣть, при свѣтѣ занимающагося утра. Я смотрѣлъ на нее во время ея сна, смущенный немного, но свято защищаемый отъ всего дурного этой свѣтлою ночью, всегда внушавшей мнѣ только хорошія, высокія мысли. Надъ нами звѣзды продолжали свой молчаливый путь, покорныя пастырю, точно большое стадо и иногда мнѣ представлялось, что одна изъ этихъ звѣздъ, самая яркая, самая блестящая, сбившись съ своего пути, скатилась на мое плечо и заснула на немъ...

Перев. В. В. Буренина-Ковалева.

* * *

Мы сошлись съ тобой на счастье,
А навстрѣчу намъ—гроза.
Что жъ, смѣлѣй встрѣчай ненастье,
Подыми свои глаза.
Вотъ рука моя! Тревога
Пусть замретъ въ груди твоей.
Вѣрь,—во мнѣ отваги много,
Ободрись—и въ путь скорѣй!
Достается счастье съ бою...

Такъ пойдемъ же мы съ тобой—
Вдаль дорогой роковою
До побѣды дорогой.
Пой же громче пѣсню счастья,
Выше голову, смѣлѣй!
И встрѣчай грозу-ненастье
Гордымъ вызовомъ скорѣй.
Брось тревожныя сомнѣнья—
Идеалъ передъ тобой
Въ битвѣ, полной вдохновенья,
Свѣтитъ яркою звѣздой.
Ночь не вѣчна! Свѣтъ проглянетъ,
Вѣтеръ тучи унесетъ—
И надъ ними солнце встанетъ
И желанный день придетъ!
Царство правды, царство свѣта,
Царство вѣчной красоты—
Грезу чудную поэта
Воплощенной встрѣтишь ты.
И борьбу благословляя,
Чистой вѣрою полна,
Ты войдешь въ обитель рая,
Обновленна и сильна.
Пусть конецъ еще далеко,
Пусть дорога тяжела,
Знай, что ты не одинока
Въ мірѣ тьмы, неправды, зла.
Подави же въ сердцѣ муку,
Осуши свои глаза...
Громче пѣсню, рука въ руку,—
И пускай гремитъ гроза!

Вас. Немировичъ-Данченко.

Гюи де-Мопасанъ.

Отрывокъ изъ очерк. „На водѣ“.

Когда я легъ, то почувствовалъ, что не усну, и повернулся на спину, закрывъ глаза. Мысль моя была возбуждена, нервы разстроены; Никакого движенія, ни малѣйшаго звука близкаго или далекаго, только сквозь тонкую перегородку слышалось дыханіе обоихъ матросовъ.

Вдругъ что-то затрещало. Что? Не знаю,—вѣроятно какой-нибудь блокъ на мачтѣ; но звукъ былъ такой болѣзненный, такой жалобный, что я вздрогнулъ, затѣмъ ничего, безконечное молчаніе отъ земли къ звѣздамъ; ничего, ни вѣтерка, ни зыби на водѣ, ни колебанія яхты, ничего; затѣмъ снова послышался неизвѣстный, пискливый стонъ. Слыша его, мнѣ казалось, что зазубрившаяся пила пилитъ мое сердце. Какъ нѣкоторые звуки, нѣкоторые тоны, нѣкоторые голоса раздражаютъ насъ, наполня-

ютъ нашу душу горемъ, отчаяніемъ и ужасомъ! Я прислушивался въ ожиданіи и еще разъ услыхалъ этотъ звукъ, выходившій, казалось, изъ меня самого, изъ моихъ нервовъ или, лучше сказать, который звучалъ во мнѣ самомъ, какъ задушевный, глубокій и печальный призывъ! Да, это былъ жестокій голосъ, мнѣ извѣстный, ожидаемый и который приводилъ меня въ отчаяніе. Этотъ слабый и странный звукъ проходилъ надо мною, какъ сѣятель ужаса и бреда, потому что онъ обладалъ силой пробудить ужасную скорбь, всегда дремлющую въ глубинѣ сердца всѣхъ живущихъ. Что это такое? Это голосъ, который вѣчно слышится въ нашей душѣ и который упрекаетъ постоянно, смутно, печально, мучительно, подразнивая, неукротимо, назойливо, яростно въ томъ, что мы сдѣлали и чего мы не сдѣлали, голосъ смутныхъ угрызеній, безвозвратныхъ сожалѣній, погибшихъ дней, встрѣченныхъ женщинъ, которыя можетъ быть, насъ полюбили бы, исчезнувшихъ вещей, напрасныхъ радостей, умершихъ надеждъ; голосъ того, что проходитъ, исчезаетъ, обманываетъ, чего мы не достигли, чего мы никогда не достигнемъ, пискливый голосокъ, кричащій объ изуродованной жизни, безполезности усилій, безсиліи разума и слабости плоти.

Онъ говорилъ со мною, всегда начиная послѣ мрачной тишины ночи; онъ говорилъ со мною о томъ, что я могъ бы любить, чего я смутно желалъ, ждалъ, мечталъ; говорилъ о томъ, что я хотѣлъ бы повидать, понять, взять, вкусить; обо всемъ, къ чему мой слабый, бѣдный и ненасытный умъ коснулся съ безплодной надеждой, обо всемъ, къ чему онъ стремился направиться, но не могъ разорвать сковавшей его цѣпи невѣжества.

Я всего добивался и ничемъ не насладился. Мнѣ была бы нужна жизненность цѣлой расы, умъ, разсѣянный у всѣхъ существъ, всѣ способности, всѣ силы и тысячи существованій въ запасѣ, потому что я ношу въ себѣ всѣ аппетиты и всѣ любопытства, а между тѣмъ осужденъ ва все смотрѣть и ничѣмъ не обладать.

Для чего же это мученіе жить, когда другіе испытываютъ только удовольствія жизни? Къ чему точитъ меня эта невѣдомая мука? Почему я не могу познать всей сущности удовольствій, ожиданій и наслажденій?

А потому, что я ношу въ себѣ способность ясновидѣнія, составляющую одновременно силу и горе писателей. Я пишу потому, что я понимаю и страдаю отъ всего существующаго, потому, что я его слишкомъ хорошо знаю, а особенно еще потому, что, не имѣя возможности наслаждаться имъ, я его вижу въ самомъ себѣ, въ зеркалѣ моей мысли.

Не завидовать намъ, а жалѣть насъ нужно, потому что вотъ чѣмъ писатель разнится отъ себѣ подобныхъ.

Въ немъ нѣтъ ни одного непосредственнаго чувства. Все, что онъ видитъ, его радости, удовольствія, страданіе, отчаяніе немедленно обращаются у него въ предметы наблюденія. Несмотря ни на что, противъ воли, онъ безконечно анализируетъ сердца, лица, жесты, звукъ голоса. Едва онъ что-нибудь увидитъ, что бы то ни было, ему сейчасъ нужно узнать причины случившагося! Онъ не сдѣлаетъ ни одного искренняго движенія, не дастъ искренняго поцѣлуя, крика; не сдѣлаетъ ни одного необдуманнаго дѣйствія, потому что все это слѣдуетъ дѣлать, не зная, не размышляя, не понимая, не отдавая себѣ отчета.

Если онъ страдаетъ, онъ замѣчаетъ свое страданіе и укладываетъ его въ память; возвращаясь съ кладбища, гдѣ онъ оставилъ самое дорогое ему на свѣтѣ существо, онъ говоритъ себѣ:

— Какое странное чувство я испыталъ: это было какое-то болѣзненное опьяненіе и т. д.

И тогда онъ начинаетъ вспоминать всѣ подробности, поведеніе сосѣдей, фальшивые жесты, притворное горе, притворявшіяся лица и тысячи пустыхъ мелочей, художническихъ наблюденій: какъ крестилась старуха, державшая за руку ребенка, лучъ свѣта въ окнѣ, собака, перебѣжавшая дорогу процессіи, какой видъ имѣла траурная колесница

подъ громадными тисовыми деревьями кладбища, голову могильщика, искаженіе чертъ лица четырехъ человѣкъ при усиліи, которое они сдѣлали, спуская гробъ въ могилу, однимъ словомъ, тысячи вещей, которыхъ бы человѣкъ, дѣйствительно горющій всѣмъ сердцемъ, всей душой, ни за что бы не замѣтилъ.

Онъ же, противъ воли, видѣлъ, все запомнилъ, все записалъ, потому что онъ писатель и его умъ устроенъ такимъ образомъ, что впечатлительность его гораздо живѣе, естественнѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ первое потрясеніе,—эхо сильнѣе первобытнаго звука.

У него будто двѣ души: одна записывающая, объясняющая, анализирующая всякое чувство своей сосѣдки, настоящей души, общей всѣмъ людямъ; и онъ живетъ, осужденный быть всегда, при всякомъ случаѣ отраженіемъ самого себя и отраженіемъ другихъ, осужденный видѣть себя чувствующимъ, дѣйствующимъ, любящимъ, думающимъ, страдающимъ, и никогда не страдать, думать, любить, не чувствовать, подобно другимъ людямъ, просто, сердечно, искренно, не анализируя себя послѣ каждой радости и послѣ каждаго горя.

Въ разговорѣ онъ будто злословитъ, но это только потому, что его мысль видитъ далеко и что онъ расчленяетъ всѣ скрытыя пружины чувствъ и дѣйствій другихъ.

Если онъ пишетъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не помѣстить тамъ все, что онъ видѣлъ, все, что онъ понялъ, что онъ знаетъ; и это не исключая ни родныхъ, ни друзей; съ жестокимъ безпристрастіемъ онъ разоблачаетъ сердца тѣхъ, кого любитъ или любилъ, преувеличивая даже, чтобъ усилить эффектъ, единственно думая о своемъ трудѣ и нисколько не о привязанностяхъ.

Если онъ любитъ и любитъ женщину, онъ ее разсѣчетъ, будто трупъ въ больницѣ. Все, что она говоритъ, все, что она дѣлаетъ, немедленно попадаетъ на чувствительные вѣсы наблюдательности, которые онъ носитъ въ себѣ, и отмѣчается по досто-

инству. Если она бросится ему на шею въ безумномъ порывѣ, онъ будетъ судить это движеніе по его своевременности, его правильности, драматической силѣ и молча осудитъ его, если найдетъ его притворнымъ или некрасивымъ.

Актеръ и зритель одновременно самого себя и другихъ, онъ никогда не будетъ только актеромъ, какъ бываютъ безхитростные люди. Все вокругъ него дѣлается стекляннымъ, сердца, дѣйствія, тайныя намѣренія, и онъ страдаетъ тайною болѣзнью, чѣмъ-то въ родѣ раздвоенія мозга, что дѣлаетъ изъ него существо страшно чувствительное, всегда насторожѣ, сложное и утомительное для него самого.

Его чрезвычайная и болѣзненная чувствительность дѣлаетъ его иногда заживо ободраннымъ человѣкомъ, отчего всякое ощущеніе обращается для него въ боль.

Я припоминаю мрачные дни, когда мое сердце было такъ истерзано мимолетными явленіями, что воспоминанія о нихъ остались во мнѣ живыми ранами.

Однажды утромъ на улицѣ Оперы, среди шумной и веселой публики, опьянѣвшей отъ майскаго солнца, я увидалъ странное существо, старуху, согнувшуюся вдвое, одѣтую въ лохмотья, которыя были когда-то платьемъ, въ черной соломенной шляпѣ, лишенной своей отдѣлки, лентъ и цвѣтовъ, исчезнувшихъ уже давно. Она съ такимъ трудомъ волочила ноги, что у меня въ сердцѣ болѣзненно отзывался каждый шагъ. Она опиралась на двѣ палки и шла, не замѣчая никого, равнодушная ко всему: къ шуму, къ людямъ, къ экипажамъ, къ солнцу! Куда она шла? Въ какую трущобу? Она несла что-то въ бумагѣ, обвязанной веревкой. Что? Хлѣбъ? Должно быть. Никто, ни одинъ сосѣдъ не могъ или не захотѣлъ сходить за нимъ, она сама пустилась въ это ужасное путешествіе,— со своего чердака до булочной. По крайней мѣрѣ два часа ходьбы туда и назадъ. И какой мучительный путь! Такой путь можетъ уподобиться крестному пути Христа.

Я взглянулъ на крыши высочайшихъ домовъ. Она шла туда, наверхъ! Когда она тамъ будетъ? Сколько разъ ей придется отдыхать, задыхаясь, на ступенькахъ узкой, темной и кривой лѣстницы?

Всѣ оборачивались, чтобы на ее взглянуть! Слышались слова: „бѣдная женщина!“ и люди проходили мимо. Ея юбка, этотъ обрывокъ юбки, тащилась по тротуару, едва держась на ея разрушающемся тѣлѣ. И здѣсь жила когда-то мысль! Мысль? Нѣтъ, ужасное, непрестанное мученіе. Горе стариковъ безъ хлѣба, стариковъ, потерявшихъ надежду, лишенныхъ дѣтей, безъ денегъ, ничего другого, только одна смерть передъ глазами!.. Думаемъ ли мы о нихъ? Думаемъ ли мы о старикахъ, голодающихъ на чердакахъ? Думаемъ ли мы о слезахъ, которыя проливаютъ эти потускнѣвшіе глаза, бывшіе нѣкогда блестящими, взволнованными и радостными?

Г. де-Мопасанъ.

Флоренція.

Полная думъ о быломъ,
Тайны невѣдомыхъ сновъ,
Внемлетъ въ молчаньи ночномъ
Звукамъ невнемлемыхъ словъ.

Въ тьмѣ кипарисовыхъ чащъ
Печаль неподвижныхъ вѣтвей,
Кустъ алыхъ розъ, точно плащъ,
Упалъ на изгибъ ступеней.

Спитъ въ высотѣ кампанилъ
Въ дали стремящійся звонъ.
Вѣетъ надъ грустью могилъ
Вѣчная прелесть мадоннъ.

Ева Розенъ.

Будущимъ.

Въ міръ они придутъ безъ утомленья,—
Съ мыслью смѣлой, съ пѣсней на устахъ,
Насладиться всѣмъ, что знали мы въ мечтахъ,
Вспомнивъ прошлое съ улыбкой сожалѣнья.

* * *

Въ міръ идетъ въ сознаньи силы племя—
Жизнь создать на мѣстѣ брошенныхъ гробовъ...
Не понять людей имъ, жившихъ въ наше время,
Говорившихъ блѣднымъ языкомъ рабовъ...

* * *

Въ міръ идетъ другое поколѣнье—
Для иной, возвышенной борьбы!
И уходимъ мы, достойны сожалѣнья,
Осторожные, голодные рабы...

Усталый (А. Н. Вознесенскій).

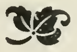
* * *

Изъ Франсуа Коппе.

Подобно ловчему, сѣдому старику,
Недужной старостью прикованному къ дому,
Когда, мечтою онъ переносясь къ былому,
Съ собакою своей присядетъ къ камельку;
Подобно стаѣ птицъ, озябшей и безгласной
Во мракѣ осени холодной и ненастной;
Подобно ржавому, забытому клинку,
Иль арфѣ, брошенной съ разбитою струною;
Подобно очагу, гдѣ больше нѣтъ огня,

Гдѣ вѣетъ холодомъ и мертвой тишиною,—
Увы, подобенъ имъ бываю я, когда
Гармонія стиха душѣ моей чужда,
И творческая мысль разсталася со мною.

О. Чюмина



Послѣ битвы.

Смерть пронеслась опьяненная,
Смерть обагрила поля.
Жгучей росой напоенная,
Смутно вздыхаетъ земля.

Тучи—какъ стражи крылатые;
Вѣетъ полночная мгла.
Сномъ непробуднымъ объятыя,
Мертвыя стынутъ тѣла.

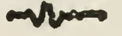
Въ груди нѣмыя, безструнныя,
Въ сумракъ невидящихъ глазъ
Просятся отблески лунные,
Шепчутъ тревожный разсказъ...

Тамъ, гдѣ серебряно-пѣнные
Вьются края облаковъ,
Къ небу восходятъ блаженныя
Тѣни почившихъ борцовъ.

Въ бездны воздушно-туманныя,
Къ царству лазурныхъ свѣтилъ,
Тихо скользятъ безжеланныя,
Таютъ, какъ дымъ отъ кадилъ...

Миръ вамъ, въ заоблачной ясности,
Вольные сонмы тѣней!
Миръ вамъ, въ познаньи безстрастности,
Въ вѣчномъ забвеньи скорбей.

М. Пожарова.



Женщина и дѣвушка.

Женщина и дѣвушка встрѣтились негаданно
Въ часъ, когда надъ городомъ день ужъ погасъ,
Изъ церквей отворенныхъ струились нити ладана,
Надъ темными бульварами еще не вспыхнулъ газъ.
Та, что тайну выдала, и та, что неразгадана,
Встрѣтились нечаянно въ сумеречный часъ.
Дѣвушка, вся свѣтлая, вся радость недоступная,
Невѣста нерасцвѣтшая, но близкая къ вѣнцу.
Женщина румянами скрыла тѣни трупныя,
Что утромъ расползаются по дряблому лицу.
Дѣвушка и женщина,—святая и преступная,
Жизни не узнавшая и близкая къ концу.
Женщина шла медленно, маня, шуршала юбками,
Не прятала въ ихъ шелестѣ контуровъ ноги,
Въ сумеркахъ у дѣвушки черты казались хрупкими,
Были торопливыми некрупные шаги.
Женщина продажная и дѣвушка съ покупками
Встрѣтились нечаянно, взглянули, какъ враги.
Взглянули, какъ далекія; но первому движенію
Что-то въ нихъ отвѣтило, мелькнуло изъ-подъ вѣкъ,
Мелькнуло незнакомое злобѣ и презрѣнію,
Путы чувствъ нашептанныхъ кто-то пересѣкъ.
Не поняли, не поняли... Чуждыя прозрѣнію,
На мигъ другъ другу близкія, далекія на вѣкъ,
Эта ясноокая, въ которой недосказанно
Столько словъ плѣнительныхъ, не скучныхъ никогда;

И та, съ глазами туслыми, въ которыхъ вся разсказана
Повѣсть нисхожденія, безстыдства и стыда.
Не поняли, что городомъ онѣ другъ съ другомъ связаны
Что связанными накрѣпко пребудутъ навсегда,
Что, чѣмъ грязнѣй объятьями женщина захватана,
Тѣмъ чище будетъ чистая въ дѣвичьей красотѣ,
И глаже будетъ проданной дорога въ гробъ укатана,
Чѣмъ радостнѣе дѣвушка довѣрится мечтѣ.
Не поняли. И дѣвушка сѣтью улицъ спрятана,
Женщина, ужъ куплена, исчезла въ темнотѣ.

Евг. Тарасовъ.

Замокъ Локсли.

Поэма А. Теннисона

(Locksley-Hall).

1.

Здѣсь остаться на минуту я бъ одинъ желалъ.
Если надо—звукомъ рога дайте мнѣ сигналъ.
Предо мною замокъ Локсли и, какъ въ тѣ года,
Надъ его карнизомъ птицы кружатся всегда.—
Замокъ Локсли, чья громада высится стѣной
Надъ песками и надъ темной гладью водяной.
Сколько разъ съ того балкона въ тишинѣ ночей
Я съ созвѣздья Оріона не сводилъ очей.
Здѣсь же, съ юношей гуляя у прибрежныхъ скалъ,
Увлеченіе наукой въ немъ я пробуждалъ.
Мнѣ казались золотыми прошлые вѣка,
Въ настоящемъ я страданій не знавалъ пока,
И въ грядущее стараясь взоромъ проникать,
Видѣлъ я любовь и братство, миръ и благодать.

Лишь весною такъ румяна первая заря,
Лишь весной такъ ярокъ пурпуръ перьевъ снигиря,

Лишь весной поютъ въ дубравахъ горные ручьи
И весной мечтаетъ юность чаще о любви...
Щеки Эми были блѣдны, словно у больной,
И глаза ея слѣдили цѣлый день за мной.
Я сказалъ:—Кузина Эми, всей душей любя,
Я хочу такую жъ правду слышать отъ тебя.
Краска тихо разлилася на ея щекахъ,
Какъ сіяніе разсвѣта алаго въ горахъ.
Эми быстро отвернулась, тяжело дыша,
Но въ глазахъ ея сіяла вся ея душа.
И она шепнула плача:—Я любима, да?
Я сама тебя любила эти всѣ года.—

И любовь остановила времени полетъ,
И казалось, въ снѣ волшебномъ наша жизнь идетъ.
Часто утромъ мы внимали ропоту волны,
И слова ея дышали прелестью весны.
Часто вечеромъ, гуляя между скалъ вдвоемъ,
Уносились мы мечтами вслѣдъ за кораблемъ,
Мы внимали пѣнью птицы, шороху куста,—
И сливались воедино души и уста.

О, моя кузина Эми—больше не моя!
О, обманчивыя волны,—вамъ ввѣрялся я!
Болѣ лживая, чѣмъ тѣни призрачныя грезъ,
Испугавшаяся крика и пустыхъ угрозъ;
Нерѣшительна душою, волею слаба,
Ты въ рукахъ отца—игрушка, мачехи—раба,
Ты не стоишь пожеланій счастья отъ меня,
Лучшимъ чувствамъ и стремленьямъ низко измѣня!
Да, ты будешь опускаться ниже съ каждымъ днемъ
И сольешься съ тою грязью, что таится въ немъ:
Ты ничтожество въ супруги избрала себѣ,
И опошлишься въ постыдной, мелочной борьбѣ.
Ужъ таковъ законъ природы: съ пошлякомъ сроднясь,
Вмѣстѣ съ нимъ ты неизбѣжно окунешься въ грязь,
А когда онъ охладѣетъ—въ мнѣніи своемъ
Онъ тебя поставитъ рядомъ со своимъ конемъ
И съ охотничьей собакой... Ты, его жена,
Погляди, вотъ задремалъ онъ, красный отъ вина,
Подойди къ нему съ любовью, поцѣлуй его:

Это входитъ въ исполненье долга твоего...
Мозгъ милорда тяжелѣетъ, и должны развлечь
Сплинъ его твоя улыбка, ласковая рѣчь.
Онъ отвѣтитъ... Смыслъ отвѣта—тотъ же, что все-
гда...
О, зачѣмъ, зачѣмъ тебя я не убилъ тогда!
Лучше бъ мы, заснувъ на вѣки безпробуднымъ
сномъ,
Лучше бъ мы съ тобой лежали тамъ, на днѣ мор-
скомъ!

2.

О, проклятье предразсудкамъ, чей тяжелый гнетъ
Ни любить, ни мыслить смѣло людямъ не даетъ!
О, проклятіе обману, пеленой своей
Закрывающему правду отъ людскихъ очей!
О, проклятье лживымъ формамъ! Ими искаженъ
Общій матери-природы истинный законъ.
И проклятіе двойное золотымъ мѣшкамъ,
Придающимъ блескъ фальшивый даже мѣднымъ
лбамъ!

Я любилъ тебя, какъ мало въ мірѣ кто любилъ,
И ужели для забвенья не хватаетъ силъ?
Нѣтъ, я вырву это чувсгво, еслибъ за-одно
Вырвать собственное сердце было суждено!

Я могу ли въ утѣшенье вспоминать о ней,
О подругѣ, мной любимой на разсвѣтѣ дней?
Да, о той, въ комъ все казалось ясно и свѣтло,
И къ кому неудержимо все меня влекло?
Та, которую любилъ я,—для меня мертва,
А любовь ея и клятвы—лишь одни слова!
Утѣшенье?.. Но страданье,—говоритъ поэтъ,—
Лишь одно воспоминанье счастья прежнихъ лѣтъ.
Ты борися также съ ними, отгоняй ихъ прочь,—
Но подъ шумъ дождя и вѣтра, въ сумрачную ночь,
Ты увидишь ихъ при свѣтѣ блѣдномъ ночника...
Предъ тобою роковая явится рука
И тебѣ укажетъ ложе, гдѣ тяжелымъ сномъ
Засыпаетъ твой избранникъ, усыпленъ виномъ,—
И укажетъ эти слезы, что въ тиши ночей

Одинокихъ часто льются изъ твоихъ очей...
Ты услышишь звуки пѣсенъ, пѣвшихся тогда,
Ты услышишь, замирая, слово: никогда!
Предъ тобой опять воскреснутъ золотые дни...
О, зажмурь плотнѣе вѣки. Позабудь... Засни!

Но тебѣ пошлетъ природа утѣшенья мигъ:
Всѣ сомнѣнья заглушаетъ первый дѣтскій крикъ.
Я соперника въ ребенкѣ вижу своего,
И меня ты позабудешь скоро для него.
На отца любви избытокъ ты перенесешь...
Ну, а сынъ? На васъ обоихъ будетъ онъ похожъ!
Я могу себѣ представить, какъ, на склонѣ дней,
Ты мораль читаешь строго дочери своей.
—Увлеченія опасны... На себѣ она
Испытала это прежде... Женщина должна
Покоряться...—О, погибни въ пустотѣ своей,
Въ этой пошлости ходячей будничныхъ идей!
Ты смирилась, покоряся радостно судьбѣ,
Ну , а я найду спасенье въ дѣлѣ и борьбѣ.

3.

Но куда мнѣ постучаться? Гдѣ работа? Въ чемъ?
Двери нынче отворяютъ золотымъ ключемъ,
И просители толпою осаждаютъ ихъ.
Что же дѣлать мнѣ съ запасомъ юныхъ силъ моихъ?
Я въ кровавое сраженье шелъ бы, какъ на пиръ,
Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.
. . . .
Отдохну пока душою въ думахъ о быломъ,
На меня оно повѣетъ свѣтомъ и тепломъ,
И меня охватитъ снова прежнихъ силъ приливъ,
Прежнихъ свѣтлыхъ упованій молодой порывъ.
Я опять стремиться буду радостно впередъ,
Словно мальчикъ, что впервые въ дальній путь идетъ
И, застигнутъ темнотою, видитъ все яснѣй
Въ отдаленьѣ свѣтъ манящій городскихъ огней.
Утомленье забывая, къ этимъ огонькамъ
Онъ стремится, и душою—онъ давно ужъ тамъ.

Люди—труженики! Братья! Честные бойцы!
Геніальнѣйшихъ открытій смѣлые творцы!
Много сдѣлать и доселѣ удалося вамъ,
Но въ грядущемъ я не вижу счета чудесамъ.
Я въ мечтаньяхъ о грядущемъ вижу небеса,
Гдѣ волшебныхъ галіоновъ вѣютъ паруса,
И высоко надъ равниной плоскою земли,
Межъ собой сцѣпясь отважно, бьются корабли.
Въ громѣ бури слышенъ ясно и сраженья громъ,
И на землю капли крови падаютъ дождемъ...
Но стихаетъ гулъ орудій съ шелестомъ знаменъ,
Ихъ смѣняетъ миръ всеобщій и союзъ племенъ.
Миръ настанетъ вѣковѣчный: войны прежнихъ дней
Позабудутся и станутъ сказкой для дѣтей.

Такъ мечталось мнѣ, покуда ненависти ядъ
Не проникъ мнѣ прямо въ сердце, затемняя взглядъ.
Отживающимъ, подгнившимъ кажется порой
Мнѣ общественнаго зданья прихотливый строй.
Я извѣрился и въ знаньѣ: двигаясь впередъ,
Черепахою наука медленно ползетъ...
Но я вѣрю: не безцѣльно шелъ за вѣкомъ вѣкъ,
Съ ихъ теченьемъ развивался духомъ человѣкъ.
Если онъ не пожинаетъ плодъ своихъ трудовъ—
Эта жатва остается для его сыновъ.
Знанье движется, но мудрость медлитъ на пути.
Пусть погибнутъ единицы—лишь бы міръ спасти!

Чу! Я слышу, затрубили въ рогъ мои друзья.
Имъ казалася постыдной эта страсть моя.
Я и самъ ея стыжуся... Да, во мнѣ должна
Навсегда умолкнуть эта прежняя струна...
О, я вижу, что доселѣ въ сердцѣ сохранилъ
Всѣ стремленія былого и надежды пылъ...
И теперь же съ зáмкомъ Локсли я прощусь навѣкъ,
Я, грозою не сраженный, гибели избѣгъ.
Вотъ, я вижу, надъ болотомъ поднялся туманъ—
Скоро, скоро разразится грозный ураганъ...
Если онъ на зáмокъ Локсли молніей падетъ—
Я теперь не обернуся: я иду впередъ!

О. Михайлова.

Джакомо Леопарди.

Безконечность.

Изъ Д. Леопарди.

Мнѣ дорогъ этотъ одинокій холмъ
И эта изгородь: она далеко
Здѣсь тянется, до края горизонта!
Сидишь и долго смотришь: тамъ, за нею,
Даль безконечна. Въ душу проникаетъ
Глубокая, нѣмая тишина,
Покой надмірный—и невольный трепетъ
Смиряется. Когда же на мгновенье
Зашелеститъ вблизи кустами вѣтеръ,—
Я сравниваю бѣдный этотъ звукъ
Съ той необъятной, ровной тишиною.
И вспоминаю прошлое, и вѣчность,
И нашей жизни мимолетный шумъ...
Такъ въ безконечнсмъ тонетъ мысль моя.
Но сладко мнѣ исчезнуть въ этомъ морѣ!

Ив. Тхоржевскій.

Къ веснѣ.

(О старыхъ легендахъ).

Изъ Д. Леопарди.

Опять лучами солнца
Лазурь обновлена.
Чуть вѣетъ вольный вѣтеръ,
Но дымный пологъ тучъ
Уже разорванъ въ клочья.
Играя съ вѣтеркомъ,
Летятъ безпечно пташки,
И юной страстью блещетъ
Помолодѣвшій день!
Снѣгъ таетъ. Въ чащѣ лѣса
Опьянены и звѣри
Весенней лаской солнца...
Блеснетъ ли радость жизни
Намъ, истомленнымъ людямъ?
Мы сдавлены тоской,
Убиты Правдой черной...
О, навсегда ль для насъ
Покрылось тьмою солнце
Иль ласковымъ тепломъ
Весна еще повѣетъ
На ледяное сердце?
Въ него закралась горечь слишкомъ рано,
Въ немъ дышетъ старость холодомъ обмана...

Жива ли ты, святая мать Природа?
Жива ли ты? И твой ли намъ звучитъ
Призывъ далекій—лаской позабытой?
Въ стекло твоихъ ключей
Смотрѣлись беззаботно
Бѣлѣющія нимфы;
Верхи твоихъ лѣсовъ
Когда-то колыхали
Веселой пляской боги
(Теперь—ихъ клонитъ вѣтеръ);
И въ полдень, у ручья,
Заросшаго цвѣтами,

Пастухъ поилъ ягнятъ
И слушалъ, какъ далеко
Звенѣли, разносились
И смѣхъ, и пѣсни Пана...
Чуть пѣнилась волна—
И думалъ онъ: Діана,
Невидима очамъ,
Сошла въ ручей хрустальный—
Свой бѣлоснѣжный станъ
И дѣвственныя руки
Омыть отъ пыли, жаркой и кровавой,
Утомлена воинственной забавой...

Когда-то были живы
Цвѣты, луга и рощи;
Насъ понимали тучки,
Живые вѣтерки
И факелъ вѣчный—Солнце.
Сверкала въ небесахъ
Надъ спящими холмами
Звѣзда Киприды нѣжной,
И путникъ одинокій
Слѣдя за ней очами,
Бодрѣе шелъ впередъ:
Въ ней—вѣрилъ онъ богинѣ!
—Кто убѣгалъ отъ злобы,
Отъ бѣшеной тревоги
Безстыдныхъ городовъ,
Тотъ шелъ въ лѣсную чащу:
Тамъ ясно видѣлъ онъ,
Какъ по безкровнымъ жиламъ
Скользитъ живое пламя,
Какъ чутко дышатъ листья,
И грустная Филлида
Дрожитъ въ объятьяхъ Дафна;
Какъ безутѣшно плачутъ
О томъ, кто Солнцемъ сброшенъ былъ надменно
Въ глубь Эридана, дочери Климены...

На ропотъ человѣка
И скалы отзывались:

Въ ихъ трещинахъ глубокихъ
Тогда скрывалось Эхо,—
Не вѣтра бѣглый вздохъ,
А тѣнь несчастной Нимфы,
Духъ, изгнанный изъ тѣла
Судьбой любви печальной...
Тамъ, въ пустотѣ пещеръ,
Во мракѣ трещинъ голыхъ,
Та нимфа повторяла
Всѣ наши крики, стоны,
И, вторя жизни скорбнымъ голосамъ,
Укоръ и вопль бросала небесамъ!

И ты, пѣвунья-птичка,
Съ людской бѣдою зналась:
Весной, въ лѣсу кудрявомъ
Ты долго щебетала
Вечерней тишинѣ
И дремлющему полю
О старыхъ, злыхъ обидахъ...
И, утромъ, день вставалъ,
Весь поблѣднѣвъ отъ жалости и гнѣва:
Забыть не могъ онъ грустнаго напѣва.

Теперь—и ты намъ не родная, птичка!
Не нашею печалью
Твои рыдаютъ трели;
Легенды нѣтъ былой,—
И, скрытая въ долинѣ,
Не дорога ты людямъ!
Олимпъ покинутъ... Вѣчный громъ ослѣпъ—
Онъ, пролетая, страхомъ леденитъ
Равно и злыхъ, и праведныхъ... Отчизна
Такъ холодна, такъ безучастна къ дѣтямъ...
—Взгляни жъ, хоть ты, великая Природа,
На темныя страданья
Запуганныхъ людей;
Верни имъ искру жизни,—
Коль не мертва и ты!

О, есть ли тамъ, на небѣ, на землѣ,
Въ волнахъ морей, хоть что-нибудь живое?
И есть ли тамъ кому—не пожалѣть—
Но хоть взглянуть на насъ, изъ любопытства?

Ив. Тхоржевскій.

Къ самому себѣ.

Изъ Д. Леопарди.

Теперь отдохнешь навсегда,
Усталое сердце мое.
Исчезъ и послѣдній обманъ,
Который я вѣчнымъ считалъ.
Исчезъ, и, я знаю, отнынѣ
Ужъ нѣтъ дорогихъ обольщеній:
Не только надежда во мнѣ,
Но даже желанье угасло.
Усни же теперь навсегда:
Довольно ты билось, о, сердце!
Ужъ нѣтъ ничего, что бы было
Достойно біеній твоихъ,
И вздоховъ не стоитъ земля.
Жизнь—горечь и скука, и только.
Міръ грязенъ. Отнынѣ умолкни,
Въ послѣдній отчаявшись разъ.
Судьба дала нашему роду
Единственный даръ: это смерть.
Отнынѣ себя презирай,
Природу, ужасную силу,
Которая въ тайнѣ царитъ
На гибель всеобщую,—и
Тщету безпредѣльную міра.

В. Ф. Помянъ.

Грезы.

Кто ходитъ, кто бродитъ за прудомъ въ тѣни?...
  Сѣдые туманы вздыхаютъ.

Цвѣты, вспоминая минувшіе дни,
Холодныя слезы роняютъ.

О, сердце больное, забудься, усни...
Надъ прудомъ туманы вздыхаютъ.

Кто ходитъ, кто бродитъ на той сторонѣ
За тихой, зеркальной равниной?..

Кто плачетъ такъ горько при блѣдной лунѣ,
Кто руки ломаетъ съ кручиной?

Нѣтъ, нѣтъ... Вѣтерокъ пробѣжалъ въ полуснѣ...
Нѣтъ... Стелется паръ надъ трясиной...

О, сердце больное, забудься, усни...
Тамъ нѣтъ никого... Это—грезы...

Цвѣты, вспоминая минувшіе дни,
Роняютъ холодныя слезы ..

И только въ свинцовыхъ туманахъ онѣ—
Грядущія темныя грозы...

Андрей Бѣлый.

Монологъ.

Изъ „Потонувшаго колокола“ Г. Гауптмана.

Я умираю: это хорошо.
  Богъ такъ рѣшилъ для нашего же блага.
Иначе Магда...—наклонись ко мнѣ—
Для насъ обоихъ умереть я долженъ.
Ты думаешь, что если расцвѣла ты,—
И для меня,—я вызвалъ твой расцвѣтъ?

О, нѣтъ! То сдѣлалъ вѣчный Чудотворецъ,
Который завтра жесткой зимней вьюгой
Весенній лѣсъ ударитъ, и убьетъ
Безчисленность едва расцвѣтшихъ почекъ.
Для насъ обоихъ умереть я долженъ.
Смотри, я былъ изношенъ, я былъ старъ,
Я былъ какой-то неудачной формой.
Зачѣмъ же сталъ бы я теперь жалѣть,
Что тотъ Литейщикъ, Чьей рукой я созданъ,
Меня отвергъ, увидѣвъ, какъ я плохъ.
Когда, вслѣдъ за моимъ плохимъ созданьемъ,
Своей рукой меня швырнулъ Онъ въ пропасть,
Паданіе желанно было мнѣ.
Мое созданье, знаю, было плохо:
Тотъ колоколъ, который могъ упасть,
Не созданъ для вершинъ, нѣтъ, онъ не могъ бы
Межъ горъ высокихъ отзвукъ пробудить.
. . . .
Не искази моихъ правдивыхъ словъ.
Ты, ты сама, сейчасъ мнѣ такъ звучала,
Такимъ глубокимъ звукомъ и прозрачнымъ,
Какъ ни одинъ изъ всѣхъ колоколовъ,
Которые я создалъ.—Благодарность!
Но, Магда, ты должна понять меня:
Послѣднее созданье неудачно.
Съ стѣсненнымъ сердцемъ въ высь я шелъ за ними,
Когда, крича и весело бранясь,
Они тащили колоколъ къ высотамъ.
И онъ упалъ. Въ провалъ ста саженей.
Теперь онъ въ горномъ озерѣ. Глубоко
Навѣки въ горномъ озерѣ лежитъ
Послѣдній плодъ моей мечты и мощи.
Вся жизнь моя, такъ, какъ ее я прожилъ,
Не создала и не могла создать
Другой работы, лучшей. Да. И все же
Ее я бросилъ вслѣдъ моихъ опальныхъ
Созданій неудавшейся мечты.
Она лежитъ на днѣ, а самъ я долженъ
Дожить послѣдній сумрачный мой часъ.
Я не скорблю и все-таки скорблю я
О томъ, чего ужъ нѣтъ. Одно лишь вѣрно:

Ни колоколъ, ни жизнь не возвратятся.
И если бъ я сковалъ свою мечту
Съ желаніемъ опять услышать гимны
Похороненныхъ звуковъ,—горе мнѣ!
Какая жизнь меня бы ожидала:
Она была бы бременемъ тоски,
Раскаянья, безумія, ошибокъ,—
И темноты, и желчи, и отравы.
Нѣтъ, нѣтъ! Такой я жизни не приму!
Я больше не хочу служить долинамъ,
Ихъ миръ не успокаиваетъ больше
Мою всегда стремительную кровь.
Все, что въ моей душѣ теперь хранится,
Съ тѣхъ поръ какъ я побылъ среди высотъ,
Стремится вновь къ заоблачнымъ вершинамъ,
Свѣтло блуждать надъ моремъ изъ тумана,
Творить созданья силою вершинъ.
И такъ какъ я не властенъ это сдѣлать,—
Недужный, какъ теперь,—и такъ какъ я,
Когда бы могъ взойти, упалъ бы снова,
Пусть лучше я умру. Чтобъ жить вторично,
Я долженъ быть, какъ прежде, молодымъ.
Изъ горнаго чудеснаго растенья,
Изъ новаго вторичнаго расцвѣта
Рождаются душистые плоды.
Я долженъ въ сердцѣ чувствовать здоровье,
Желѣзо въ жилахъ, мощь въ своихъ рукахъ,
И жаръ завоевателя безумный,
Чтобъ что-нибудь чудесное создать,
Неслыханно-прекрасное...

К. Д. Бальмонтъ.

Джузуэ Кардуччи.

Волъ.

Сонетъ.

Изъ Дж. Кардуччи.

Люблю и чту тебя, о, волъ благочестивый,
Даруешь сердцу ты величье и покой,
Взираешь ли на лугъ и бархатныя нивы,
Торжественно ль стоишь, какъ памятникъ живой,

Иль, тихо подъ ярмомъ склонясь, неприхотливый,—
Сподрученъ пахаря работѣ вѣковой.
Тебя онъ колетъ, бьетъ, но, кроткій, терпѣливый,
Повелъ глазами ты и никнешь головой,

И изъ ноздри твоей, широкой, черной, влажной,
Дыханіе, дымясь, выходитъ, и звучитъ
Мычаніе, какъ гимнъ веселый и протяжный;

И въ строгой кротости очей твоихъ блеститъ,
Свѣтло отражена, божественна, пустынна,
Святымъ безмолвіемъ объятая равнина.

А. Өедоровъ.

На пятую годовщину битвы при Ментанѣ.

Изъ Дж. Кардуччи.

День, что каждый годъ намъ возвращаетъ
Память битвы роковой,
День Ментаны снова разсвѣтаетъ
Надъ родимою страной.
Поле вздрогнуло, въ лугахъ окрестныхъ
Клики шумные идутъ;
Изъ могилъ глубокихъ, темныхъ, тѣсныхъ
Всѣ убитые встаютъ.

Но встаютъ не страшные скелеты,—
Нѣтъ, прекрасны и статны,
Легкимъ, свѣтлымъ облакомъ одѣты,
Блескомъ звѣздъ озарены.
Воздухъ ихъ съ любовью окружаетъ,
Тихо вѣтеръ шелеститъ,
Сладко шепчетъ, нѣжитъ и ласкаетъ,
Дивной музыкой звучитъ.

Наши матери не спятъ, горюютъ,
Вспоминая сыновей;
Жены плачутъ, о мужьяхъ тоскуютъ,
Не сомкнутъ всю ночь очей.
Мы же сонъ стряхаемъ безконечный,
О, родимая земля,
Чтобъ тебѣ нести привѣтъ сердечный,
Любоваться на тебя.

Дорогой, богатый плащъ, бывало,
Рыцарь радостно снималъ,
На тропинкѣ, въ грязь чтобъ не ступала,
Передъ милою бросалъ;
Такъ тебѣ, отчизна, мы бросали
Души гордыя свои,
Для тебя мы жили, умирали...
А ужъ насъ забыла ты.

Для другихъ любовь твоя сіяетъ,
Ты другимъ даешь вѣнки;

Но нашъ пылъ въ гробу не угасаетъ,
Чувства прежнія крѣпки,
И сбылось завѣтное желанье:
Возвращенъ Итальи Римъ...
Вмѣстѣ всѣ на праздникъ, ликованье
Соберемся мы надъ нимъ!

Той порой, что тучей пролетаетъ
Мертвыхъ тихая толпа,
Долгій, странный трепетъ проникаетъ
Итальянскія сердца,
Меркнетъ блескъ, и шелестъ утихаетъ,
Стройно все молчитъ вокругъ,
Квириналъ одинъ лишь повторяетъ
Гулъ глухой, протяжный звукъ.

Но наживы легкой и позорной
Проповѣдники-дѣльцы,
Что съ собой духъ алчности тлетворной
Въ городъ Гракховъ принесли,
Говорятъ: „Пускай глупецъ мечтаетъ,
Мы межъ тѣмъ карманъ набьемъ,
А тамъ пусть весь міръ хоть пропадаетъ,—
Есть печалиться о чемъ!“

М. Ватсонъ.

Panteismo.

Изъ Дж. Кардуччи.

Отъ тебя все скрылъ я, солнце золотое;
И отъ васъ я, звѣзды, все ревниво скрылъ;
И любимой имя—имя мнѣ святое—
Я въ груди безмолвной, словно кладъ, хранилъ.

А про эту тайну, на небѣ сверкая,
Звѣзды звѣздамъ шепчутъ въ темнотѣ ночной;
И, въ волнахъ пурпурныхъ тихо угасая,
Вторитъ солнце звѣздамъ, говоря съ луной.

На холмахъ тѣнистыхъ и равнинѣ дальней
Шелестятъ о томъ же всѣ кусты, цвѣты,
И щебечутъ птицы: „О, пѣвецъ печальный,
Сладкихъ чаръ отвѣдалъ, наконецъ, и ты!“

Все я скрылъ, а слышу—имя незабвенной
Прославляетъ громко цѣлый Божій свѣтъ.
Изъ цвѣтковъ акацій голосъ мнѣ вселенной
Шепчетъ: „Да, ты любишь и любимъ, поэтъ!“

М. Ватсонъ.

Бродъ.

Изъ Стекетти.

О, милая и скромная рѣка
Съ хрустальными спокойными струями!
Ты—счастіе родного уголка,
Тебѣ одной обязанъ я стихами.
Тамъ, въ зелени прибрежной тростника,
У береговъ, обласканныхъ волнами,
Гдѣ вся листва смѣшалась и сплелась,—
Тамъ я любовь извѣдалъ въ первый разъ.

Чуть шелестя, струилася волна,
На днѣ песокъ цѣлуя золотистый.
Тамъ, гдѣ песокъ въ водѣ блестѣлъ со дна,
Былъ, вѣрно, бродъ, и съ пѣсней серебристой
Туда за мной направилась она...
И гасла пѣснь за ивою тѣнистой.
Она была прекрасна и свѣжа,
И я любилъ, и я молчалъ, дрожа.

Въ тѣни дубовъ старинныхъ мы брели,
Безмолвіемъ таинственнымъ объяты,
Не чувствуя въ подножіи земли.
Съ ея волосъ струились ароматы,

Съ ея одеждъ они какъ бы текли...
Съ ея волосъ струились ароматы,
И въ сердце мнѣ невѣдомымъ путемъ
Они лились и разливались въ немъ.

Приблизившись къ мѣстечку, гдѣ былъ бродъ,
Мы замерли, и мысль веселымъ свѣтомъ
Плѣнила насъ. Единственный исходъ!
Полустыдясь, полусмѣясь при этомъ,
Мы обмѣнялись взглядами, и вотъ
Я съ той поры на вѣки сталъ поэтомъ.
Гдѣ, шелестя, струилася волна,
Былъ, вѣрно, бродъ: песокъ блеститъ со дна.

Собравшись съ духомъ, я сказалъ тогда:
„Желаешь... Я снесу тебя охотно?"
Она, смѣясь, отвѣтила мнѣ—„да",
Взглянувъ въ глаза свѣтло и беззаботно.
И ощутилъ я вдругъ, что безотчетно
Дрожь сладострастья, нѣжности, стыда
Мнѣ по спинѣ скользнула. Сердце билось.
Признаніе безъ звука говорилось.

Я сѣлъ въ траву и быстро обувь снялъ.
Она, не глядя, видѣла все ясно.
Я на рукахъ въ водѣ ее держалъ.
Я! На рукахъ! Любимую такъ страстно!
Я въ первый разъ лицо свое прижалъ
Къ ея груди настойчиво и властно,
И трепетала грудь ея слегка,
Какъ подъ рукою крылья голубка.

Чтобъ не смотрѣть въ лицо ея, на васъ
Смотрѣлъ, о, ножки, скрытыя ревниво.
Лишь только бъ мнѣ не видѣть этихъ глазъ,
Гдѣ смѣхъ и страхъ боролися стыдливо...
Я чувствовалъ, какъ вся она въ тотъ часъ
Мнѣ отдавалась страстно, молчаливо,
И нѣжная улыбка, какъ привѣтъ,
Мнѣ на лицо бросала первый свѣтъ.

Что шагъ, то, вновь пугаясь и смѣясь,
Къ моей груди она все прижималась,

И, отъ кудрей капризно отдѣлясь,
Меня такъ мягко прядь волосъ касалась.
Я видѣлъ, какъ вода у ногъ струясь,
Въ ея лицѣ порою отражалась,
И я, почуявъ силу, весь горѣлъ.
На ножки я ужъ больше не смотрѣлъ,

Но смѣло я въ лицо ея взглянулъ,
Взглянулъ въ глаза, не дрогнувъ, не краснѣя,
Объятія живымъ кольцомъ сомкнулъ,
И тѣло въ нихъ дрожало, пламенѣя.
Мы на берегъ ступили. Я вздохнулъ.
Въ полузакрытой кофточкѣ, бѣлѣя,
Виднѣлась грудь. Я ницъ предъ ней упалъ
И въ губы въ первый разъ поцѣловалъ.

А что потомъ? То видѣла рѣка
Съ хрустальными спокойными водами,
То счастіе родного уголка,
Которому обязанъ я стихами.
Тамъ, въ зелени прибрежной тростника,
У береговъ, обласканныхъ волнами,
Гдѣ вся листва смѣшалась и сплелась,—
Тамъ я любовь извѣдалъ въ первый разъ.

А. М. Ѳедоровъ.

Въ вечерній часъ.

Изъ Э. Верхарна.

Пусть тотъ, кто нѣкогда, въ невѣдомыхъ вѣкахъ
Склонивъ въ вечерній часъ надъ этой книгой вѣжды,
Моихъ забвенныхъ строкъ встревожитъ давній прахъ,
Чтобъ нашихъ дней понять желанья и надежды,

О, пусть онъ вѣдаетъ, съ какимъ восторгомъ я,
Сквозь ярость и мятежъ борьбы внимая кличу,

Бросался въ бой страстей и въ буйство бытія,
Чтобъ вынести изъ мукъ Любовь—свою добычу!

Люблю свой острый мозгъ, огонь своихъ очей,
Стукъ сердца своего и кровь своихъ артерій.
Люблю себя и міръ, хочу природѣ всей
И человѣчеству отдаться въ полной мѣрѣ!

Жить:—это, взявъ, отдать съ весельемъ жизнь свою!
Со мною равны тѣ, кто міромъ такъ же пьяны.
Съ безсонной жадностью предъ жизнью я стою,
Стремлюсь въ ея самумъ, въ ея потокъ багряный.

Паденье и полетъ, величье и позоръ,—
Преображаетъ все костеръ существованья.
О, только бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовымъ быть на новыя исканья!

Кто ищетъ, кто нашелъ—сливаетъ трепетъ свой
Съ мятущейся толпой, съ таинственной вселенной.
Умъ жаждетъ вѣчности, онъ дышитъ широтой,
И надобно любить, чтобъ мыслить вдохновенно!

Безмѣрной Нѣжностью всевѣдѣнье полно,
Въ ней красота міровъ, въ ней зиждущая сила,
Причины тайныя ей разгадать дано...
О, ты, кого мечта въ грядушемъ посѣтила,

Моихъ былыхъ стиховъ тебѣ открытъ ли смыслъ?
Я жду, что въ дни твои пришедшій мощный геній
Изъ неизбѣжнаго, изъ пасти мертвыхъ числъ
Исторгнетъ истину всемірныхъ примиреній!

Валерій Брюсовъ.

Чудовища.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоятъ чудовища, незримыя людьми:
Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.
И всѣ мы съ первыхъ дней, вступая въ старый домъ,
Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ, какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи
И гдѣ-то вдалекѣ шумятъ за чаемъ рѣчи,
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ давнихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью въ квартирѣ, тупо спящей,
Блуждаютъ, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

Валерій Брюсовъ.

Артистъ В. Н. Качаловъ.

Призраки.

Монологъ.

Я здѣсь одинъ... Какая тишина!..
Уснуло все надъ страждущей землей...
Природа вся какъ-бы погружена
Въ глубокій сонъ... Вездѣ царитъ покой...
Ужъ за-полночь... Отъ всѣхъ сюда я вдаль
Ушелъ,—хочу хоть разъ уединиться...
Здѣсь я забуду все—и муки и печаль,—
Уснуть хочу,—но... мнѣ не спится!..
Лишь захочу заснуть,—какъ у моей постели
Толпою призраки являются кругомъ...
Вотъ, кажется, они ужъ снова прилетѣли...
Опять мнѣ не дадутъ забыться тихимъ сномъ!..
Да, да... опять они!.. Лишь захочу забыться,
Какъ, изъ-за темнаго угла, вдали
Является все та же вереница
Холодныхъ призраковъ... Ужъ вотъ они... пришли!..
Ихъ съ каждымъ днемъ является все больше,
Могильный холодъ ихъ мнѣ надрываетъ грудь...
Я не могу ихъ видѣть дольше...
Уйдите отъ меня!... О, дайте мнѣ уснуть!...

Не внемлютъ мнѣ они... Ихъ мертвый, тусклый взглядъ
Какъ будто въ мозгъ мнѣ проникаетъ...
Улыбка ихъ, какъ смертный ядъ,
Мнѣ душу, сердце отравляетъ...
Какъ листья осенью, безшумно шевелясь,
Толпой въ углу стоятъ они всѣ безъ отвѣта,
Глазами мертвыми въ меня вперясь.
Они пробудутъ здѣсь, я знаю, до разсвѣта...
Но что это средь нихъ виднѣется вдали?
Мнѣ что-то тамъ знакомымъ показалось...
Кого это они съ собою привели,—
И отчего въ груди моей такъ больно сердце сжалось?..
Не можетъ быть!.. Ошибся, вѣрно, я ..
Я вижу женщину, всю въ бѣломъ одѣяньи...
Какъ мраморъ, блѣдны и нѣмы черты ея,
И все въ ней говоритъ о горѣ и страданьѣ...
Я долженъ все узнать... я ближе подойду...
Видѣнья исчезаютъ...
Уйду назадъ,—быть можетъ, возвратятся...
Да, вотъ они опять тамъ выростаютъ,
И образъ женщины сталъ снова появляться...
Я тихо подойду... Ахъ! Ты, родная!..
Я вижу вновь тебя, ты здѣсь, опять со мной!...
Но... отчего же ты, холодная, нѣмая,
Отходишь отъ меня?.. Не уходи, постой!..
Взгляни хоть ласковѣй, останься, пожалѣй!
Я столько выстрадалъ, что мнѣ уже не въ мочь...
Я боленъ, кажется, ужъ много, много дней...
Мнѣ страшно здѣсь... О, какъ ужасна ночь!..
Зачѣмъ ее вы у меня отняли,
Куда уводите ее съ собой?..
Отдайте мнѣ ее!.. Довольно вы терзали
Меня... но я молчалъ,—я ею жилъ одной!
Отдайте жъ мнѣ ее!.. О, сжальтесь, возвратите
Все, что я такъ любилъ,—что свято для меня...
На мигъ одинъ ее хоть оживите,
О, дайте мнѣ одинъ лишь взглядъ ея!..
. . . .
Молчатъ... Холоднымъ торжествомъ полны ихъ взоры...

Но я возьму ее!.. Она моя!... Впередъ!..
Исчезло все... Ужъ виденъ свѣтъ сквозь шторы...
Я вновь одинъ... О, какъ измученъ я!..

Михаилъ Гальперинъ.

Мать.

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство... Лишеній
Не зналъ я, зато и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной,
Съ умомъ не по-дѣтски печально развитымъ,
И съ чуткой, болѣзненно чуткой душой;
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!..

Ночь... Въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!..
Чу! шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй", и чьи-то объятья
Кольцомъ обвилися вкругъ шеи моей...
„Ты здѣсь, ты со мной, о, моя дорогая,
О, милая мама!.. Ты снова пришла...
Какіе жъ дары изъ далекаго рая

Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи, взяла ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ ѳиміама святого,
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?...
Сегодня, родная, я стою награды:
Сегодня... о, какъ ненавижу я ихъ,—
Опять они сердце мое безъ пощады
Измучили злобой упрековъ своихъ...
Скорѣй же, скорѣй!..“
                    И подъ тихія ласки,
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкаяъ утомленные глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!..

С. Надсонъ.

* * *

Тихо гаснутъ огни за уснувшей рѣкой
  Въ безмятежномъ безмолвіи ночи...
И великой любовью и жгучей тоской
Загораются милыя очи...

Далеко-далеко, гдѣ ни звѣздъ, ни огня,—
Кто-то сильный и гордо-угрюмый
Черной степью идетъ, кандалами звеня,—
Черной степью, да съ черною думой!..

Г. Вяткинъ.

Спящая.

Я сплю, я сплю—не умерла—
Въ гробу изъ чистаго стекла,
Въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ, бѣлыхъ розъ
Подъ шопотъ кленовъ и березъ.

Свѣжи цвѣты моихъ вѣнковъ,
Красивъ и свѣтелъ мой покровъ;
Сквозь тѣнь полузакрытыхъ вѣждъ
Я вижу блескъ моихъ одеждъ.

Я вижу море, вижу лѣсъ,
Закатъ пылающихъ небесъ
И яркій серпъ златой луны,
Струящій сказочные сны.

На мнѣ заклятія печать,
Чтобъ мнѣ не думать, не желать,
Забыть, не знать, что гдѣ-то есть
Борьба и жизнь, вражда и месть.

Легко дышать въ гробу моемъ;
Проходитъ сказкой день за днемъ.
Всегда полны, всегда ясны
Мои плѣнительные сны.

И вижу я въ мечтахъ своихъ—
Спѣшитъ прекрасный мой Женихъ
Въ одеждѣ странника святой
Съ пѣвучей арфой золотой.

Въ сіяньи блѣдномъ вкругъ чела,
Съ крылами черными, какъ мгла.
Вотъ Онъ простеръ благую длань,
Вотъ властно молвилъ мнѣ: „Возстань!“

Такъ жажду я, такъ вѣрю я
И жду разгадки бытія—
Въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ, бѣлыхъ розъ,
Подъ шопотъ кленовъ и березъ.

Вокругъ—покой и тишина.
Я сплю, я мыслю, я одна;

На шумъ вѣтвей, на щебетъ птицъ
Не дрогнетъ тѣнь моихъ рѣсницъ.

Дремотный гулъ пчелы лѣсной
Устало вьется надо мной
Да гдѣ-то бьетъ, поетъ вода,
Журчитъ, звенитъ: „всегда, всегда!..."

М. А. Лохвицкая.

Отъѣзжающему.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Ихъ пророкамъ, имъ вождямъ,
Новымъ пѣснямъ. старымъ ранамъ;
А когда вернешься къ намъ,
Принеси въ нашъ сумракъ сѣрый
Вольной жизни красоту,
Счастьемъ юности и вѣры
Опьяненную мечту!
Полюби ихъ путь безкровный,
Кровью взятый у судьбы,
Научись работѣ ровной,
Буднямъ медленной борьбы.
Будетъ утро: солнце наше
Воздухъ свѣтомъ напоитъ,
Вспыхнетъ ярче, встанетъ краше,
Мирный трудъ благословитъ.
Поклонись свободнымъ странамъ,
Снѣжнымъ шапкамъ ихъ вершинъ,
Ихъ морямъ и океанамъ
Отъ тоскующихъ равнинъ.

В. Башкинъ.

* * *

Я просыпаюсь рано,
Чуть забрезжилъ свѣтъ,
Темно отъ тумана,—
Встать мнѣ, или нѣтъ?
Нѣтъ, вернусь упрямо
Въ колыбель мою;—
Спой мнѣ, спой мнѣ мама:
— Баюшки-баю!

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
Въ колыбель мечта.
Не придетъ родная,—
Что жъ, и самъ спою,
Горе усыпляя:
— Баюшки-баю!

Сердце истомилось.
Какъ отрадно спать!
Горькое забылось,
Я—дитя опять;
Собираю что-то
Въ голубомъ краю,
И поетъ мнѣ кто-то:
— Баюшки-баю!

Бездыханно, ясно
Въ голубомъ краю.
Грезамъ я безстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьетъ мою,
Шепчетъ кто-то нѣжный:
— Баюшки баю!

Наступаетъ темный
Пробужденья часъ.
День грозится темный,
Милый сонъ погасъ.

Начала забота
Воркотню свою,
Но мнѣ шепчетъ кто-то:
— Баюшки-баю!

Ѳедоръ Сологубъ.

Silentium.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Артисты Р. и Р. Адельгеймы.

Грѣшница.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима:
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,

Что появился въ ихъ странѣ:
„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
„Народъ смиренью онъ училъ,
„Онъ всѣ законы Моисея
„Любви закону подчинилъ.
„Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,—
„Онъ проповѣдуетъ прощенье,
„Велитъ за зло платить добромъ,
„Есть неземная сила въ немъ:
„Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
„Даритъ и крѣпость, и движенье,
„Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
„Ему признанія не надо,—
„Сердецъ мышленье отперто,
„Его пытующаго взгляда
„Еще не выдержалъ никто.
„Цѣля недугъ, врачуя муку,
„Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
„И всѣмъ простеръ благую руку,
„И никого не осудилъ.
„То, видно, Богомъ мужъ избранный,
„Онъ тамъ, по онполъ Іордана
„Ходилъ, какъ посланный небесъ,
„Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
„Теперь пришелъ онъ, благодушный,
„На эту сторону рѣки;
„Толпой прилежной и послушной
„За нимъ идутъ ученики".

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ;
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры,
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ;
Но дѣва падшая прекрасна,
Взирая на нее, наврядъ,
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:

Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана, зубы бѣлы,
Какъ зной, улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спушены плеча.
Ея и серьги, и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ.
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перивиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ.
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
—„Я власти не страшусь ничьей!
„Закладъ со мной держать хотите ль?
„Пускай предстанетъ вашъ учитель,
„Онъ не смутитъ моихъ очей!“

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты...
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимо дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ не похожій,

Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.
—„Ты тотъ, что учитъ отреченью?
„Не вѣрю твоему ученью,
„Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
„Меня смутить не мысли нынѣ,
„Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
„Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
„Лишь наслажденьемъ я влекома,
„Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
„Я вѣрю только красотѣ,
„Служу вину и поцѣлуямъ,
„Мой духъ тобою не волнуемъ,
„Твоей смѣюсь я чистотѣ!"

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ.
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:

—„Она ошиблась! Въ заблужденье
„Ее привелъ пришельца ликъ:
„То не Учитель передъ нею,
„То Іоаннъ изъ Галилеи,
„Его любимый ученикъ".

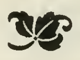
Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,

И вслѣдъ за нимъ, съ покойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада;
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины,—
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя;
И онъ, въ молчанiи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,

Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно;
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ.
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

А. Толстой.



* * *

Блаженны мирно спящіе на лонѣ мирныхъ дней,
Не вѣдавшіе трепета невѣдомыхъ тѣней,
Не вѣдавшіе искристыхъ слѣпительныхъ огней.

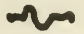
Чужда имъ безпредѣльности и бездны злая жуть...
Въ тупой и сытой ясности свершая ровный путь,
Не вѣдаютъ, счастливые, зла хаоса ничуть.

Блаженны миръ нашедшіе, увидѣвшіе свѣтъ
Въ чертогахъ вѣры праотцевъ и чистыхъ дѣтскихъ лѣтъ
И путь свой разгадавшіе... Имъ—грустный мой привѣтъ...

А вы, что въ сердцѣ раненомъ огонь красотъ зажгли,
А вы, что съ тайнъ губительныхъ покровы совлекли,
А вы, что въ за предѣльное ступить на мигъ смогли,

Презрѣвшіе положенный отъ глуби дней запретъ,
Идущіе за радостями новыхъ яркихъ лѣтъ,
Дерзнувшіе на подвиги... Вамъ—радостный привѣтъ!

Викторъ Стражевъ.



Каменщикъ.

Весь день подъ огнемъ раскаленныхъ лучей
Я молотомъ звонкимъ по грудѣ камней
Горячій булыжникъ дроблю;
Потъ грязный съ лица запыленнаго льетъ,
Пыль острая грудь мою рѣжетъ и жжетъ,
А я все стучу, все стучу...
У пыльной дороги, на грудѣ камней
Въ могилу себя вколочу!

Какъ птицы, летятъ надо мной облака,
Лѣсъ темный синѣетъ вдали... А рука
Безъ устали молотомъ бьетъ.
Пыль тонкая вьется, хруститъ на зубахъ
И душитъ... Отъ боли темнѣетъ въ глазахъ,
А я все стучу, все стучу...
На волѣ, у тихихъ зеленыхъ полей
Въ могилу себя вколочу!

А въ городѣ, тамъ цѣлый день за станкомъ
Склоняется дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ,
Подъ бѣшеный грохотъ машинъ...
Бей, молотъ мой, въ камни проклятые, бей!
Она будетъ скоро женою моей,
Я буду стучать, какъ стучу,
Стучать—и въ могилу ее и себя,
Ее и себя вколочу!

Л. Андрусонъ.

Голова.

Изъ Эмиля Верхарна.

На черный эшафотъ ты голову взнесешь
Подъ звонъ колоколовъ, и глянешь съ пьеде-
стала,
И крикнутъ мускулы, и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови, и металла!

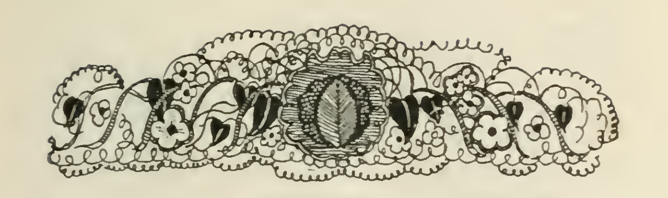
И солнце рдяное, и вечера пожаръ,
Гася карбункулы въ холодной влагѣ ночи,
Узнаютъ, увидавъ опущенный ударъ,
Сумѣли ль умереть твое чело и очи!

Злодѣйство громкое вползетъ въ народъ змѣей,
Свой океанъ смиривъ вокругъ помоста славы,
Толпа потомъ, какъ мать, принявъ твой гробъ про-
стой,
Баюкать будетъ трупъ кровавый и безглавый.

И ядовитое, какъ сумрачный цвѣтокъ
(Гдѣ зрѣетъ красный ядъ, какъ молніи сверканье),
Недвижное, какъ въ грудь вонзившійся клинокъ,
Пребудетъ о тебѣ въ толпѣ воспоминанье!

Подъ звонъ колоколовъ ты голову взнесешь
На черный эшафотъ, и глянешь съ пьедестала,
И крикнутъ мускулы и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови, и металла!

Валерій Брюсовъ.



Кровавая роза.

Въ осадѣ Іоркъ... И громъ, и пламя...
Бой съ „Алой Розой“—страшный бой!
Но Бѣлой, Іоркской, розы знамя
Еще трепещетъ надъ стѣной.

Все ближе врагъ... Его угрозѣ
Слабѣй противится боецъ...
Конецъ прекрасной „Бѣлой Розѣ“,
Ея защитникамъ—конецъ!

Въ покоѣ дальнемъ тихо лежа,
Забылся рыцарь, весь въ огнѣ;
Шлемъ съ бѣлой розою у ложа,
И шитъ и панцырь на стѣнѣ.

Ловя его несвязный лепетъ,
Графиня юная надъ нимъ,
Вся—состраданіе и трепетъ,
Челомъ поникла молодымъ...

Вдругъ—„Замокъ взятъ!“ зловѣщимъ крикомъ
Звучитъ у входа...„Замокъ взятъ!..“
Глаза графини въ страхѣ дикомъ
На розу рыцаря глядятъ...

„Нашъ бѣлый цвѣтъ! Клянусь святыми!
Что дѣлать мнѣ? Погибъ больной!..“
А роза Іоркская предъ ними
Все ярче блещетъ бѣлизной...

Уже въ сосѣднемъ коридорѣ
Шаги, тяжелые шаги...
Дрожа, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Графиня шепчетъ: „А, враги!

„Кинжалъ! Кинжалъ! Зови къ отвѣту,
„Зови меня, Спаситель мой;
„Одинъ ударъ—и розу эту
„Окрашу кровью молодой...

Движенье... крикъ... и кровь каскадомъ...
Румянцемъ розу обожгло,—
И забѣлѣло съ нею рядомъ
Графини мертвое чело...

Но сколько крику, стону, грому!
Враги вошли... И, сжавъ палашъ,
Ланкастеръ самъ идетъ къ больному—
Взглянулъ на розу... „Это нашъ!..."

В. П. Лебедевъ.

Сынъ и мать.

Сынъ осѣняется крестомъ,
Сынъ покидаетъ отчій домъ.

Въ пѣсняхъ матери оставленной
Золотая радость есть:
Только бъ онъ пришелъ прославленный,
Только бъ радость перенесть!

Пѣтухи поютъ къ заутренѣ,
Ночь испуганно бѣжитъ,

Хриплый рогъ тумановъ утреннихъ
За спиной ея трубитъ.

Вотъ—въ доспѣхѣ ослѣпительномъ,
Слышно, ходитъ сынъ во мглѣ:
Духъ свой предалъ небожителямъ,
Сердце—матери землѣ.

Поднялись надъ луговинами
Кудри спутанные мховъ,
Мѣтятъ взорами совиными
Въ стаю легкихъ облаковъ.

Вотъ онъ, сынъ мой,—въ свѣтломъ облакѣ,
Въ шлемѣ утренней зари!
Сыплетъ онъ стрѣлами колкими
Въ чернолѣсья, въ пустыри!

Вѣетъ вѣтеръ очистительный
Отъ небесной синевы.
Сынъ бросаетъ мечъ губительный,
Шлемъ снимаетъ съ головы.

Точитъ грудь его пронзенная
Кровь и горнія хвалы:
—Здравствуй, даль, освобожденная
Отъ ночной туманной мглы!

Въ сердцѣ матери оставленной
Золотая рана есть:
Вотъ онъ, сынъ мой, окровавленный!
Только бъ радость перенесть!

Сынъ не забылъ родную мать:
Сынъ воротился умирать.

А. Блокъ.

Грезы.

I.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся, пестрѣющій толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ...
Былъ пиръ—веселый пиръ, въ честь юной королевы:
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...
День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ сернъ и царственныхъ оленей
Упало жертвами разгоряченнымъ псамъ.
А ночью данъ былъ балъ... Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой... межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплеталися въ узоры,
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ...
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза до полу сплошныя зеркала...

Но близокъ ужъ разсвѣтъ, и гости утомились.
— „Пѣвца—зовутъ они—пусть выйдетъ онъ впередъ!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы насладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!“
И, робкій пажъ, впередъ я выступилъ... Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ...

Вначалѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужъ слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,
Ужъ осѣнилъ меня крылами вдохновенья,
И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ:
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!..

Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимаютъ мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста;
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка—кристальна и чиста.
И льется пѣснь моя, и мощною грозою
Гремитъ, разсыпавшись, на стонущихъ струнахъ...
Не громъ ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы ль молніи сверкнули въ небесахъ?...
Какъ грозенъ былъ ударъ!.. Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули, и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрусталя
На серебрѣ цѣпей, померкнувъ, задрожала...
Но буря пронеслась, и струны недвижимы...
И вновь дрожатъ онѣ подъ бѣглою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы,
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой...
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ,
И вотъ послѣдній звукъ, какъ легкій ѳиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздами бездоннымъ небесамъ!
Я кончилъ...
Всѣ уста окованы молчаньемъ,
Всѣ груди поднялъ вздохъ... Но вотъ, къ моимъ ногамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ,
И нѣтъ числа меня осыпавшимъ цвѣтамъ!..
Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;
Растетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ:
Такъ хмурый лѣсъ шумитъ, взволнованный грозою,
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.
Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу, какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ, завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній,
Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный,
О, неужели ты меня не поняла?..

Безумецъ! отгони напрасныя мечтанья!
Священенъ тронъ ея!.. Молись... благоговѣй!
Не дерзостной любви тревоги и желанья,
А раболѣпный страхъ повергни передъ ней!
Но вѣрить ли очамъ: *она встаетъ!*.. Мгновенно
Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
Глаза ея горятъ свѣтло и вдохновенно,
Подъ золотомъ парчи высоко дышитъ грудь...
Она идетъ ко мнѣ... идетъ легка, какъ греза,
Чаруя прелестью улыбки и лица;
И вотъ съ ея груди отколотая роза
Трепещетъ ужъ въ рукѣ счастливаго пѣвца!..

Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...

II.

Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:
. . . .
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою,
Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю,
И утомленному я руку подаю!
И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ зато и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой!
Я помню ночь: блѣдна, какъ тяжело больная,
Она слетѣла къ намъ съ лазурной вышины,
Съ несмѣлой ласкою серебрянаго мая,
Съ привѣтомъ сѣверной задумчивой весны.
Всѣ окна въ комнатѣ мы настежь отворили
И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ уголъ трудовой...
А чуть вошла она, чуть ароматъ сирени
Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней
Вошли какія-то оплаканныя тѣни,

Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ дней...
Тѣмъ, кто закинутъ былъ въ столицу издалека,
Невольно вспомнились родимые края,
Убогое село, и церковь, и поля,
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока.
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбели,
Гдѣ въ невозвратные младенческіе дни
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрывомъ,
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолкъ...
Суровыя лишенья,
Нужда, тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ... мы жаждали забвенья.
И съ тихой пѣснею любви и примиренья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ, я выступилъ впередъ.
Не пышный залъ горѣлъ огнями предо мною:
Здѣсь, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полумглѣ,
Сіяла только мысль нетлѣнной красотою
Въ вѣнцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
И голосъ мой звучалъ не для пустой забавы
Пресыщенной толпы земныхъ полубоговъ:
Не требуя похвалъ, не ожидая славы,
Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ трудовъ.
Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,
Чтобъ не упали ихъ натруженныя руки,
Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
Что только истинѣ побѣда суждена,
Что ночь не устоитъ передъ ея сіяніемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;
И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохранилъ—
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—

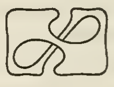
Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ...
Я смолкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
Не падаютъ къ ногамъ душистые вѣнки!
Наградою пѣвцу минутное молчанье
Да чье-то теплое пожатіе руки...
Но что со мной?.. О чемъ, откуда эти слезы?..
Какъ гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожилъ я душой!..
О, родина моя, прими меня—я твой!..
И блекнутъ яркія младенческія грезы,
И осыпаются ихъ призрачныя розы
Предъ счастьемъ, на-яву блеснувшимъ предо мной!..

С. Я. Надсонъ.

* * *

Я безумной слыву оттого, что мнѣ кажется тѣсенъ
Этотъ будничный міръ, полный мелкихъ тревогъ и заботъ,
Оттого, что душа жаждетъ свѣта, простора и пѣсенъ,
И свободной мечтой я стремлюся впередъ.
Я безумной слыву оттого, что болѣзненно-чутко
На чужую печаль, на чужой откликаюсь призывъ,
Оттого, что—взамѣнъ хладнокровныхъ рѣшеній разсудка—
Признаю я всегда лишь горячій сердечный порывъ.
Я безумной слыву оттого, что открыто и смѣло
Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу.
Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу!

О. Н. Чюмина (Михайлова).



Бьернстьерне-Бьернсонъ.

Орлиное гнѣздо.

Эндрэгаарденомъ называлось небольшое село, лежавшее вдали отъ всѣхъ другихъ поселеній и окруженное высокими горами. Оно было построено на ровной плодородной площади, раздѣленной на двѣ части широкою рѣкою, спускавшейся съ горъ. Рѣка эта впадала въ другую, большую рѣку, находившуюся поблизости отъ села и виднѣвшуюся изъ него на много миль.

Вверхъ по теченію этой рѣки поднялся нѣкогда на лодкѣ человѣкъ, впервые въѣхавшій въ эту долину; звали его Эндрэ и здѣсь жили теперь его потомки. Нѣкоторые говорили, что онъ явился сюда, спасаясь послѣ совершеннаго имъ убійства, почему и его родъ выглядывалъ такимъ мрачнымъ; другіе утверждали, что причиною этой мрачности высокія скалы, которыя на Троицу не допускали въ долину солнечныхъ лучей, начиная съ 5 часовъ по полудни.

Надъ селомъ висѣло орлиное гнѣздо. Оно было прикрѣплено къ верхушкѣ высокой скалы, возвышавшейся среди горъ; всѣ видѣли, какъ орлица садилась на гнѣздо, но никто не могъ приблизиться къ нему. Орелъ носился надъ селомъ, спускался быстро внизъ и схватывалъ то ягненка, то козленка; разъ схватилъ маленькое дитя и унесъ его. Поэтому никто въ селѣ не чувствовалъ себя спокойнымъ, пока орелъ распоряжался въ своемъ гнѣздѣ на верхушкѣ скалы. Въ народѣ ходило преданіе, что когда-то давно жили здѣсь два брата, которые поднялись вверхъ и разрушили гнѣздо; но теперь никто не въ состояніи былъ добраться до него.

Достаточно было двумъ сойтись въ Эндрэгаарденѣ, какъ они немедлено начинали разговоръ объ орлиномъ гнѣздѣ и смотрѣли вверхъ. Всѣ жители села знали, когда орлы возвращались вновь, гдѣ они спускались и гдѣ причиняли убытокъ, и кто послѣднiй дѣлалъ попытку подняться вверхъ. Молодежь съ дѣтства упражнялась въ лазанiи по горамъ и деревьямъ, укрѣпляла свои ноги и руки, чтобы когда-нибудь достигнуть верхушки скалы и уничтожить гнѣздо, подобно тѣмъ двумъ братьямъ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, лучшiй парень въ Эндрэгаарденѣ назывался Лейфомъ и не принадлежалъ къ роду Эндрэ. У него были вьющiеся волосы и маленькiе глаза; онъ былъ очень веселый человѣкъ и очень любилъ женщинъ. Еще съ дѣтства онъ началъ увѣрять, что непремѣнно разрушитъ когда-нибудь орлиное гнѣздо; а старые люди возражали на это, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ никогда говорить громко.

Это еще болѣе подстрекало его, и вотъ однажды, когда онъ достигъ расцвѣта своихъ силъ, онъ рѣшился привесть свое намѣренiе въ исполненiе. Было ясное воскресное утро въ началѣ лѣта; орлята только что вылупились изъ яицъ. Народъ собрался подъ скалами въ большомъ количествѣ, чтобы посмотрѣть; старики совѣтовали Лейфу отказаться отъ своего плана; молодежь, напротивъ

того, поддерживала его. Но онъ поступилъ по своему, не слушая никого: подождавъ, пока орлица не вылетѣла изъ гнѣзда, онъ сдѣлалъ большой прыжокъ вверхъ на нѣсколько футовъ въ высоту и схватился за вѣтку дерева. Дерево это росло въ расщелинѣ скалы, и по этой расщелинѣ онъ сталъ подыматься вверхъ. Мелкіе камешки отрывались изъ подъ его ногъ по мѣрѣ того, какъ онъ ползъ, глыбы земли отваливались и падали внизъ, кромѣ этого, ничего не было слышно вокругъ; раздавалось еще только тихое журчанье рѣки, спускавшейся по горѣ въ долину. Скала становилась все болѣе и болѣе крутою; онъ принужденъ былъ долго висѣть на одной рукѣ, отыскивая ногою твердую почву, которую его глаза не въ состяніи были разглядѣть. Многіе, особенно женщины, отвернулись, говоря, что онъ никогда не сдѣлалъ бы этого, если бы его родители были живы. Наконецъ онъ нашелъ точку опоры, сталъ вновь искать, куда бы стать выше, то рукою, то ногою; ноги оборвались, онъ поскользнулся, но опять крѣпко схватился. Стоявшіе внизу слышали тяжелое, прерывистое дыханіе другъ друга. Въ эту минуту поднялась молодая дѣвушка, сидѣвшая вдали отъ другихъ на камнѣ; говорили, что она еще ребенкомъ дала слово ему, хотя онъ не принадлежалъ къ роду Эндрэ. Протянувъ руки впередъ, она закричала: „Лейфъ, Лейфъ, зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ Весь народъ обернулся къ ней, отецъ стоялъ возлѣ и строго смотрѣлъ на нее, но она его не замѣчала. „Спустись, Лейфъ“, закричала она: „я люблю тебя, а тамъ наверху ты ничего не выиграешь“. Видно было, что онъ остановился, какъ бы въ раздумьи; это продолжалось минуту или двѣ, затѣмъ онъ опять сталъ подыматься вверхъ. Руки и ноги у него были крѣпкія, такъ что нѣкоторое время все шло хорошо; но скоро онъ началъ уставать; это видно было изъ того, какъ часто останавливался онъ, чтобы отдохнуть. Маленькій камешекъ оторвался и покатился внизъ, точно предвѣстникъ; всѣ, стояшіе внизу, слѣдили за нимъ, пока онъ не упалъ. Нѣкоторые не могли выдержать

и ушли. Дѣвушка все еще продолжала стоять одна высоко на камнѣ; она ломала руки и глядѣла вверхъ. Лейфъ началъ щупать передъ собою рукою, рука сорвалась, дѣвушка это ясно видѣла; онъ схватился другою рукою; та тоже сорвалась. „Лейфъ!" закричала она такъ громко, что голосъ ея отозвался далеко въ горахъ; всѣ другіе закричали также. „Онъ скользитъ, онъ скользитъ!" повторяли они и протягивали руки къ нему, мужчины и женщины. Онъ дѣйствительно скользилъ, увлекая за собою песокъ, камень, землю, скользилъ, все скользилъ, быстрѣе и быстрѣе. Народъ отвернулся. Они вскорѣ услышали за собою въ горахъ шорохъ и трескъ и, наконецъ паденіе чего-то тяжелаго, точно большой глыбы морской земли.

Когда они, наконецъ, заставили себя обернуться, они увидали его распростертымъ на землѣ, разбитымъ, неузнаваемымъ. Дѣвушка лежала на камнѣ безъ чувствъ; отецъ унесъ ее.

Молодежь, больше всего подстрекавшая его на этотъ подвигъ, не смѣла теперь подойти къ нему и помочь; многіе не въ силахъ были даже посмотрѣть на него. Старики должны были взяться за дѣло. Старшій изъ нихъ сказалъ, поднимая его: „это было безумно, но", прибавилъ онъ, глядя вверхъ, „все же хорошо, когда что-нибудь стоитъ такъ высоко, что не всѣ могутъ достигнуть его".

Бьернстьерне Бьернсонъ.

Островъ самоубійцъ.

Не знаю—на звѣздахъ, не знаю—на небѣ,
Быть можетъ, въ Персеѣ, въ туманныхъ клубахъ,
Иль можетъ, въ подземномъ и темномъ Эребѣ,
Есть сумрачный островъ въ безвѣстныхъ волнахъ.

Изъ крови запекшейся слитыя скалы
Багрянымъ пожаромъ горятъ, какъ хрусталь,
Багровые въ море роняютъ обвалы
И искрами мечутъ въ туманную даль.

Вся кровь, что дымящимъ потокомъ струилась
Во время убійствъ, истязаній, борьбы,
Безсмысленныхъ пытокъ—здѣсь вся превратилась
Въ базальты, кристаллы, тумановъ клубы.

Надъ островомъ мчатся кровавыя тучи
И все одѣваютъ пурпурнымъ дождемъ,
Платаны и пальмы у сумрачной кручи
Колышутся краснымъ, подвижнымъ шатромъ.

Когда же огромное солнце садится,
И оба пожара померкнутъ во мглѣ,
Безумная, новая жизнь народится
На островѣ мрачномъ, на дикой скалѣ.

Изъ блѣдныхъ разсѣлинъ, какъ гады, какъ змѣи,
Ползетъ невеселый, нѣмой хороводъ,
И вновь оживаютъ пустыя аллеи
И сумракъ покинутыхъ водъ.

Офелія тихо качается въ морѣ,
        Съ поблекшимъ вѣнкомъ на кудряхъ,
Съ вопросомъ въ улыбкѣ, съ безумьемъ во взорѣ,
        Съ подаркомъ Гамлета въ рукахъ.

Морскія растенья стыдливымъ покровомъ
        Прикрыли ея наготу.
А язвы отекомъ багряно-лиловымъ
        Разрушили всю красоту.

Лицо пожелтѣло, осклабились скулы,
И очи въ орбиту вдались,
Піявки, медузы, морскія акулы,
Какъ гарпіи, въ тѣло впились.

Верхушки валовъ въ серебрѣ, въ изумрудѣ
Мелькаютъ, какъ снѣгъ, какъ парча,
И бьются о вспухшія, сизыя груди,
Зловѣще рѣзвясь и стуча.

Въ печальномъ болотѣ, въ заросшей долинѣ,
Гдѣ скорбно осока гудитъ,
На трепетно-блѣдной, дрожащей осинѣ
Предатель Іуда виситъ.

Осина трепещетъ, какъ будто бы ноя,
Вздыхаетъ о горькой судьбѣ,
О шалостяхъ вѣтра, о тяжести зноя,
О жизни, о вѣчной борьбѣ.

Вдругъ вѣтеръ завылъ. Такъ архангела трубы
Завоютъ въ назначенный мигъ,
И вторятъ ему посинѣвшія губы
И длинный изсохшій языкъ.

Бормочетъ Іуда зловѣще, но внятно,
Сквозь сонъ проклиная Христа,
А ночь неподвижна, а даль необъятна,
Долина темна и пуста.

Вонъ Вертеръ гуляетъ, больной, изможденный,
Шатаясь въ полуночной мглѣ,
Свинцовою пулей навѣки пронзенный,
Съ кровавымъ пятномъ на челѣ.

Онъ хочетъ зажать свою блѣдную рану,
Унять эту липкую кровь.
Напрасно. Навстрѣчу ночному туману
Она заструилася вновь.

Глаза его плачутъ слезами и кровью,
Кривая усмѣшка у рта,
А онъ все томится былою любовью,
И въ сердцѣ былая мечта.

Плѣнительный женственный призракъ Шарлотты
Витаетъ во мглѣ голубой,

Въ душѣ воскресаютъ печаль и заботы,
Тревожитъ могильный покой.

Онъ къ ней простираетъ кровавыя руки,
Чтобъ къ ней прикоснуться хоть разъ,
Въ безсильномъ томленьи предутренней скуки,
Въ томленья предутренній часъ.

Межъ дѣвственныхъ лилій, на бархатномъ ложѣ
Лежитъ Клеопатра мертва.
Какъ черный агатъ, въ перламутровой кожѣ
Зіяетъ змѣи голова.

Избавилъ царицу отъ жизни позорной
Единственный искренній другъ
Мгновеннымъ укусомъ. На ткани узорной
Красавицѣ грезится вдругъ:

Какой-то любовникъ въ нѣмомъ изступленьи
Ей пышную грудь изорвалъ,
Въ безсвязномъ бреду, въ неземномъ упоеніи
Ее цѣловалъ и кусалъ.

Такъ гдѣ жъ справедливость? Тюремщикъ—природа
Гноитъ насъ въ подземной тюрьмѣ,
А мы не узнаемъ, что значитъ свобода,
Живя въ этой пагубной тьмѣ.

Когда же изъ этой тюрьмы добровольно
Захочетъ уйти человѣкъ,
Она такъ жестоко, позорно и больно
Караетъ его за побѣгъ.

Пусть жизнь на землѣ вся—миражъ непонятный,
Но даже и смерть намъ страшна:
Быть можетъ, она лишь кошмаръ необъятный,
А вовсе не радости сна.

Н. Васильевъ.

„Тихо все".

Тихо все...
Утомяся тяжелой борьбой,
Успокоилось грозное море;
И надъ нимъ кое-гдѣ въ вышинѣ голубой
Разбрелись облака на просторѣ.
А весеннее солнце потокомъ лучей
Озаряетъ морскую пучину,
Будто хочетъ горячею лаской своей
Разогнать его злую кручину.

Тихо все...
Убаюканъ весь міръ тишиной;
Взоръ въ лазури ликующей тонетъ...
И надъ взморьемъ, купаясь въ выси голубой,
Чайка бѣлая жалобно стонетъ.

Г. Мокринскій.

* * *

Вашъ я буду пѣвецъ, изможденныя руки,
Къ вамъ приду я на страстный вашъ зовъ;
Съ вами выпью страданье, чтобъ новые звуки,
Пламенѣя отъ жгучести выпитой муки,
Пѣли ненависть къ звону оковъ.

Вашъ я буду пѣвецъ, крикомъ вашего горя
Я всѣ пѣсни мои напою.
И живому прибою возставшаго моря
Съ беззавѣтной и страстною вѣрою вторя,
Буду пѣть я отвагу въ бою.

Вашъ я буду пѣвецъ... Вспыхнетъ солнце сквозь тучи,
Засіяютъ безстрастно знамена въ рукахъ,
Рухнутъ рабства оковы, твердыни и кручи...
И свободному брату рой свѣтлыхъ созвучій
Я тогда пропою о свободныхъ сердцахъ.

Билитъ.

Николай Стреленау [Ленау].

* * *

Изъ Ленау.

На пруду, гдѣ тишь нѣмая,
  Медлитъ мѣсяцъ мглой лучей,
Розы блѣдныя вплетая
Въ зелень стройныхъ камышей.

На холмѣ блуждаютъ лани,
Въ ночь глядитъ ихъ чуткій взглядъ;
Крылья вдругъ всплеснутъ въ туманѣ,
Шевельнутся, замолчатъ.

Взоръ склонилъ я, въ немъ страданье,
Всей душевной глубиной—
О тебѣ мое мечтанье,
Какъ молитва въ часъ ночной.

К. Д. Бальмонтъ.

Весенній привѣтъ.

Изъ Ленау.

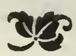
Солнышкомъ весеннимъ снова міръ согрѣтъ.
Вотъ приноситъ нищій-мальчикъ мнѣ букетъ.

Больно мнѣ, что первый твой привѣтъ, весна,
Приносить намъ бѣдность грустная должна!

Но залогъ прекрасный лучшихъ, ясныхъ дней
Сталъ въ рукахъ несчастья мнѣ еще милѣй.

И страданья наши такъ должны принесть
Новымъ поколѣньямъ лучшей жизни вѣсть!

А. Плещеевъ.



* * *

Изъ Ленау.

Солнечный закатъ;
Черны облака,
Вѣтры прочь летятъ,
Душно, и тоска.

Молній огневыхъ
Борозды бѣгутъ;
Быстрый образъ ихъ
Озаряетъ прудъ.

Мнится—ты со мной,
Въ четкости зарницъ,
Волосы—волной,
Взоры—взмахи птицъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Къ печали.

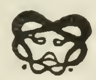
Изъ Ленау.

Въ жизни ты вездѣ со мною,
О, печаль, мечта-бѣда,
Я во мракѣ, я съ звѣздою,
Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь въ горы,
Гдѣ орелъ—сторожевой,
Гдѣ еловые узоры,
Гдѣ гремучъ потокъ лѣсной.

Тамъ, что умерло—живое,
Я взрыдаю какъ въ бреду,
И лицо свое ночное
Я на грудь твою кладу.

К. Д. Бальмонтъ.



Юлій цезарь.

Они кричатъ: за нами право!
Они клянутъ: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій,
На площадяхъ вступаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,

Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя бъ прикрили гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легіоновъ
Значки—во храмахъ у пароянъ!

Давно васъ ждутъ въ родномъ Эребѣ!
Вы—выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошенъ жребій.
Плыви, мой конь, чрезъ Рубиконъ!

Валерій Брюсовъ.

* * *

Я люблю тебя такъ оттого,
Что изъ пошлыхъ и гордыхъ собою
Не напомнишь ты мнѣ никого
Откровенной и ясной душою;

Что съ участьемъ могла ты ты понять
Роковую борьбу человѣка;
Что въ тебѣ уловилъ я печать
Отдаленнаго лучшаго вѣка!

Я люблю тебя такъ потому,
Что не любишь ты мертваго слова,
Что не вѣришь ты слѣпо уму,
Что чужда ты расчета мірского,

Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Предъ твоей миротворной улыбой!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Насъ много, какъ волнъ въ океанѣ безбрежномъ,
Какъ въ полѣ весною цвѣтовъ,
Какъ въ сердцѣ поэта, и чуткомъ и нѣжномъ,
Сверкающихъ призрачныхъ сновъ.
Насъ много, насъ много... Мы—дѣти разсвѣта,
Мы—дѣти желанной зари,
Мы молимся Богу свободы и свѣта
И строимъ ему алтари.
Огонь Прометея пылаетъ пожаромъ,
Сжигаетъ и скорбь, и печаль,
И звуки набата, ударъ за ударомъ,
Несутся въ безбрежную даль...
Чрезъ скалы и кручи, съ восторгомъ и страстью
Мы знамя родное несемъ,—
По скаламъ и кручамъ къ великому счастью,
Къ безсмертному счастью идемъ...
На свѣтломъ и радостномъ праздникѣ жизни
Не будетъ рабовъ и господъ,
Умолкнутъ проклятья, умрутъ укоризны,
И страхъ и насилье. умретъ...
Свершится, свершится. Свобода святая
Надѣнетъ побѣдный вѣнецъ...
О, счастье и радость грядущаго рая!..
. . . .
Насъ много, какъ волнъ въ океанѣ безбрежномъ,
Какъ въ полѣ весною цвѣтовъ,
Какъ въ сердцѣ поэта, и чуткомъ и нѣжномъ,
Сверкающихъ, призрачныхъ сновъ...
Насъ много, насъ много... Такъ будемъ смѣлѣе
Бороться и дерзостнѣй мстить,
—И боги не смогутъ огонь Прометея
Въ горящихъ сердцахъ погасить...

Г. Вяткинъ.

Возвращеніе.

Надъ моремъ голубымъ прекрасная Весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печалью взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:

„Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все расцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:
Вотъ кипарисъ застылъ въ величіи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;

„Вотъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вотъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой?

„Пора! Манитъ меня иная сторона.
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она смиренно
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоскою сокровенной...

„Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну на голый лѣсъ,—онъ зашумитъ привѣтно.
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ ласкою отвѣтной.

„Пора! Тамъ ждутъ меня... Повсюду притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы“...
Сказала—и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

Н. М. Минскій.

Артистъ В. Ф. Грибунинъ.

Жрецъ Богини Герты.

Поэма Р. Гамерлинга.

На сѣверномъ прибрежьѣ, у свинцовыхъ
Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
И странныхъ думъ кружилась вереница
Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ...
Невдалекѣ богини колесница
Виднѣлася, передъ которой всѣ
Склонялися, хотя никто доселѣ—
И самые жрецы—не лицезрѣли
Богини ликъ во всей его красѣ:
Алтарь ея, скрываемъ темной тканью,
Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.

Но юнаго жреца все существо
Безуміе желанья охватило,

Оно росло съ неудержимой силой:
Онъ хочетъ знать и видѣть божество!

Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
Не трепетнымъ хранителемъ святыни
Приблизился,—но, блѣденъ и суровъ,
Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ.
И чтó же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
Не стаивалъ досель еще никто—
Лишь пустота зіяла роковая,
Зіяло грозное *ничто*.

Но взоръ его все ярче разгорался
И въ пустоту проникнуть онъ старался,
А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
Зловѣщѣе; какъ хлопья снѣговыя,
Передъ глазами искры огневыя
Кружилися и вихрилися въ ней...
А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно-дики
Являлися чудовищные лики
И странныя видѣнья безъ числа,
Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
И ширилася бездна и росла
У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
Пожрать его и цѣлый міръ...
И онъ
Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
Онъ ринулся въ бушующее море.

Тогда жрецы воскликули:—О, горе!
Онъ палъ, огнемъ священнымъ опаленъ,
Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
Онъ кинулся безумно съ высоты—
Испуганъ, ослѣпленъ зіяньемъ пустоты.

О. Михайлова.

Изъ Р. Гамерлинга.

* * *

О, другъ не закидывай въ пропасть до дна осу-
шенный бокалъ,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ
сверкалъ!
Да будетъ на-вѣки завѣтной, на-вѣки святой для
тебя
Та грудь, на которой о раѣ ты грезилъ, впервые
любя!

Часы опьяненья проходятъ, на вѣки проходятъ; но ты
Въ ключахъ, что тебя освѣжали, мутить не дерзай
чистоты.
Листочки завянувшей розы разносятся вѣтромъ—
пускай!
Но тотъ, кто въ грязи ихъ затопчетъ—бездушный
и злой негодяй.

За каплю послѣднюю счастья будь также обязанъ,
Какъ былъ благороденъ за первый глотокъ, под-
несённый тебѣ.
Вѣнчай съ умиленіемъ теплымъ цвѣтами сердцá—
рудники,
Гдѣ черпалъ ты золото дружбы въ минуту грызу-
щей тоски.

Пусть все, чѣмъ успѣлъ насладиться, что звалъ въ
сновидѣніяхъ ты,
Исчезнетъ, погибнетъ въ холодномъ потокѣ людской
суеты.
Но, другъ, не закидывай въ пропасть до дна осу-
шенный бокалъ,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ
сверкалъ.

П. Вейнбергъ.

Нюренбергскій палачъ.

Кто знаетъ, сколько скуки
 Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

И я учился въ школѣ,
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогою
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкнулъ широкій мечъ.

Меня прельстила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Пришелъ къ нему, учился
Владѣть его мечомъ,
И въ дочь его влюбился,
И сталъ я палачомъ.

Народною боязнью
Лишенъ я вольныхъ встрѣчъ.
Одинъ предъ каждой казнью
Точу мой темный мечъ.

Одинъ взойду на помостъ
Росистымъ утромъ я,
Пока спокоенъ дома
 Строгій судія.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.

О, сколько тусклой скуки
Въ сверканіи меча!

Ударъ меча обрушу,
И хрустнутъ позвонки,
И кто-то броситъ душу
Въ размахъ моей руки.

И хлынетъ токъ багряный,—
И тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.

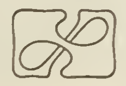
Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И дома жажда крови
Проникнетъ къ палачу.

Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью.
Опять веревка свяжетъ
        Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ—вездѣ палачъ.
О, скучный блескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ!

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

Ѳедоръ Сологубъ.



Тихій часъ.

Есть церковка въ лѣсу. Покрыты мхомъ ступени,
Въ притворахъ и сѣняхъ разросся желтый дрокъ,
На жертвенномъ столѣ, забившись въ уголокъ,
Двѣ тихія совы проводятъ день осенній.
Еще алтарь хранитъ напѣвъ былыхъ моленій,
Но тщетно ждетъ людей въ лѣсу забытый Богъ.

Въ часъ тихихъ сумерекъ я тамъ брожу, смущенный,
И слышно мнѣ тогда, какъ папортникъ растетъ,
Какъ поздняя пчела свершаетъ тяжкій летъ,
И тихо гложетъ корни заяцъ утаенный.
А сосны молятся и, влагой отягченный,
Лѣсъ, отходя ко сну, и шепчетъ и поетъ...

Т. Ардовъ.

Вдали.

Гаснетъ алый западъ. Вѣетъ тишиною.
Купается поле въ бѣлую росу.
Дали затянулись дымкой голубою.
Поздняя кукушка крикнула въ лѣсу.
Дождикъ осторожно пыль примялъ у сада,
Влаженъ теплый воздухъ.... Дымится легко.
Но душа томится, отдыху не рада,
Сердце безпокойно. Думы далеко.
Отдаюсь волненью я въ тревогѣ жадной,
Жду нетерпливо полуночной тьмы,
Вспоминаю городъ шумный и громадный,
Мрачный красный призракъ крѣпостной тюрьмы.
Тамъ мой другъ любимый гибнетъ безучастно...
Нѣтъ ему спасенья... Злобный врагъ суровъ...
Сердце говоритъ мнѣ, что на постъ опасный
Я ему на смѣну долженъ быть готовъ.

В. Башкинъ.

Сонетъ.

На стражѣ чистоты поставленъ гордый гнѣвъ,
Какъ мечъ пылающій блеститъ на стражѣ рая.
Уста не лгавшія не дрогнутъ, осуждая,
Глаза невинные сразятъ не пожалѣвъ.

О, бойся чистыхъ женъ и непорочныхъ дѣвъ!
Какое дѣло имъ, что красота земная—
Послѣдній храмъ, куда спѣшитъ душа больная,
Въ признанія любви печаль свою одѣвъ?

На твой молитвенный восторгъ, мольбы и слезы
Глазами свѣтлыми глядятъ онѣ въ упоръ,
И за молчаньемъ вслѣдъ, исполненнымъ угрозы,

Звучитъ ихъ строгій смѣхъ и вѣчный приговоръ,—
За мигъ предъ казнію спокойный гласъ закона,
Архангела копье, летящее въ дракона.

Н. Минскій.

* * *

Изъ Фр. Коппе.

Я голубю сказалъ: „Утѣшь меня въ печали,—
Мнѣ талисманъ-цвѣтокъ въ чужомъ краю добудь,
Чтобъ сердца моего любви не отвергали“...
И голубь отвѣчалъ: „То слишкомъ дальній путь!“

Орла я сталъ просить: „Молю тебя, какъ друга,
Огонь небесъ помогъ бы мнѣ легко,—
О, взвейся, полети, не велика услуга“...
И отвѣчалъ орелъ: „То слишкомъ высоко!“

Я къ ястребу тогда: „Спаси, насыться кровью,
И вырви сердце мнѣ, усталое отъ мукъ,
Оставь въ немъ только то, что не взято любовью“...
И ястребъ отвѣчалъ: „Увы, ужъ поздно, другъ!“

Е. М. Миличъ.

О лѣсѣ.

(Мечтанія).

Г. Галиной.

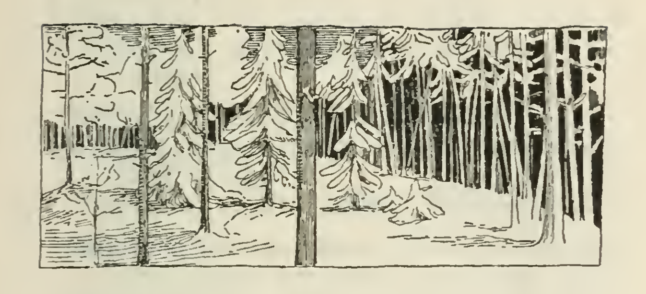
Я лѣсъ люблю за строгое молчанье,
За тишину и вдумчивость деревьевъ,
За красоту зеленыхъ, стройныхъ вѣтокъ,
Поднявшихся до бѣлыхъ облаковъ
И заградившихъ путь плывущей въ небѣ тучѣ.

Мнѣ чудится, что стройныя верхушки
Узнаютъ тамъ о строгой тайнѣ неба,
Корнямъ своимъ прошепчутъ эту тайну,
А черезъ нихъ узнаютъ и кроты...
И въ глубинѣ земли воскреснетъ снова небо.

Серебряная влага нѣжно брызнетъ
На тихій лѣсъ. Посеребритъ деревья
И поцѣлуемъ сладко прикоснется.
И снова будетъ тихо и безмолвно,
Но въ тишинѣ—твориться будетъ жизнь.

Я знаю... знаю. Чудится мнѣ много.
Околдовалъ меня зеленый лѣсъ на волѣ.
Деревья чарами овѣяли мнѣ душу...
Она живетъ. Въ ней снова вдохновенье...
Польется пѣснь...

Михаилъ Сандомирскій.



Протопопъ Аввакумъ.

I.

Горе вамъ, Никоніане! вы глумитесь надъ Христомъ,—
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутомъ!

Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвѣ праведномъ возсталъ,
И прольется надъ землею Божьей ярости фіалъ.

Нашу свѣтлую Россію отдалъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и плоть.

Укрѣпи меня, о Боже, на великую борьбу,
И пошли мнѣ мощь Сампсона, недостойному рабу...

Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взывалъ,
И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обличалъ.

Помню, помню дни гоненья:—вотъ въ цѣпяхъ меня ведутъ.
Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника на судъ.

Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной,
И разжегся духъ мой гнѣвомъ—поднялъ крестъ я надъ главой
И въ лицо злодѣямъ плюнулъ и, какъ зайцы по кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.

„Будьте прокляты!—я крикнулъ—вамъ позоръ изъ рода въ родъ:
„Задушили правду Божью, погубили вы народъ!“

Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны дикой брани, очи—лютаго огня.

И, какъ волки, обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
„Еретикъ насъ обезчестилъ, на костеръ его!“ кричатъ.

То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и пустырь,—
Чернецы везутъ разстригу Аввакума въ монастырь.

Привезли меня въ Андроньевъ, тутъ и бросили въ тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы—прямо въ холодъ, смрадъ и тьму.

II.

Я три дня лежалъ безъ пищи,—наступалъ четвертый день...
Былъ то сонъ, или видѣнье,—я не вѣдаю... Сквозь тѣнь—
Вижу двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.

Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ немного щецъ:
„На, Петровичъ, ѣшь, родимый!“ и любовно, какъ отецъ,
Смотритъ въ очи, тихо пальцы онъ кладетъ мнѣ на чело,
И руки прикосновенье братски-нѣжно и тепло.

И счастливый, и дрожащій, я припалъ къ его ногамъ
И края святой одежды прижималъ къ своимъ устамъ.

И шепталъ я, какъ безумный: „дай мнѣ муки претерпѣть,
Свѣтъ-Христосъ, родной, желанный,—за тебя бы умереть!...“

III.

Это было на Устюгѣ: разъ—я помню—ввечеру
Старца божьяго Кирилла привели мнѣ въ конуру,

Съ нимъ въ тюрьмѣ я прожилъ мѣсяцъ; былъ онъ праведникъ душой,
Но безумнымъ притворялся, полонъ ревности святой.

Все-то пляшетъ и смѣется, все вполголоса поетъ,
И, качаясь, вмѣсто бубновъ, кандалами мѣрно бьетъ.

День юродствуетъ, а ночью на молитвѣ онъ стоитъ,
И горячими слезами цѣпи мученикъ кропитъ.

Я любилъ его; онъ тяжкимъ былъ недугомъ одержимъ.
Бѣдный другъ! Какъ за ребенкомъ, я ухаживалъ за нимъ.

Онъ страдать умѣлъ такъ кротко: весь въ жару изнемогалъ,
Но съ пылающаго тѣла власяницы не снималъ.

Я печальный голосъ брата до сихъ поръ забыть не могъ:
„Дай мнѣ пить!“ бывало скажетъ, взоръ такъ нѣженъ и глубокъ...

На рукахъ моихъ онъ умеръ: безмятежно и свѣтло,
Какъ у спящаго младенца, было мертвое чело.

И покойника, прощаясь, я въ уста поцѣловалъ:
Спи, Кириллушка, сердечный, спи,—ты много пострадалъ,

Надъ твоей могилой тихой херувимы сторожатъ;
Спи же, другъ, легко и сладко, отдохни, усталый братъ!

IV.

Въ конурѣ моей подземной я покинутъ былъ опять
Цѣлымъ міромъ. Даже время пересталъ я различать.

Поглупѣлъ совсѣмъ отъ горя: день и ночь въ углу сидишь,
Да замерзшими ногами въ землю до крови стучишь.

Если жъ солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на кирпичѣ,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучѣ,—

Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.

На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и счастливъ.

Сердцу воля вспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

V.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый край земли
Аввакума протопопа въ ссылку вѣчную везли.

Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ дебряхъ и лѣсахъ
Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.

Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я перенесъ;
Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода—горька отъ слезъ.

На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, лямку съ бурлаками я тянулъ.

Безъ прiюта, безъ одежды насыщался я порой
То поганою кониной, то сосновою корой.—

Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль—все голый ледъ.
Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть везетъ.

Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ:
Скользко, ноги еле держатъ. Полумертвые, бредемъ.

Протопопица, бывало, поскользнется, упадетъ.
На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже валится, и оба на снѣгу они лежатъ,
И барахтаются въ шубахъ, встать не могутъ и кричатъ:

„Задавилъ меня ты, батько!"—„Государыня, прости!"
Что тутъ дѣлать,—смѣхъ и горе! я спѣшу къ нимъ подойти,

И бранитъ меня съ улыбкой, и бредетъ она опять:
„Протопопъ ты горемычный, долго ль намъ еще страдать?"

„—Видно, Марковна, до смерти!" Тихо, съ ласковымъ лицомъ,
—„Что жъ, Петровичъ, отвѣчаетъ, съ Богомъ дальше побредемъ!"

VI.

Вижу—меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная растетъ,
Вижу—льется кровь невинныхъ, братъ на брата возстаетъ.

Что же дѣлать мнѣ? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать?

Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣтиковъ моихъ:
Какъ ихъ бросить безъ защиты? горько, страшно мнѣ за нихъ!

И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьи я, поникнувъ головой.
Но жена ко мнѣ подходитъ, тихо молвитъ что: съ тобой?

„Отчего ты такъ кручиненъ?"—„Дорогая, жаль, мнѣ васъ!
„Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній часъ.

„На кого тебя оставлю?..." Съ нѣжной ласкою въ очахъ—
„Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ,—молвитъ,—тамъ, на небесахъ

„Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же—бренный человѣкъ.
„Онъ, Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ насъ во-вѣкъ.

„Будь же веселъ и спокоенъ, насъ въ молитвахъ поминай,
„Еретическую блудню предъ народомъ обличай.

„Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди скорѣй во храмъ,
„Проповѣдуй слово Божье!“...

VII.

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ поведутъ
На костеръ меня, разстригу, и съ проклятьями сожгутъ.

Но звучитъ мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ тишинѣ:
„Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко Мнѣ!“

Дай мнѣ, Боже, хоть послѣднiй уголокъ въ святомъ раю,
Только бъ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Марковну мою.

Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ силъ:
Тридцать лѣтъ, Никонiане, я жестоко васъ бранилъ.

Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ,—вы простите дураку,
Вѣдь и мнѣ пришлось не мало натерпѣться, старику...

Вы простите, не сердитесь,—всѣ мы братья о Христѣ,
И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ на крестѣ.

Такъ возлюбимъ же другъ друга,—вотъ послѣднiй мой завѣтъ.
Все въ любви,—законъ и вѣра... Выше заповѣди нѣтъ.

Д. С. Мережковскiй.

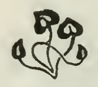
Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Наше горе.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на холеномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,

Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы.
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

Н. М. Минскій.



Суббота.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Какъ тишина чутка!
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно-близка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Прозрачна и легка,
Въ настороженныхъ вѣткахъ бродитъ мгла,
Предвѣстница весенняго тепла.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Звенитъ моя тоска
Предчувствіемъ весны, и ожила
Моя душа, какъ подо льдомъ рѣка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Ни вздоха вѣтерка.
Ночь первую звѣзду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

А. Ѳедоровъ.

Солнце, уйди!

Опускается солнце... На кронахъ зеленыхъ ду-
бовъ
Догорѣли лучи,
Затуманилась заводь рѣчная...
Изъ глубокаго омута, тихо, подъ сводомъ кустовъ,—
Погляди! Замолчи!—
Поднялася русалочья стая,

Подъ цвѣтами кувшинокъ и лилій вошла въ ка-
мыши...—
Не пугай! Не гляди!—
Закачалися стебли ворчливо...
Слышишь,—шопотъ несмѣлый пронесся въ вечер-
ней тиши?—
„Солнце, солнце, уйди!
„Не мѣшай намъ! Уйди отъ залива!"...
Видишь—тонкія руки за тонкіе стебли взялись,
Въ нетерпѣньи дрожатъ
И шуршатъ шаловливо листами:
„Солнце, солнце, уйди! Закатись, провались!
„Ночь, вернися назадъ
„И усѣй намъ все небо звѣздами!"...
Ночь вернулась въ огнистой коронѣ изъ звѣздныхъ
лучей,
Замеръ берегъ слѣпой,
И туманы его укрываютъ...
Погляди—на просторъ водяной изъ стѣны камышей
Дѣтской, шумной толпой
Выплываютъ онѣ, выплываютъ!

С. Сергѣевъ-Ценскій.

* * *

Изъ Франсуа Коппе.

Сегодня вечеромъ ее увижу я!
Теперь готово все. Докучные друзья
Давно удалены. Я свѣчи зажигаю.
Безжалостной рукой въ каминъ листки ввергаю
Въ разлукѣ тягостной написанныхъ стиховъ—
И жду. Условный часъ насталъ. Ея шаговъ
Услышу легкій шумъ, какъ бѣгъ газели стройной...
О, музыка шаговъ! Душею безпокойной
Тоскуя, мѣста я не находилъ,
Но этотъ звукъ меня за все вознаградилъ.
Сейчасъ она войдетъ, стараясь скрыть волненье
И блѣдность робкую; и руки въ упоеньи
Другъ другу мы сожмемъ... Знакомый ароматъ
Съ невнятымъ шелестомъ струитъ ея нарядъ,
Тепломъ и комнаты и ласкъ моихъ объятый.
О, первый поцѣлуй черезъ вуаль неснятый!

—дтъ.

Колыбельная.

Ночь, угрюмая ночь обнимаетъ меня...
Все темнѣе зловѣщія тучи...
Смерти слышится голосъ могучій:
. . . . . — Я хочу убаюкать тебя..
Своимъ чернымъ крыломъ припаду я къ тебѣ
И прикрою усталыя очи...
Сынъ Земли, ты усталъ въ непосильной борьбѣ,—
Твой покой лишь въ объятіяхъ Ночи...
Жизни скучныя пѣсни постыли тебѣ,
Хочешь новой и сильной ты пѣсни,
Гдѣ бы не было стоновъ и жалобъ Судьбѣ,

Чтобъ звучала новѣй и чудеснѣй...
Этой дивною пѣсней владѣю лишь я,
Только разъ ее людямъ пою я...
Она вѣчно нова... Всякій, страхъ затая,
Моей пѣснѣ внимаетъ, тоскуя...
Сколько бъ тягостныхъ мукъ, вѣчно ноющихъ ранъ
Ни дала тебѣ Жизнь, издѣваясь,—
Все исчезнетъ съ той пѣсней, какъ легкій туманъ,
И уснешь, сладкимъ сномъ забываясь...
Я прильну къ тебѣ, нѣжа, лаская, любя,
И съ собой унесу въ безконечность...
Слышишь?... Шелестъ. То крылья... Я—вѣчность...
. . . . . Я хочу убаюкать тебя..."
. . . .

Михаилъ Гальперинъ.

* * *

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя!

К. Ф. Фофановъ.

Вѣстники весны.

Посмотри,—въ лазури ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаей суетливой
Рѣютъ вѣстники весны.

* * *

Суетливой стаей вьются
И щебечутъ, и шумятъ.
Снѣгъ послѣдній быстро таетъ,
Громы первые гремятъ.

* * *

Чьи-то звуки, чьи-то пѣсни
Льются съ радужныхъ высотъ,
Чей-то голосъ, нѣжный, милый,
Въ даль звенящую зоветъ...

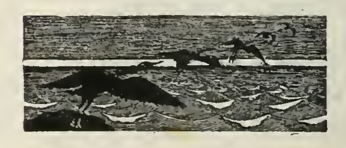
* * *

Слушай, слушай эти звуки
Съ нивъ, долинъ, лѣсовъ и горъ...
Ахъ, уйти, уйти бы въ поле,
Въ степь, на волю, на просторъ!

* * *

Сны послѣдніе развѣять,
Цѣпь послѣднюю порвать,
Крикнуть, свистнуть, грянуть пѣсней,
Засмѣяться... зарыдать!..

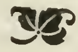
С. Г. Фругъ.



* * *

...Я—сѣрый придорожный камень,
Съ утра и до́ ночи меня
Сжигаетъ солнца жаркій пламень,
Но прочность вѣчную храня,
Все такъ же твердъ и крѣпокъ я...
...Я—искра грознаго пожара,
Подобно призраку—лучу,
Кружась средь дыма и угара,
Въ порывахъ вѣтра я лечу,
Куда, зачѣмъ,—знать не хочу...
...Я—атомъ крохотный вселенной,
Я—мячикъ вѣтренной Судьбы,
Но живъ во мнѣ огонь священный,
И чуя свѣтъ средь грозной тьмы,—
Я, полный силъ, ищу борьбы...

Михаилъ Гальперинъ.



Женщины.

Печальныя, съ бездонными глазами,
Горѣвшія непонятой мечтой;
Безпечныя, какъ вѣтеръ надъ полями,
Плѣнявшія капризной красотой...
О, сколько ихъ прошло передо мной!
О, сколько ихъ искало между нами
Поэзіи и страсти неземной!
И каждая томилась и ждала
Красивыхъ мукъ, невысказанной нѣги,
И каждая безгрѣшно отдала
Своей весны зеленые побѣги...
О, ландыши, грустящіе о снѣгѣ,—
О, женщины! У васъ душа свѣтла
И горестна, какъ музыка элегій...

Дмитрій Цензоръ.

* * *

Дни мои, какъ волны моря,
Тонутъ въ безднѣ чувствъ и думъ;
Муки радости и горя
Заглушаютъ жизни шумъ.
Въ этой жизни многослезной
Счастливъ тотъ, кто жизнь свою
Съ общей скорбью, въ битвѣ грозной,
Слилъ въ могучую струю!
Только сильнымъ съ бурей спорить,
Разсыпая вихремъ смѣхъ...
О, какъ сладко бурѣ вторить,
Быть со всѣми и за всѣхъ!
Мнѣ ль, друзья не внять напѣву
Въ вышинѣ летящихъ грозъ,
Буйныхъ волнъ мольбамъ и гнѣву?
Я во мракѣ бурь возросъ,
И когда проснулось море,
И вдали блеснулъ разсвѣтъ,—
Въ буйномъ съ непогодью спорѣ
Бурѣ бросилъ я привѣтъ!
— Здравствуй, гостья боевая,
Волнъ владычица живыхъ!
Долго ждалъ съ тоской тебя я,
Въ тайномъ гнѣвѣ думъ моихъ.
Я принесъ тебѣ всѣ слезы,
Я принесъ весь пылъ души
И ея святыя грезы,
Долго зрѣвшія въ тиши...

И. П. Каляевъ.

Артистъ К. С. Станиславскій.

* * *

Въ безумномъ переплетѣ нитей,
Предвѣчныхъ нитей бытія,
Во всей превратности событій
Слышна мнѣ музыка... Но чья?

Повсюду музыка, повсюду
Для сердца нашего звучитъ,
Гдѣ разумъ внемлетъ только чуду,
Гдѣ все для разума молчитъ.

И философія стремится
Міръ, какъ симфонію, познать,
Въ его гармонію излиться,
Его andante разгадать.

Томясь по вѣчности нетлѣнной,
Стремясь къ волнующей звѣздѣ,
Ищу я музыку вселенной,
Ищу всегда, ищу вездѣ.

Н. Васильевъ.

Старая цыганка.

Пиръ въ разгарѣ. Случайно сошлися сюда,
Чтобъ виномъ отвести себѣ душу
И послушать красавицу Грушу,
Разношерстные все господа:
Тутъ помѣщикъ разслабленный, старый,
Тамъ усатый полковникъ, безусый корнетъ,
Изучающій нравы поэтъ
И чиновниковъ юныхъ двѣ пары.
Притворяются гости, что весело имъ
И плохое шампанское льется рѣкою...

Но цыганкѣ одной этотъ пиръ нестерпимъ.
Она сѣла, къ стѣнѣ прислонясь головою.
Вся въ морщинахъ, дырявая шаль на плечахъ,
И суровое, злое презрѣнье
Загорается часто въ потухшихъ глазахъ:
Не по сердцу ей модное пѣнье...
„Да, ужъ пѣсни теперь ни услышишь такой,
„Отъ которой захочется плакать самой!
„Да и люди не тѣ: имъ до прежнихъ далече...
„Вотъ хоть этотъ чиновникъ,—плюгавый такой,
„Что, Наташу обнявши рукой,
„Говоритъ непристойныя рѣчи.—
„Онъ вѣдь шагу не ступитъ для ней... Въ кошелькѣ,
„Вся душа то у нихъ... Да, не то, что бывало!“—
Такъ шептала цыганка въ безсильной тоскѣ,
И минувшее, сбросивъ на мигъ покрывало,
Передъ нею росло—воскресало.

Ночь у Яра. Московская знать
Собралась, какъ для важнаго дѣла,
Чтобы Маню—такъ звали ее—услыхать.
Да и какъ же въ ту ночь она пѣла!
„Ты почувствуй!"—выводитъ она, наклонясь,
А сама, между тѣмъ, замѣчаетъ,
Что высокій осанистый князь
Съ нея огненныхъ глазъ не спускаетъ.
Полюбила она съ того самаго дня
Первой страстью горячей, невинной,
Больше братьевъ родныхъ, „жарче дня и огня",
Какъ пѣвалося въ пѣснѣ старинной.
Для него бы снесла она стыдъ и позоръ,
Убѣжала бы съ нимъ безразсудно,
Но такой учредили за нею надзоръ,
Что и видѣться было имъ трудно.
Разъ заснула она среди слезъ.
„Князь пріѣхалъ!"—кричатъ ей... Во снѣ, аль серьезно?
Двадцать тысячъ онъ въ таборъ привезъ
И умчалъ ее ночью морозной.
Прожила она съ княземъ пять лѣтъ,
Много счастья узнала, но много и бѣдъ...
Чего больше? спросите,—она не отвѣтитъ;
Но отъ горя исчезнулъ и слѣдъ.
Только счастье звѣздою далекою свѣтитъ!
Разъ всю ночь она князя ждала.
Воротился онъ блѣдный отъ гнѣва, печали:
Въ этотъ день его мать прокляла,
И въ опеку имѣніе взяли.
И теперь часто видитъ цыганка во снѣ,
Какъ сказалъ онъ тогда ей: „Эхъ, Маша,
„Что намъ думать о завтрашнемъ днѣ?
„А теперь—хоть минута, да наша!"
Довелось ей спознаться и съ „завтрашнимъ днемъ":
Серебро продала, съ жемчугами разсталась,
Въ деревянный заброшенный домъ
Изъ дворца своего перебралась,
И подъ этою кровлею вновь
Она съ бѣдностью встрѣтилась смѣло:

Тѣ же пѣсни и та же любовь...
А до прочаго что ей за дѣло?
Это время сіяетъ цыганкѣ вдали...
Но другія картины предъ ней пролетѣли.
Разъ, подъ самый подъ Тройцынъ день, къ ней пришли
И сказали, что князь, молъ, убитъ на дуэли...
Не забыть никогда ей ту страшную ночь,
А пойти туда, на домъ, не смѣла.
Наконецъ, поутру ей ужъ стало не вмочь:
Она черное платье надѣла,
Робкимъ шагомъ вошла она въ княжескій домъ,
Но какъ князя-голубчика тамъ увидала
Съ восковымъ неподвижнымъ лицомъ,
Такъ на трупъ его съ воплемъ упала...
Зашептали кругомъ: „Не сошла бы съ ума!
Знать, взаправду цыганка любила"...
Подошла къ ней старуха-княгиня сама,
Образокъ ей дала... и простила.
Еще Маня красива была въ тѣ года:
Много къ ней молодцовъ подбивалось,
Но прожитою долей горда,
Она вѣрною князю осталась.
А какъ померъ сынокъ ея,—славный такой,
На отца былъ похожъ до смѣшного,—
Воротилась цыганка въ свой таборъ родной
И запѣла для хлѣба насущнаго снова;
И опять забродила по русской землѣ,
Только Марьей Васильевной стала изъ Мани...
Пѣла въ Нижнемъ, въ Калугѣ, въ Орлѣ,
Побывала въ Крыму и въ Казани;
Въ Курскѣ, помнится, разъ въ Коренной
Губернаторшѣ голосъ ея полюбился.
Обласкала она ее пуще родной,
И потомъ ей весь городъ дивился,
Но теперь ужъ давно праздной тѣнью она
Доживаетъ свой вѣкъ и поетъ только въ хорѣ...
А могла бы пропѣть и одна
Про ушедшія вдаль времена,
Про бродячее старое горе,
Про веселое съ милымъ житье,

Да про жгучія слезы разлуки...
Замечталась цыганка...
Ея забытье
Прерываютъ нахальные звуки.
Груша, какъ-то весь станъ изогнувъ,
Подрожая кокоткѣ развязной,
Шансонетку поетъ: „Ньюфъ, ньюфъ, ньюфъ!"—
Раздается припѣвъ безобразный.
„Ньюфъ, ньюфъ, ньюфъ!—шепчетъ старая
вслѣдъ:—
„Что такое? Слова нелюдскія,
„Въ нихъ ни смысла, ни совѣсти нѣтъ...
„Сгинетъ таборъ подъ пѣсни такія!"
Такъ обидно ей, горько—хоть плачь!

Пиръ въ разгарѣ. Хвативши трактирной отравы,
Спитъ поэтъ, изучающій нравы,
Пьетъ довольный собою усачъ,
Расходился чиновникъ плюгавый:
Онъ чужую фуражку надѣлъ на-бекрень
И плясать бы готовъ, да стыдится.
Непривѣтливый пасмурный день
Въ разноцвѣтныя стекла глядится.

А. Апухтинъ.

Передъ разсвѣтомъ.

Изъ В. Гюго.

Бываютъ времена постыднаго разврата,
Побѣды дерзкой лжи надъ правдой и добромъ:
Все честное молчитъ, какъ будто бы объято
Тупымъ, тяжелымъ сномъ.
Жизнь стала оргіей. Въ душонкахъ низкихъ, гряз
ныхъ

Чуствъ человѣческихъ ничто не шевелитъ,
Пируютъ, пляшутъ, пьютъ. Все пошло, безобразно,
А совѣсть крѣпко спитъ...
Нахальный хохотъ, крикъ нелѣпый опьянѣнья
Всѣ рѣчи честныя, всѣ мысли заглушилъ;
Бойцы за истину лежатъ, полны презрѣнья,
На днѣ сырыхъ могилъ...
Но эти времена позорныя не вѣчны.
Проходитъ ночь. Встаетъ заря на небесахъ...
Толпа ночныхъ гулякъ, ты скроешься, конечно,
При солнечныхъ лучахъ?

А. П. Барыкова.

* * *

Полно плакать, другъ мой нѣжный!
Полно плакать, дорогая!
Мы умчимся въ яркой сказкѣ
Къ небесамъ иного края.
Мы на крыльяхъ унесемся
Въ зачарованныя дали,—
И угаснутъ муки сердца,
И разсѣются печали.
И къ далекимъ свѣтлымъ звѣздамъ
Мы построимъ мостъ лучистый.
И заброситъ въ наши души
Мѣсяцъ лучъ свой серебристый.
Дрогнетъ сердце молодое,
О несбыточномъ мечтая...
Къ намъ весна опять вернется,
Жизнь цвѣтами осыпая!

Николай Беркеръ.

Артистъ Вс. Э. Мейерхольдъ.

Надпись на книгѣ стиховъ.

Здѣсь тишина цвѣтетъ и движетъ
Тяжелымъ кораблемъ души,
И вѣтеръ, песъ послушный, лижетъ
Чуть пригнутые камыши;

Здѣсь въ заводь праздную желанье
Свои приводитъ корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальнихъ ропотахъ земли.

Здѣсь легкимъ образамъ и думамъ
Я отдаю стихи мои,
И томнымъ ихъ встрѣчаютъ шумомъ
Рѣки согласныя струи.

И, томно опустивъ рѣсницы,
Вы, дѣвушки, въ стихахъ прочли,
Какъ отъ страницы до страницы
Въ даль потянули журавли.

И каждый звукъ былъ вамъ намекомъ,
И несказаннымъ—каждый стихъ.
И вы любили на широкомъ
Просторѣ легкихъ риѳмъ моихъ.

Когда рѣка ладью качала,
И томно пѣла быстрина,—
То глубина васъ обнимала,
Васъ цѣловала тишина.

И каждая навѣкъ узнала
И не забудетъ никогда,
Какъ обнимала, цѣловала,
Какъ пѣла тихая вода.

А. Блокъ.

Три кладбища.

I.

За городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и молодое.

Городъ жилъ шумно, жилъ страшно, и окраиной своей, тонувшей въ отчаяніи, вѣчно испуганной, вѣчно ждавшій ужаснаго, какъ щитомъ закрывался отъ мертвыхъ молчаливыхъ полей трехъ кладбищъ. И когда въ городѣ умиралъ довольный,—черезъ окраину везли его къ мертвымъ молчаливымъ полямъ.

Старое кладбище, съ широкими зелеными привѣтливыми воротами и каменной оградой, было мирнымъ и спокойнымъ. Давно уже здѣсь не хоронили, никогда здѣсь не рыдали, и прозрачный ясный воздухъ его не потрясали тоскующіе звуки торжественныхъ отпѣваній, скромныхъ отпѣваній... Навѣщали кладбище старики и старухи, сгорбленные, съ узловатыми пальцами на рукахъ, уставшіе плакать, уставшіе вздыхать, ходившіе шаркающими

шагами,— всѣ перекипѣвшіе, всѣ добрые, добрые. Кладбище принимало ихъ ласково, успокоенное, и всѣ молчали: старики и старухи, и ветхія деревья, и старая трава, и мохъ на камняхъ... Пустынная улица хитро заглядывала черезъ ограду и видѣла разбросанные холмы посѣрѣвшихъ камней и къ нимъ прижавшись въ нѣмой мольбѣ, стояли вѣчные люди, уже на людей непохожіе...

Но новое кладбище, какъ мать охватившее полукольцомъ старое, было тревожнымъ и печальнымъ. Спокойствія здѣсь не было. Словно измученные долгой болью, со скрежетомъ черезъ могилы и свѣжіе холмы бѣжали памятники каждый въ объятіи своей смерти. И пожилые мужчины, солидные въ городѣ, и пожилыя женщины, спѣшили за ними, потрясая плечами отъ рыданій, отъ жалости, отъ ужаса, отъ скорби; и было все вмѣстѣ,—и звуки, и люди, и камни,—подобно гимну страха или ненасытимой жалобѣ кому-то на міръ, на жизнь, на любовь... И молчаливая улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла крылатые памятники, какъ драконы свирѣпые, съ вырывавшимся огнемъ изъ ноздрей ихъ и ртовъ, и преображенныхъ болью и скорбью людей, въ мольбѣ прижавшихся къ нимъ.

Тамъ же, гдѣ хоронили молодыхъ, цвѣтущихъ, ярко жаждавшихъ, гдѣ хоронили сегодняшнихъ и вчерашнихъ, гдѣ подъ разрыхленной землей замирали послѣднія гнѣвныя движенія костей и мышцъ, —тамъ было грозно и прекрасно. Тамъ курганами поднимались братскія могилы, красныя могилы. На курганахъ лежала печаль. Слезы висѣли въ воздухѣ, и гнѣвный крикъ цѣлые дни несся среди могилъ. И пустынная улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла красный лѣсъ могилъ, прижавшихся къ нимъ въ гнѣвѣ людей и всѣ,—и памятники, и люди, и могилы,—угрожали... Опускала голову пустынная улица и безшумно ползла кольцомъ вокругъ трехъ кладбищъ къ окраинѣ. Тамъ поднимала голову и раскрывала беззубую пасть. Тянулись изъ города дроги за дрогами, везя мертвыхъ на своихъ жесткихъ деревянныхъ плечахъ и укачивая

трупы ярко жаждавшихъ. Поднималась улица, довольная, и тихо ползла за ними до трехъ кладбищъ; тамъ покидала ихъ и ползла назадъ, снова жадная раскрывала пасть и поджидала новыхъ. И когда насыщалась, ложилась вѣрнымъ псомъ у кладбищъ и засыпала до утра....

II.

Шапочникъ Клангъ съ женой Эвой и шестнадцатилѣтней дочерью Марой жили въ крайнемъ домикѣ окраинной улицы. Изъ ихъ квартирки открывался видъ на пустынныя мертвыя поля; и въ ясный солнечный день такъ отчетливо видны были памятники трехъ кладбищъ, словно они стояли въ комнатѣ. Когда же наступала осень, поля поглошались туманами, и изъ оконъ ничего не было видно. Тогда дѣвушка Мара выходила за ворота и, тоненькая, стройненькая, скрестивъ руки на груди,—прилежно выглядывала дроги, тянувшiяся изъ города... Шли черныя лошади, не спѣша выдувая паръ изъ ноздрей, серьезно уставивши глаза въ землю, которая ихъ приметъ; шли черные люди съ серебряными позументами на шляпахъ, на рукавахъ, скучные люди, которымъ все равно; какъ черное погасшее око лежалъ гробъ, позади еле передвигались мужчины и женщины, но все было красиво черной красотой и для Мары торжественно и прелестно. Ничего близкаго это не имѣло съ жизнью, съ безпокойствомъ; не слышно было ни криковъ, ни разговоровъ; все молчало красиво, торжественно, прелестно, и каждая погода была чудной рамой для уходящихъ... Передвигались дроги, тихо топали лошади и люди по влажной землѣ, и казалось, надъ ними повисли ангелы, трубившiе въ длинныя тонкiя трубы, миловидные ангелы, скрестившiе ноги и откинувшiе ихъ назадъ. Не выносила Мара тягостной радости, забѣгала въ комнату и громко кричала:

— Умираютъ, умираютъ, умираютъ!

Зимой или лѣтомъ было еще лучше. По пустынной улицѣ, занесенной снѣгомъ, ярко бѣлымъ, или по сухой, теплой землѣ умершiе переносились такъ

быстро, что, казалось, они пролетали; и Мара, глядя на нихъ въ окно, виновато вскакивала и снова радостно возвѣщала:

— Умираютъ, умираютъ!

Такъ хорошо было, что три кладбища стояли у окна, такъ хорошо! Въ лунныя ночи всѣ три, съ мертвыми, молчаливыми полями, какъ будто придвигались къ домику и, точно въ зеркалѣ, преображенныя, ясныя, дальнія и близкія блистали до утра иной бѣлизной памятниковъ и красотой земли, и манили и звали... Отецъ и мать спали, дѣдъ Бейръ о чемъ-то вздыхалъ, и это было печально, а она глядѣла на три кладбища, все видѣла, что тамъ, и переговаривалась съ мертвыми полями и памятниками. Какъ будто изъ могилъ выходили люди и разсказывали о нездѣшней жизни, счастливой, желанной, и она уже видѣла ее...

Такъ хорошо было, что три кладбиша стояли у окна, такъ хорошо! Вставала она рано и выходила изъ дому... Отецъ кивалъ головой, старой некрасивой головой, и мать кивала головой... Мара уходила весело, и въ окно ее видѣли бѣжавшей, мелькавшей, долго, подобно живому ходящему деревцу или тростнику. У стѣны стараго кладбища Мара останавливалась. Здѣсь схоронены ея мечты, вся любовь ея къ тихой жизни, чистой, безгнѣвной. Ни слезъ, ни стоновъ, ни бездоннаго ужаса. Во всемъ правда, какъ небо ясное, какъ памятники бѣлые... Хорошо на кладбищѣ: вѣтеръ, солнце, облака,— хорошо на кладбищѣ!

Черезъ стѣну Мара видѣла могилы, прибитыя лопатой горки земли; всѣ улыбались ей, всѣ таинственнымъ языкомъ молчанія разсказывали о счастьѣ людей, лежавшихъ здѣсь, о прекрасной жизни тѣхъ, что ушли отъ земли, отъ земного отчаянія, отъ земной неправды и каждая звала ее къ себѣ: „Приди, приди!“ И на зовъ она загадочно улыбалась:

— Я приду!..

Не спѣша переходила она отъ одного памятника къ другому и когда уставала, садилась на землю, срывала травку и, покусывая ее, тихонькая и

серьезная, оглядывала кладбище. Всѣ могилы были ей знакомы и она какъ бы кланялась каждой:

— Здравствуй, дѣдушка Фавлъ; здравствуй, дѣвочка Бетя; здравствуй, бабушка Гитель!..

Милыя толпы ее окружали, старики помолодѣвшіе за гробомъ и дѣти возмужавшія... Всѣмъ имъ она съ грустью жаловалась, что еще должна жить, и они понимали ее и серьезно соглашались:

— Вѣдь ты еще должна жить, да должна жить...

И всѣ плакали отъ скорби, отъ состраданія, что такая молоденькая, хорошая, чистая дѣвушка должна прожить десятки лѣтъ и страдать на землѣ, когда такъ хорошо наверху въ царствѣ Божьемъ,—и она плакала съ ними.

Пробѣгали тѣни нездѣшнихъ вещей, красиво-уродливыя и въ тлѣніи прекрасныя, вставали гдѣ-то умершія птицы, ради людей убитыя, и всѣ существа, убитыя ради людей, и всѣ надломленные и всѣ напрасно замученные,—вереницей проходили мимо и, скрываясь въ чащѣ памятниковъ, радостно пѣли о томъ, какъ хорошо подъ землей, и какъ черезъ землю всѣ шли—къ Нему. И пѣли о томъ, что вверху на седьмомъ небѣ на тронѣ изъ золота сидитъ Вѣчный и ласково говоритъ приходящимъ:

— Ступайте направо въ мое царство: помучились вы довольно.

Плакала Мара, среди мертвыхъ одна живая, что долго ей еще страдать на землѣ, пока позоветъ ее Вѣчный къ себѣ и скажетъ:

— Ступай, Мара, направо, въ мое царство: намучилась ты довольно!

На новомъ кладбищѣ отпѣвали счастливыхъ, и трагически сладостные голоса хора, словно огненныя крылья, поднимали душу вверхъ, въ беспредѣльный просторъ, гдѣ, какъ рогъ утренней луны, желтый, колыхался тронъ Вѣчнаго, Стараго, всѣхъ любившаго, всѣхъ прощавшаго. Почему же они плачутъ? По комъ они тоскуютъ? Почему они гнѣвны? И мелькая, какъ духъ, Мара неслась среди

камней, одна влюбленная, одна понявшая, здѣсь улыбаясь, тамъ обнимая памятники, и было ей весело..

III.

Утро свѣтлое и теплое. Въ тихихъ домикахъ раскрываются ставни. Хлопотливо мелькаютъ въ окнахъ дѣвушки и женщины. Мужчины становятся на утреннюю молитву. По мертвымъ пустыннымъ полямъ черным облакомъ кружатся галки и закрываютъ солнце. Потомъ вереницей тянутся къ городу и скучно смотрѣть на нихъ. Утро ясное и какъ будто спокойное. Три кладбища утопаютъ въ золотѣ, три кладбиша зовутъ: „Поспѣшите къ намъ, утро едва началось, утро едва началось!“

Дѣдъ Бейръ попросился на улицу посидѣть на солнцѣ. Такъ онъ просилъ. Онъ тепло одѣтъ. На плечахъ у него толстое одѣяло, на шеѣ красный вязаный шарфъ въ два аршина длины. Онъ нахлобучилъ шапку на глаза.

— Ну! вынесемъ его!—сказалъ Клангъ, мигнувъ Марѣ.

Мара понесла ноги дѣда. Какъ сокровище несла она ихъ и улыбалась ему...

— Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ,—вотъ ты хмуришься и мнѣ страшно!.. Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ?

Она усѣлась на скамеечкѣ близко къ Бейру, чтобы ему удобно было гладить ея голову. И онъ тотчасъ же положилъ свою тяжелую желтую руку на ея голову и закрылъ глаза. Мара сидитъ неподвижно, чутко... Дѣдъ думаетъ, и кажется Марѣ, что черезъ теплую пухлую руку текутъ его мысли къ ней и она знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Теперь онъ думаетъ, что умретъ. Да, умретъ! Ему будетъ удобно въ могилѣ. Онъ раскинется широко на землѣ, и руки широко,— голову, какъ захочетъ —и будетъ лежать и посмѣиваться надъ тѣми, которые остались.

— А я все буду жить, дѣдушка? Тебѣ хорошо, а я останусь? Такъ ясно вижу, какъ пойду напра-

во отъ Вѣчнаго, и всѣхъ радостныхъ встрѣчу и всѣхъ веселыхъ. Зачѣмъ мнѣ жить, и почему мнѣ жить?

Она долго ждала отвѣта. Дѣдъ молчалъ, словно спалъ. Показались дроги, и улица ожила. Шли спокойно черные люди...

— Умираютъ, дѣдушка,—крикнула Мара,—умираютъ!

— Вижу...—отвѣтилъ Бейръ и съ трудомъ повернулъ голову.

— Ну, а я, а я?

— Ну, такъ что же?—спросилъ дѣдъ.

Она нахмурилась...

— Видишь ли, дѣдушка, ей шестнадцать лѣтъ! Да, ей шестнадцать лѣтъ! Разсказать ли тебѣ, дѣдушка? Есть работникъ Кройнъ... Онъ любитъ ее. Ты не спишь, дѣдушка? Есть работникъ Кройнъ, молодой и такой смѣлый, такой смѣлый... Она любитъ его. Ты слышишь, дѣдушка? Онъ приходитъ и зоветъ ее. Но вотъ, дѣдушка, она царство Божіе любитъ еще больше, чѣмъ Кройна... Ты не спишь, дѣдъ? Иногда ночью она къ нему выходитъ. Они гуляютъ, держась за руки. Онъ говоритъ о городѣ и зоветъ ее въ городъ; а она говоритъ о кладбищахъ и тянетъ его къ кладбищамъ... Они не уступаютъ другъ другу. Да, не уступаютъ...

— Ну, такъ что же?—спросилъ дѣдъ.

— И умереть хочу, дѣдъ, и любить хочу...

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо, а потомъ долго смѣялся... „И умереть хочу и любить хочу...“ Вотъ чего дѣвушкѣ захотѣлось! А можетъ быть, такъ и будетъ, а можетъ быть...

Тянулись дроги за дрогами, люди зъ людьми. Опять появились галки. Отъ нихъ небо стало чернымъ. Утро было свѣтлое, полдень туманнымъ...

IV.

Вечеромъ выпалъ снѣгъ. Изъ комнаты онъ казался розовымъ, багровымъ, синимъ. Мара стояла у оконца и выглядывала въ поле. Три кладбища мерещились ей. Сквозь сѣть слѣпыхъ хлопьевъ, на-

ивно кружившихся, безсильно падавшихъ, она видѣла пляшущіе памятники. Ей было грустно...

Клангъ ужиналъ, а Эва прислуживала ему. Въ комнатѣ было тускло, словно весь свѣтъ отъ лампы уходилъ въ поле. Въ углу лежала горка шапокъ. Изъ сосѣднихъ квартирокъ доносилась возня и плачъ и ругань. Было жутко и отъ черныхъ полей, и отъ кладбищъ, и отъ того, что кругомъ жили беззащитные слабые люди...

Куда идетъ ночь? Кто, скорбный, поджидаетъ ее? Чьи близкіе глаза упорно смотрятъ вдаль? Кто выйдетъ навстрѣчу и нѣжно скажетъ: „Здравствуй, ночь, я люблю тебя, ночь!“

„Онъ пришелъ“,—подумала Мара, вздрогнувъ...

Не спѣша она поднялась и оглянулась. Если бы вдругъ разлетѣться, какъ дымъ! Если бы не родиться! Въ смятеніи она набросила на себя шаль и открыла дверь. Все падалъ снѣгъ, безсмысленно кружился... Впереди и кругомъ низенькіе домики, похожіе на тьму, и въ концахъ жалкіе, жалкіе люди. О, близкіе, о, дорогіе! Въ огнѣ печали и страданья всѣхъ ихъ она видѣла, всѣхъ ихъ, ткущихъ узоры своей смерти, поверженныхъ внизъ на ледяную землю. Всѣхъ ихъ праведныхъ, замученныхъ, ослѣпшихъ въ черныхъ облакахъ жизни она видѣла и трепетныя судороги уйти вверхъ, къ теплому небу. Ихъ сердце она знала... Ихъ мольбы она знала... О, люди, о, дорогіе!

Она вышла на улицу и сказала Кройну просто:

— Я ждала тебя, Кройнъ... Пойдемъ къ кладбищамъ.

Какъ слѣпая, она взяла его руку, и такъ они пошли вмѣстѣ съ хлопьями снѣга къ пустыннымъ мертвымъ полямъ.

— Я ждала тебя,—говорила Мара, прижимаясь къ нему,—потому что люблю тебя...

— Я пришелъ за тобой..—сказалъ Кройнъ.— Городъ пылаетъ. Тамъ нужны люди съ крѣпкими сердцами, съ славной ненавистью.

— Я не пойду, Кройнъ...

— Каждый разъ ты отвѣчаешь—нѣтъ. Почему?

Всѣ юноши и дѣвушки уже вышли изъ домовъ. Они идутъ впереди...

—Я пойду на кладбище, Кройнъ. Я люблю тебя, но я пойду на кладбище...

—Что же я скажу своимъ, Мара? Я приду и меня спросятъ: „А гдѣ твоя дѣвушка, Кройнъ?“ Я отвѣчу: „Моя дѣвушка пошла на кладбище“. Надо мною будутъ смѣяться. Посмотри на городъ: тамъ разгорается пламя, тамъ разгорается пламя...

Онъ сжималъ ея руки, просилъ:

— Приходи въ городъ умереть ради людей. Тогда сорвутся крыши съ темныхъ домовъ и всѣ увидятъ свѣтъ.

— Свѣтъ, Кройнъ? Пойдемъ на старое кладбище. Я поведу тебя къ самой далекой могилѣ. Мы сядемъ на камнѣ и будемъ смотрѣть въ землю. Ты обнимешь меня и мы все увидимъ... Куда же ты уходишь, Кройнъ?

— Я пойду одинъ, Мара. Спросятъ меня, гдѣ моя дѣвушка, я скажу: „Она придетъ.“

— Она придетъ?—задумчиво спросила Мара.

— Я скажу: „Моя дѣвушка любитъ людей; она придетъ.“

— Почему же ты уходишь?—съ сожалѣнiемъ спросила Мара.—Отчего же ты не прощаешься со мной?

Она пошла вдоль стѣны стараго кладбища, одна среди мертвыхъ молчаливыхъ полей. Какъ хорошо теперь подъ землей! Падаетъ неслышно снѣгъ изъ бархатистой тьмы, и старые камни одѣваются въ мраморъ. Какъ радостно подъ теплой землей! Собрались тамъ всѣ старые и мудрые, всѣ юные и веселые, въ кружокъ и говорятъ: скоро всѣ придутъ къ намъ и станетъ тихо на землѣ. Опустѣетъ земля, солнце будетъ восходить и освѣшать горы и камни зданiй, по ночамъ звѣзды ласково будутъ глядѣть внизъ, но будетъ тихо, тихо... Ушелъ Кройнъ! Почему же онъ ушелъ? Но если тихо,—не будетъ замученныхъ, не будетъ проклятыхъ! Встанетъ солнце, зажмурится отъ радости: тихо на землѣ, тихо!..

V.

На третьемъ кладбищѣ весь день работали предавали землѣ убитыхъ! Мертвыхъ подвозили десятками, ихъ поглощали широкія ворота, а вдали тянулись новыя и новыя платформы, гдѣ вповалку лежали застывшія тѣла молодыхъ, молодыхъ...

Мара стояла у воротъ кладбища и, какъ хозяйка, встрѣчала гостей. Еще и еще! Съ сжатыми губами, молчаливая, вперивъ глаза вдаль, смотрѣла она на загадочный городъ, закутанный дымомъ. Весь день тамъ стрѣляли. Вчера стрѣляли!.. Вечеромъ стрѣляли!.. Въ живыхъ вонзали острые куски горячего желѣза! Въ людей втыкали длинные холодные куски желѣза. Въ людей плевали желѣзомъ!

Иногда она какъ бы вспоминала что-то и убѣгала на кладбище. Повсюду высились горки теплой взрыхленной земли, красные кровавые курганы, повсюду слышались рыданія и несся гнѣвъ... Какъ гончая, вбирая въ себя крѣпкій ядъ ненависти, бѣжала Мара, припадала къ кричащимъ могиламъ и снова бѣжала.

Залитые кровью, твердые и прекрасные, лежали убитые въ огромной мертвецкой. Она падала на колѣни, ползала между ними, отдавая каждому свою душу, свою скорбь, и не плакала. Ко всякому тѣлу прижималась она въ страданіи и думала: „А я, а я? Какъ сказалъ Кройнъ? Его дѣвушка придетъ? Она придетъ! Но отчего же его еще нѣтъ здѣсь?“

Ужасъ поднялъ ее. Вотъ онъ кричитъ вдали... онъ падаетъ! Она понеслась къ воротамъ и побѣжала вдоль улицы, охваченная одной мыслью. Привезутъ новыхъ. Среди нихъ будетъ его тѣло, Кройна тѣло. И она ему напомнитъ!... Она подойдетъ и шепнетъ ему на ухо: „Ты не простился со мною, Кройнъ!“ Возьметъ его прекрасную голову въ руки, прижмется къ ней и съ нѣжнымъ упрекомъ скажетъ: „Въ твоемъ тѣлѣ остыло горячее желѣзо, но отчего ты не простился со мной?“

Навстрѣчу ей тянулись платформы и гордо колыхались твердыя прекрасныя тѣла убитыхъ. По-

зади озираясь шли люди. Мара останавливала ихъ и спрашивала:

—Моего Кройна вы не привезли?

Ей отвѣчали:

—Вашего Кройна здѣсь нѣтъ, но его привезутъ.

Опустивъ голову, она шла дальше и думала съ тоской: „Его привезутъ!"

Что-то оживало вблизи города... Что-то оживало неуловимое, суровое, суровое, желѣзными когтями царапало воздухъ, и было страшно. Духъ кладбищъ! Она оглянулась, вбирая тихій ужасъ въ свою кровь... Словно трое судей стояли три кладбища, торжественно протянувъ свои тысячи рукъ поверхъ домовъ, поверхъ улицъ...

И когда вечеромъ его привезли и положили рядомъ съ другими молодыми прекрасными, она сказала себѣ:

— Ну вотъ, теперь я его вижу и спокойна. Кройнъ, я вижу тебя и успокоилась. Мое сердце переполнено гордостью!

Она подползла къ нему и нѣжно подняла его тяжелую молодую голову.

— Я люблю тебя, Кройнъ...—шепнула она ему на ухо.—Ты слышишь, Кройнъ? Да, ты слышишь! Ты прекрасно умеръ. Завтра я умру, какъ ты. Я пойду въ городъ. Клянусь...

Спокойны были черты его лица. Завтра Мара умретъ. Пусть она положитъ его голову.

VI.

Утромъ Мара вышла изъ дому, и больше ее не видѣли. Былъ свѣтлый яркій день, когда она вышла; звонили въ небесахъ и пѣли наверху торжественные голоса, когда она вышла; галки кружились надъ кладбищами, когда она вышла,—и больше ее не видѣли.

Въ городѣ она сказала:

— Я пришла къ вамъ, юноши и дѣвушки... Я сказала Кройну, что умру ради людей, и вотъ я пришла. Покажите мнѣ мое мѣсто.

Звонили на верху, въ воздухѣ скрежетали гро-

мы, и юноши и дѣвушки падали безъ стоновъ... Залитые кровью, молча падали они... И солнце свѣтило ярко!.. И солнце свѣтило ярко!.. И небеса синѣли!..

* * *

За городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и молодое...

С. Юшкевичъ.

Гаданье.

Уходила съ поля я печальная,
Гдѣ вязали дѣвушки снопы.
Гдѣ-то пѣсня замирала дальняя,
Дребезжали косы и серпы.

Проходила узкой я тропинкою,—
По бокамъ качались васильки.
Предвечерній вѣтеръ паутинкою
Щекоталъ мнѣ щеки и виски.

Сорвала ромашечку я хилую,
Загадала: любитъ или нѣтъ?
А Судьба, весны моей не милуя,
Не сулила радостныхъ примѣтъ.

Словно жемчугъ, стынущими каплями
Заструились слезы по щекамъ.
Не пойду я утромъ въ полѣ съ граблями,
Не раскину сѣна по стогамъ,

Не утѣшусь болѣ я забавами—
Безъ меня запляшетъ хороводъ!
Гибкій станъ мой оплететъ купавами,
А лознякъ молитву пропоетъ!

Александръ Топольскій.

Изъ дневника пролетарія.

Смѣняются года. Дряхлѣетъ духъ и тѣло.
Растутъ ряды могилъ былыхъ надеждъ и думъ.
Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ...

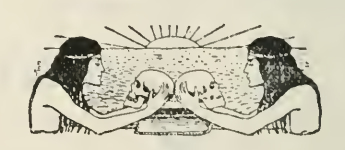
Чего же еще я жду? Какъ червь, покрытый прахомъ,—
Полураздавленный пятой моей судьбы,
Я корчусь и ползу съ тревогою и страхомъ,
Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы.

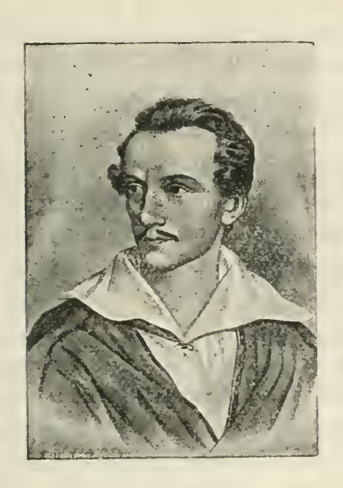
Напрасно умъ велитъ открыть безъ сожалѣнья
Пріюта вѣчнаго таинственную дверь,—
При мысли роковой душа полна смятенья:
Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.

Онъ молитъ: „Дай мнѣ жить, хоть крохами богатыхъ,
Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
Хоть жалкимъ быть шутовъ въ сіяющихъ палатахъ,
Хоть нищимъ, хоть рабомъ,—но только бъ вѣкъ продлить!..“

И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,
Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...
О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
Къ позору бытія позорная любовь!...

А. П. Колтоновскій.





Юлій Словацкій.

Ангелли.

Отрывокъ.

И такъ свершали Шаманъ и Ангелли путь по землѣ печальной, по пустыннымъ дорогамъ и по шумливымъ лѣсамъ Сибири, встрѣчая страждущихъ и утѣшая ихъ.

И вотъ, однажды вечеромъ проходили они около тихой, стоячей воды, надъ которой росло нѣсколько плакучихъ березъ и немного сосенъ.

И Шаманъ, видя, какъ рыбы выплескивались къ лучамъ вечерней зари, сказалъ: „Вотъ, видишь плотичку, что пролетѣла по воздуху и снова утонула.

„А теперь разсказываетъ сестрамъ своимъ на днѣ, что увидѣла небо и говоритъ о небѣ разныя вещи и прославится этимъ среди другихъ рыбокъ.

„И слушая повѣсти о небѣ, заплывутъ онѣ въ сѣти и завтра будутъ ихъ продавать на базарѣ.

„Не есть ли это притча о тѣхъ, которые ходятъ толпами за людьми, говорящими о небѣ,—даютъ себя поймать и потомъ бываютъ продаваемы?

„И пагубная болѣзнь, говорю я, есть печаль и чрезмѣрное созерцаніе духовнаго:

„Ибо двѣ есть печали: одна отъ силы, другая отъ немощи; одна—крылья для высокихъ людей, другая камень для тѣхъ, которые тонутъ.

„Говорю тебѣ это, ибо поддаешься печали и тратишь надежду".

И говоря такъ, подошли они къ толпѣ сибирянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ. И рыбаки увидѣвъ Шамана, прибѣжали къ нему, говоря: „Царь нашъ! ты покинулъ насъ ради чужихъ людей и печалимся мы, не видя тебя среди насъ.

„Останься съ нами эту ночь, мы приготовимъ тебѣ вечерю и постелемъ тебѣ ложе въ лодкѣ".

И сѣлъ Шаманъ на землю, а женщины и дѣти рыбацкія окружили его и задавали ему разныя вопросы, на которые Шаманъ отвѣчалъ съ усмѣшкой, ибо были они не мудры.

Но послѣ вечери, когда взошла луна и разлила свой свѣтъ по водѣ, словно устлавши серебристый путь на югъ:

Женщины и дѣти начали говорить печально; „Вотъ, ты покинулъ насъ! и не творишь болѣе чудесъ межъ нами.

„И мы стали усумняться въ вѣрѣ нашей, и даже не знаемъ теперь, есть ли въ насъ душа".

И Шаманъ отвѣчалъ на то, усмѣхнувшись: „Вы хотите, чтобы я показалъ очамъ вашимъ душу?"

И всѣ женщины и дѣти закричали вмѣстѣ: „Хотимъ! Сдѣлай такъ!"

И сказалъ Шаманъ, обратившись къ Ангелли: „Что сдѣлать мнѣ со стадомъ галокъ этихъ? Хочешь, чтобы усыпилъ тебя и, вызвавъ душу твою изъ тѣла, показалъ ее людямъ этимъ?"

Ангелли отвѣтилъ ему: „Сдѣлай такъ, какъ нравится тебѣ,—я въ твоей власти".

И призвавъ одного ребенка изъ толпы, Шаманъ посадилъ его на грудь къ Ангелли, который легъ, какъ ложатся ко сну, и сказалъ ребенку:

„Вотъ—положи свои ручки на его лобъ и позови его трижды именемъ Ангелли!"

И свершилось, что на зовъ ребенка вышелъ изъ тѣла Ангелли духъ, имѣвшій образъ прекрасный и многоцвѣтный—и крылья бѣлыя у плечъ.

И, видя себя свободнымъ, вступилъ тотъ Ангелъ на воду и шелъ по снопамъ луннаго блеска на югъ.

Когда былъ онъ уже далеко, посреди озера, повелѣлъ Шаманъ ребенку позвать душу, чтобы вернулась она.

И оглянулся свѣтлый духъ на зовъ ребенка и лѣниво шелъ назадъ по серебристымъ волнамъ, влача по нимъ края крыльевъ, поникшихъ отъ печали.

И когда повелѣлъ ему Шаманъ вступить въ тѣло человѣка, застоналъ онъ, какъ разбитая арфа и содрогнулся; но внялъ приказанью.

И проснувшись, Ангелли сѣлъ и спросилъ, что съ нимъ было.

Отвѣтили ему рыбаки: „Господинъ! мы видѣли душу твою и просимъ тебя: будешь царемъ нашимъ! ибо такимъ блескомъ, какъ душа изъ тѣла твоего, не облечены и цари китайскіе.

„И на землѣ не видѣли мы ничего свѣтлѣе, кромѣ одного солнца; и ничто не мигаетъ такъ свѣтомъ, кромѣ звѣздъ розовыхъ и синихъ.

„Крыльевъ такихъ нѣтъ у лебедей, пролетающихъ въ маѣ по землѣ нашей.

„И благоуханіе чуяли мы: словно благоухали тысячи цвѣтовъ и ландышей".

Слыша объ этомъ, Ангелли повернулся къ Шаману и сказалъ: Правда это?“ И Шаманъ сказалъ „Правда,—ты одержимъ Ангеломъ“.

„Что же“,—спросилъ Ангелли,—„сдѣлала моя душа, будучи свободной. Скажи, ибо не знаю я“.

Отвѣтилъ ему Шаманъ. „Пошла она по сребристому слѣду луннаго свѣта на водѣ и бѣжала въ ту сторону, какъ человѣкъ, который спѣшитъ“.

И заслышавъ это, опустилъ голову Ангелли и, задумавшись, сталъ плакать, говоря: „Она хотѣла вернуться въ отчизну“.

Перев. В. Высоцкій.

* * *

Изъ Юлія Словацкаго.

Ароматы слишкомъ опьяняли,
Слишкомъ ярки были жизни краски!
И ушли мы—полные печали—
Въ миръ мечты, въ обитель свѣтлой сказки...
Мы ко льдамъ альпійскимъ восходили,
Согрѣваясь кроткой лаской взглядовъ;
На ладьяхъ озерами скользили;
Отдыхали мы у водопадовъ...
Помню я: читали со слезами
Книгу слезъ поэта мы однажды;
Вечеръ шелъ надъ тихими лугами,
День къ нему клонился—полный жажды...
Мы читали... Вдругъ шепнулъ мнѣ вечеръ:
„Посмотри не ангелъ ли съ тобою!“
О, скорѣй растаять могъ бы глетчеръ,
Чѣмъ понять я—сталось чтó со мною...

Помню только, что какимъ-то чудомъ
Свѣтлый ангелъ съ темными очами
Весь расцвѣлъ, весь засіялъ лучами
Подъ моими жаркими устами—
Въ часъ, когда сверкала изумрудомъ
Даль луговъ росистыхъ передъ нами...

Аполлонъ Коринфскій.

Сынъ часовщика.

(Колыбельная).

...Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Мѣрно непрерывный шагъ,
Словно стражъ, сѣдое время,—
Отбиваетъ,
Отмѣряетъ,
И подъ стукъ часовъ пою—
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Сквозь молчащій, сонный мракъ,—
Распростерши тѣни-крылья,—
Сномъ изъ рога изобилья—
Фея ночи,
Смеживъ очи,
Нѣжитъ дѣточку мою...
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... тикъ... тикъ... тикъ...
Тамъ—отецъ твой—часовщикъ,
Повседневной полнъ заботой.
Спи, сыночекъ,
Молоточекъ
Не спугнетъ мечту твою...
Баю-баюшки-баю...

Такъ... такъ... такъ... такъ...
Трудовой отца верстакъ

Силы, зрѣнье отнимаетъ,
Но отъ голода спасаетъ,
Защищая,
Охраняя
Нашу бѣдную семью...
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Стало тихо, тихо такъ...
Сквозь прозрачное молчанье
Слышно ровное дыханье...
Черпай силы,
Мальчикъ милый,
Въ сонномъ, сказочномъ краю...
Баю-баюшки-баю.

Михаилъ Гальперинъ.

Цѣпь.

Одинъ иду, иду чрезъ площадь снѣжную
Во мглу вечернюю, легко-туманную,
И думу думаю, одну, мятежную,
Всегда безумную, всегда желанную.

Колокола молчатъ, молчатъ соборные,
И цѣпь оградная во мглѣ недвижнѣе.
А мимо цѣпи, вдаль, какъ тѣни черныя,
Какъ привидѣнія—проходятъ ближніе.

Идутъ—красивые и безобразные,
Идутъ веселые, идутъ печальные;
Такіе схожіе,—такіе разные,
Такіе близкіе, такіе дальніе...

Гдѣ ненавистные—и гдѣ любимые?
Пути не тѣ же ли всѣмъ уготованы?
Какъ звенья черныя,—нераздѣлимые,
Мы въ цѣпь единую навѣки скованы.

З. Н. Гиппіусъ.

Вл. Сырокомля. [Л. Кондратовичъ].

Сонетъ.

Изъ Вл. Сырокомли.

Я полемъ шелъ одинъ; изъ церкви недалекой
Въ вечернемъ воздухѣ дрожа пронесся звонъ,
И мнѣ казалося, что съ неба льется онъ,
Все наполняя вкругъ гармоніей широкой.

Въ моей душѣ больной, какъ бы въ пустомъ сосудѣ,
Отдался каждый звукъ со всею полнотой,—
И мой потухшій взоръ увлажился слезой,
Молитвы страстный вопль вдругъ вырвался изъ груди.

Ты, Господи Творецъ, благословилъ металлъ,
Бездушной мѣди далъ святсе назначенье,
Чтобъ звонъ ея людей къ молитвѣ призывалъ,—

И пѣснямъ дай моимъ свое благословенье,
Чтобъ въ мірѣ голосъ ихъ какъ колоколъ звучалъ
И пробуждалъ въ сердцахъ высокія стремленья.

В. Н-ая.

Старый дубъ.

Изъ Вл. Сырокомли.

Срубили старый дубъ... Суровый сынъ Литвы
Когда-то Перкуну подъ дубомъ тѣмъ молился;
На мѣсто дерева крестъ водрузили вы,
Но этотъ крестъ давно отъ бури повалился.
Зачѣмъ же вашъ Христосъ не защитилъ его?
Не разберешь теперь, что ложно и что свято...
Да, Перкуна́ народъ утратилъ своего,
А вѣру новую еще пойметъ когда-то!
Толкуютъ многіе, что больно мудрена
Та вѣра новая для дикаго Литвина...
Охъ, воротить назадъ не худобъ Перкуна́;
Съ перунами въ рукахъ намъ нужно властелина!
О кроткомъ мы Христѣ изъ вашихъ знаемъ словъ:
Нѣтъ мѣры и конца Его долготерпѣнью,
Онъ лютыхъ грѣшниковъ всегда прощать готовъ,
Лишь требуя отъ нихъ въ порокахъ исправленья.
Ну, было съ Перкунѡмъ у насъ совсѣмъ не то!
Вотъ молодецъ-то богъ! Судилъ онъ очень здраво:
Не броситъ человѣкъ порока ни за что,
Однажды повернувъ на путь грѣха лукавый.
И правда... На Литвѣ украдкой говорятъ:
Чудесно старый богъ нашъ управлялся съ нами.
Перкунъ не ждалъ—на мѣстѣ забивалъ громами,
У васъ же...—Эй, смотри, не богохульствуй, братъ...

В. Н-ая.

Прежде было лучше.

Изъ Вл. Сырокомли.

Нѣтъ! село у насъ стояло
Краше въ старину!
Да не быть порѣ бывалой:
Что не дѣвка—цвѣтикъ алый,
Что ни парень—ну!

Васъ привелъ Богъ умудриться,
А посмотришь—не спорится
Ничего-то вамъ:
На лугу цвѣты—крапива;
И чахоточная нива;
И народъ-то срамъ!

Намъ, бывало, не помѣха—
Снѣгъ и градъ съ дождемъ;
Коль работаемъ—утѣха,
А гуляемъ—такъ застрѣха
Ходитъ ходенемъ.

Нынче люди не такіе:
За работой—что больные,
Съ чарки—подъ столомъ...
А могучихъ дѣдовъ кости
Почиваютъ на погостѣ
Вѣковѣчнымъ сномъ!

Къ нимъ бреду въ морозъ и слякоть:
Выпить жбанъ медку,
По покойникамъ поплакать
И съ могилкой покалякать—
Любо старику...

Л. А. Мей.

Стѣны.

Стѣны, стѣны кругомъ—сотни, тысячи стѣнъ...
Будто склепъ, ими міръ окруженъ.
И въ нихъ гаснетъ порывъ, и могучій призывъ,
И больной, и томительный стонъ.
И напрасно въ душѣ загорается внсвь
Жажда счастья безумныхъ отрадъ...
Сумракъ злобно гнететъ; кровь по каплѣ онъ пьетъ,—
И вся жизнь, какъ нѣмой казематъ.
И безсилье, и скорбь точно камень легли
На усталую бѣдную грудь.
Духи мрака плывутъ, пѣсни злобы поютъ,
Не давая на мигъ отдохнуть.
И не видно конца этимъ скорбнымъ годамъ,
Этой жизни безъ свѣта, безъ грезъ...
А на сердцѣ печаль: сердце рвется такъ въ даль,
Въ даль, гдѣ нѣтъ ни страданій, ни слезъ.
Сердце рвется туда, гдѣ плыветъ ароматъ
Отъ душистыхъ кудрей и цвѣтовъ,
Гдѣ любовь и мечты, свѣтлый храмъ красоты,
Свѣтлый міръ вдохновенья и сновъ!

Николай Бернеръ.

Прометею.

Я внимаю мучительнымъ стонамъ твоимъ,
И съ глубокой тоскою въ груди
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелыя цѣпи твои...
О! Зевесъ былъ жестокій, безжалостный богъ,
Безпощадный во власти своей...
Но умолкни на мигъ, жертва мести слѣпой,
Посмотри на меня, Прометей!

Не укралъ я у Бога святого огня,
Не укралъ: Онъ мнѣ самъ его далъ,
И нести его къ людямъ, въ міръ рабства и тьмы,
И беречь и хранить завѣщалъ.
Не укралъ я у Бага святого огня
И не даромъ его получилъ:
И слезами своими и кровью своей
Я за этотъ огонь заплатилъ.
И донынѣ еще я плачу за него
И слезами и кровью своей,
И не коршунъ одинъ грудь больную клюетъ,—
Сотни коршуновъ, тысячи змѣй
Въ беззащитное, бѣдное сердце впились,
Рвутъ кровавыя раны мои...
О, что значатъ, въ сравненіи съ мукой моей,
Всѣ страданья, всѣ муки твои?!..

С. Г. Фругъ.

* * *

Мнѣ чудится кругомъ какой-то шорохъ странный,
Тревожно-радостный, какъ вѣянье весны.
Такъ узникъ сторожитъ свиданья часъ желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхомъ и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершитъ,
Кто образумитъ насъ, залитыхъ братской кровью.
Залѣчитъ раны всѣ и скорби облегчитъ.
„Пора!"—я слышу стонъ въ безмолвьи тяжкомъ ночи,—
„Довольно злыхъ угрозъ! Раскройся, міръ—тюрьма!"
Во мракъ вперяю я расширенныя очи:
Вотъ дрогнетъ наконецъ испуганная тьма!
Мигъ—и разсвѣтъ блеснетъ, и защебечутъ птицы

И развернется даль, заманчиво-пестра...
И крылья распахнетъ проснувшейся орлицы,
Быть можетъ, пѣснь моя...
— Скорѣй! Пора, пора!

П. Я.

Птицы и колокола.

... Черныя птицы поютъ надо мной.
Чую,—ужъ близокъ могильный покой...
Крылья во тьмѣ надо мной шелестятъ,
Въ сердце вливается ужаса ядъ...

...Какъ гимнъ похоронъ,
Какъ призрачный стонъ,
Гудятъ въ темномъ сумракѣ колокола,

И на сердце мнѣ,
Какъ въ тягостномъ снѣ,
Вся тяжесть прощанья съ землей налегла...

И только теперь,
Лишь вѣчности дверь
Открыла навстрѣчу мнѣ алчущій ротъ,

Я чую, какъ вновь
Про сны и любовь
Мнѣ жизни ликующій голосъ поетъ...

...Черныя птицы все ниже парятъ,
Вижу, какъ клювы ихъ жадно блестятъ...
Страшно мнѣ... Близится вѣчная мгла...
Плачутъ незримые колокола...

Михаилъ Гальперинъ.

Адамъ Аснькъ.

* * *

Изъ Адама Асныка.

Безъ словъ мы навсегда простилися съ тобою,
Всѣ рѣчи я сберегъ въ душевной глубинѣ,
Я говорить не могъ... Но сердца нѣтъ со мною—
Оно теперь съ тобой въ далекой сторонѣ.

Бѣлѣетъ домикъ твой подъ крышею родною,
Поютъ тамъ соловьи такъ звонко по веснѣ ..
Я отдѣленъ отъ васъ страданьемъ и тоскою,
И домъ мой далеко, и нѣтъ возврата мнѣ...

Такъ больно было мнѣ остаться безъ отвѣта!
Но все-таки я радъ, что яснаго разсвѣта,
Что жизнь твою не буду омрачать,—

Она къ тебѣ идетъ съ улыбкой молодою,
А я прощаюся съ послѣднею зарею,
Иду во тьму—и не вернусь опять!..

Ив. Бунинъ.

Semper idem.

Изъ А. Асныка.

Безсмѣнна, какъ всегда, волна живыхъ явленій,
Обыденной чредой мѣняющихъ свой видъ—
И нынче, какъ вчера, вся въ дымкѣ сновидѣній,
Готовя солнцу тронъ, заря огнемъ горитъ.
Намъ новая весна несетъ былыя чары:
И зелень, и цвѣты, и блескъ, и ароматъ,
И тѣ же хоры птицъ въ тѣни лѣсовъ звенятъ...
Слетаютъ грезы къ намъ, но грезы эти—стары!
Знакомый рядъ утѣхъ плѣняетъ намъ сердца,
Какъ будто ту же нить все тянешь изъ кудели—
И жалобы людей, и вздохи безъ конца
Среди пучины бѣдъ—всегда они не тѣ ли?
Но блескъ зари межъ тѣмъ, но чудный гимнъ весны,
И море, и земля, и неба сводъ лазурный,
Стремленье къ лучшему, жизнь молодости бурной,
Сомнѣнье и тоска, и розовые сны
И призрачной любви пріятныя оковы
Всегда такъ дороги, такъ новы!

Мих. Гербановскій.

Астры.

Изъ А. Асныка.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались,—
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечтались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былые!
Также вянутъ, блекнутъ листья
Золотые,

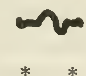
Также мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною
И шумитъ въ аллеяхъ вѣтеръ
Надо мною...

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце, озаряли
День осенній.

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонъ нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ—вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ,—
Въ блескѣ ночи!

Ив. Бунинъ.



* * *

Изъ А. Асныка.

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ темнымъ очеркомъ безмолвнаго села;
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела...

Далеко на степи... Какими косяками
Тамъ зрѣлые хлѣба раскинулись-стоятъ!
Надъ темными заросшими межами
Они степныя тайны сторожатъ...

Нѣтъ ни души кругомъ—ни звука, ни тревоги...
Спятъ матово-зеленые овсы
И жаворонокъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Обрызганъ перлами холодными росы...

Нѣтъ ни души кругомъ—зелено-серебристый
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И теплый паръ ночной и ароматъ росистый
Какъ ѳиміамъ разлились предъ зарей...

Ив. Бунинъ.

Въ паркѣ.

Изъ В. Гомулицкаго.

Бродилъ я въ паркѣ... Вечерѣло.
Качалась ольха и шумѣла;
Сквозь сѣтку мѣсяцъ полный
Глядѣлъ, какъ лебедь рѣзалъ волны,
И нетопырь кружилъ во мракѣ...
Съ села былъ слышенъ лай собаки.

Бродилъ я въ думы погруженный...
Вдали туманъ клубился сонный,
Трель соловья двоило эхо,
Шептались вѣточки орѣха,
Мракъ въ сочетаньѣ странно-рѣзкомъ.
Соединялся съ луннымъ блескомъ.

Я сѣлъ подъ ольхою въ смущеньѣ...
Огни мелькали въ отдаленьѣ,
И дымъ изъ трубъ бѣжалъ клубами,
Мерцали звѣзды надъ полями,
И тихо сны ко мнѣ слетали—
Я сѣлъ подъ ольхою въ печали.

„Весна луга обходитъ, нивы,
„Поетъ природа гимнъ счастливый,
„Нѣмѣетъ взоръ отъ восхищенья
„А человѣкъ, вѣнецъ творенья,
„Какъ прежде, бродитъ одиноко ..“
Подумалъ я въ тоскѣ глубокой.

И тополь, сладко задремавшій,
И вѣтеръ пѣну волнъ собравшій,
И струйки дыма надъ домами,
И звѣздный хоръ въ небесномъ храмѣ,
И мѣсяцъ, глянувшій случайно,
Мнѣ отвѣчали тихо: „тайна!“

Мих. Гербановскій.

* * *

Есть розы черныя, нѣмыя.
Прекрасно страшныя... Растутъ
Въ нихъ словно ужасы ночные,
И лишь въ тѣни онѣ цвѣтутъ.

Пугаютъ днемъ ночныя краски
И только ночью въ тишинѣ,
Зовутъ и обѣщаютъ ласки,
Манятъ и мучатъ при лунѣ,

Но если солнца лучъ проглянетъ,
Кричащій яркій взглянетъ свѣтъ—
Махровый кустъ пугливо вянетъ
И умираетъ черный цвѣтъ.

И ты цвѣтокъ ночной, прекрасный,
Ночная роза тишины,
Ты только ночью, ночью ясной
Цвѣтешь и будишь злые сны.

Твои глаза—дыханье мрака,
Въ нихъ страсти злая глубина
Боишься утренняго знака
И только ночью ты страшна...

Александръ Вознесенскій.

Зимнее утро.

Въ бѣлый и мягкій коверъ
Рельсы впиваются точно оковы...
Солнечный лучъ отражаютъ сурово...
Къ солнцу далекому тянется взоръ...
Сердцу такъ чужды печаль и позоръ;
Сердцу и страсти, и радости новы...
Въ бѣлый и мягкій коверъ
Рельсы впиваются точно оковы...

Въ зимнее утро прокрались лучи
Радуютъ небо и землю, и души...
Пусть ужъ ихъ ласки не такъ горячи;
Пусть и привѣтъ ихъ и тише, и глуше...
Въ бѣлую пору холодной зимы
Солнцу холодному счастливы мы...
Въ зимнее утро прокрались лучи
Радуютъ небо и землю, и души...

Свѣтомъ безбрежнымъ залитая даль
Сердце влечетъ и пугаетъ безвѣстнымъ...
Тамъ ужъ не кажется горькой печаль...
Тамъ уже міръ не покажется тѣснымъ...
Но отчего жъ? Отчего же такъ жаль...
Жаль разставаться съ путемъ этимъ крестнымъ?..
Свѣтомъ безбрежнымъ залитая даль
Сердце влечетъ и пугаетъ безвѣстнымъ...

Въ зимнее утро, при ясныхъ лучахъ
Жизнь вдругъ предстанетъ—отъ края до края...
Слезы застыли въ усталыхъ очахъ...
Боже, въ твоихъ намъ безвѣстныхъ путяхъ
Жизнь насъ гнететъ... и гнететъ... завлекая...
Въ зимнее утро, при ясномъ лучѣ,
Перстъ обозначится грозной судьбины...
Видишь невинную кровь на мечѣ...

Видишь на сердцѣ и прахъ, и морщины...
Видишь что вотъ ужъ—потухнуть свѣчѣ,
Жадной свѣчѣ непреклонной судьбины...
Съ ношей тяжелой на слабомъ плечѣ
Тихо бредешь до могилы, страдая...
Въ зимнее утро при ясномъ лучѣ
Жизнь вдругъ предстанетъ—отъ края до края...

Михаилъ Волошинъ.

Въ дорогѣ.

Тѣ же все картины...
  Цѣпь нѣмыхъ холмовъ.
Свѣжія долины
Съ зеленью кустовъ.

Небо голубое...
Боръ. За боромъ—лугъ.
Озеро нѣмое.
Камыши вокругъ.

По лугу—извивы
Голубой рѣки.
За лугами—нивы.
Рожь. Въ ней—мужики.

Вѣтерка дыханье...
Звонъ веселый косъ...
Пестрота, шуршанье
Зрѣющихъ полосъ.

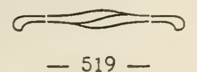
Лѣсъ. Ольха, осина,
Дубъ, да стройный кленъ.
И опять—равнина,
Ширь со всѣхъ сторонъ.

Золотясь, сверкая,
Зыблятся поля...
Это ты, родная,
Русская земля!

Ѣду,—и невольно
Средь нѣмыхъ полей
Сердце бьется вольно,
Дышитъ грудь бодрѣй.

Ѣду въ даль, мечтаю,—
И мечтамъ моимъ
Нѣтъ конца, нѣтъ краю,
Какъ полямъ роднымъ.

Павелъ Тулубъ.



Adagio.

Къ картинѣ Л. Ф. Брунингена.

Вечеръ. Какъ дымъ, разстилаются тѣни,
Темнолиловый раскинувши флеръ...
Тихо мерцаетъ игра отраженій
Въ складкахъ опущенныхъ шторъ...

Встала далекаго дѣтства картина...
Все, какъ бывало когда-то, давно...
Тихо присѣла. Открыла піанино..
Ожило снова оно...

Ноты старинныя... книга рапсодій,
Вальсы... сонатъ порыжѣла тетрадь...
Помню одну изъ сонатныхъ мелодій
Мама любила играть...

Тихо adagio звуки запѣли...
Вздохи о прошломъ... былая печаль...
Тссс... посѣдѣвшія тѣни влетѣли...
Встала забытая даль...

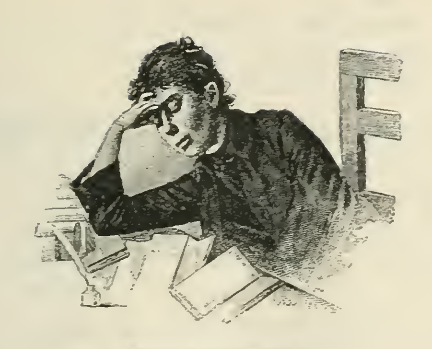
Тѣни, какъ прошлаго грустные стоны,
Тихо плывутъ... чей-то голосъ звучитъ...
Взоръ устремивъ свой безстрастный и сонный,
Время сѣдое молчитъ...

Шопотъ листвы долетаетъ осенней...
Пальцы по клавишамъ желтымъ скользятъ..
Сказку о прошломъ, средь старыхъ видѣній,
Пыльныя струны звенятъ...

Тихо столпившись, задумались тѣни...
Времени образъ безмолвенъ и гордъ...
Полный тоски и больныхъ сожалѣній,
Плачетъ послѣдній аккордъ...

. . . .

Михаилъ Гальперинъ.



Марія Конопницкая.

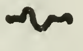
* * *

Изъ М. Конопницкой.

Какъ король шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну,
Зазвенѣли трубы мѣдныя—
На потѣхи на побѣдныя.
А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну,
Зашумѣла рожь по полюшку—
На кручину, на недолюшку...
Свищутъ пули на войнѣ,
Бродитъ смерть въ дыму, въ огнѣ;
Тѣшатъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.
Бой умолкъ, труба гремитъ.
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ
А король стезей кровавою
Возвращается со славою.
А на встрѣчу у воротъ
Шумно высыпалъ народъ,
Дрогнулъ за́мокъ града стольнаго
Отъ трезвона колокольнаго.

А какъ легъ въ могилу Стахъ,
Вѣтеръ пѣсню спѣлъ въ кустахъ
И звонилъ, летя дубровами,
Колокольцами-лиловыми.

А. Колтоновскій.

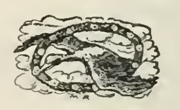


* * *

Изъ М. Конопницкой.

Кто тебя, деревня, станетъ
Въ золото рядить
И дождемъ алмазныхъ капель
Съ вышины кропить?
Кто коверъ тебѣ постелетъ
Изъ живыхъ цвѣтовъ,
Если солнышко закрыто
Сѣтью облаковъ?
Кто зажжетъ лучистымъ блескомъ
Сталь косы твоей
И въ лугахъ разбудитъ рано
Утромъ косарей?
Нѣтъ, скрывая ядъ обиды
Въ глубинѣ души,
Простоишь еще ты долго
Въ сумрачной глуши.
И немало въ темь ночную
Ты уронишь слезъ
По полямъ и по равнинамъ
Вспаханныхъ полосъ.
Но придетъ пора, я вѣрю,
Черезъ много лѣтъ,—
Дня грядущаго заблещетъ
Надъ тобой разсвѣтъ!

Е. Е. Нечаевъ.



Изъ лѣтнихъ ночей.

Изъ М. Конопницкой.

Предъ сумрачнымъ лицомъ осеребренной дали
Я повѣряю вздохъ задумчивой печали
Твоимъ, Господь, нѣмымъ звѣздамъ!

Ты видишь—спитъ земля у ногъ Твоихъ, вздыхая,
И жаждетъ хоть во снѣ, безсилье проклиная,
Взлетѣть къ далекимъ небесамъ.

Надъ головой ея роятся тихо грезы
И мѣсяцъ серебритъ пылающія слезы
Холоднымъ, медленнымъ лучомъ...

Голодный и бѣднякъ заснули сномъ безпечно—
Имъ снится лучшій міръ, гдѣ счастье безконечно,
Гдѣ радость свѣтлымъ бьетъ ключомъ...

Но лишь блеснетъ заря—о томъ Ты знаешь, Боже!
Застонутъ люди вновь въ заботахъ дня—за что же?
Заплачутъ бѣдные опять!

О, лучше бъ, лучше бъ Ты на сомкнутыя очи
На вѣки наложилъ печать мертвящей ночи—
Небытія печать!

Мих. Гербановскій.

Идиллія.

Изъ Винцентія Поля.

Черемухи пахнутъ такъ сладко, цвѣты на лугахъ
расцвѣтаютъ,
И первыя вешнія молніи гдѣ-то далеко мелькаютъ.
Весна, ты опять воротилась съ безсмертной своей
красотою!
Зачѣмъ же тебя я встрѣчаю съ такою глубокой
тоскою?

Я плачу, когда все ликуетъ. Гнететъ мое сердце утрата...
Ахъ, ласточки мнѣ не воротятъ того, чтó прошло безъ возврата.
Черемухи пахнутъ такъ сладко, щебечутъ безъ умолку птицы,
А я все томлюся душою, какъ узникъ средь мрачной темницы,
Не зная, что дѣлать съ собой и куда бы уйти отъ страданья.
Зачѣмъ такъ звенятъ соловьи? Я хочу гробового молчанья...
Зачѣмъ ты, весна, воротилась? Вѣдь ты не приносишь съ собою
Того, что погибло навѣки, безжалостной смято грозою.
Черемухи пахнутъ такъ сладко, калина покрылась цвѣтами,
Глубокое вѣчное небо блеститъ золотыми звѣздами;
Опять загремѣли ручьи, зашумѣли листвою березы,
Вѣдь свѣтлой веснѣ непонятны людскія печали и слезы...
А сердце мое все болитъ и тоска меня черная гложетъ,
Того, что зарыто въ могилу, весна возвратить мнѣ не можетъ.

В. Н-ая.

Лебедь.

Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратнсе вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью, вѣчной, примиряющей
Видѣлъ правду въ первый разъ.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Опять огни—огни воспоминаній,—
И ликъ, твой ликъ...
И въ снахъ воскресшихъ трепетаній
И скорбь, и крикъ.

Мелькнувъ, ты въ міръ иной стезей безвѣстной,
Какъ сонъ, ушла—

И дышишь радостью небесной
Вдали отъ зла.

Ты тамъ, въ лучахъ,—ты тамъ, гдѣ искрометно
Горитъ эѳиръ,
Куда стремимся безотчетно
Всѣ мы... весь міръ.

Тамъ жизнь и свѣтъ... А здѣсь?... О, здѣсь—нѣтъ счастья...
Юдоли сынъ,
Я здѣсь средь слезъ, средь мукъ ненастья,—
Одинъ, одинъ.

И вотъ къ намъ въ міръ, гдѣ звукъ оковъ желѣзныхъ
Унылъ, какъ стонъ,—
Глядитъ сюда изъ тайнъ надзвѣздныхъ
Твой ликъ, какъ сонъ.

Горятъ огни—огни лучей минувшихъ...
Къ чему? Зачѣмъ?
Нѣтъ! Сердца плачъ въ мечтахъ уснувшихъ
Пусть будетъ нѣмъ!

Павелъ Тулубъ.

Розы.

Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты;
Вѣтеръ ходитъ въ вышинѣ
И вершины шевелитъ...
Ты лепечешь нѣжно мнѣ!..
Что же сердце въ полуснѣ
Очарованное спитъ—
И на тихій твой привѣтъ
У меня отвѣта нѣтъ?..

Ты склонившись на плечо,
Въ щеки дышешь горячо,—

Но безмолвствуетъ мечта
И боятся выдать вновь

Полнозвучныя уста
Затаенную любовь...
Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты!..

Вѣтеръ ласково рѣзвясь,
Отъ куста летитъ къ кустамъ...
И уста къ твоимъ устамъ
Я клоню не торопясь...

Снится мнѣ,—что наяву
Пышной розой я живу
И склоняюся къ другой,
Ароматной и нѣмой,
И не слезы, а росу
На листы ея несу.—
И подъ сѣнью темноты
Только вѣтеръ и—цвѣты!..

К. М. Фофановъ.

Осенній вечеръ.

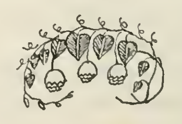
Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предвѣстье близящихся бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье—и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Подражаніе Шенье.

Чуть вѣтромъ тронуты прибрежныхъ ивъ вершины,
Сверкаютъ золотомъ плетеныя корзины.
Въ зеленомъ аирѣ—упавшей рыбы всплескъ.
Серебрянныхъ чешуй и красныхъ перьевъ блескъ.
Между березами, у струй, полунагіе
Толпятся отроки. Свѣжѣетъ. Голубыя,
Весь день сіявшія, померкли небеса.
Туманы зыблются, и падаетъ роса.
Заря весенняя пылаетъ и смѣется
За лѣсомъ. О, когда раздастся у колодца
Твой ароматный шагъ и пѣніе бадьи!
Приди, о нѣжная. Ужъ скоро ночь. Ладьи
Послѣднихъ облаковъ мерцаютъ, золотыя,
И уплываютъ вдаль. Подъ яблони густыя
Влюбленныхъ юношей и сладострастныхъ дѣвъ
Стремится томный хоръ. Подъ сѣнями деревъ,
Гдѣ пруда соннаго осеребрились струи,
Проснулись шелесты, возникли поцѣлуи.
Движенья дерзкія, безстыдныя слова,
И смѣхъ и тишина... Примятая трава
Одна останется свидѣтельницею тайны.
О, пусть ни шорохъ травъ, ни звукъ шаговъ случайный
Не потревожитъ васъ. А завтра, поутру,
Какъ мило будешь ты обманывать сестру,
Подругъ и юношей! Но взоръ поэта скромный
Не улыбнется ли твоей походкѣ томной?
Цѣвницу нѣжную ужели не плѣнитъ
Огонь твоихъ очей, грѣховный жаръ ланитъ?

Сергѣй Соловьевъ.



Вѣкъ за вѣкомъ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя вьюги
Пустынный просторъ занесли.

Краснѣетъ лукаво гречиха,
Синѣетъ младенческій ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки проходятъ, какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

А древніе пращуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.

И дальше тропой неизбѣжной,
Сквозь годы и бѣдствій и смутъ,
Влечется, суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

Валерій Брюсовъ.

Тріолеты.

Твоя застѣнчивая нѣжность—
Въ землѣ сокрытый водопадъ,
Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застѣнчивая нѣжность—
Ростущей тучи безмятежность,
Цвѣтовъ несмятыхъ ароматъ.

Твоя застѣнчивая нѣжность—
Готовый вспыхнуть водопадъ.

Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни,
Любви блаженство и безпечность.
Нѣмая царственная вѣчность
Насъ увлекаетъ въ безконечность,
И въ цѣломъ мірѣ—мы одни:
Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни.

Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!
Твое рожденье было тайной,
Любви цвѣтокъ необычайный,
Ты мнѣ блеснулъ мечтой случайной,
И я, какъ прежде, одинокъ.
Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!

Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
И мнѣ осталось сожалѣнье,
И поздней мудрости змѣя.
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя!

К. Д. Бальмонтъ.

Сатира и юморъ.

Артистъ А. Р. Артемъ.

Дѣдъ-кудесникъ.

„Дѣтки, нѣтъ ли балалайки?
Дерну стариной:
На погудки, на побайки—
Я что молодой!“
Брякнулъ дѣдушка струнами,
И пошла писать:
Кто плечами, кто ногами.
— Нѣтъ, не устоять!
Усмѣхнулся дѣдъ Завило:
— „Прахъ тебя возьми!“
Бабы, бросивъ мотовила,
Гребни,—въ три ноги.
— „Накось, тетушка!“
— „Что ты, бабушка?“
Дѣти—съ печи. Пѣсни-рѣчи
Знай себѣ гудятъ,
Струны тренькаютъ, а плечи
Дѣда говорятъ.
— „Тятька, глянька-се въ окошко:
Мама—трепака...“
— „Что ты, баба?—„Я немножко...“
— „Плюнь на дурака.“

У Вавилы на лбу мыло,—
Онъ тулупъ долой,
Сбросилъ шапку, да въ присядку
Съ мельникомъ Кузьмой.
— „Будетъ, лѣшій старичина!..
Сдохну, упаду!“
А старикъ: „коси малина!
Дѣло на ходу!“
У бурмистра пили, ѣли
Съ Питера купцы.
— „Что вы, черти, ошалѣли?“
Вышли изъ избы.
Встали, смотрятъ да хохочутъ:
— „Вотъ такъ дураки!“
Струны знай себѣ рокочутъ...
— „Али ужъ пройти?..
Эхъ, тряхнемъ!“ купецъ столичный,
Фертомъ подбочась...
А пріятель:—„не прилично,
Танецъ не по насъ.“
Самъ ногой, рукой прикинетъ,
Каблукомъ слегка...
Развернулся, да какъ двинетъ
Питеръ трепака.
— „Вотъ такъ дѣдъ! Ай, старичина!
Ты откуда, слышь?...“
— „На Руси не сиротина.
Съ вами согрѣшишь...“
— „Выпей, старче, на дорогу.
Завтра бы съ утра...“
Дѣдъ за посохъ:—„ну васъ къ Богу...
Балалайка чья?“

Н. Чаевъ.

Ученый и муха.

Въ іюльскій день, въ коморкѣ за столомъ,
Скрипя размѣренно перомъ,
Сидѣлъ профессоръ нѣкій...
Глаза нахмурены, наморщено чело,
И все вниманье въ манускриптъ ушло
Санскритскаго нарѣчья...
„Человѣки!
Почто мятетесь вы въ утомныхъ дебряхъ золъ?!
Почто забыли вы божественный глаголъ?!—
Читалъ онъ.—Горе вамъ, исчадья ада!“
И вдругъ ему на носъ,
Невѣдомо отколь, изъ лѣса или сада,
Нежданно муху Богъ занесъ...
Трудовъ достойная награда!
Взмолился мой бѣднякъ
И молвилъ такъ,
Въ смятеньи:
—О, нѣкое явленье!
Почто смутило мой покой?
Ты видишь, человѣкъ я занятой,
И развѣ же на всей поверхности земной
Удобнѣй моего не знаешь носа?
Молю, отвѣть на эти два вопроса“...
И внялъ онъ въ тишинѣ божественный отвѣтъ:
„Все—суета суетъ!“

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

Бытъ.

Реветъ сынокъ. Побитъ за двойку съ плюсомъ.
Жена на локоны взяла послѣднiй рубль.
Супругъ, убитый лавочкой и флюсомъ,
Подсчитываетъ мѣсячную убыль.
Кряхтятъ на счетахъ жалкiя копѣйки:
Покупка зонтика и дровъ пробила брешь,
А розовый капотъ изъ бумазейки
Бросаетъ въ потъ склонившуюся плѣшь.

Надъ самой головой насвистываетъ чижикъ
(Хоть птичка Божiя не кушала съ утра).
На блюдцѣ кнснетъ одинокiй рыжикъ,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка подъ кроватью ставитъ кошкѣ клизму,
Въ наплывѣ счастiя полуоткрывши ротъ,—
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичнымъ голосомъ взволнованно оретъ.

Безбровая сестра въ облѣзшей кацавейкѣ
Насилуетъ простуженный рояль,
А за стѣной жиличка бѣлошвейка,
Поетъ романсъ: „Пойми мою печаль!“...

Какъ не понять?! Въ столовой тараканы,
Оставя черствый хлѣбъ, задумались слегка,
Въ буфетѣ дребезжатъ сочувственно стаканы
И сырость капаетъ слезами съ потолка.

Саша Черный.

Слабый полъ.

Четыре дамы поѣхали въ Москву искать себѣ квартиры. Первая дама была полная и горячая и выѣхала изъ Мазилова. Вторая дама была худая и раздражительная и выѣхала изъ Царицына. Третья дама тѣлосложенія была средняго, но характера вспыльчиваго, и выѣхала она изъ Обираловки. Четвертая дама была теща, выѣхала откуда-то изъ дремучаго лѣса, дорогой поругалась съ кондукторомъ и обѣщала телелеграфировать объ этомъ министру, но обѣщанія не исполнила.

Всѣ четыре дамы знали изъ газетъ, что квартиры нынче дешевы и, выѣзжая, были спокойны и даже веселы, но дорогой впали въ сомнѣніе, выйдя же съ вокзаловъ—двѣ съ московско-нижегородскаго, третья съ брестскаго, четвертая съ неизвѣстнаго,—рѣшили, что квартиръ нѣтъ совсѣмъ, такъ какъ прилегающіе къ вокзаламъ дома заняты. Обнаруживъ поспѣшность, соотвѣтствующую критическому положенію дѣлъ, всѣ четыре дамы забыли о своемъ намѣреніи взять квартиру въ центрѣ и начали осмотръ съ окраинъ. Когда затѣмъ всѣ дамы собрались у Ильинскихъ воротъ и стали садиться въ одну конку, то были измучены и склонны къ обнаруженію дурнѣйшихъ свойствъ своего характера. Мазиловская дама потеряла обратный билетъ, пятьдесятъ копѣекъ денегъ, а, можетъ быть, и двадцать пять рублей. Она навѣрное не знала, захватила ихъ съ собой, или нѣтъ, а потому и не могла рѣшить, потеряла она ихъ или нѣтъ. Минутами она думала, что потеряла, минутами,—что не теряла. Хотя скорѣй потеряла, чѣмъ не теряла. Но, можетъ быть, и не теряла. Дама изъ лѣсу купила грушъ-безсѣмянокъ, но когда стала ѣсть, онѣ оказались кислыми яблоками, и это въ значительной степени испортило ея настроеніе. Остальныя двѣ дамы, выйдя изъ одного вокзала, одновременно входили въ однѣ и тѣ же квартиры и такъ возненавидѣли

другъ друга, что не успѣли ничего ни купить, ни потерять. Принявъ въ разсчетъ одинаковую эксцентричность причесокъ и выраженія лицъ, всѣ четыре дамы догадались о занятіи другъ друга и старались смотрѣть въ сторону, когда же случайно встрѣчались взглядами, то улыбались. Дама изъ лѣсу, впрочемъ, не улыбалась, такъ какъ не умѣла. Раньше она умѣла, но разучилась съ тѣхъ поръ, какъ выдала дочь замужъ за негодяя.

Первой вышла изъ конки именно она. Мaзиловская дама сообразила, что, вѣроятно, она знаетъ хорошую квартиру и послѣдовала за ней. Руководимыя той же догадкой, остальныя двѣ дамы послѣдовали за первыми двумя дамами и такъ какъ прыгали одновременно съ одной ступеньки и обѣ не въ ту сторону, въ какую рекомендовалъ кондукторъ, а въ ту, гдѣ остались первыя дамы, то обѣ упали.

Только ночь разлучила четырехъ дамъ, такъ какъ знакомые, у которыхъ каждая рѣшила ночевать, жили въ разныхъ концахъ. Къ этому времени мазиловская дама потеряла еще пятьдесятъ копѣекъ и носовой платокъ; и всѣ четверо повредили костюмы, такъ какъ въ самую узкую дверь старались входить одновременно и застревали.

На слѣдующее утро первой проснулась дама, неумѣющая улыбаться, и, никѣмъ не препятствуемая, нашла квартиру. Квартира была такая, какую нужно, расположена тамъ, гдѣ нужно, и очень дешево, и все это было такъ подозрительно, что дама не рѣшалась сразу дать задатокъ, а обѣщала придти еще разъ посмотрѣть Хозяинъ вѣжливо согласился.

Черезъ полчаса, руководимая инстинктомъ, въ ту же квартиру пришла мазиловская дама. Квартира была очень удобна и очень дешева, и мазиловская дама жалѣла, что нѣтъ остальныхъ дамъ, чтобы по ихъ лицу догадаться, правда ли это. Хозяинъ вѣжливо согласился, чтобы она пришла еще разъ взглянуть.

Еще черезъ полчаса онъ выразилъ согласіе

подождать царицынской дамѣ, а еще черезъ полчаса обираловской. Послѣ разговора съ послѣдней онъ подумалъ, что быть домовладѣльцемъ очень трудно, но вслухъ этого не сказалъ.

Затѣмъ, черезъ промежутки, приблизительно, въ часъ, поочередно являлись: дама изъ лѣсу, мазиловская дама, дама царицынская и дама обираловская.

Затѣмъ, еще черезъ часъ поочередно явились дама изъ лѣсу, дама мазиловская, дама царицынская и дама обираловская.

Затѣмъ еще черезъ часъ появилась дама изъ лѣсу, и хозяинъ откровенно сказалъ, что онъ думаетъ поставить ультиматумъ: если къ пяти часамъ дама не рѣшитъ, то квартира будетъ отдана другимъ.

Тотъ же ультиматумъ онъ поочередно поставилъ дамѣ мазиловской, дамѣ царицынской и дамѣ обираловской.

Ровно въ пять часовъ къ квартирѣ подлетѣли со всѣхъ сторонъ четыре извозчика. Немного замявшись въ дверяхъ, четыре дамы одновременно вошли въ квартиру и одновременно сказали:

— Беру!

Городовой, приглашенный хозяиномъ, сказалъ, что онъ здѣсь ничего подѣлать не можетъ. Второй городовой присоединился къ его мнѣнію. Только третьему удалось выманить даму изъ лѣсу крикомъ: „а вотъ еще квартира"!

И только новая ночь могла разлучить четырехъ дамъ.

Леонидъ Андреевъ.

Зеркало.

Кто въ трамваѣ, какъ акула,
Отвратительно зѣваетъ?
То зѣваетъ другъ-читатель
Надъ скучнѣйшею газетой.

Онъ жуетъ ее въ трамваѣ,
Дома, въ банѣ и на службѣ,
Въ ресторанахъ и въ экспрессѣ,
И въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Каждый день, впиваясь въ строчки,
Онъ глупѣетъ и умнѣетъ:
Если авторъ глупъ—глупѣетъ,
Если умница умнѣетъ:

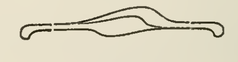
Но порою другъ-читатель
Головой мотаетъ злобно,
И ругаетъ, какъ извозчикъ,
Современныя газеты.

„Къ чорту! То ли дѣло Западъ
И испанскія газеты"...
(Кстати,—онъ силенъ въ испанскомъ,
Какъ испанская корова).

Другъ-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь,—въ немъ зловѣще меркнетъ
Кто-то хмурый и безликій?

Кто-то хмурый и безликій,
Не испанецъ, о, нисколько,
Но, скорѣе, быкъ испанскій,
Обреченный на закланье.

Прочитай: въ глазахъ-глядѣлкахъ
Много ль мыслей, смѣха, сердца?
Не брани же, другъ-читатель,
Современныя газеты...



А. В. Амфитеатровъ.

Сказка объ увертливомъ Снигирѣ и снисходительномъ Ястребѣ.

Была роща. Жили въ ней снигири и по снигириному своему нраву-обычаю, деньденьской щебетали. Одна заря ихъ сгонитъ, другая разгонитъ. И все щебечутъ. Щебечутъ о томъ, что роща уютна, гнѣзда хорошо налажены, небо сине, корма назоблено достаточно, морозы въ самую пору; что все на землѣ,—какъ Господь Богъ сотворилъ: добро-зѣло, то-есть безвредно и прекрасно, и нѣтъ подъ солнцемъ житья слаще снигиринаго. Щебечутъ,—а о-бокъ на соснѣ Дятелъ ходитъ. Слушаетъ, смекаетъ и носомъ по стволу выстукиваетъ:

— Пѣть сіе снигирямъ разрѣшается.

За начальчика въ той рощѣ—по общему положенію— Ястребъ былъ. Хорошій Ястребъ—здоровенный, сытый, неукоснительный. Нравомъ былъ не лютъ, но порядокъ любилъ. И, ради порядка,—хотя отъ природы кровожаденъ не былъ,—время отъ времени растерзывалъ котораго-либо изъ снигирей, не стѣсняя себя выборомъ. Растерзывая же говорилъ—даже съ состраданіемъ:

—Не за то тебѣ, снигирю, голову рву, что ты въ нарушенiи порядка виновенъ,—но на тотъ предметъ, чтобы тайно чающiе нарушенiй порядка, глядя на судьбу твою, ужасались.

— Мы, дяденька, ничего...—безсильно лепеталъ ущемленный снигирь.

Но Ястребъ отвѣчалъ:

— Ладно! знаемъ мы васъ! Съ насъ, братъ, тоже спрашиваютъ.

И доѣдалъ. А, доѣвъ, съ удовлетворенiемъ воздыхалъ:—Яко насытилъ еси насъ... Что дѣлать, братцы? Мѣра предупредительная!

Сказать по истинѣ, Ястребу иначе и поступать было нельзя. То есть—оно можно бы, да большую для того совѣсть надо имѣть. А большая совѣсть —и въ человѣкѣ рѣдкость, такъ не отъ птицы же ея спрашивать.

Потому что,—какъ былъ Ястребъ посыланъ въ рощу на воеводство, и откланивался онъ, дары принеся, у Сокола въ канцелярiи,—сказалъ ему Соколъ:

— У васъ въ рощѣ того... снигирей много...

— Такъ точно, ваше высоколетательство.

— Ну, и того... поютъ...

— Птицы-съ, ваше высоколетательство.

— Пѣть можно, но блюдите, чтобы не запѣвались.

Съ тѣмъ Ястребъ и отлетѣлъ. И, какъ былъ онъ неукоснительный, то имѣлъ уши на макушкѣ и глазокъ-смотрокъ. Но, сколь ни смотрѣлъ и ни слушалъ, высмотрѣть и выслушать ничего не могъ: снигири щебетали взапуски, что роща уютна, гнѣзда прекрасны, корма не избыть, небо сине, и нѣтъ подъ солнцемъ житья краше снигиринаго. И столь они къ программамъ щебета своего привыкли, что уже ничего иного и пѣть не могли. И даже, когда сквозь рощу свистала вьюга, а по небу ползли сѣрыя какъ волки, тучи,—снигири надрывались увѣренiями, что никогда еще въ рощѣ не было теплѣе, а синева неба не ласкала взора прiятнѣе. Дятелъ же, бѣгая по соснѣ, продолжалъ колотить носомъ по стволу, сверкалъ краснымъ околышемъ и стучалъ:

— Пѣть сіе снигирямъ не воспрещается.

И былъ доволенъ снигирями. А Ястребъ— Дятломъ. Соколъ—Ястребомъ. Орелъ—Соколомъ. Такъ и шло довольство вверхъ по инстанціямъ. И было все добро-зѣло, то есть безвредно и прекрасно.

Но изъ первыхъ же главъ книги „Бытія“ извѣстно, что существованія всякаго „добра-зѣла“ суть весьма краткосрочны. Такъ случилось оно и на сей разъ,—да сбудется реченное пророкомъ!

Отыскался между снигирями Снигирь—изъ снигирей снигирь. Былъ онъ, между прочимъ, тѣмъ замѣчателенъ,что хотя,—сверхъ обычнаго снигиринаго, —особаго разума и таланта Богъ ему не далъ, но дозволилъ своевременно быть пойману человѣкомъ, попасть въ клѣтку и висѣть подъ потолкомъ въ зальцѣ у чиновника Шестидесятникова. А—подъ самою клѣткою, словно нарочно, каждый вечеръ, сынъ чиновника, гимназистъ Шестидесятниковъ. садился уроки зубрить—наипаче же Словесность Стоюнина. Что есть синекдоха, что есть гипербола, что есть форма ироническая. И изъ всего, что слышалъ Снигирь изъ Стоюнина, наиболѣе понравилась ему форма ироническая.

— Аккуратъ это нашему брату, снигирю, въ пору!

Такъ что, когда однажды о Благовѣщеньѣ отворили Снигирю клѣтку и пустили его на волю —прочь летѣть, то, летя, онъ не о поэтѣ Туманскомъ думалъ и не о томъ, какое ему сейчасъ чинено благодѣяніе, но кривилъ клювъ на сторону и язвительно мечталъ въ снигирьихъ мозгахъ своихъ:

— Я вамъ теперь себя докажу. Не все добру-зѣлу по инстанціямъ кататься! А вотъ попробуйте теперь: будетъ вамъ—ха-ха-ха! иронія!

И вотъ—однажды—слышитъ Ястребъ: чирикаетъ гдѣ-то поблизости Снигирь,—и чирикаетъ въ самомъ обыденномъ родѣ, самое обыкновенное: небо сине, корму вдоволь и пр., и пр. Но есть у него въ голосѣ, есть у подлеца что-то особое, не такое, какъ у другихъ снигирей. И выходитъ отъ этого особаго, что слова въ снигирьей пѣснѣ са-

мыя хвалебныя, а между тѣмъ у Ястреба, слушая снигирью хвалу, сердце такъ и закипаетъ. Зоветъ Ястребъ Дятла:

— Это что же-съ?

Дятелъ хлопнулъ глазами, поправилъ околышъ, говоритъ:

— Пѣть сіе снигирямъ не воспрещается.

— Сіе! сіе!!..—сказалъ Ястребъ.—Знаю, что сіе. А вотъ—какъ сіе—этого вы сообразить не можете.

— Ваше крыльесверкательство,—отвѣчалъ Дятелъ,—такъ ли, не такъ ли,—было бы мнѣ приказано; а тамъ ужъ я ему, подлецу, и за такъ, и за не такъ, голову откушу—было бы только предписаніе.

—Милый мой,—возразилъ Ястребъ,—рвеніе ваше похвально. Но мы живемъ въ вѣкѣ гуманности... Чѣмъ будете вы преслѣдовать иронію? Она неуловима.

— Вы только прикажите, вашество, я ужъ ей, мерзавкѣ, завтра же желтый билетъ...

Тутъ Ястребъ понялъ, что они съ Дятломъ другъ друга не разумѣютъ. И возскорбѣлъ о невѣжествѣ его, и отпустилъ его не съ честью:

— Стыдитесь, сударь! Чтобы впередъ этого не было.

Дятелъ же—какъ вмѣсто ума отпущенъ былъ ему только красный околышъ,—вернувшись къ пенатамъ своимъ, такъ и не могъ взять въ толкъ, чего отъ него Ястребъ требуетъ. И—разъ не велѣно было ему Снигиреву головку склевать—рѣшилъ, что, стало быть, Снигирь въ секретномъ у начальства случаѣ, и что ругаетъ его воевода лишь прилику предъ птицами ради, либо—своенравную блажь свою тѣшитъ. Почему ограничился тѣмъ, что встрѣтивъ преступнаго Снигиря, лишь погрозилъ ему издали:

— Смотри у меня!

— Кажись, я, дяденька, пою...—снаивничалъ Снигирь.

— Пѣть пой, а не запѣвайся!

Искони извѣстно правило, что снисходительность—мать развращенія. Оправдалось оно и теперь.

Ибо Снигирь, удостоившись разговора съ Дятломъ, и, оставшись за то безнаказаннымъ, обнаглѣлъ.

— Пущалъ я иронію,—и ничего: голова на мнѣ осталась. Ай-да мы, снигири! Поминай своихъ, знай нашихъ! Не иначе, какъ для насъ, снигирей, новая эра открывается. И будемъ мы, снигири, вести свое лѣтосчисленіе не отъ Рождества Христова, а отъ сего достопамятнаго дня!

— Новая эра! Новая эра! Новая эра!

И не поставилъ Снигирь словъ Дятловыхъ противъ капризовъ своихъ ни въ грошъ, а залился пуще прежняго. И верещалъ онъ теперь уже самое неслыханное.

— Небо сине,—пѣлъ онъ.—Роща уютна. Корма вдоволь. Гнѣзда восхитительны. Но никто не гарантируетъ вамъ, снигири, что завтра небо не будетъ сѣро, какъ солдатская шинель, что рощу не вырубитъ купецъ Семибратовъ, что гнѣздъ не разорятъ вороны, а—что до корма... ничего! ничего! молчаніе.

Такъ изумился новому фортелю Снигиря Дятелъ, что сперва даже остолбенѣлъ и словъ не нашелъ. Сгоряча, машинально, чуть было не брякнулъ невпопадъ, по привычкѣ:

—Пѣть сіе снигирямъ разрѣш...

Но во-время спохватился и сцапалъ Снигиря зашиворотъ:

— Летимъ-ка, братъ, къ Ястребу.

— За что же? Кажется, я ничего...

— Начальство разберетъ. Пошевеливайся!

Выслушалъ Ястребъ Дятла,—воззрился на Снигиря окомъ круглымъ и недреманнымъ, но покуда еще не яростнымъ. Спрашиваетъ:

— Интонаціей дерзили?

Молчитъ Снигирь.

— О гарантіяхъ пѣли?

Молчитъ Снигирь.

— Гарантій желаете?

Видитъ Снигирь: смерть его пришла. Но, какъ былъ онъ отъ природы не глупъ и соображеніе имѣлъ скорое, то нашелся.

— Нѣтъ, говоритъ, никакихъ гарантій я не хочу и даже, если были бы гарантіи, то оными бы не воспользовался.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы... щебетали?

— Щебеталъ, — отвѣчалъ Снигирь съ мужествомъ, — не съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать и подорвать, но съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать и устроить.

Ястребъ даже крыльями развелъ:

— Не понимаю. Извольте объясниться.

— Пѣлъ я о гарантіяхъ, — говоритъ Снигирь, — отнюдь не съ тѣмъ, чтобы желать ихъ, — тѣмъ менѣе требовать; но исключительно съ тѣмъ, чтобы констатировать фактъ, что никакихъ гарантій намъ, снигирямъ, не надобно, ибо гарантіей нашей должно быть успѣшное прохожденіе по службѣ въ чинахъ обожаемаго начальника, вашего крыльесверкательства.

Удивился Ястребъ умному отвѣту Снигиря и отпустилъ его съ миромъ. И съ тѣхъ поръ ужс не вѣрилъ ничему, когда кто говорилъ ему, будто Снигирь запѣвается.

— Оставьте. Я его знаю. Онъ у меня благонамѣренный.

Снигирь же, оставаясь безнаказаннымъ, все наглѣлъ.

— Все, что предсказывалъ я, сбылось, — вопилъ онъ на всю рощу. — Небо сегодня хмуро и угрожаетъ снѣжными хлопьями. Caveant concules: мужики, нанятые Семибратовымъ, ходятъ уже съ топорами по опушкѣ. Морозы крѣпчаютъ. Послѣднія ягоды опали съ рябинъ, и черезъ двѣ-три недѣли сидѣть намъ, снигирямъ, гол...

Тутъ Дятелъ, хотя и наученный примѣромъ Ястреба снисходительности, не выдерживалъ:

— Ну, братъ, это ты ужъ врешь! — восклицалъ онъ, — этого — полусловъ вашихъ съ точками — врешь! — ужъ никакъ вамъ не разрѣшается...

Но — не успѣвалъ онъ договорить, — какъ глядь, Снигирь, и глазомъ не моргнувъ, продолжалъ пѣсню совсѣмъ въ другой тональности:

— Вотъ что ожидало бы насъ снигирей, въ ближайшемъ будущемъ, если бы мы искали какихъ-то тамъ гарантій и заполняли время фразами, вмѣсто насущнаго дѣла, состоящаго въ слѣпой и непоколебимой вѣрѣ въ благодѣянія птицъ, которыя больше насъ, когтистѣе, клевастѣе, и питаются не вегетеріанскою рябиною, но настоящими живыми снигирями. Нынѣ же, у его крыльесверкательства Ястреба за спиною живемъ мы припѣваючи и совсѣмъ намъ о себѣ безпокоиться нечего. Ибо мудростью Дятла разрѣшено намъ, снигирямъ, пѣть, но не запѣваться. И услышитъ нашу пѣсню его крыльесверкательство, г. Ястребъ,—доложитъ о нуждишкахъ нашихъ Соколу, Соколъ—Орлу... Радостно! Такъ оно дѣло-то и покатится добро-зѣло по инстанціямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Ястребъ слышалъ пѣсню и, хотя никакихъ дѣлъ вверхъ по инстаціямъ не пускалъ, однако ему было лестно, что величаютъ его способнымъ на оное.

— Добрый я! думалъ онъ,—правъ Снигирь: добрый!

И Дятлу говорилъ:

—Вы ужъ со Снигиремъ-то не очень... Онъ горячъ, но преданъ.

Но Дятелъ былъ насчетъ щебетанія староверъ:

—Помилуйте, ваше крыльесверкательство! Первый бунтовщикъ.

Но Ястребъ возраженій не любилъ.

—Я ска-залъ, сударь.

И щебеталъ Снигирь безпрепятсвенно. Чуть солнце красное взойдетъ, онъ сейчасъ встрепыхнется и защебечетъ къ снигирямъ:

—Ахъ, какъ намъ, снигирямъ, въ этой гнусной и голодной рощѣ жить омерзительно! Дивлюсь, какъ мы всѣ еще не передохли!

А, отпѣвъ, поворачивался къ Дятлу и Ястребу, дѣлалъ книксенъ и щебеталъ заново:

— Но всѣ наши непріятности для насъ не въ тягость, а въ сладость, когда мы, снигири, чувствуемъ на себѣ недреманное око благопопечительна-

го начальника. Ибо непріятности преходящи,—начальникъ же пребудетъ съ нами навсегда.

То на лицо споетъ, то на-изнанку. И допѣлся такимъ манеромъ до великой славы. И всѣ снигири о немъ говорили:

—Ухъ, смѣльчакъ! Вотъ оно, братцы, что настоящимъ-то свободомысліемъ называется.

А Ястребъ цвыркалъ:

— Кабы между снигирями было побольше такихъ, какъ этотъ Снигирь,—сыновъ отечества!

И до того въ своей благосклонности къ Снигирю дошелъ, что началъ даже, чрезъ Дятла, дѣлать ему внушенія:

— Слышалъ я, будто запечалилась роща, что рябина съ вѣтокъ пообвалилась,—клевать птицамъ нечего. Такъ того... скажите Снигирю, чтобы утѣшилъ. Хожу я теперича по инстанціямъ, чтобы разрѣшено мнѣ было обвалившуюся рябину съ земли подобрать и приклеить на вѣтви обратно гуммиарабикомъ.

И Снигирь гремѣлъ,—оборотясь къ снигирямъ:

— Печальная, сухая дѣйствительность нашего безрябиннаго существованія...

Оборотясь къ Ястребу:

Какъ мы и ожидали, оросилась радостнымъ дождемъ теплаго начальственнаго гуммиарабика...

И вновь хвалили Снигиря.

— Вотъ это либералъ!—говорили снигири. Ястребъ же восклицалъ:

— Преполезное животное!

И лишь Дятелъ продолжалъ хмуриться, ибо былъ старовѣръ.

Пѣлъ Снигирь и чувствовалъ себя общественнымъ героемъ. Когда же удостоился внушеній, то, по тщеславію своему, началъ даже воображать:

— А, вѣдь, сталъ я птица—можно сказать—государственная!

И когда Дятелъ, для проформы,—грозилъ ему:

— Больно, братъ, прытокъ: смотри ты у меня!

Снигирь только фыркалъ.

— Врешь, старикъ! пугай дураковъ! А мы знаемъ, что знаемъ: мы птицы нужныя.

И былъ не совсѣмъ неправъ. Потому что— сколько ужъ разъ Дятелъ Ястреба со слезами молилъ:

— Ваше крыльесверкательство! позвольте нахала унять!

Но снисходительный Ястребъ только кривился и цѣдилъ:

— Мм... оставьте... Каналья популяренъ.

Возвѣстилъ Снигирь снигирямъ, что до новой рябины—старую будутъ къ вѣткамъ гуммиарабикомъ приклеивать. Возвѣстилъ, что особымъ циркуляромъ приказано отъ Ястреба морозамъ, чтобы температура отнюдь не падала ниже пяти градусовъ. Возвѣстилъ, что образованъ особый отрядъ изъ воронъ и филиновъ, чтобы разгоняли на небѣ тучи крыльями, и было бы снигирямъ всегда синее небо видно... И, хотя ничего изъ того, что возвѣщалъ онъ, не исполнялось, однако многіе снигири его съ удовольствіемъ слушали, потому что каждое возвѣщеніе свое начиналъ онъ жалобою:

— Ахъ, снигири, сколь горько наше настоящее!

А потомъ уже переходилъ къ щебетанью объ иллюзіяхъ сладкаго будущаго. И срывалъ аплодисменты.

Но, увы! находились между снигирями и скептики. И однажды—когда, поговоривъ съ Дятломъ, сталъ Снигирь гремѣть по рощѣ, что не сегодня-завтра будетъ дозволено прозябшимъ снигирямъ заполевать въ рощѣ медвѣдя и перешить шкуру его себѣ на шубы,—то, вмѣсто ожидаемыхъ и привычныхъ аплодисментовъ, кто-то безъ церемоніи крикнулъ ему:

— И все-то ты врешь, все-то врешь... Ахъ, балалайка безструнная!

Однако, Снигирь былъ еще такъ увѣренъ въ себѣ, что не сконфузился и возразилъ съ наглостью:

— Анъ не вру, а изъясняю предначертанія.

Но авторитетъ его, тѣмъ не менѣе, былъ уже поколебленъ.

А вскорѣ призвалъ его Ястребъ предъ ясныя очи свои и сказалъ:

— Милый мой, я вами недоволенъ.

— Ваше крыльесверкательство...

— Въ виду нѣкоторыхъ вашихъ заслугъ, я не глотаю васъ,—но берегитесь!

— Ваше крыльесверкательство! я ли не стараюсь?

— Стараетесь, но... эти вѣчныя вступленія о дѣйствительности... зачѣмъ?!

— Ваше крыльесверк...

— Дѣйствительность печальна,—ну, и Богъ съ нею: не надо печальнаго. Отмѣнимъ дѣйствительность и станемъ уповать. Упованіе есть мать будущаго. Будущее радостно,—и радуйтесь. Радуйте и радуйтесь. Прошу насъ—чтобы впредь безъ дѣйствительности!

— Ваше крыльесверкательство, никто слушать не станетъ.

— Это ваше дѣло.

— Никто вѣрить не захочетъ.

— Ваше дѣло.

— Я всю публику разгоню и останусь безъ единаго слушателя.

— Ваше дѣло.

Отлетѣлъ Снигирь безъ всякаго удовольствія. Всю ночь не спалъ, пріятелю Чижику скорбь изливалъ:

— Вотъ оно—каково свободомысліе-то наше! Ну, что я, при такихъ условіяхъ, завтра щебетать буду?

Но Чижикъ, какъ былъ птица хладнокровная, только пилъ на Фонтанкѣ водку и безразлично лепеталъ:

— Что ни что, а щебечи. Потому такое твое сословіе.

Утро, какъ на грѣхъ, встало сѣрое-пресѣрое. Снѣгъ валитъ хлопьями, сугробы нагребаетъ. Всѣ гнѣзда, дупла, застрѣхи запорошило. Нахохлились птицы, дрожатъ, съ голодухи клювами щелкаютъ, зобы у нихъ подтянуло... злы... смертушка!...

Видитъ все это Снигирь, сердце у него черною желчью кипитъ,—ухъ, закатилъ бы онъ пѣсню! ухъ, хорошо бы тутъ на весь птичій міръ гражданскую скорбь запалить! Да какъ вспомитъ: „ваше дѣло“,—такъ у него языкъ къ гортани и прилипнетъ. А птицы ждутъ.

— Что это Снигирь у насъ сегодня оплошалъ? Пѣть не поетъ, а только топчется съ заминкою.

— Пой!—Чижикъ понукаетъ,—пой, братъ! Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовъ! Noblesse oblige!

А какъ тутъ запоешь,—ежели—куда Снигирь ни взглянетъ,—анъ, Дятелъ летаетъ и—будто ничего не видитъ, не слышитъ,—только краснымъ околышемъ поблескиваетъ.

— Пой!

— Чортъ съ ними, подумалъ Снигирь.—Не лѣзть же мнѣ къ Ястребу прямо въ зобъ. Запою-ка я имъ ту же пѣсенку, что всегда,—только прямо со второй половины. И впрямь: ну, ее къ бѣсу, дѣйствительность! Своя рубашка ближе къ тѣлу: хороши будутъ и съ иллюзіями!

И запѣлъ:

— Завтра будетъ дивный день. Температура +18° по Реомюру. Небо сине, солнце сіяетъ...

— Врешь! крикнула ему съ ближайшаго куста Синица.

— Завтра всѣ мы вдоволь наклюемся рябины, приклеенной для насъ предусмотрительнымъ Ястребомъ къ вѣтвямъ, черезъ посредство гуммиарабика...

— Подхалимъ!—чирикнула изъ дупла Овсянка.

— Наши молодые снигири уже выслѣдили медвѣдя, единоборство съ которымъ завтра доставитъ намъ теплыя шубы, обѣщанныя благодѣтельнымъ Ястребомъ.

— Лакей и шпіонъ!..—пискнулъ Воробей.

— Завтра наши зобы будутъ набиты. Наши гнѣзда превратятся въ мягкія постели съ пружинными матрасами. Наши...

Но дальше пѣть ему не пришлось, потому что всѣ птицы въ голосъ закричали:

— Какое подлое издѣвательство!

А Галка налетѣла было даже дать Снигирю хорошую таску, но была удержана Синицею:

— Оставь! Охота связываться? Развѣ не видишь? Agent provocateur!

И тогда всѣ птицы отъ Снигиря разлетѣлись, и остался онъ самъ другъ съ вѣрнымъ Чижикомъ, и плакался ему въ зеленый жилетъ.

— За что они меня такъ? Я ли еще не либералъ?

Чижикъ же, въ полной откровенности, утѣшалъ его:

— Конечно, либералъ. Самый настоящій либералъ. Нынче этакими, какъ ты, либералами, всѣ заборы подпираютъ. А о томъ, что глупыя птицы тебѣ хвосты показали, не печалься много: это онѣ отъ неразвитости. Зато Ястребу угодилъ, и Дятелъ тобою доволенъ будетъ.

И—легокъ на слово: едва сказалъ,—глядь, Дятелъ тутъ, какъ тутъ, и—въ самомъ дѣлѣ—Снигиря къ себѣ подманиваетъ.

— А пожалуйте-ка сюда! Ступай, Варвара на расправу.

— Дошло,—говоритъ Дятелъ,—до свѣдѣнія его крыльесверкательства г. Ястреба, что вы сегодня цѣлое утро смущали птичьи стаи, внушая имъ несбыточныя иллюзіи. Чѣмъ можете вы оправдать свое поведеніе?

— Иллюзій,—лепечетъ Снигирь,—не внушалъ, но, въ согласіи съ программой, изъяснилъ предначертанія.

— Это—на завтра-то?!

Оробѣлъ Снигирь.

— Какія же вы имѣли на то полномочія?

Я... вы... мнѣ...

Посмотрѣлъ на него Дятелъ съ омерзѣніемъ и прошипѣлъ одно только слово:

— Анархистъ!

И велѣлъ отвести Снигиря ко игемону.

А, какъ вели его ко игемону, вороны, совы, сороки злорадно смѣялись и каркали:

— Анархиста поймали! Наказывать ведутъ. Самого Грингмута изъ Москвы въ палачи выписали.

— То-то накладетъ!

Синицы же, овсянки, чижи, галки—съ другой стороны—надрывались:

—Подхалимъ! лакей! шпіонъ! шпіонъ!! шпіонъ!!!

Ястребъ же, видя и слыша это, понялъ, что Снигирь потерялъ популярность сѣмо и овамо, а потому не сталъ съ нимъ долго растабарывать. Онъ лишь посмотрѣлъ на Снигиря и сказалъ:

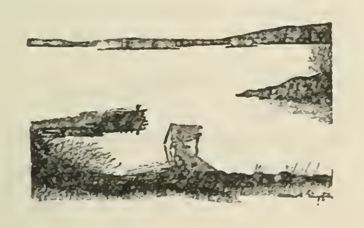
— Ты это что же?

И такъ безошибочно - неукоснителенъ былъ зракъ его, и такія ироническія ноты прозвучали въ голосѣ, что у бѣднаго Снигиря сразу вылетѣли изъ памяти всѣ мысли и слова, которыми онъ собирался себя защищать. Онъ затрепыхался крыльями, поникъ головкою на красный жилетъ, и... имѣлъ силы лишь пролепетать:

— Я, ваше... я... ничего...

И были то послѣднія слова Снигиря, и— какъ жилъ онъ „ничего", такъ и не осталось отъ него „ничего". И до сихъ поръ — ни исторія птичья о немъ, ни даже самъ онъ, на томъ свѣтѣ порхаючи, —никакъ разобрать не могутъ: кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, онъ прожилъ вѣкъ? Анархистомъ? Лакеемъ? Или... и впрямь—только несчастнымъ, захудалымъ, самопризнающимся „ничего"?!

А. В. Амфитеатровъ.



* * *

Высока луна Господня.
Тяжко мнѣ.
Истомилась я сегодня
Въ тишинѣ.

Ни одна вокругъ не лаетъ
Изъ подругъ.
Скучно, страшно замираетъ
Все вокругъ.

Въ ясныхъ улицахъ такъ пусто,
Такъ мертво.
Не слыхать шаговъ, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая въ тревогѣ,
Жду я бѣдъ.
Слабо пахнетъ по дорогѣ
Чей-то слѣдъ.

Никого нигдѣ не будитъ
Быстрый шагъ,
Жданный путникъ, кто жъ онъ будетъ,—
Другъ иль врагъ?

Подъ холодною луною
Я одна.
Нѣтъ, не въ мочь мнѣ,—я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томитъ меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Ѳ. Сологубъ.

Артистка Литовцева.

Въ гостяхъ.

Холостой стаканчикъ чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стѣнѣ босой Толстой.
Добросовѣстно скучаю
И зеленую тоску
Заѣдаю колбасой.

Адвокатъ ведетъ съ коллегой
Спеціальный разговоръ.
Разорвись—а не поймешь!
А хозяйка съ томной нѣгой,
Устремивъ на лампу взоръ,
Поправляетъ бюстъ и брошь.

„Прочитали Метерлинка?“
— Да. Спасибо. Прочиталъ...
„О, какая красота!“
И хозяйкина ботинка
Взволновалась, словно шквалъ.
Лжетъ ботинка, лгутъ уста...

У рояля дочь въ реформѣ,
Взявъ разсѣянный аккордъ,
Стилизованно молчитъ.
Старичекъ въ военной формѣ
Прежде всѣхъ побилъ рекордъ—
За экранъ залѣзъ и спитъ.

Толстый докторъ по ошибкѣ
Жметъ мнѣ ногу подъ столомъ.
Я страдаю и терплю.
Инженеръ зудитъ на скрипкѣ.
Примирясь и съ этимъ зломъ,
Я и бодрствую, и сплю.

Что бы вслухъ сказать такое?
Ну-ка, опытъ, выручай!
„Попрошу... еще стаканъ"...
Ѣмъ вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, какъ истуканъ.

Саша Черный.

Крамольникъ.

На усадьбѣ небогатаго
Мѣщанина Суковатаго
Цѣлый годъ на черствой корочкѣ,
Одинокъ, что кротъ въ каморочкѣ,
Жилъ онъ жизнію пустынника
И, порой, изъ-за полтинника,
Для кромольницы-редакціи
Относительно реакціи,
Какъ умѣлъ, мыслишки грѣшныя
Воплощалъ въ стишки потѣшные.
Не вступалъ ни съ кѣмъ въ бесѣдушки,
И сочли тогда сосѣдушки

Молчаливаго подвижника
За злодѣя чернокнижника,
Проболталися духовнику.
Ну, а тотъ развилъ исторіи,
И жандармскому полковнику
Изъ духовной консисторіи,
На разсвѣтѣ, въ воскресеніе
Сдалъ въ пакетѣ донесеніе:
— Симъ, о, ваше благородіе!
Доношу, что на угодіи
Мѣщанина небогатаго
Валентина Суковатаго
Такъ примѣрно: годъ безъ малаго,
По оплошности хожалаго,
Поселилась личность скромная,
Молчаливая, но темная,
Чрезвычайно осторожная,
Сирѣчь неблагонадежная,
Что изъ дѣла выясняется.
Ниже вкратцѣ поясняется
Актъ довольно обвинительный:
Что де личности сомнительной
Ономняся прихожанину
Силѣ Карпову Сусанину
Было выдано двѣ книжицы,
Гдѣ отъ азу и до ижицы
Въ изложеньи поэтическомъ,
Но отнюдь не назидательномъ,
О движеньи политическомъ
И о времени карательномъ
Мысль проводится крамольная,
Нелегальная, подпольная!!
И, къ тому же, личность темная
Не честитъ завѣта сродниковъ,
Ѣстъ постомъ всегда скоромное
И не вѣруетъ въ угодниковъ;
Не бываетъ въ день торжественный
У литургіи Божественной...
На свободѣ, ради праздника,
Доношу на безобразника
Во шестое новолуніе,

Утромъ третьяго Іюнія
Въ день Святый Пятидесятницы.
Іерей Лука отъ Пятницы.

Василій Болычевъ.

Кошмаръ среди бѣла дня.

Солнце жжетъ. Вдоль троттуара
Подъ эскортомъ пепиньерокъ
Вотъ идетъ за парой пара
Блѣдныхъ, хмурыхъ пансіонерокъ.

Цѣпью вытянулись длинной,
Идутъ медленно и чинно—
Въ скромныхъ, черненькихъ ботинкахъ,
Въ снѣжнобѣлыхъ пелеринкахъ...

Шляпки круглыя, простыя,
Заплетенныя косицы—
Точно все не молодыя,
Точно старыя дѣвицы.

Глазки вылупили глупо,
Спины вытянули прямо.
Взглядомъ мертвымъ, какъ у трупа,
Смотритъ классная ихъ дама.

„Mademoiselle Nadine, tenez vous
„Droit“... И хмуритъ брови строже.
Внемлетъ скучному напѣву
Обернувшійся прохожій...

Покачаетъ головою,
Удивленно улыбаясь...
Пансіонъ ползетъ, змѣею
Между улицъ извиваясь.

Андрей Бѣлый.

Знакомое.

Она пришла съ мороза,
    Раскраснѣвшаяся,
Наполнила комнату
Ароматомъ воздуха и духовъ,
Звонкимъ голосомъ
И совсѣмъ неуважительной къ занятіямъ
Болтовней.

Она немедленно уронила на полъ
Толстый томъ художественнаго журнала,
И сейчасъ же стало казаться,
Что въ моей большой комнатѣ
Очень мало мѣста.

Все это было немножко досадно
И довольно нелѣпо.
Впрочемъ, она захотѣла,
Чтобъ я читалъ ей вслухъ Макбета.
Едва дойдя до „пузырей земли“,
О которыхъ я не могу говоритъ безъ волненія,
Я замѣтилъ, что она тоже волнуется
И внимательно смотритъ въ окно.

Оказалось, что большой пестрый котъ
Съ трудомъ лѣпится по краю крыши,
Подстерегая цѣлующихся голубей.

Я разсердился больше всего на то,
Что цѣловались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Александръ Блокъ.

* * *

Муза! взвейся быстрой птицею,
Поглядимъ, что за границею...
Вонъ раскинулась Германія,
Вонъ Америка, Британія,
Вонъ Шотландія, Ирландія,
Вонъ рабочая Голландія,
Вонъ и Франція красивая,
Просвѣтленная, счастливая.
Все парламенты свободные,
Все правительства народныя
И, взамѣнъ лихой полиціи,
Всюду вводятся милиціи.
Муза, полная страданія,
Мнѣ сказала сквозь рыданія:
Что жъ у насъ-то нѣтъ свободнаго
Управленія народнаго?
Есть министры—да неважные;
Есть свободы—да бумажныя...
Много мрака, много холода,
Недовѣрія и голода.
—Ну, не плачь же моя милая;
Что чужбина намъ постылая?
Наша Русь—самодержавная,
Русь святая—православная,
Въ горѣ, въ рабствѣ молчаливая
И въ работѣ терпѣливая,
Много въ ней есть вѣры пламенной,
Много храмовъ въ Бѣлокаменной,
На поляхъ бурьянъ качается,
Виннымъ лавкамъ счетъ теряется...

Красиковъ.

Lolo [Л. Мунштейнъ].

Мы свободны.

Мы свободны! жизнь прекрасна!
Братства, равенства поборникъ
Путь свершаетъ безопасно—
Если дремлетъ старшій дворникъ.

Мы свободны! Силу, крылья—
Намъ дала свобода слова...
Не боимся мы насилья—
Если нѣтъ городового.

Мы свободны! Прочь, невзгода!
Дождались зари желанной...
На Руси царитъ свобода—
Подъ усиленной охраной!

Мы свободны! Мощь народа,
Разумъ, сердце — все въ движеньи.
На Руси царитъ свобода—
На военномъ положеньи!

Lolo.

У оракула.

У оракула Дельфійскаго
Разрѣшить хотѣлъ я здраво
Положенія скиѳійскаго
Государственнаго права.

Обратился къ дряхлой Пиѳіи,
Чтобъ она чрезъ Аполлона
Для меня о власти въ Скиѳіи
Разузнала у Платона.

Мнѣ сейчасъ же было велѣно
Стряпать жертвоприношенье.
А старуха надъ разсѣлиной
Стала нюхать испаренье.

Долго вѣры полнъ возвышенной
Я чадилъ священной жертвой,
Наконецъ слова: „услышаны
И вопросъ твой, и примѣръ твой".

Знаетъ мудрость Елисейская—
Геродотъ съ Платономъ оба,
Что страна гиперборейская
Управляется... особо...

Красный.

Оселъ и Соловей.

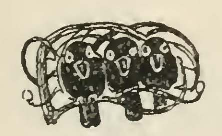
Пародія.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему:
—„Послушай-ка, почтенный,
Ты, говорятъ, пѣвецъ отмѣнный.

Хотѣлъ бы я услышать твое пѣнье,
Чтобъ высказать о немъ свое сужденье;
Я опытный судья, въ искусствѣ я знатокъ,—
Я слышалъ множество пѣвцовъ:
И попугаевъ, и сорокъ,
И разныхъ ласточекъ и совъ,
И голосистыхъ пѣтуховъ.
Но вотъ съ тобой, мой другъ, признаться,
Не приходилось мнѣ встрѣчаться.
Пожалуйста, мой милый, не робѣй,
И что-нибудь намъ спой, любезный соловей!
На рѣчь ослиную въ отвѣтъ
Запѣлъ восторженно поэтъ.
И пѣснь его была полна любви, свободы...
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры...
И прослезились неба своды...
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
Махнувъ ушами и хвостомъ,
Сказалъ:
—„Поешь ты важно, очень внятно,
Но пѣснь твоя мнѣ что-то непонятна...
Беретъ сомнѣніе меня,
Ужъ нѣтъ ли въ этихъ пѣсняхъ непонятныхъ
Какихъ-нибудь идей превратныхъ?
Поешь прекрасно ты, и голосъ звученъ твой,
Да надобенъ надзоръ, мой милый, надъ тобой.
Городовой! Свести въ участокъ соловья!
Тамъ разберутъ, братъ, эти пѣсни
И ужъ найдутъ, хоть ты тамъ тресни,
Законъ для всѣхъ твоихъ идей“.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Н. П. Тарновскій.



Обыденность.

Любовники.

По вечерамъ съ фельдшерицей
Гулящій,
Дѣвицей
Жалкою,—

Помавающій
Палкою,—

Села скромный житель,
Задорный,
Горбатый
Учитель—
Рѣшилъ всѣ вопросы,—
Черный
Длинноносый—

Учитель сельскій
Бѣльскій!!

* * *

„Цвѣты мои,
Цвѣтики,
Вы не знаете,
Любимые—

Вы не знаете
Ариѳметики!!"

* * *

Небеса потухаютъ
Хрустальныя.

Вопросы они изучаютъ
Соціальные
Вмѣстѣ—
Бакунина
Подарилъ онъ невѣстѣ.

Но втунѣ она
Прочитала Бакунина.

Ахъ, она ему снится!
Ахъ, сердце его, будто ножикомъ
Изранено!

Но топорщится ежикомъ
Фельдшерица
Галанина.

* * *

Васильки лазурными вѣнчиками
На влюбленныхъ киваютъ.

Изъ оврага кони бубенчиками
Закипаютъ,—
И помѣщикъ качается
Мимо нихъ въ тарантасѣ...

А. Бѣлый.

Пѣсенка нѣкой птички.

Крылья—бѣлы съ черной рябью,
Голосъ силенъ и красивъ,—
Ахъ! не пѣть бы пѣсню рабью
На заказанный мотивъ!

А попробуй, звуки ввѣрь я
Зову сердца своего—
Окарнаютъ живо перья,
Да и голову... того...

Оттого-то мощнымъ клювомъ
Осторожно я стучу:
Про пустякъ всегда спою вамъ,
А о важномъ—промолчу.

Красный.

Пародія.

Не похожъ я на пѣвца.
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рожденъ.
Я—силенъ!

Скиталецъ.

Мнѣ вмѣсто головы дала природа молотъ,
Не сердце въ грудь, а горнъ, не руки, а клещи.
Въ безумной роскоши тонулъ вашъ гнустный городъ,
А я ѣлъ щи!..

* * *

Къ вамъ, трупы впалые, прогнившіе колосья,
Я вдругъ упалъ, какъ громъ, покрывъ вашъ совій визгъ,
И кузнеца девизъ въ поэзію принесъ я:
Бей въ дрызгъ!..

* * *

Вампиры-богачи, удавы, змѣи, жабы,
Вы пролетарія затискали въ норы!..
Отрыжка сатаны, какъ васъ спихнуть пора бы
Въ тартарары!!!...

А. Измайловъ.

Сказка для дѣтей.

Стали зайцы размножаться,
Стали зайцы собираться,
Стали зайцы помышлять,
Какъ имъ впредь существовать.
Но у куцаго народа
Былъ въ ту пору воевода;

И, какъ видно, не былъ геній,
Не любилъ онъ размышленій—
Благо видѣлъ въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода!

Воевода былъ медвѣдь.
И давай онъ тутъ ревѣть:
— Какъ вы смѣли собираться,
Какъ вы смѣли въ кучи жаться!
Только лапой наступлю—
Раздавлю, не потерплю!
Стыдно, зайцы! Распустились,
Размечтались, развратились!
Будетъ вамъ ужо свобода!
Кахи-кахи воевода.

— Я, недаромъ, старъ и сѣдъ
И люблю—хемъ! хемъ!—балетъ.
Нс кургузая порода
Косоглазаго народа,
Но собранія, но кучки
Требуютъ примѣрной взбучки.
Съѣмъ — и знайте то заранѣ—
Чрезъ десятого въ сметанѣ.
Благо вижу въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.

Зайцы въ потѣ блѣдныхъ лицъ
Предъ медвѣдемъ пали ницъ,
Пали ницъ и оробѣли
И сказать едва посмѣли:
— Мы народъ вѣдь сѣрый, куцый,
Намъ не надо конституцій,
Но у насъ желудки пусты,
И хотѣли бъ мы капусты,
Если благо въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.

Воевода помоталъ
Головою и сказалъ:
— Зайцы вегетеріанцы,
Можетъ быть, не вольтерьянцы,
Посему и потому,
Сообразно ихъ уму,
Разрѣшить имъ въ самомъ дѣлѣ,

Чтобъ они капусту ѣли,
Если благо въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.
Объявляю: „сей народъ
Можетъ прыгать въ огородъ".—
При такомъ благоволеньѣ
Зайцы впали въ умиленье.
Зайцы плакали навзрыдъ,
Обуялъ ихъ велій стыдъ...
Но желудки ихъ все пусты:
Въ огородѣ нѣтъ капусты,
Даже нѣтъ и огорода...
Кахи-кахи воевода!

О. Ядовитнинъ.

Старая погудка на новый ладъ.

Въ селѣ, задавъ кому-то взбучку,
Съ любезнымъ писаремъ подъ-ручку
И съ мирной шашкой на боку
Пришелъ урядникъ къ мужику,
И говоритъ, что праздникъ близко...
Мужикъ, поклонъ отвѣсивъ низко,
Спросилъ, чѣмъ можетъ онъ служить,
Чтобы съ начальствомъ въ мирѣ жить?...
Друзья возвысивъ голосъ строже,
Сказали съ пасмурнымъ лицомъ,
Что въ Божій праздничекъ мясцомъ
Имъ разговѣться надо тоже...
Прервавъ соображеній нить,
Мужикъ промолвилъ добрымъ людямъ:
— Когда скотину будемъ бить,
Такъ вашу милость не забудемъ!..

А. Ивановъ-Классинъ.

„И туда“...

И туда—на грань Камчатки—
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британскихъ кораблей.
И приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.

И, прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ;
Гости странные похожи
На людей—такой же видъ!
Только чуденъ ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ,—
Въ гости ѣдутъ—незнакомы,
И пріѣхавъ, мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ!
Огнедышащихъ орудій
Навезли—дымятъ, шумятъ!
—„А вѣдь все же это—люди“.—
Камчадалы говорятъ.
—Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй.

И дикарь въ недоумѣньѣ
Слышитъ странное велѣнье:

—„Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?“
И ушамъ своимъ не вѣря,

—„Нѣтъ,—сказалъ:—стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью“.

В. Бенедиктовъ.

Судъ.

Они вошли на бѣлыхъ ножкахъ,
Былъ сухъ исписанный ихъ взглядъ.
Всѣ были въ синенькихъ обложкахъ—
Оффиціальный ихъ нарядъ.

Мнѣ поклонившись церемонно,
Мертвящимъ шелестомъ своимъ
Прочли казенно, монотонно,
Что буду ими я казнимъ.

И потирая руки жадно,
Ладошки плоскія свои
Ко мнѣ приблизили злорадно,
На тѣло кипой налегли,

Боками, колкими, какъ пилы,
Мнѣ грудь разрѣзали, хрустя,
Но принялись сперва за жилы,
Самодовольно шелестя.

Содрали кожу, кровь смотрѣли,
До сердца быстро добрались,
Возились долго и безъ цѣли,
За мозгъ и черепъ принялись.

Кололи кости, мозгъ пилили,—
И все такъ мертво шелестя,
Меня за то они казнили,
Что былъ не изъ бумаги я.

Леонидъ Семеновъ.

Трогательное воспоминаніе.

(Въ строго выдержанномъ стилѣ модернъ).

Оля, помнишь ли лѣто на дачѣ,
Наши игры, нашъ юный задоръ?..
Помнишь, въ полдень несносно горячій
Побѣжали съ тобой мы на дворъ?
Въ грязной лужицѣ селезень крякалъ,
На нашестѣ горланилъ пѣтухъ.
Помнишь, я еще чуть не заплакалъ
Отъ докучнаго жаленья мухъ?
Ты жъ смѣялась безпечно и звонко,
Приводя меня, бѣднаго, въ ражъ,
И за это тебѣ лягушенка
Я засунулъ, озлясь, за корсажъ.—
Не простишь ты вѣдь мнѣ этой шутки!..
Кстати, помнишь ли ты, какъ въ тотъ часъ
Презабавно и громко въ желудкѣ
У обоихъ бурчало у насъ?

Жанъ Сансуси.

Южная легенда.

Говорятъ, давно когда-то,
Въ древности сѣдой,
Въ видѣ сгорбленной старухи,
Дряхлой и худой,

По землѣ ходила Правда.
Видъ ея унылъ;
Еле-еле движетъ ноги;
Голосъ слабъ и хилъ.

Кто она, откуда родомъ
И куда идетъ—
Никогда не могъ добиться
Ни одинъ народъ.

Исходила та старуха
Много разныхъ мѣстъ.
Съ дня рожденья—ей на долю
Выпалъ тяжкій крестъ.

Какъ чумы ея боятся.
Всѣ ея бѣгутъ:
И никто не дастъ несчастной
У себя пріютъ.

Забредетъ она въ чертоги,
Гдѣ пируетъ знать,
Но ее земные боги
Станутъ тотчасъ гнать.

У богатыхъ, какъ на горе,
Былъ всегда отвѣтъ:
— Эй, проваливай, бродяга!
Съ Богомъ... мелкихъ нѣтъ...

То зайдетъ она въ каморку
Къ бѣдняку—ей тамъ
Поскорѣе бросятъ корку
И пошлютъ къ чертямъ...

Богачи вѣдь ненавидятъ
　　Правду съ дѣтскихъ лѣтъ;
А бѣднякъ боится,—съ нею
　　Не нажить бы бѣдъ.

Умудрялася старуха
　　Протащиться въ судъ,
Но ее, безъ сожалѣнья,
　　Палкой били тутъ...

И въ различныхъ учрежденьяхъ
　　Бѣдная была,—
Накладутъ вездѣ ей въ шею:
　　— „Вонъ—пока цѣла!"

Прослонявшись безъ пріюта
　　Цѣлые вѣка,
Обуяла бѣдной Правдой
　　Горькая тоска.

И любви и пользы міру
　　Въ ней порвалась нить,
И она рѣшилась людямъ
　　Сильно отомстить.

Испросивъ благословенье
　　У благихъ небесъ,
Забралась она въ дремучій,
　　Заповѣдный лѣсъ:

Смастерила шестъ высокій,
　　Поползла по немъ
И чрезъ сутки очутилась
　　Въ небѣ голубомъ.

Но чтобъ люди не полѣзли
　　На небо гурьбой,
Правда шестъ туда втащила
　　Слѣдомъ за собой.

И теперь съ небесъ далекихъ
　　Какъ ее стащить?..
Ей же незачѣмъ на землю
　　По-пусту сходить...

Навсегда, съ тѣхъ поръ, старуха
Кинула нашъ свѣтъ...
Оттого ее давненько
На землѣ и нѣтъ!

Н. С. Стружкинъ.

Хозяйка.

Хозяйка убивается.
Устала отъ хлопотъ.
Покоя добивается,
Поклоны земно бьетъ.

Пошли, Господь, хорошую,
Красивую собой,
Тяжелою я ношею
Придавлена Тобой.

Двухъ дѣвушекъ гуляющихъ
Держала для гостей,
Хозяйству помогающихъ,
Питающихъ дѣтей.

Давала столъ и горницу
За семьдесятъ рублей.
Спаси, Господь, затворницу,
Нѣтъ жизни нашей злѣй.

Ты знаешь Самъ, таскаются
Пьянешеньки—пьяны.
Стучатъ, поютъ, ругаются,
Какъ въ пасти сатаны,

Квартира некудышная
И съ кухней проходной
Тяжка мнѣ воля вышняя—
Вѣкъ маяться одной.

Одна жила веселая
И до сихъ поръ живетъ,
Другая—рыба хволая,
Приманитъ и заснетъ.

Не выдержала, бѣдная,
Ахъ, тьфу Ты, Боже, тьфу!
Напала болѣсть вредная—
Повѣсилась въ шкафу.

Теперь забота новая—
Какую подберу?
За столъ и все готовое
Полсотенки беру.

Пошли, Господь, хорошую,
Красивую собой.
Тяжелою я ношею
Придавлена Тобой.

Твоею волей двинуты
И горы и моря.
Тутъ дѣтски рты разинуты,
Не дай погибнуть зря!

И молитъ, добивается,
Поклоны земно бьетъ.
Хозяйкой называется,
Сама весь домъ ведетъ.

Сергѣй Городецкій.

* * *

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Чтó ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— Зá-моремъ, матушка, зá-моремъ,
Зà-моремъ, сударыня, зá-моремъ!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная!
Сорная, сударыня, сорная!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

—Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька;

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ сóлона,
— Сóлона, матушка, сóлона!
Сóлона, сударыня, сóлона!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто жъ будетъ ее расхлёбывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

А. К. Толстой.

Артистъ К. Н. Рыбаковъ.

Чайники.

Д. Джерома.

Ученые утверждаютъ, что можно взять съ плиты чайникъ кипятку и, помѣстивъ его на вытянутой ладони, прогуляться съ нимъ по комнатѣ безъ малѣйшаго ущерба для руки; но бѣда вамъ, если вы его опрокинете.

Вы должны быть увѣрены, что вода дѣйствительно кипитъ, иначе вы обожжете руку; не мѣшаетъ присмотрѣть и за тѣмъ, чтобы ко дну чайника не пристали порошинки горячей золы. При соблюденiи этихъ двухъ условiй опытъ можетъ пройти вполнѣ удачно.

Объясняется этотъ кажущiйся феноменъ очень просто: вѣдь теплота раскаленной плиты или очага передается черезъ чайникъ водѣ, и поэтому, когда вода закипитъ, чайникъ, какъ это извѣстно всякому, изучавшему физику и понимающему подобныя вещи, совершенно охладится, и его можно будетъ носить указаннымъ выше способомъ, не держа за ручку.

Впрочемъ, я предпочитаю брать за ручку, обер-

нувъ ее предварительно полотенцемъ. Какъ-то разъ я попробовалъ взять чайникъ по научному методу, но тогда, я думаю, вода еще не кипѣла, а это, какъ я уже говорилъ, пунктъ весьма важный, ибо если вода не кипитъ, то чайникъ горячъ, вы можете закричать: „ахъ, чтобъ тебя“, уронить чайникъ и расплескать кипятокъ по всему полу; и всѣ, кого вы пригласили въ кухню съ цѣлью показать тріумфъ науки, потерпятъ ту же участь: всякій больно обожжется, заоретъ благимъ матомъ, запрыгаетъ по кухнѣ, разольетъ кипятокъ, стремглавъ вылетитъ въ сѣни и усядется на холодной подстилкѣ, спѣша стащить оба сапога разомъ.

Не знаю, почему это, но я всегда находилъ нѣкоторое разногласіе между теоріей и практикой. Помню, когда я учился плавать, знакомые мнѣ говорили, что если я лягу на спину, вытянувъ руки и ноги, и буду лежать смирно, то я ни за что не утону, хотя бы и хотѣлъ этого. Не знаю, почему имъ казалось, что я этого хочу; но имъ, очевидно, казалось, что я покушусь на это, и что съ ихъ стороны чрезвычайно любезно совѣтовать мнѣ не дѣлать этого, такъ какъ всѣ мои усилія приведутъ только къ безполезной тратѣ времени. Я могъ бы, оставаясь долго на водѣ, умереть съ голоду или отъ старости; или, въ случаѣ тумана, быть перерѣзаннымъ наѣхавшимъ на меня пароходомъ; но погрузиться въ воду и утонуть—увѣряли они меня —ни подъ какимъ видомъ. Человѣку, лежащему въ водѣ на спинѣ, утонуть абсолютно невозможно,—словомъ, мнѣ это доказали съ такой же ясностью, какъ и то, что дважды-два—четыре. И вотъ, каждый Божій день я ходилъ къ морю, ложился на воду въ такой позѣ, въ какой, какъ я говорилъ, утонуть было бы противно всѣмъ законамъ природы, и неизмѣнно и быстро шелъ ко дну, внизъ головой.

Любопытна теорія относительно могущества человѣческаго взгляда, которому подчиняются коровы и другіе звѣри. Какъ-то разъ я переходилъ лугъ, примыкавшій къ фермѣ, на которой я жилъ, и, дойдя почти до средины, замѣтилъ, что служу

предметомъ самаго сосредоточеннаго вниманія пасшейся невдалекѣ живой и веселой коровы. Сперва я былъ этимъ польщенъ и думалъ, что я ее смутилъ; но когда она загнула голову съ очевиднымъ намѣреніемъ засадить мнѣ лѣвый рогъ въ брюхо, завертѣла хвостомъ, и морда у нея покрылась пѣной, то я заключилъ, что въ голову ей засѣло нѣчто посерьезнѣе мимолетной шутки.

И тутъ мнѣ вспомнилось, что меня предостерегали отъ прогулокъ по лугу, имѣя въ виду именно эту корову. Бѣдная животина перенесла недавно сильное нравственное потрясеніе, такъ какъ у нея отняли теленка, и, очевидно, рѣшила излить накопившійся избытокъ чувствъ на первомъ попавшемся живомъ существѣ.

Да, вотъ какъ обстояло дѣло, и что же я могъ предпринять? Секунду—другую я стоялъ размышляя. Сперва мнѣ пришло въ голову лечь на землю и притвориться мертвымъ. Я гдѣ-то читалъ, что если лечь на землю и притвориться мертвымъ, то самый дикій звѣрь не тронетъ васъ. Не помню, почему это такъ бываетъ; мнѣ кажется, отъ разочарованія, которое звѣрь испытываетъ, лишившись удовольствія расправиться съ вами самолично. Это ставитъ его втупикъ, и онъ не знаетъ, что съ вами дѣлать. А можетъ быть, и совѣсть его беретъ при видѣ послѣдствій замышляемаго имъ злодѣянія и онъ отходитъ, преисполненный чувства благодарности за то, что судьба его удержала отъ совершенія великаго грѣха, и рѣшаетъ въ будущемъ исправиться и быть лучшей скотиной.

Но въ то время, какъ я собирался уже броситься наземь, мнѣ пришло въ голову, всѣ ли звѣри чувствуютъ одно и то же при видѣ мертваго человѣка, или только львы и тигры? Я что-то не помню случая, чтобы кто-нибудь спасался отъ Джерсейской коровы такимъ манеромъ; а лечь наземь въ виду животнаго, которое можетъ только воспользоваться предоставленнымъ ему преимуществомъ, вскочивъ на васъ, было бы большимъ безразсудствомъ.

Кромѣ того, кто знаетъ, сколько времени мнѣ придется лежать? Въ африканской пустынѣ, разумѣется, вы ждете, пока звѣрь не уйдетъ домой, но въ данномъ случаѣ корова жила на лугу, и мнѣ пришлось бы притворяться мертвымъ, быть можетъ, цѣлую недѣлю!

Нѣтъ, я лучше испробую силу человѣческаго взгляда. Взглядъ человѣка оказываетъ удивительное вліяніе на животныхъ,—такъ мнѣ по крайней мѣрѣ говорили. Ни одно животное не въ состояніи вынести взгляда устремленныхъ на него человѣческихъ глазъ. Подъ вліяніемъ человѣческаго взгляда животное проникается смутнымъ ужасомъ и, попытавшись немного бороться съ неотразимой его силой, оно позорно оборачиваетъ тылъ и удираетъ.

И вотъ я какъ можно шире вытаращилъ правый глазъ и устремилъ его на злополучную корову.

„Не надо безразсудно пугать бѣдную тварь,—сказалъ я себѣ,—я слегка ее пугну и пусть она себѣ уйдетъ; а я вернусь той же дорогой, которой пришелъ, и больше не буду ходить по лугу, дабы не безпокоить ее понапрасну.“

Но что особенно меня поразило и показалось необычайнымъ, такъ это то, что корова не выказала ни малѣйшихъ признаковъ тревоги. „Неопредѣленное чувство ужаса“ стало овладѣвать постепенно—правду сказать, довольно быстро—однимъ изъ насъ, но только не коровой. Врядъ ли кто-нибудь повѣритъ мнѣ, но, право, взглядъ коровы, устремленный на меня въ самомъ недоброжелательномъ смыслѣ, причинялъ мнѣ значительно больше безпокойства, чѣмъ мой взглядъ—коровѣ.

Я еще пристальнѣе уставился въ нее. Всѣ мои кроткія намѣренія касательно этой скотины исчезли, какъ дымъ. Я уже не думалъ о томъ, что, можетъ быть, она упадетъ въ обморокъ подъ моимъ взглядомъ.

Но она его выдержала; даже больше: нагнувъ голову, она задрала хвостъ подъ прямымъ угломъ къ спинѣ и съ ревомъ бросилась на меня.

Тогда я, потерявъ всякую вѣру въ силу человѣческаго глаза и положившись на силу человѣческихъ ногъ, добѣжалъ до забора, выигравъ шестнадцатую долю секунды сравнительно съ коровой.

Нѣтъ, не стоитъ руководиться теоріями. Въ юности мы думаемъ, что теоріи, или „философіи", какъ мы ихъ называемъ, суть путеводные свѣточи, зажигаемые мудростью на дорогѣ жизни, но къ старости мы узнаемъ, что въ большинствѣ случаевъ это блуждающіе огоньки, порхающіе надъ топкимъ болотомъ, гдѣ гніютъ кости мертвецовъ.

Не слишкомъ ли прислушиваемся мы во всѣхъ дѣлахъ къ голосу нашихъ ближнихъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ они меньше всего способны учить насъ? Не слишкомъ ли много въ мірѣ проповѣдуютъ истины, не слишкомъ ли много романовъ и критическихъ опытовъ пишутъ противъ нея, не слишкомъ ли много путей къ ней ведутъ, не слишкомъ ли назойливо рекомендуютъ ее и не слишкомъ ли много предостереженій онъ нея? Такъ что среди гама и энергичнаго говора столькихъ лэди и джентльментовъ тихій гласъ Божій, обращенный къ душѣ нашей, совершенно не слышенъ? Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ вращается, мы проповѣдуемъ, читаемъ лекціи, затѣваемъ крестовые походы, пишемъ памфлеты, сжигаемъ людей на кострахъ и подаемъ другъ другу совѣты, какъ попасть на небо; мы до сихъ поръ бьемся надъ этимъ и также озадачены и сбиты съ толку, какъ и раньше, и никто не знаетъ, кто правъ, но каждый изъ насъ твердо убѣжденъ, что всѣ остальные ошибаются.

И мы кричимъ каждый о своемъ.

„Вотъ путь ко спасенію, единственный путь; идите за мной, если не хотите погибнуть!

„Не ходите за нимъ! Съ нимъ вы заблудитесь", — говоритъ другой.

„Только я знаю дорогу!"

„Нѣтъ, нѣтъ, берегитесь обоихъ,—скажетъ третій,—вотъ дорога. Я только что нашелъ ее. Всѣ дороги, по которымъ ходили до сихъ поръ,

ведутъ къ гибели; но теперь мы попали на истинный путь, ступайте за мной!“

Въ одну эпоху огнемъ и мечемъ и другими, не менѣе убѣдительными, средствами мы пускаемъ людей въ рай черезъ одни ворота, а въ слѣдующемъ поколѣніи яростно гонимъ ихъ прочь отъ этихъ самыхъ воротъ, ибо оказывается, что ворота эти не настоящія и ведутъ къ гибели, и мы торопимся на другую дорогу.

Мы толчемся и пищимъ, какъ цыплята на проѣзжей дорогѣ, и никто изъ насъ не знаетъ, какъ попасть домой.

Всѣ мы—осиротѣлые бездомные мальчишки, оставленные на произволъ судьбы и бѣгающіе по улицамъ и аллеямъ нашего шумнаго міра; среди насъ буяны играютъ въ орлянку и въ кумушки и дерутся, а тихони сидятъ смирно на ступенькахъ и играютъ въ школу, и крошка Лиза-философка, и умница Томми чередуются между собой въ исполненіи учительскихъ обязанностей; они ворчатъ на насъ, угощаютъ насъ шлепками и учатъ насъ всему тому, чему сами выучились. А мы, если только ведемъ себя хорошо и внимательно слушаемъ, въ концѣ концовъ знаемъ столько же, сколько и они. Подумайте только объ этомъ!

Прочь, прочь отъ пыльной канавы и скучной игры. Уйдемте отъ шума и грохота. Уйдемте въ широкое поле, надъ которымъ разстилается необъятное небо и гдѣ царитъ тишина; и тамъ въ тиши и безмолвіи станемъ прислушиваться къ голосу, говорящему въ насъ.

Прислушайтесь къ нему, о бѣдныя, сомнѣвающіяся дѣти,—это гласъ Бога. Онъ говоритъ въ душѣ каждаго изъ насъ и даетъ намъ свѣтъ истины, при которомъ все ясно для насъ, если только мы Ему повинуемся. Въ томительно долгіе дни страха и сомнѣнія онъ шепталъ намъ слова утѣшенія и успокаивалъ пылающіе мозгъ и сердце, указывая путь, къ истинѣ, знанію и свѣту, котораго мы такъ жаждемъ; а мы все время склоняли свой слухъ къ лукавой мудрости двуногихъ пророковъ и не слыха-

ли Его гласа! Бросьте чужія поученія, чужое руководительство. Послушаемъ самихъ себя.— Нѣтъ, не стоитъ говорить другимъ того, чему васъ учатъ. А многіе пытаются это сдѣлать. Васъ вѣдь не поймутъ, и это только увеличитъ суматоху. Тѣхъ истинъ, которыя Онъ вамъ сообщитъ, нельзя передать другимъ; только Богъ можетъ имъ сказать это, только Его голосъ могутъ они услышать.—„Господь въ своей святой обители—земля да умолкнетъ предъ нимъ".

Серьезное и смѣшное, повидимому, вѣчно играютъ въ прятки въ нашей жизни, какъ свѣтъ и тѣни въ ясный апрѣльскій день; и часто, какъ дѣти въ игрѣ, ловятъ другъ друга и, поймавши, нѣкоторое время медлятъ, обнявшись, а затѣмъ снова берутся за игру. Я однажды гулялъ въ саду, занятый все той же мыслью—о наивности нашихъ попытокъ учить другихъ вещамъ, которыхъ мы сами не знаемъ, когда, проходя мимо бесѣдки, я услышалъ забавную иллюстрацію къ моимъ мыслямъ изъ устъ моей старшей племянницы, семилѣтней дѣвочки, которая неестественно прямо сидѣла въ очень большомъ по ея росту креслѣ и читала лекцію своей младшей сестренкѣ на тему: „Бэби, ихъ происхожденіе, открытіе и польза".

„Бэби, видишь ли ты",—замѣтила она въ заключеніе,—„совсѣмъ не то, что куклы. Бэби живутъ. Никто не дастъ тебѣ бэби, пока ты не выростешь. И они очень неприличны. Намъ не слѣдуетъ говорить о нихъ—мы сами были когда-то бэби".

Ужасно вдумчивая дѣвочка, старшая моя племянница. Ея любознательность—лучшая черта въ ея характерѣ, но она чрезвычайно утомляетъ свою семью. Мы теперь ограничили ее семью стами вопрсовъ въ день; и послѣ того, какъ она сдѣлаетъ свои семьсотъ вопросовъ и мы ей отвѣтимъ на нихъ, или, скорѣе, по мѣрѣ возможности, бойкотируемъ ее, она отправляется спать, негодуя:

„Отчего только семьсотъ? Отчего не восемьсотъ?"

Область ея любопытства не ограничена. Она

охватываетъ больше предметовъ, чѣмъ ихъ существуетъ въ современной цивилизаціи, отъ вопросовъ отвлеченной теологіи до котятъ включительно; отъ неудачныхъ браковъ до шоколада,—и почему бы вамъ не вынуть его и не посмотрѣть на него послѣ того, какъ вы его положили въ ротъ.

Насчетъ большинства этихъ сюжетовъ у нея имѣется собственное мнѣніе, которое она и высказываетъ со свободой, могущей шокировать благовоспитанныхъ людей. Я самъ не очень благочестивъ, но порой она поражаетъ даже меня. Ея теоріи для меня являются слишкомъ передовыми.

До послѣдняго времени ее занималъ вопросъ о бэби,—всего только недѣля, какъ она имъ заинтересовалась. Объясняется это причиной, о которой врядъ ли стоитъ упоминать. Впрочемъ, я не вижу въ этомъ особенной бѣды. Дѣло въ томъ, что у насъ въ семьѣ ожидалось „событіе,“ т. е., правильнѣе, въ семьѣ моего шурина; вы знаете, конечно, какъ эти вещи обсуждаются между взрослыми, а Май (это имя моей старшей племянницы) —это такое дитя, о присутствіи котораго вы вѣчно забываете и о которомъ вы не знаете, сколько именно изъ разговора она слыхала и сколько нѣтъ.

Впрочемъ, ребенокъ молчалъ и все шло хорошо до воскреснаго послѣобѣда. День былъ ненастный. Я читалъ въ столовой, а Эмилія сидѣла на софѣ, разсматривая альбомъ швейцарскихъ видовъ съ Дикомъ Четвиномъ. Дикъ и Эмилія помолвлены. Дикъ —бравый парень, и Эмилія нѣжно его любитъ; но оба они страдаютъ, по моему, избыткомъ стыдливости. Что касается Эмиліи, то это неудивительно—дѣвушки всѣ одинаковы до свадьбы, но въ Дикѣ это кажется неумѣстнымъ. Оба они вспыхиваютъ при малѣйшей шуткѣ. При взглядѣ на нихъ мнѣ всегда вспоминается стыдливая парочка Джильберта.

Итакъ, мы всѣ сидѣли въ столовой, а ребенокъ возился на полу, играя въ кубики. Минутъ пять онъ сидѣлъ совершенно спокойно, и я заинтересовался, что это съ нимъ такое; какъ вдругъ, безъ

предварительныхъ замѣчаній, дѣвочка замѣтила самымъ невиннымъ тономъ и не отрываясь отъ игры:

— Дядя, что у тети Циciліи будетъ—мальчикъ или дѣвочка?

— Не дѣлай глупыхъ вопросовъ; она еще этого не рѣшила.

— О, я бы ей лучше посовѣтывала имѣть маленькую дѣвочку, потому что дѣвочки не такъ шумливы, какъ мальчики, неправда ль? А что вы ей посовѣтовали, дядя?

— Ступай себѣ къ своимъ кубикамъ и не болтай о вещахъ, въ которыхъ ничего не смыслишь. Мы совсѣмъ не намѣрены разговаривать объ этомъ. Это неприлично.

— Что неприлично? Развѣ бэби неприличны?

— Да, очень неприличны, особенно иныя изъ нихъ.

— Гмъ!.. Зачѣмъ же тогда люди ихъ имѣютъ, если они неприличны?

— Уйдешь ты со своими кубиками, или нѣтъ? Сколько еще разъ повторять это тебѣ, любопытно было бы знать? Люди не могутъ безъ того, чтобы у нихъ не было бэби. Они ниспосылаются намъ въ наказаніе, чтобы показать намъ, что это несносный и скучный міръ, и мы должны возиться съ ними. Но говорить о нихъ нѣтъ никакой нужды.

Молчаніе на пять минутъ, и затѣмъ снова:

— А дядя Генри знаетъ? Онъ будетъ папа этого бэби, да?

— Какъ? Знаетъ что? О чемъ ты говоришь?

— Знаетъ ли дядя Генри о томъ бэби, которое будетъ у тети Цили?

— О, кончено, дурочка!—знаетъ ли дядя Генри!..

— Ну да, я думаю, ему сказали, потому что онъ, видите ли, долженъ будетъ заплатить за него.

— Ну да, если не онъ, то кто же?

— Бэби стоитъ много, много денегъ, неправда ли, цѣлыя кучи?

— Ну да, кучи.

— Два шиллинга?

— О, больше!

— Да, я думаю, они дорого стоятъ. А у меня будетъ бэби, дядя?

— Да, даже двое.

— Въ самомъ дѣлѣ? На именины?

— О, нѣтъ, глупенькая. Бэби не куклы. Бэби живутъ! Ихъ не купишь. Ихъ даютъ только взрослымъ.

— Значитъ, и у меня будетъ бэби, когда я выросту?

— Ну, и надоѣла же! Да, если будешь вести себя хорошо и не будешь докучать, и выйдешь замужъ.

— Какъ это замужъ? Это какъ мама и папа.

— Да.

— И какъ будутъ тетя Эмилія и мистеръ Четвинъ?

— Да, не болтай такъ много.

— О, развѣ нельзя имѣть бэби, не выйдя замужъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Значитъ, у тети Эмиліи будетъ?

— Убирайся со своими кубиками! Я у тебя ихъ приму, если ты не будешь играть ими спокойно. Ты вѣдь не слыхала никогда, чтобы я или твой папа задавали глупые вопросы вродѣ этихъ. И вѣдь ты еще не выучила на завтра своихъ уроковъ.

Попробуйте смутить ребенка! И откуда только они набираютъ свѣдѣнія, эти чертенята?

О чемъ бишь я писалъ? Ахъ, да, „Чайники". А это должно быть интересный сюжетъ, „Чайники". Мнѣ кажется, можно написать славную штучку на тему „Чайники". Надо будетъ на дняхъ попробовать.

Перев. С. Займовскій.

* * *

Изъ Д. Джерома.

Цвѣтокъ лаванды синій—диддль—
 Зеленые листы;
Когда царемъ я буду—диддль—
 Царицей будешь ты.

Зови людей своихъ ты—диддль—
 Чтобъ въ поле ихъ послать.
Одинъ соху пусть ладитъ—диддль—
 Другой пойдетъ пахать.

Иной пусть сѣно коситъ—диддль—
 Другой хлѣбъ можетъ жать,
А мы съ тобой, другъ милый—диддль—
 Мы будемъ отдыхать!

Л. Б. Хавкина.

Резиновая калоша.

Пародія.

I.

Этой ночью зайчикъ прыгалъ
 Въ головѣ моей,
Чувства сонныя раздвигалъ:
 „Отправляйся къ ней,—
 Отыщи ея витрину,
Тамъ блестя красой резинной
 На подставочкѣ одна
 Ждетъ она“.
Вторитъ зайчику пороша:
„Ждетъ тебя твоя калоша,
 Ждетъ всю ночь одна
 Черна“...

Я пошелъ, я за дверями,
Гуттаперчевый женихъ,
Дождь плюется съ фонарями,
А пороша хлещетъ ихъ.
Дождь, ты зайку образуми!
Гдѣ же ты царица-gummi?
Вотъ и надпись: „Проводникъ,“
Я къ стеклу приникъ...

И каждый вечеръ съ тѣмъ же блескомъ,
Во мглѣ зеркальнаго окна,
Рѣзной подошвой къ занавѣскамъ,
Стоитъ на выставкѣ она...
Мѣняютъ шины, макинтоши,
И каждый день въ иномъ кругу
Я вижу блескъ моей калоши,
Ревную, плачу, стерегу...
Такъ каждый разъ, томимъ волненьемъ,
Хочу въ резинный складъ пролѣзть
И съ несказаннымъ наслажденьемъ:
Въ калошу сѣсть...

Красный.

* * *

На песчаной тверди,
У морского лона
Двѣ торчали жерди,
На жердяхъ—ворона,
На воронѣ—перья,
А на перьяхъ что же?
Ничего теперь я
Не пойму, о Боже!!

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

Лошадь и оселъ.

Изъ Г. Гейне.

По рельсамъ желѣзнымъ, какъ молньи полетъ,
Несутся вагонъ за вагономъ.
Несутся—и воздухъ наполненъ вокругъ
И дымомъ, и свистомъ, и стономъ.

„На скотномъ дворѣ, у забора, оселъ
И бѣлая лошадь стояли.
Оселъ преспокойно глоталъ волчецы,
Но лошадь въ глубокой печали

На поѣздъ взглянула, и долго потомъ
Въ испугѣ тряслось ея тѣло,
И тяжко вздохнувши, сказала она:
О, страшное, страшное дѣло!

„Ей-Богу, не будь ужъ природой самой
Я въ бѣлую кожу одѣта,
Заставила бъ вѣрно меня посѣдѣть
Картина ужасная эта!

„Страшнѣйшіе, злые удары судьбы
Грозятъ лошадиной породѣ:
Я лошадь, но въ книгѣ грядущихъ временъ
Читаю о нашей невзгодѣ.

„Своей конкуренціей насъ, лошадей,
Убьютъ паровыя машины;
Теперь ужъ всѣ люди начнутъ прибѣгать
Къ услугамъ желѣзной скотины.

„Чуть только пойметъ человѣкъ, что безъ насъ
Онъ можетъ легко обходиться—
Прощай, наше сѣно, прощай, нашъ овесъ!
Придется намъ пищи лишиться!

„Душа человѣка, какъ камень. Не дастъ
Онъ даромъ и крошечки хлѣба...
Увы! изъ конюшенъ повыгонятъ насъ,
И мы околѣемъ, о, небо!

„Мы красть неспособны, какъ люди; въ займы,
Какъ люди, мы брать не умѣемъ,

И льстить мы не можемъ, какъ люди и псы.
О, небо! мы всѣ околѣемъ!"

Такъ лошадь стонала. Оселъ, между тѣмъ,
Потряхивалъ тихо ушами
И въ самомъ блаженномъ покоѣ души
Себя угощалъ волчецами.

Окончивъ, онъ хвостъ облизалъ языкомъ
И молвилъ съ спокойною миной:
„Ломать не хочу головы я надъ тѣмъ,
Чтò будетъ съ породой ослиной.

„Я знаю, что вамъ, горделивымъ конямъ,
Придется покончить ужасно;
Для насъ же, смиренныхъ и тихихъ ословъ,
На свѣтѣ вполнѣ безопасно.

Какихъ бы мудреныхъ хитрѣйшихъ машинъ
Ни выдумалъ умъ человѣка,
Все будутъ въ довольствіи жить на землѣ
Ослы до скончанія вѣка.

„Судьба никогда не покинетъ ословъ;
Свой долгъ сознавая душевно,
Они, какъ отцы ихъ и дѣды, бредутъ
На мельничный дворъ ежедневно.

„Работаетъ мельникъ, стучитъ колесо,
Мукою мѣшки насыпаютъ,
Тащу ихъ я къ хлѣбнику, хлѣбникъ печетъ,
А люди потомъ пожираютъ.

„Издревле для міра сей путь круговой
Навѣкъ начертала природа,
И вѣчно на этой землѣ не умретъ
Ослиная наша порода".

МОРАЛЬ.

Вѣкъ рыцарей въ могилу схороненъ,
И гордый конь на голодъ обреченъ;
Оселъ же будетъ неизмѣнно
Всегда имѣть овесъ и сѣно!

П. Вейнбергъ.

Артистъ В. Н. Давыдовъ.

Волки.

Рождественскій разсказъ.

Въ праздникъ, вечеромъ, съ женою
Возвращался попъ Степанъ,
И везли они съ собою
Подаянья христіанъ.

Нынче милостиво небо,—
Велика Степана треба;
Изъ-подъ полости саней
Видны головы гусей,
Зайцевъ трубчатыя уши,
Перья пестрыхъ пѣтуховъ
И межъ нихъ свиныя туши—
Даръ богатыхъ мужиковъ.

Тихъ и легокъ бѣгъ савраски...
Дремлютъ сонныя поля,
Лѣсъ бѣлѣетъ точно въ сказкѣ,
Изъ сквозного хрусталя,
Полумѣсяцъ въ мглѣ морозной·
Тихо бродитъ степью звѣздной
И сквозь мглу мороза льетъ
Мертвый свѣтъ на мертвый ледъ.
Попъ Степанъ, любуясь высью,
Ѣдетъ, страхъ въ душѣ тая;

Завернувшись въ шубу лисью,
Тараторитъ попадья.

— Ну, ужъ кумъ Иванъ скупенекъ:
Далъ намъ зайца одного,
А вѣдь, молвятъ, куры денегъ
Не клевали у него!
Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,
А могла бы, ей же ей,
Раздобриться пощедрѣй.
Скупъ и старый Агафонычъ,
Не введетъ себя въ изъянъ...
— Полно брешить-то за полночь!—
Гнѣвно баситъ попъ Степанъ.
Ѣдутъ дальше. Злѣе стужа;
Въ бѣломъ инеѣ шлея
На савраскѣ... Возлѣ мужа
Тихо дремлетъ попадья.

Вдругъ савраска захрапѣла
И попятилась несмѣло.
И, ушами шевеля,
Въ страхѣ смотритъ на поля.
Самъ отецъ Степанъ въ испугѣ
Озирается кругомъ...
„Волки", шепчетъ онъ супругѣ,
Осѣняяся крестомъ.

Въ самомъ дѣлѣ—на опушкѣ
Низкорослаго лѣска
Пять волковъ сидятъ другъ къ дружкѣ,
Грѣя тощія бока.
Гнѣвно ляскаютъ зубами
И пушистыми хвостами,
Въ ожиданіи гостей,
Разметаютъ снѣгъ полей.
Ихъ глаза горятъ, какъ свѣчи,
Въ очарованной глуши...

До села еще далече,
На дорогѣ ни души...

И, внезапной встрѣчи труся,
Умоляетъ попадья:
— „Степа, Степа, брось имъ гуся,
А ужъ зайца брошу я!“
— Ахъ Ты, Господи Исусе!
Не спасутъ отъ смерти гуси,
Если праведный Господь
Позабудетъ нашу плоть!—
Говоритъ Степанъ, вздыхая,
Все жъ беретъ онъ двухъ гусей,
И летятъ они, мелькая,
На холодный снѣгъ полей.
Угостившись данью жалкой,
Волки дружною рысцой
Вновь бѣгутъ дорогой яркой
За поповскою четой.
Пять тѣней на снѣгѣ бѣломъ,
Войскомъ хищнымъ и несмѣлымъ,
Подвигаясь мирно въ рядъ,
Души путниковъ мрачатъ.
Кнутъ поповскій по савраскѣ
Ходитъ, въ воздухѣ свиститъ,
Но она и безъ острастки
Торопливо къ дому мчитъ.

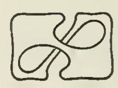
Попъ Степанъ вопитъ въ тревогѣ:
— „Это Богъ насъ за грѣхи!“
И летятъ волкамъ подъ ноги
Зайцы, куры, пѣтухи.
Волки жадно дань сбираютъ,
Жадно кости разгрызаютъ.
Три отстали—и жуютъ.
Только два не отстаютъ—
Забѣгаютъ такъ и эдакъ...
И, спасаясь отъ звѣрей,
Попъ бросаетъ напослѣдокъ
Туши мерзлыя свиней.

Легче путники вздыхаютъ,
И ровнѣй савраски бѣгъ,—
Огоньки вдали мигаютъ,
Теплый близится ночлегъ.

Далеко отстали волки...
Кабаковъ мелькаютъ елки,
И гармоника порой
Плачетъ въ улицѣ глухой.
Быстро мчитъ савраска къ дому
И дрожитъ отъ сладкихъ грезъ:
Тамъ найдетъ она солому
И живительный овесъ.

А въ саняхъ ведутся толки
Между грустною четой...
— Эхъ, ужъ волки, эти волки!—
Мужъ качаетъ головой.
А супруга чуть не плачетъ...
— Что жъ такое это значитъ?
Вѣдь была у насъ гора
Въ санкахъ всякаго добра...
Привезли жъ однѣ рогожи.
Что же дѣлать намъ теперь?
— Что жъ... за насъ на праздникъ Божій
Разговѣлся нынче звѣрь!..

К. М. Фофановъ.



Изъ поэмы „Потокъ-Богатырь".

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли, отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла;
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела.
Отъ того ль старорусскаго краю,—
А чѣмъ кончится пѣсня—не знаю,

У Владиміра Солнышко праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье!

Молодицы, что свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ и подъ пѣсенный ладъ
Изгибаяся, ходятъ красиво;
Молодцы выступаютъ на-диво.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ—искрами словно обмечетъ:
Повернется направо—что сизый орелъ,
Повернется налѣво—что кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ.
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, говоритъ, на Руси не сплясать
Супротивъ молодого Потока!...
Но ужъ поздно—встаетъ со княгинею князь,
На три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь.
— Всѣмъ желаемъ довольнымъ остаться.—
Это значитъ: пора разставаться!..

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, по прежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ...
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ по прежнему пляску.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ ужъ въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой;
На трубѣ вѣдьма пологомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,

Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася,
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы, какъ снопъ, упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ,
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.

Пробудился Потокъ на Москвѣ, на рѣкѣ:
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

— Шарамыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эфіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощалыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!...

. . . .

И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца;
— Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испуга не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю, какъ снопъ, упадетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ...

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой, не припомнитъ преданье:
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ—судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ!
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья жъ довольно велики:

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ.—
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные выходятъ съ довольнымъ лицомъ;
— „Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!"
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

И промолвилъ Потокъ:—Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди косясь на него, говорятъ:
— Вишь, какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталой онъ,—то видно по платью,
Притѣснять хочетъ меньшую братью!

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ,
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальи народа.

И, увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ:—Какого?
— Мужика вообще, что смиреньемъ великъ?
Но Потокъ говоритъ:—Есть мужикъ и мужикъ:

Если онъ не пропьетъ урожаю.
Я того мужика уважаю.

— Феодалъ! закричалъ на него патріотъ:—
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ:—я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ:—ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,—
Но по нашей лишь о н ъ полноправенъ.

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
Угрожаютъ Потоку бѣдою:
Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,
И что к т о-т о з а ѣ д е н ъ с р е д о ю.
Межъ собой вперерывъ, на-подобье галчатъ,
Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричатъ.
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ „отзейскимъ барономъ“.

И подумалъ Потокъ:—Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана,
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

Въ третій входитъ онъ домъ—и объялъ его страхъ!.
Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,
Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ,
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошатъ чье-то мертвое тѣло.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
— Ахъ, какой онъ пошлякъ! Ахъ, какъ онъ не развитъ!
Современности вовсе не видно!

Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
— То жъ бывало у насъ и на Лысой горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы...
Но по крайности есть у нихъ косы!

И что видѣть и слышать ему довелось!
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ
Все приводитъ его къ заключенью:
— Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю, что значитъ какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча,
Вамъ еще, государи, далече!

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ на земь, какъ снопъ, упадаетъ,
И подъ слово прогрессъ какъ въ чаду и дыму
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождемъ,
Что, проснувшись, увидитъ,—о томъ и споемъ,
А покуда онъ не проспится,
На-удачу намъ пѣть не годится.

Ал. К. Толстой.

Совѣты.

„Къ тебѣ за совѣтомъ пріѣхалъ я, кумъ,
Есть важное дѣло, наставь, братъ, на умъ,
Я вздумалъ жениться: загрызла тоска..."
— Ну, что же? и съ Богомъ женись, братъ Лука.

„А если я этимъ себѣ на бѣду
Одно безпокойство въ женитьбѣ найду;
Жены вѣдь не бросишь, вертись не вертись..."
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„А мнѣ бы хотѣлось—скажу, не грѣша.
Она—будто ангелъ, мила, хороша,
Невинна, наивна, стыдлива, робка..."
— Гм... впрочемъ, ну что же! женись, братъ Лука.

„Но если мужчина, красивый на видъ,
Мою дорогую прельститъ,
Тогда ты съ рогами живи да казнись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„Все это прекрасно... но скучно такъ жить,
Съ холодной подушкой о счастьи тужить,
Вотъ если подруги обниметъ рука,
Согрѣетъ такъ важно...“—Женись, братъ Лука!

„Но если красавица дурью своей
Внезапно нарушитъ спокойствіе дней?
Невольно смиришься, не скажешь ей: брысь...
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„А если женюсь я и буду отцомъ,
Восторгъ да и только быть съ милымъ птенцомъ,
Объ этомъ блаженствѣ мечтаю пока...
— Такъ что же ты медлишь? Женись, братъ Лука.

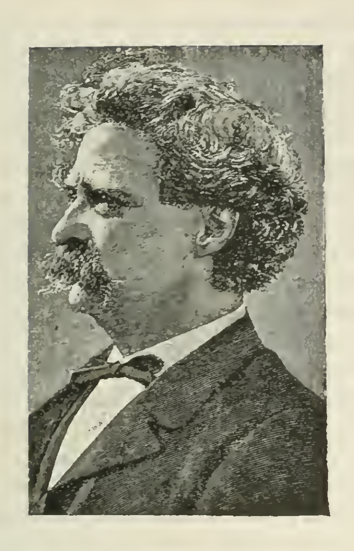
„Но вотъ въ чемъ задача, хитрѣй всѣхъ наукъ:
Ну если ихъ будетъ по нѣсколько штукъ?
Подъ бременемъ этимъ другою ты гнись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись.

„Послушай, а если они подростутъ
И примутся честно за мирный свой трудъ,
Подъ старость вѣдь будутъ кормить старика...“
— Да, это возможно; женись, братъ Лука...

„А если случайно супруга умретъ?
Отъ мысли подобной дрожу я впередъ,
Тогда хоть и самъ ты въ могилу ложись...“
— Ну, лучше тогда ужъ совсѣмъ не женись!

„И такъ, что же дѣлать?... А ну васъ совсѣмъ,
Друзья адвокаты! не вѣрю вамъ всѣмъ!
Пойду я жениться, схватившись за умъ,
Пойди же ты къ чорту съ совѣтами, кумъ!..“

А. Ф. Ивановъ-Классикъ.



Маркъ Твенъ.

Веніаминъ Франклинъ.

М. Твена.

„Не откладывай на завтра, что также хорошо можешь сдѣлать послѣ завтра".
В. Ф.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ философами. Онъ представлялъ изъ себя близнецовъ въ одномъ лицѣ, ибо одновременно родился въ двухъ разныхъ домахъ города Бостона. Дома эти существуютъ и до сего дня, съ прибитыми на нихъ дощечками, на которыхъ имѣются надписи, подтверждающія означенный фактъ. Собственно, дощечки эти никому не нужны, такъ какъ жители города, во всякомъ случаѣ, считаютъ себя обязанными показывать оба дома всѣмъ пріѣзжимъ, иногда даже по два раза въ одинъ и тотъ же

день. Человѣкъ, увѣковѣченный этими памятниками, былъ злонравнаго характера и уже очень рано пустилъ „въ публичную продажу свои таланты, при посредствѣ изобрѣтенныхъ имъ „максимовъ и афоризмовъ", которые были разсчитаны спеціально на то, дабы причинять страданія подростающему поколѣнію всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. И всѣ его даже самые обыденные поступки клонились къ тому, чтобы вызвать подражаніе имъ въ юношахъ, которые, не будь этого, можетъ быть и могли бы быть счастливыми.

Побуждаемый тѣми же самыми намѣреніями, онъ родился сыномъ мыловара, не имѣя къ тому, очевидно, никакихъ другихъ основаній, кромѣ желанія, чтобы къ стремленіямъ всѣхъ другихъ юношей, старающихся стать чѣмъ-нибудь, относились всегда съ пренебреженіемъ, разъ только они не оказываются сыновьями мыловаровъ.

Съ злостностью, не имѣющей въ исторіи ничего себѣ подобнаго, онъ цѣлый день проводилъ за работой и просиживалъ ночи напролетъ, дѣлая видъ, будто изучаетъ алгебру при свѣтѣ мерцающаго огня, и все это опять таки—для того, чтобы другіе юноши дѣлали то же самое, если только они не хотятъ быть замученными примѣрами удивительной усидчивости Веніамина Франклина. Мало того, онъ пріучилъ себя довольствоваться хлѣбомъ и водою, а во время обѣда изучать астрономію—обстоятельство, породившее впослѣдствіи многочисленныя страданія милліоновъ дѣтей, отцамъ которыхъ довелось познакомиться съ пагубными біографіями Франклина.

Его принципы были проникнуты ненавистью къ юношамъ. До сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не можетъ сдѣлать ничего самаго естественнаго въ его возрастѣ, чтобы тотчасъ же не споткнуться объ одинъ изъ вѣчныхъ афоризмовъ Франклина и не выслушать тутъ же длиннѣйшую о немъ рацею. Если мальчикъ купитъ себѣ на 2 цента орѣховъ, то отецъ его говоритъ: „А ты подумалъ ли, мой сынъ, что сказалъ Франклинъ: Береги грошъ—черезъ годъ будешь имѣть копѣйку",—и вся прелесть орѣховъ

исчезла! Если послѣ добросовѣстнаго труда мальчикъ думаетъ поиграть волчкомъ, отецъ цитируетъ ему: „Развлекаясь, самъ у себя воруешь время“. Сдѣлаетъ онъ что-нибудь хорошее, никто не вздумаетъ его похвалить за это, ибо „добродѣтель въ самой себѣ заключаетъ свою награду“. И вотъ, мальчика травятъ до смерти, лишая его даже законнаго отдыха только потому, что однажды Франклинъ въ минуту злостнаго вдохновенія изрекъ:

„Пораньше ложись и пораньше вставай,—будешь уменъ, и здоровъ, и богатъ!“

Можетъ ли какой-нибудь юноша согласиться быть умнымъ, здоровымъ и богатымъ на такихъ подлыхъ условіяхъ? Человѣческій языкъ не въ силахъ изобразить то мученіе, которое я претерпѣлъ, когда мой отецъ задался мыслью испытать на мнѣ справедливость этого изреченія. Мое теперешнее состояніе общей слабости, значительнаго убожества и душевнаго разлада—таковъ естественный результатъ этой попытки. Мои родители имѣли обыкновеніе будить меня, тогда еще мальчика, иногда даже раньше 9 часовъ утра, а между тѣмъ предоставь они мнѣ наслаждаться естественной потребностью сна, я бы теперь, можетъ быть, совершалъ чудеса. Во всякомъ случаѣ я бы навѣрное имѣлъ теперь собственное торговое заведеніе и пользовался бы всеобщимъ уваженіемъ.

И вѣдь какимъ опытнымъ выжигой былъ герой нашего повѣствованія!

Дабы имѣть возможность запускать по воскресеньямъ свой змѣй, онъ обыкновенно привязывалъ къ его веревкѣ ключъ, дѣлая видъ, что такимъ манеромъ производитъ опыты надъ молніей. И праздная публика болтала о „мудрости“ и „геніи“ этого сѣдовласаго растлителя праздничнаго покоя. А когда кто-нибудь заставалъ его, перешагнувшаго уже 60-й годъ отъ рожденія, за пусканіемъ, одинъ на одинъ, волчка, то онъ тотчасъ же принималъ такое выраженіе лица, будто занимается изслѣдованіемъ того, „какъ ростетъ трава“,—точно это было его профессіональной обязанностью! Мой дѣдъ, хорошо

знавшій его, разсказывалъ, что Франклина нельзя было застать врасплохъ: онъ былъ всегда готовъ, ко всему готовъ. Если въ періодъ его старчества кто-нибудь неожиданно заходилъ къ нему въ то время, какъ онъ ловилъ мухъ, или лѣпилъ изъ глины пастеты, или же пробирался черезъ двери въ погребъ, то онъ немедленно принималъ видъ мудреца и, выпаливъ какое-нибудь глубокомысленное изреченіе, начиналъ обнюхивать носомъ воздухъ и съ шапкой, надѣтой задомъ на передъ, принимался разгуливать вокругъ одного и того же мѣста, прилагая всевозможныя старанія, чтобы показаться посѣтителю вдохновеннымъ и эксцентричнымъ! Вообще онъ былъ большой пройдоха!

Онъ изобрѣлъ печку, въ которой можно сварить чью угодно голову, по точному исчисленію, въ теченіе не болѣе 4 минутъ; что такая мерзкая выдумка доставила ему дьявольскую радость, слѣдуетъ уже изъ того, что онъ далъ этой печкѣ свое имя.

Онъ всегда особенно гордился, разсказывая, какъ впервые прибылъ въ Филадельфію,—не имѣя ничего на свѣтѣ, кромѣ двухъ шиллинговъ въ карманѣ и четырехъ булокъ подъ мышкой. Но если къ этому обстоятельству отнестись критически, то въ сути своей въ немъ вѣдь не было ничего особеннаго. То же самое могъ бы сдѣлать и кто угодно другой.

Герою нашей замѣтки принадлежитъ честь рекомендаціи, преподанной имъ арміи: вернуться къ стрѣламъ и луку, взамѣнъ того, чтобы пользоваться штыками и ружьями. Съ свойственной ему оригинальностью онъ высказалъ мысль, что штыкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, представляетъ изъ себя, конечно, весьма хорошее оружіе, но, что онъ сомнѣвается, можно ли дѣйствовать штыкомъ съ достаточною увѣренностью на большихъ разстояніяхъ.

Веніаминъ Франклинъ совершилъ множество достопримѣчательныхъ дѣлъ на пользу своего отечества, прославивъ во многихъ странахъ юное имя Америки тѣмъ лишь, что она родила столь великаго сына. Цѣль настоящей монографіи отнюдь не заключается въ томъ, чтобы игнорировать или ума-

лять его значеніе. Напротивъ, ближайшая цѣль ея — выяснить дѣйствительную цѣнность всѣхъ его высокомѣрныхъ „максимовъ“, которые онъ, съ великими поползновеніями на оригинальность, соткалъ изъ общихъ мѣстъ, успѣвшихъ всѣмъ надоѣсть своей прописной моралью уже въ то время, когда народы разсѣялись по всѣмъ странамъ свѣта послѣ злополучнаго Вавилонскаго столпотворенія; а также выяснить истинное значеніе его печки, его важныхъ проектовъ, его сугубыхъ стремленій возбудить къ себѣ удивленіе разсказомъ о томъ, какъ онъ впервые пришелъ въ Филадельфію, его маніи пускать змѣя и вообще убивать время за подобными дурачествами, вмѣсто того, чтобы заниматься мыловареніемъ и выдѣлывать сальныя свѣчи. Я желалъ только, въ извѣстной мѣрѣ, разсѣять тѣ установившіяся пагубныя воззрѣнія отцовъ семействъ, что будто бы Франклинъ сталъ геніемъ лишь благодаря тому, что дѣлалъ все безъ корыстныхъ цѣлей, занимался науками при лунномъ свѣтѣ и подымался съ постели среди ночи, вмѣсто того, чтобы обождать съ этимъ до утра, какъ это и подобаетъ всякому порядочному христіанину, и что такая неуклонно примѣняемая жизненная программа изъ каждаго глупаго мальчугана способна сдѣлать Франклина. Пора, наконецъ, понять, что выдающіяся эксцентричности въ образѣ жизни могутъ быть симптомами генія, но отнюдь не его созидателями. Я бы хотѣлъ быть отцомъ моихъ родителей и притомъ настолько долго, чтобы сдѣлать эту истину для нихъ совершенно ясной—и чтобы такимъ способомъ убѣдить ихъ предоставить своимъ дѣтямъ проводить время съ большимъ для себя удовольствіемъ, чѣмъ проводилъ его я. Еще будучи ребенкомъ, мнѣ, сыну богатаго отца, приходилось варить мыло, вставать спозаранку, заниматься за завтракомъ геометріей и вообще продѣлывать все то, что дѣлалъ Франклинъ, въ святой надеждѣ, что посредствомъ всего этого и я сдѣлаюсь Франклиномъ. И вотъ что изъ меня теперь вышло?!..

Перев. В. О. Т.

Юдоль плача.

Изъ Г. Гейне.

Уныло въ трубахъ раздаются
Ночного вѣтра завыванья...
На чердакѣ, блѣдны и тощи,
Лежатъ два бѣдныя созданья.

И говоритъ одно: „Рукою
Обвей мнѣ крѣпче, крѣпче шею,
Къ устамъ моимъ прильни устами,
Согрѣй меня, я холодѣю“.

И говоритъ другое: „Если
Любовь въ твоемъ мнѣ свѣтитъ взорѣ,
Я забываю стужу, голодъ
И все свое земное горе“.

Они другъ другу жали руки,
И цѣловались, и рыдали...
Порой смѣялись, пѣсню пѣли,
И вдругъ затихли, замолчали.

. . . .

Явился утромъ полицейскій,
И съ нимъ хирургъ, здоровый малый,—
Для подтвержденья, что на свѣтѣ
Двухъ бѣдняковъ еще не стало.

И объявилъ хирургъ,—что холодъ
Въ соединеньи съ пустотою
Желудка—смерти ихъ считаетъ
Онъ несомнѣнною виною.

— Изъ байки нужны одѣяла,
Прибавилъ онъ.—Зима сурова.
Потомъ сказалъ, что пища также
Сытна должна быть и здорова.

А. Н. Плещеевъ.

Артистъ К. А. Варламовъ.

Двѣ косы.

Я двѣ косы любилъ когда-то.
Одна черна, и тяжела,
И обольстительна была,
Другая гордо въ море шла
Клинкомъ гигантскаго булата...
Мы на косу съ тобой ходили
Глядѣть на солнечный восходъ
И долго въ отмеляхъ бродили...
Ахъ! Сколько видѣли идиллій—
Коса и ясный небосводъ!
Ты помнишь?—съ листиковъ поила
Меня хрустальною росой?..
А—помнишь?—шею мнѣ обвила
Такъ крѣпко-на-крѣпко косой,
Что я краснѣлъ и задыхался,
И какъ ты струсила при томъ,
Какъ нѣжный ротикъ цѣловался
И виновато жегъ огнемъ?..
Мы на пескѣ съ тобой садились,
Я раскрывалъ дорожный зонтъ,
Предъ нами отмели забились,
Катились волны, серебрились,
Курился дымкой горизонтъ...

Надъ нами южнымъ сладострастьемъ
Дышалъ лазурный сводъ небесъ,
И млѣли мы, томимы счастьемъ,
И уносились въ міръ чудесъ!..
Какъ мы тогда счастливы были:
Любилъ тебя, твою косу
И оба нѣжно мы любили
Зеленожелтую косу!..

. . . .

Теперь тяжелою косою
Ты косишь деньги и сердца...
Одинъ любуюсь я косою...
Катятся слезы безъ конца,
Сливаясь въ утренней росою,—
И солнце смотритъ на пѣвца
Съ улыбкой осени косою...

Красный.

Человѣкъ и время.

Одинъ человѣкъ смотрѣлъ на хронометръ и плакалъ.

—Увы! увы!—говорилъ онъ, истекая слезами. Кто измѣритъ быстротечность времени, кто угонится за нимъ?!! Вотъ секунда, я вижу ее, но... шестьдесятъ скачковъ, и она уже на разстояніи минуты... Еще пятьдесятъ девять разъ по шестьдесятъ скач—и она уже часъ... 24 часа—и уже сутки... 7 сутокъ—недѣля... 52 недѣли—годъ... 100 лѣтъ—вѣкъ... Дальше, дальше—и вотъ уже тысячи, милліоны, милліарды лѣтъ отдѣляютъ мою секунду отъ меня!.. О! кто измѣритъ быстротечность времени?!

И, такъ разсуждая, онъ истекъ слезами и канулъ въ вѣчность.

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

Старуха на печкѣ.

Пришла старуха въ избу со двора.
„Ой, холодно! на дворѣ и метель и ку́ра!
Экая сила, что снѣгу навалило!“
Совсѣмъ старуха застыла.

На печку легла, кряхтитъ;
Не согрѣется старуха, и на печкѣ дрожитъ.
„Батюшки мои! заткните окно.
Видишь, какъ дуетъ, и на печкѣ холодно!“

—„То-то, старуха! тебѣ холодно на печи,
Лежишь подъ шубой, да ѣшь колачи“,—
Старикъ говоритъ: „а печь не закута!
Каково же теперь въ обозѣ мужику-то!

Вотъ мы и на печкѣ замерзли съ тобой“...
„Охъ“, говоритъ старуха:„ сударикъ ты мой!
Что мужику въ обозѣ-то дѣется?
—Бѣжитъ, да грѣется“.

М. Стаховичъ.

Унтеръ Пришибеевъ.

— Унтеръ-офицеръ Пришибеевъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что 3-го сего сентября оскорбили словами и дѣйствіемъ урядника Жигина, волостного старшину Аляпова, сотскаго Ефимова, понятыхъ Иванова и Гаврилова и еще шестерыхъ крестьянъ, при чемъ первымъ тремъ было нанесено вами оскорбленіе при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Признаете вы себя виновнымъ?

Пришибеевъ, сморщенный унтеръ съ колючимъ лицомъ, дѣлаетъ руки по швамъ и отвѣчаетъ хриплымъ, придушеннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, точно командуя:

— Ваше высокородіе, господинъ мировой судья! Стало быть, по всѣмъ статьямъ закона выходитъ причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности. Виновенъ не я, а всѣ прочіе. Все это дѣло вышло изъ-за, царствіе ему небесное, мертваго трупа. Иду это я третьяго числа съ женой Анфисой тихо, благородно, смотрю—стоитъ на берегу куча разнаго народа людей. По какому полному праву тутъ народъ собрался?—спрашиваю. Зачѣмъ? Нешто въ законѣ сказано, чтобъ народъ табуномъ ходилъ? Кричу: разойдись! Сталъ расталкивать народъ, чтобъ расходились по домамъ, приказалъ сотскому гнать въ-зашей...

— Позвольте, вы вѣдь не урядникъ, не староста, —развѣ это ваше дѣло народъ разгонять?

— Не его! Не его!—слышатся голоса изъ разныхъ угловъ камеры.—Житья отъ него нѣту, вашескородіе! Пятнадцать лѣтъ отъ него терпимъ! Какъ пришелъ со службы, такъ съ той поры хоть изъ села бѣги. Замучилъ всѣхъ!

— Именно такъ, вашескородіе!—говоритъ свидѣтель староста.—Всѣмъ міромъ жалимся. Жить съ нимъ никакъ невозможно! Съ образами ли ходимъ, свадьба ли, или, положимъ, случай какой, вездѣ онъ кричитъ, шумитъ, все порядки вводитъ. Ребятамъ уши деретъ, за бабами подглядываетъ, чтобъ чего не вышло, словно свекоръ какой... Намеднись по избамъ ходилъ, приказывалъ, чтобъ пѣсней не пѣли и чтобъ огней не жгли. Закона, говоритъ, такого нѣтъ, чтобъ пѣсни пѣть.

— Погодите, вы еще успѣете дать показаніе,— говоритъ мировой:—а теперь пусть Пришибеевъ продолжаетъ. Продолжайте, Пришибеевъ!

— Слушаю-съ!—хрипитъ унтеръ.—Вы, ваше высокородіе, изволите говорить, не мое это дѣло народъ разгонять... Хорошо-съ... А ежели безпорядки? Нешто можно дозволять, чтобы народъ безобразилъ?

Гдѣ это въ законѣ написано, чтобъ народу волю давать? Я не могу дозволять-съ. Ежели я не стану ихъ разгонять, да взыскивать, то кто же станетъ? Никто порядковъ настоящихъ не знаетъ, во всемъ селѣ только я одинъ, можно сказать, ваше высокородіе, знаю, какъ обходиться съ людьми простого званія, и, ваше высокородіе, я могу все понимать. Я не мужикъ, я унтеръ-офицеръ, отставной каптенармусъ, въ Варшавѣ служилъ, въ штабѣ-съ, а послѣ того, изволите знать, какъ въ чистую вышелъ, былъ въ пожарныхъ-съ, а послѣ того по слабости болѣзни ушелъ изъ пожарныхъ, и два года въ мужской классической прогимназіи въ швейцарахъ служилъ... Всѣ порядки знаю-съ. А мужикъ—простой человѣкъ, онъ ничего не понимаетъ, и долженъ меня слушать, потому—для его же пользы. Взять хоть это дѣло къ примѣру... Разгоняю я народъ, а на берегу на песочкѣ утоплый трупъ мертваго человѣка. По какому такому основанію, спрашиваю, онъ тутъ лежитъ? Нешто это порядокъ? Что урядникъ глядитъ? Отчего ты, говорю, урядникъ, начальству знать не даешь? Можетъ, этотъ утоплый покойникъ самъ утопъ, а можетъ, тутъ дѣло Сибирью пахнетъ. Можетъ, тутъ уголовное смертоубійство... А урядникъ Жигинъ никакого вниманія, только папироску куритъ. „Что это, говоритъ, у васъ за указчикъ такой? Откуда, говоритъ, онъ у васъ такой взялся? Нешто мы безъ него, говоритъ, не знаемъ нашего поведенія?“ Стало-быть, говорю, ты не знаешь, дуракъ этакой, коли тутъ стоишь и безъ вниманія. „Я, говоритъ, еще вчера далъ знать становому приставу“. Зачѣмъ же, спрашиваю, становому приставу? По какой статьѣ свода законовъ? Нешто въ такихъ дѣлахъ, когда утопшіе, или удавившіе, и прочее тому подобное,—нешто въ такихъ дѣлахъ становой можетъ? Тутъ, говорю, дѣло уголовное, гражданское... Тутъ, говорю, скорѣй посылать эстафетъ господину слѣдователю и судьямъ-съ. И перво-на перво ты долженъ, говорю, составить актъ и послать господину мировому судьѣ. А онъ. урядникъ, все слушаетъ и смѣется. И мужики тоже. Всѣ смѣя-

лись, ваше высокородіе. Подъ присягой могу показать. И этотъ смѣялся, и вотъ этотъ, и Жигинъ смѣялся. Что, говорю, зубья скалите? А урядникъ и говоритъ: „Мировому, говоритъ, судьѣ такія дѣла неподсудны". Отъ этихъ самыхъ словъ меня даже въ жаръ бросило. Урядникъ, вѣдь ты это сказывалъ?—обращается унтеръ къ уряднику Жигину.

— Сказывалъ.

— Всѣ слыхали, какъ ты это самое при всемъ простомъ народѣ: „Мировому судьѣ такія дѣла неподсудны". Всѣ слыхали, какъ ты это самое... Меня, ваше высокородіе, въ жаръ бросило, я даже сробѣлъ весь. Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказалъ! Онъ опять эти самыя слова... Я къ нему. Какъ же, говорю, ты можешь такъ объяснять про господина мирового судью? Ты, полицейскій урядникъ, да противъ власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господинъ мировой судья, ежели пожелаютъ, могутъ тебя за такія слова въ губернское жандармское управленіе по причинѣ твоего неблагонадежнаго поведенія? Да ты знаешь, говорю, куда за такія политическія слова тебя угнать можетъ господинъ мировой судья? А старшина говоритъ: „Мировой, говоритъ, дальше своихъ предѣловъ ничего обозначить не можетъ. Только малыя дѣла ему подсудны". Такъ и сказалъ, всѣ слышали... Какъ же, говорю, ты смѣешь власть уничижать? Ну, говорю, со мной не шути шутокъ, а то дѣло, братъ, плохо. Бывало, въ Варшавѣ, или когда въ швейцарахъ былъ въ мужской классической прогимназіи, то какъ заслышу какія неподходящія слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма; поди, говорю, сюда, кавалеръ,—и все ему докладываю. А тутъ въ деревнѣ кому скажешь?.. Взяло меня зло. Обидно стало, что нынѣшній народъ забылся въ своеволіи и неповиновеніи, я размахнулся и... конечно, не то чтобы сильно, а такъ, правильно, полегоньку, чтобъ не смѣлъ про ваше высокородіе такія слова говорить... За старшину урядникъ вступился. Я, стало-быть, и урядника... И пошло... Погорячился, ваше высокородіе, ну, да вѣдь безъ того

нельзя, чтобъ не побить. Ежели глупаго человѣка не побьешь, то на твоей же душѣ грѣхъ. Особливо, ежели за дѣло... Ежели безпорядокъ...

— Позвольте! За непорядками есть кому глядѣть. На это есть урядникъ, староста, сотскій...

— Уряднику за всѣмъ не углядѣть, да урядникъ и не понимаетъ того, что я понимаю...

— Но поймите, что это не ваше дѣло!

— Чего-съ? Какъ же это не мое? Чудно-съ... Люди безобразятъ, и не мое дѣло! Что жъ мнѣ хвалить ихъ, что ли? Они вотъ жалятся вамъ, что я пѣсни пѣть запрещаю... Да что хорошаго въ пѣсняхъ-то? Вмѣсто того, чтобъ дѣломъ какимъ заниматься, они пѣсни... А еще тоже моду взяли вечера съ огнемъ сидѣть. Нужно спать ложиться, а у нихъ разговоры да смѣхи. У меня записано-съ!

— Что у васъ записано?

— Кто съ огнемъ сидитъ.

Пришибеевъ вынимаетъ изъ кармана засаленную бумажку, надѣваетъ очки и читаетъ.

— Которые крестьяне сидятъ съ огнемъ: Иванъ Прохоровъ, Савва Микифоровъ, Петръ Петровъ. Солдатка Шустрова, вдова, живетъ въ развратномъ беззаконіи съ Семеномъ Кисловымъ. Игнатъ Сверчокъ занимается волшебствомъ, и жена его Мавра есть вѣдьма, по ночамъ ходитъ доить чужихъ коровъ.

— Довольно!—говоритъ судья и начинаетъ допрашивать свидѣтелей.

Унтеръ Пришибеевъ поднимаетъ очки на лобъ и съ удивленіемъ глядитъ на мирового, который, очевидно, не на его сторонѣ. Его выпученные глаза блестятъ, носъ становится ярко-краснымъ. Глядитъ онъ на мирового, на свидѣтелей и никакъ не можетъ понять, отчего это мировой такъ взволнованъ, и отчего изъ всѣхъ угловъ камеры слышится то ропотъ, то сдержанный смѣхъ. Непонятенъ ему и приговоръ: на мѣсяцъ подъ арестъ!

— За что?—говоритъ онъ, разводя въ недоумѣніи руками.—По какому закону?

И для него ясно, что міръ измѣнился и что жить

на свѣтѣ уже никакъ не возможно. Мрачныя, унылыя мысли овладѣваютъ имъ. Но выйдя изъ камеры и увидѣвъ мужиковъ, которые толпятся и говорятъ о чемъ-то, онъ по привычкѣ, съ которой уже совладать не можетъ, вытягиваетъ руки по швамъ и кричитъ хриплымъ, сердитымъ голосомъ:

— Нарродъ, расходись! Не толпись! По домамъ!

Антонъ Чеховъ.

* * *

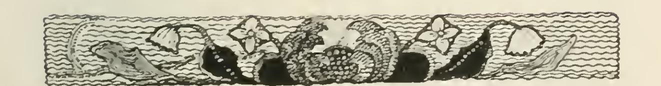
По ночамъ, когда-то, на погостѣ
Изъ могилъ вставали мертвецы,
И тайкомъ къ живымъ ходили въ гости
Сестры, братья, дѣти и отцы.
Мудрено ль?—Тяжка земля сырая,
Душенъ сумракъ сдавленныхъ досокъ,
А вверху смѣется жизнь, играя,
И небесный куполъ такъ высокъ!
Но теперь мертвецъ вставать боится
И гніетъ спокойно въ душной мглѣ,
Оттого, что въ гробѣ слаще спится,
Чѣмъ теперь живется на землѣ.

Альми.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

И

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Алфавитный указатель.

Русскіе авторы.

Иностранные авторы.

Оглавленіе.

ЧАСТЬ I-я.

DEKLAMATORIUM.

ЧАСТЬ II-я.

САТИРА и ЮМОРЪ.

Замѣчанiе. На стр. 505 въ стих. М. Гальперина „Сынъ часовщика“ въ строфѣ первой пропущенъ стихъ: Облегчивъ безмолвья время, (послѣ: Словно стражъ, сѣдое время,—); также въ строфѣ третьей пропущено: Засидѣлся за работой... (послѣ: Повседневной полнъ заботой).